

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

ЧЕРНЫЙ
ЧЕЛОВЕК

1

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

КНИГА ПЕРВАЯ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1996

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВACHEB

ЧЕРНЫЙ
ЧЕЛОВЕК

РОМАН

КНИГА ПЕРВАЯ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

ББК 84.Р7
Г61

Серия
«Классическая библиотека
приключений и научной фантастики»

Художник И.А. Петелина

© В.В. Головачев, 1996

Художественное оформление
© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

ISBN 5-218-00019-1 (Кн. 1)

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

ЧЕРНЫЙ
ЧЕЛОВЕК

РОМАН

Часть первая

СЕРАЯ ДЫРА

Глава 1

Когда Шаламов очнулся от беспамятства и с трудом поднял ставшие чугунными веки, то не сразу понял, что все еще находится в рубке интергалактического спасательного шлюпа «Кентавр» с маской-фильтром на лице. К тому же сбивала с толку невесомость. Все органы чувств вопили что было мочи о том, что он попал если не в мясорубку, то по крайней мере в камнедробилку, в то время как старт должен был быть мягким и не влияющим на самочувствие.

Шаламов попробовал шевельнуться и едва сдержал стон: тело уподобилось студню, в который вонзился миллион игл, осколков стекла и прочих острых предметов.

— Елки-палки! — сказал Шаламов вслух, не узнавая собственного голоса. — На стон это мало похоже. Эй, кто-нибудь, что случилось? Где я?

— Вы на шлюпе курьерской линии СПАС-главный — Орион-6, — прошепелестел в ушах бесплотный голос.

И Шаламов наконец вспомнил, где он находится.

Багровая пелена в глазах медленно растаяла, сквозь мглу проступили очертания рубки.

Поскольку «Кентавр» был спасательным шлюпом класса «универсал-абсолют» и представлял собой по сути единый квазиживой организм, внутри которого, как семечко в яблоке, обитал водитель, называемый по древней традиции пилотом, то рубка шлюпа должна была иметь вид трехметрового кресла-коккона, оборудованного множеством датчиков; датчики подавали информацию напрямую в мозг пилоту и через «дисциплинатор», блок целесмыслового контроля¹, передавали его мысленные команды ис-

¹ Этот блок «отсеивает» неадекватные моменту мысли пилота при управлении, если тот почему-то отвлекается; поэтому пилотами спасательной службы могут работать только люди с четкой дисциплиной мысли.

полнительным механизмам. Теперь уже в передней части кокона напротив Шаламова зияла брешь, образуя своеобразное окно, за которым располагалось странное помещение, напоминавшее пещеру «Пещера», заросшая гребнеобразными перепонками, имела, однако, явные признаки технологической обработки. Ее торец представлял собой черный гладкий экран, по которому плыли светящиеся линии, искаженные геометрические фигуры, замысловатые символы и знаки, а напротив в кресле, напоминающем журавлиное гнездо, сплетенное из толстых металлических прутьев, восседала завораживающая взор фигура: трехгорбая глыба в пластинчатых доспехах из полированного желтого металла. Глыба казалась живой и неживой одновременно и вызывала в памяти ассоциации — окаменевшего бегемота или, наоборот, ожившую скульптуру модернистов. Но хотя Шаламов и соображал пока туго, он сразу узнал маатанина.

Цивилизация маатан была открыта около десяти лет назад, причем курьезным образом, не с помощью звездных экспедиций. По земле вдруг прокатилась волна жалоб операторов и владельцев компьютерных баз: информация, запасенная компьютерами, начала вдруг исчезать, теряться, будто ее кто-то нарочно стирал. Специалисты сначала грешили на компьютерный вирус, запущенный в общую сеть неким злодеем-любителем, но подключенная к расследованию служба безопасности вышла совершенно неожиданно на странных существ, беззастенчиво грабивших память компьютеров. Последовавший вслед за этим открытием контакт привел если не к войне, то к полному отказу маатан объяснить свои действия и сотрудничать с землянами.

Десять лет люди пытались узнать причину такого отношения к себе со стороны негуманоидного разума, и все десять лет маатане упорно продолжали не замечать усилий землян, отвечая молчанием на все вопросы и предложения, демонстративно не замечая братьев по разуму. За свой необычный облик, подчеркнутое нежелание вести диалог и явное пренебрежение к деятельности людей маатан прозвали «черными людьми». Разведчики, спасатели и археонавты не раз встречали в космосе их корабли, игнорирующие любые знаки, будь то запрет посадки, предупреждение об опасности; и еще не было случая, чтобы «черные люди» ответили на чьи-либо сигналы.

Джо, позвал мысленно Шаламов, обрадовавшись тому, что пси-связь с координатором не пострадала. Жив, ста-

CP

рина? Что случилось? Почему я в маске? Высвети эк-спресс-информацию.

— Маска надета аварийно, — сухо ответил координатор, — потому что в рубку проник инертный газ. Но я вам не Джо, а функциональный киб-интеллект типа «проводник» класса «инк-пять»¹, и прошу обращаться в соответствии с инструкцией.

— Слушаюсь, проводник! — пробормотал изумленный Шаламов.

Искусственные интеллекты устанавливались, а вернее, выращивались на каждом базовом спасательном шлюпе и даже на модулях аварийно-спасательной службы и обычно откликались на то имя, которое отражало название шлюпа или было вложено в них при рождении. Шаламов еще с первого рейса назвал координатора своего шлюпа Джорджем, по имени героя старинного романа Апдайка «Кентавр», и тот принял имя как должное. И если уж он вдруг «обиделся», значит, шлюп был поврежден серьезно, вплоть до нарушения работы главного компьютера.

— Экспресс-информацию выдать не могу, — продолжал пси-доклад координатор. — Почти все рецепторы и нейронные узлы парализованы, датчики пространства разрушены. Через пять-шесть минут смогу восстановить визуальный обзор, но мешает присутствие чужих логических цепей, сбивающих оптимальное функционирование систем.

— А нормальную гравитацию сделать можешь? Я не люблю работать в невесомости.

— Только после восстановления ремонтного узла, через час, да и то с вероятностью ноль шесть.

— Как мы оказались в одном месте? — Шаламов снова посмотрел на сверкающую металлическими зеркалами доспехов неподвижную фигуру «черного человека».

— Информации нет.

— Тогда включи меня в свой главный нервный контур напрямую и дай память от момента старта.

— Опасно, контур блокирован хаотическим поступлением чужих сигналов и «белого шума». Источник сигналов находится внутри моего информполя, вероятно, внедрен в меня ударно, однако мне неподконтролен.

— Позволю напомнить пункт инструкции: «В нештатной ситуации водитель имеет право...»

¹ И н к — интеллектуальный компьютер.

— Подчиняюсь.

И в мозг Шаламова хлынули лавины сигналов, донесений датчиков, обрывков команд, мыслей и чувств координатора, бессмысленное бормотание поврежденных аппаратов, шепоты аварийных систем, «пучки» импульсов и глухой угрожающий шум...

Повторно очнулся пилот спустя час, хотя и не помнил этого — координатор сам равнодушно сообщил ему о времени и причинах беспомыслия.

Невесомости уже не было, сила тяжести равнялась примерно трем четвертям земной, координатор сдержал слово и починил генератор тяготения.

— Ввел максимальную аптечку, — добавил он, — вы были на грани коллапса.

— Спасибо, — пробормотал Шаламов, наслаждаясь почти нормальной силой тяжести и разливающимся по телу теплом: стимуляторы аптечки сработали и вытеснили из головы расплавленный свинец боли. Теперь он кое-что знал, по сути главное.

Давно известна формула: проблема межзвездных путешествий — проблема побуждений, движущих разумом, а вовсе не физическая проблема; если межзвездные путешествия нужны — разум ее решает. Как, например, это сделал человек. Но, кроме человека, в космосе обитают и другие разумные существа, решившие ту же задачу сходным путем, и в один прекрасный день (вечер, утро) два межзвездных корабля, подобных в движении лучу света, точнее — потоку информации, а еще точнее — растянутым от точки старта до точки финиша «суперструнам информации», вдруг оказываются в одной и той же точке пространства в один и то же момент. Именно этот редчайший случай и выпал на долю Шаламова.

Осознав свое «счастье», пилот понял, насколько ему повезло: шлюп, вонзившись в чужой космолет, не взорвался! Столкновение напоминало скорее процесс взаимопроникновения двух пересекшихся струй пыли или пара, и в настоящий момент «Кентавр» и маатанский корабль действительно напоминали мифического тезку земного шлюпа: сам он стал «головой и торсом», а «туловищем» был корпус чужого корабля.

— Включаю обзор, — предупредил координатор.

Экранов визуального обзора шлюп не имел, вместо этого сигналы видеокамер выдавались непосредственно в мозг пилоту, прямо к синапсам, минуя глаза, но суть видеосистемы от этого не изменилась.

Первым ощущением Шаламова было впечатление глубины: казалось, он заглянул в гигантский, непостижимо глубокий колодец, причем колодец, вывернутый наизнанку, — со светлыми стенками, — потом упал в него и стал погружаться, глубже и глубже...

Вторым было впечатление гармонии света: мерцание таинственного «колодца» завораживало взор, как танцующее пламя костра...

— С ума сойти! — сказал Шаламов, очнувшись.

— Не понял, — откликнулся координатор, — повторите.

— Что это?

— Для правильной оценки мало достоверной информации.

— Оцени с любой вероятностью, я и так понял, что это не Орион-6, не далекая галактика и не диффузная туманность.

— С вероятностью ноль семьдесят семь мы приближаемся к «серой дыре». Термин знаком?

— Знаком, — буркнул Шаламов, вспоминая все, что знал о «серых дырах».

Эти загадочные объекты были предсказаны учеными-космологами еще два века назад и по теории представляли собой входы в свернутые «струны», скомпактифицированные, то есть схлопнувшиеся «лишние измерения» (известно, что наша Вселенная рождалась двенадцати-мерной, но в процессе эволюции девять из двенадцати измерений сжались в «струны», скомпактифицировались). Косморазведчики и пограничники уже встречали рассеянные по Галактике «серые дыры», но «заросшие», покрывшиеся, как вода льдом в проруби, слоем преобразованного пространства, сквозь который могли просочиться разве что отдельные атомы; этот слой называли еще «мембраной закона компактификации». Но еще никто никогда не встречал «не заросших» «серых дыр», Шаламов, видимо, был первым «счастливчиком» из землян.

— М-да, повезло... Из «струны» нас выбросило явно не по вектору Ориона. Как далеки мы от «серой дыры»?

— Мы уже в ее горловине, иначе не видели бы «колодца». «Серую дыру» можно увидеть, только попав за ее «горизонт». Кстати, если не принять мер, нас затянет за «критический горизонт», и выбраться назад мы уже не сможем.

— Сколько времени в нашем распоряжении?

— Не знаю.

— Тогда к чему эти советы? Затянет, так затянет, мы и так не можем выбраться отсюда, вломившись в маатанина. Я хочу посмотреть на себя со стороны, дай внешний обзор.

Координатор выстрелил одним из уцелевших зондов, его камеры передали изображение Шаламову, и тот присвистнул от удивления, хотя уже знал, что шлюп и маатанский корабль проникли друг в друга и «срослись». Но теперь их вид стал доступен прямому визуальному наблюдению.

Чужак был огромен, раз в сто двадцать больше двадцатиметрового «Кентавра», и на два порядка сложнее. Больше всего он напоминал раздавленный панцирь черепахи, сложенный из выпуклых «костяных» пластин размером с зимний стадион. Весь панцирь был усеян тускло светящимися рубиновыми линзами, словно десятками паучьих глаз, и множеством других деталей разной формы и размеров.

«Кентавр» мог трансформировать свое тело в широком диапазоне форм — в зависимости от решаемых им задач, но, «оборвав струну движения» нештатно, не успев оптимизировать форму соответственно новым условиям, он представлял сейчас деформированную «ракетку для настольного тенниса», и «лопастью ракетки» проткнул «панцирь черепахи» там, где должна была находиться ее голова.

— Весело!.. — пробормотал Шаламов. Сказать больше ему было нечего. Он еще раз более внимательно оглядел район дрейфа сцепившихся кораблей, осторожно подключая к сознанию выводы немногих исправных датчиков пространства, но определить свои координаты не смог: звезд сквозь мерцание горловины «серой дыры» не было видно. Пространство внутри горловины в пределах прямого визуального наблюдения было стерильно чистым и пустым, если не считать радиационного фона, обнаруженного датчиками.

Странно, звезд близко нет, а «дыра» светится, подумал Шаламов. Эффект, которого я не знаю? Или «серые дыры» накачены энергией изначально?

— Логично, — отозвался координатор.

— Да, но тогда возникает вопрос: какого черта нас занесло именно сюда, в горловину? Может быть, маатанский транспортник направлялся в «серую дыру», зная дорогу, а нас вывернуло по вектору его «струны»?

— Логично, — повторил координатор.

— Я и сам знаю, что логично, — разозлился Шаламов, морщась от приступа головной боли. — Сам-то можешь что-нибудь предложить?

— Нет, — холодно отрезал Джордж.

— Тогда пиши завещание. Сам говорил: затынет за горизонт — не вылезем... или вылезем в другой вселенной. Подходит перспектива? Ищи ориентиры, какие-нибудь объекты, тела, может, мы не одни здесь болтаемся, не зря же маатанин шел сюда на всех парах. Чини шлюп, в общем, делай что-нибудь. Впрочем... — Шаламов внезапно pokrылся потом от приступа слабости, — сначала займись мной. Дай укол гиперальгина и через час рольфанг-массаж... если не разучился его делать.

Координатор промолчал.

Глава 2

Выдержав рольфанг — серию глубоких и болезненных массажей всех основных групп мышц — и приняв душ, Шаламов впервые после аварии почувствовал себя человеком.

За то время, что он отдыхал и лечился, координатор неожиданно обнаружил концентрацию массы примерно по вектору дрейфа кораблей, и Шаламов присвистнул от удивления, когда узнал, что это за концентрация массы: по всем признакам это была планета! Как она оказалась в горловине «серой дыры», приходилось только гадать. Приказав Джорджу поточнее направить к ней вросший в гиганта-чужака «Кентавр» — кормовой двигатель, к счастью, не пострадал, — Шаламов принялся исследовать маатанский корабль. В его распоряжении было достаточно времени до встречи с планетой, скорость «упряжки» космолетов по космическим меркам была невелика.

Девяносто процентов имеющейся на борту шлюпа аппаратуры не работало, но и оставшихся датчиков хватило пилоту на определение основных параметров маатанского транспортника: массы, размеров, энергозаряда, гравидинамики систем. Было интересно разбираться в конструкции чужого корабля, созданного негуманоидами, но полностью понять принципы его компоновки и функциональные особенности Шаламов не смог даже с помощью Джорджа. Один из маатан, сидевший (или стоявший — поди разберись) в «гнезде» прямо перед рубкой-креслом пилота, был, очевидно, еще жив. Но если бы у пилота

спросили, почему он так решил, он мог бы ответить только одним словом: интуиция.

Пока он приводил в порядок рубку, искал способы устранения неисправностей, лечился сам, блистающий металлом «черный человек» ни разу не пошевелился и обстановка в зале управления не изменилась, если не считать того, что экран перестал работать, извергать потоки светящихся кривых и лишь изредка на нем вспыхивали неяркие блуждающие звезды.

Наконец Шаламов проанализировал свое положение достаточно трезво и сделал неутешительный вывод: ремонт своими силами невозможен. Оживить компакт-генераторы, то есть генераторы свертки пространства в «струну», как называли их инженеры, или — по терминологии пилотов спасательных шлюпов — дырбой, без спецверфи нечего было и думать. К тому же растащить корабли, проникшие друг в друга до накладки кристаллических решеток материальных структур, было бы не под силу и специалистам на Земле. Поразмыслив о коварстве случая, Шаламов приказал себе не паниковать и решил, пока связка «хлама» будет ползти к обнаруженной планете, обследовать чужой корабль.

Для начала он осмотрел маатанина в «гнезде», используя переносной диагностер из походной аптечки, но микрокомпьютер прибора лишь отметил пульсацию целого набора биополей и не смог прямо ответить на вопрос, жив ли «черный человек». Не помог и Джордж, обладавший о маатанах лишь сведениями общего характера.

Шаламов и не ожидал позитивного результата от своих полудилетантских изысканий, имея кое-какие познания и навыки лечения нормальных людей, а не «черных негуманоидов». Облачившись в гибкий и легкий гермокостюм для короткого выхода в космос — во избежание неприятных сюрпризов, — пилот вошел в «пещеру» центра управления чужого корабля, внимательно осмотрел изломанные волей разработчиков стены «пещеры», поросшие гребенчатыми перепонками, и понял, что выхода из центра самостоятельно не найдет. Однако автоматика этого странного зала все еще работала и сама предложила гостю свои услуги.

В самом темном углу помещения, как раз напротив черного экрана, пилот обнаружил нечто напоминавшее прозрачный мыльный пузырь в два человеческих роста. Стена за пузырем была вогнута, сходясь кольцами в коническую воронку, вершина которой «дышала» — то прова-

ливалась в стену, то надвигалась на наблюдателя. Все это сооружение находилось под напряжением. Заинтригованный Шаламов подошел ближе, наклонился к прозрачной поверхности пузыря, и в тот же миг внутри вспыхнула фиолетовая звезда, пузырь бесшумно лопнул и облепил человека тугим коконом, так что он не мог пошевелиться. Мышцы неприятно свело от электрического удара, несмотря на защиту гермокостюма. В следующее мгновение все вокруг пришло в движение: воронка в стене надвинулась вплотную, провалилась наружу и превратилась в длинный прозрачно-светящийся туннель, стены которого побежали мимо с нарастающей скоростью.

Если это катапульта для выхода в космос — мне здорово не повезло, отрешенно подумал Шаламов. Выбросит в пространство — поди догони своего «коня», впряженного в чужую колымагу... И вдруг он понял, что его беспечность и заторможенность могут стоить ему жизни. Страх парализующей струей газа ударил в голову, перехватил дыхание: все-таки пилот еще не выздоровел полностью и не был готов к подобной ситуации. Он рванулся изо всех сил назад, стараясь высвободиться от сдавливающих тело пут. Тотчас же туннель изогнулся как живой и выбросил его в тупик, слабо освещенный бледно-голубыми прожилками в плите потолка.

— Спасибо! — с чувством поблагодарил Шаламов вслух неизвестно кого, облизывая пересохшие губы и успокаивая сердце. Потребовалось целых пять минут на то, чтобы сообразить: тревоги напрасны, включившийся механизм вовсе не катапульта, а своеобразный внутрикорабельный транспорт.

— Но все-таки сначала надо было спросить — хочу ли я прокатиться. — Шаламов укоризненно покачал головой: самобичевание было не в его характере, а чувство юмора не раз помогало справляться с растерянностью и быстро обретать форму. — Набрасываешься как дикий зверь... мустанг необъезженный! Как я теперь вернусь обратно?

«Мустанг» не ответил, мигая фиолетовым глазом готовности к новому старту.

Пилот ошупал сухие теплые стены тупика и выглянул из ниши. И увидел короткий, но широкий коридор с плохо обработанными на первый взгляд бугристыми стенами, освещенный ручьем жидкого с виду голубого пламени, который, вопреки здравому смыслу, струился по потолку. Ближайший торец коридора был черным и дымился, впечатление было такое, будто в нем догорает костер. Даль-

ний конец коридора зарос шипастым «кустарником» без листьев, а на концах каждого шипа светилась багровая капелька. Даже отсюда ощущалось, что «кустарник» заряжен электричеством.

Непроизвольно задерживая дыхание при каждом шаге, спасатель обошел коридор, внутри которого царил примерно земная гравитация, издали с опаской осмотрел «заросли крыжовника» и подумал, что техника маатан ни в коем случае не должна причинять вреда как хозяевам, так и гостям. Но, с другой стороны, что безвредно хозяину-негуманоиду, вполне может нанести вред гостю-человеку. Усмехнувшись своему внутреннему призыву к осторожности, Шаламов медленно приблизился к «дымящейся» стене коридора и стал свидетелем включения маатанской автоматики.

Как только он приблизился к «струйкам дыма» на расстоянии метра, облачко дыма застыло, покрылось морозным узором, словно «дым» закристаллизовался от холода, и на его месте протаял глубокий колодец с черными стенками и светлым дном, похожим на блюдо со светящейся икрой. Шаламов не сразу сообразил, что видит торец «серой дыры», открытый в сторону какого-то далекого звездного скопления. Сработавший автомат включил не то телескоп, не то экран видеосистемы. Понаблюдав за мерцанием «искринок», каждая из которых на деле представляла собой звезду, пилот поймал себя на мысли, что не знает, как добираться до своего «Кентавра», изуродованного, с травмированным координатором, но простого и надежного, готового защитить своего хозяина от любой предвиденной создателями опасности. Тогда Шаламов заставил себя с большей тщательностью проанализировать имевшуюся информацию о маатанском корабле и пришел к выводу, что «мустанг» ему не страшен: в конце концов это всего-навсего лифт с плавающими координатами выхода и должен когда-нибудь вынести его в рубку с не пришедшим в себя водителем.

Так и случилось.

Не обращая внимания на приступы слабости и головной боли, а также на электрические уколы, сопровождавшие посадку на «мустанга», Шаламов принялся его объезжать. Сначала «мустанг» выбросил его на узкий балкон, нависающий над провалом неизвестных размеров. Пространство под балконом было заполнено текучим багрово-фиолетовым полумраком, в котором плыли дымы, шлейфы искр, что-то урчало, хрустело, чавкало, вспыхивало,

странные тени двигались в дыму, корчились и шипели. Шаламов нагнулся к перилам балкона, и дремавшая доселе техника этого места снова отреагировала на его движение: из провала с низким гулом выплыл «мыльный пузырь», подплыл к балкону, зажигая внутри своей прозрачной оболочки знакомую фиолетовую звезду.

Пилот отступил, усмехнувшись собственной готовности попробовать действие и этого «зверя» — скорее всего разновидности лифта или защитной кабины. В последний момент, когда он сел на «мустанга», ему показалось, что провал за балконом на самом деле вовсе не провал, а зрачок какого-то исполинского живого существа, смотревшего на него пристально и тяжело.

Вторая попытка привела его на стык трех коридоров: один из них был круглым и освещался ослепительным желтым светом, казалось, он заполнен расплавленным стеклом; второй, наоборот, давился темнотой, живой и текучей, как речная вода; третий был вполне земным, квадратным в сечении, с черным потолком, по которому мчались стремительные ручьи голубого света. Заходить в него Шаламов не стал.

В третий раз он вышел в мрачный склеп с едва светящимся низким потолком и черными, с багровыми прожилками стенами. Склеп был заполнен рядами неподвижных металлических глыб, восседавших на «гнездах аиста» собратьев маатанина в рубке. Возле каждого располагался плоский экран и пучок членистых антенн, похожих на удочки, но ни одна из фигур не казалась живой, экраны были черны, и веяло от них пронзительным холодом космического пространства.

Шаламов со смешанным чувством жалости и отвращения рассматривал застывшие глыбы, понимая, что эти странные существа, то ли пассажиры, то ли члены экипажа, мертвы или на полпути к водам Стикса. Он не знал, что послужило тому причиной, может быть, резкое изменение условий в пассажирском салоне, может, отсечка энергии или подачи воздуха, но гибель «черных людей» не могла оставить его равнодушным.

Устав от стремительных рывков «мустанга» и борьбы с собой, Шаламов обреченно шагнул в его объятия и наконец вышел в знакомом треугольном зале с единственным его обитателем. Вздохнул с облегчением. И еще не отдышавшись как следует, понял: здесь что-то изменилось.

На первый взгляд все было как и прежде: мерцающий экран, мертвая неподвижность всех предметов, тишина, —

и все же пилоту показалось, что он не один в зале. Впрочем, он и был не один, вторым был «черный человек» Глаз, подобных человеческим, у горбатившейся глыбы пилот не заметил, и тем не менее маатанин смотрел на него так же пристально и тяжело, как жуткий монстр в провале.

— Привет, — сказал пилот первое, что пришло в голову, интуитивно ощущая давление чужого взгляда в пси-диапазоне. — Я думал, ты уже не очнешься, дружище.

В голове вспыхнула связь пылающих знаков, быстро и плавно меняющих до тех пор очертания, пока не превратилась в неграмотно построенную фразу (это была именно картинка, видение, а не «мысленный шепот», как при обычном пси-обмене воспринимаемый человеком как шепот звуковой): «Вода... жидкие гуманоид... хомо Земле да... дело что хомо на борт проникател...»

Шаламов еще не собрался с мыслями, что ответить маатанину на заданный вопрос, как фраза превратилась в пляшущие языки пламени, из которых вылепилось новое предложение: «Мы информации... причина поломка проникател... неопытност водителей Земле хомо... смысл понятное да... нет...»

— Еще бы! — сказал Шаламов, ошалевший от столь бесцеремонного обвинения и от того, что «черный человек» знает земной язык; по всей видимости, маатане давно изучили язык и пси-спектр мыслеобщения людей, хотя и никогда не общались с ними в открытую. — Но у меня прямо противоположная информация: еще десять лет назад мы сообщили вам граничные параметры наших космических маш... э-э... проникателей. Ваша раса использовала другие частоты свертки пространства в «струны», и «столкнуться» двум нашим проникателям было невозможно. Мы не меняли частот «струн», изменили вы, не известив нас, из-за чего, собственно, и произошел этот прискорбный случай, так что извини, друг, я не виноват. Но давай все же начнем с другого конца: найдем более мирный способ контакта и попробуем выжить в этих условиях. К сожалению, мой... м-м... проникатель потерял связь, в том числе и дальнюю. А твой?

Маатанин вдруг изменил позу, причем выглядел этот процесс настолько необычно, что Шаламов застыл, изумленный, он еще не видел, как передвигаются «черные люди»: тело маатанина буквально встопорщилось мелкими кристалликами, словно человеческая кожа пупырышками от холода, превратилось в сросток кристаллов

разной величины, и каждый кристалл ожил, трансформируясь из одной формы в другую; вероятно, эти движения были аналогичны вспуханию и сокращению мускулов под кожей человека при ходьбе, только «мускулы» маатанина были твердыми, кристаллоподобными. Он превратился в металлическую глыбу, чем-то напоминающую вырубленную из грубого камня скульптуру человека с горбом-головой.

В мозгу Шаламова высветились слова:

— Про анализ полученные сведения хомо да. Ориентации нет функционира... нет информации положение проникател два... кто район галактика мы... нет...

— Этого и я не знаю. Наши проникатели пересеклись «на струне» и выпали в евклидовом пространстве, причем не просто в пространстве, а внутри горловины «серой дыры». Термин знаком?

— Термин знакомство да... нормальное проникател у цел...

— К сожалению, нас потихоньку затягивает в глубь «дыры», придется садиться на поверхность планеты, которую я обнаружил, хотя и не понял, откуда она взялась.

— Загде... нет да. Так... зачто... нет... зачем... вопрос.

— Вы хотите провалиться в «дыру»?

— Да так есто... необходимое... утверждение.

— Благодарю покорно! Тогда мне с вами не по пути. Если за время полета к планете никто не откликнется, я буду садиться.

Огненные ленты перестали трепетать в голове Шаламова, маатанин «замолчал». Шаламов выжидательно смотрел на него, чувствуя, что блокада собственной воли начинает сдавать, тошнота подкатывает к горлу, и темнота небытия накрывает его душной и болезненной волной. К тому же то и дело руки и ноги начинали казаться манипуляторами или гибкими рукавами-шлангами — давал о себе знать синдром механошока после прокачки через мозг памяти компьютера.

Ощущение взгляда со стороны внезапно исчезло, будто выключили пси-излучатель. Металлическая гора «черного человека» — маатанин потерял сознание. Впрочем, Шаламов и сам был на грани срыва, езда на «мустанге» отняла у него немало сил и здоровья. Пробормотав извинение, Шаламов доплелся до рваной дыры в гондоле своего шлюпа, свалился в кресло и поплыл в забытие, не чувствуя, как корабль начал осторожно лечить, массажировать, кормить и поить своего господина.

Глава 3

«Кентавр» с прицепом маатанского корабля достиг обнаруженной планеты спустя трое суток.

Человек очень быстро привык преодолевать колоссальные межзвездные расстояния, которые свет преодолевает сотни, тысячи и даже миллионы лет, и как-то упустил из виду, что, случись авария или какое-то происшествие, обрекавшее его на вечное блуждание между звезд, без своих совершенных машин для преодоления пространства он становится абсолютно беспомощным. И хотя подобные происшествия происходили редко, каждый из попавших в беду разрабатывал философию одиночества, потрясенный открывшейся перспективой. Шаламов тоже был в шоке, хотя закаленный характер и не позволял ему поддаваться панике.

За время полета к планете он дважды пытался завязать беседу с маатанином, который то и дело проваливался в «коматозное состояние», но помощи так и не попросил, а на предложения пилота отвечал равнодушным: «Хомо гуманоидо жидкие Землие да нет», — что в устах «черного человека» соответствовало, наверное, старой поговорке, перелицованной на новый лад: «гуманоид негуманоиду не товарищ».

С помощью диагностера и Джорджа Шаламов, как мог, обследовал «черного нигилиста» и пришел к выводу, что жить тому осталось немного: запасы энергии у маатанина почему-то истощались гораздо быстрее, чем его снабжала собственная система жизнеобеспечения. Впечатление было такое, будто энергия от питателей утекает в какую-то «черную дыру» внутри маатанина, и в то же время приборы вопреки смыслу фиксировали в теле «черного человека» громадные запасы энергии. Почему он не мог ими воспользоваться, оставалось непонятным.

Надо было что-то делать, но пилот не знал — что. «Черный человек» был прав: земная медицина не могла ему помочь, не имея сведений и знаний о метаболизме негуманоида, параметрах обмена и жизненных циклах.

Шаламов еще раз попытался обследовать чужой корабль в надежде найти живого и здорового члена экипажа и снова потерпел неудачу. От электрических разрядов «мустанга» он защитился, надев пленочный скафандр, но обследовать за несколько часов гигантский проникатель-космолет, не зная принципов смены координат выхода лифта, было невозможно. «Мустанг» выбрасывал его то под купол ба-

шенки, торчащей на воротнике «панциря черепахи», то в глубокие колодцы, то в широкие гроты с мерцающими сводами, заполненными таинственными движущимися или неподвижными предметами, однако живых маатан, равно как и мертвых, в этих помещениях не оказалось.

В башенке, стены которой были оптически прозрачными, Шаламов задержался, с невольным благоговением любуясь сиянием Горловины, как он стал называть вход в «серую дыру». Подумал: поверит ли кто-нибудь его рассказу? Ведь чтобы оценить своеобразие «серой дыры», ее надо увидеть. И все же он попробует рассказать... если вернется. Обязан вернуться! Спасатель всегда должен возвращаться, иначе какой он тогда спасатель.

Шаламов прищурился, вглядываясь в лучистое мерцание воронки «серой дыры», сходящейся в точку на пределе видимости. Куда же ты ведешь, самая древняя из «струн»? В какие измерения, в какие пространства? Осью какого мира ты служишь? И почему ты «не заросла», как другие «серые дыры»? Может быть, не только я один «провалился» в Горловину? Ведь оказалась же здесь каким-то чудом целая планета! Улыбнись, Фортуна, помоги встретить своих и пусть даже не своих, но хотя бы друзей-гуманойдов...

Вернувшись на корабль, Шаламов попытался помочь Джорджу с ремонтом станции связи, но координатор, сам травмированный при аварии, не принял его предложения и опять обиделся, перестав разговаривать. В это время «Кентавр» догнал тело, которое Джордж принимал за планету, и ошеломленный Шаламов наконец разглядел, что это было на самом деле.

Перед ним висел, медленно вращаясь, слабо освещенный сиянием Горловины колоссальный куб размером с небольшую планету типа Марса! Как и нормальная планета, он имел сфероидальную атмосферу, над которой возвышались лишь «горные пики» углов куба, и моря, занимавшие большую часть каждой грани. В центре каждого моря располагались архипелаги больших и малых островов, а материков Шаламов не заметил вовсе, если не считать «материками» ребра планеты-куба, играющие здесь роль горных хребтов. На базе своих знаний и логических умозаключений Шаламов мог смело назвать это тело искусственным объектом, но что-то останавливало его сделать окончательный вывод, какие-то неясные предчувствия да еще соседство «черного человека», который признался, что цель его полета — именно «серая дыра». Не их

ли тогда это сторожевой пост у входа в Горловину? Правда, не видно развитой инфраструктуры, которая непременно должна иметь место, будь планета заселена расой конструкторов куба, и обширной сети искусственных спутников и станций, формирующих архитектуру околопланетного пространства. По всем признакам планета обитаема, хотя, по данным экспресс-анализа, имеет кислородную атмосферу.

К такому же мнению склонялся и Джордж, несмотря на открытие им на островах каких-то почерневших развалин. Шаламов тем не менее обрадовался, углядев шанс встретить обитателей развалин и попросить у них помощи. Не привыкший сокрушаться о несбывшихся надеждах, он ввел себе стимулятор, подключил через Джорджа мозг к искалеченной системе датчиков, исполнительных машин и контуров защиты «дисциплинатора», принявшись сажать на одну из граней куба почти неуправляемую связку шлюпа с маатанским кораблем.

Когда все закончилось, Шаламов с неожиданным чувством вспомнил о «черном человеке», потрогал свои соленые губы, не то от крови, не то от пота, подумал: губы, кажется, всмятку, и потерял сознание.

Пришел в себя через пять часов, так велики были потери сил и «засорение» мозга информационными шлаками — сигналами регистраторов, радаров, исполнительных вычислителей траектории, отработчиков команд, — чем обычно оперировал только инк. В голове шумело, перед глазами все плыло и качалось, руки не слушались, но пилоту удалось перекинуться парой слов с координатором, после чего, успокоенный, он снова впал в беспамятство, проспал еще около семи часов, не чувствуя, как медицинский комплекс, отвечающий за здоровье хозяина, пытался лечить его, поить и кормить, подавая питающие, укрепляющие и стимулирующие препараты прямо в кровь.

Проснулся почти свежим, бодрым, отдохнувшим и первым делом проверил состояние маатанина: «черный человек» был жив, судя по медленной пульсации электрических и пси-полей в его теле, однако на пси-контакт не шел.

Шаламов определил положение «Кентавра» и остался доволен своим мастерством: грохнулись они точно по расчету — «черепаша» чужого корабля послужила посадочной «подушкой», а шлюп сыграл роль наездника. Теперь предстояло заняться внешним осмотром и попытаться найти аборигенов, способных хоть как-то помочь в беде. Пилот

еще раз проверил данные экспресс-анализа и с неохотой констатировал, что придется-таки одевать если не скафандр, то во всяком случае маску-фильтр: воздух планеты-куба, несмотря на присутствие кислорода и азота, имел иной изотопный состав, дышать им было нельзя.

Экипировавшись для пробной вылазки, Шаламов заблокировал люк и с трудом, сдерживая проклятия от ломоты в суставах, вылез на смотровой балкон в корме «Кентавра».

Сначала его оглушила, сбив дыхание, странная смесь сладковатых и кисло-острых запахов: кипрей, клевер, полынь, аммиак, окись азота и озон; маска-фильтр пропускала практически все безвредные газовые смеси, задерживая только ядовитые, опасные для здоровья и совсем незнакомые. Потом показалось, что он оглох: тишина стояла, как в вакууме — таково было первое впечатление.

Обычного для дневной поры на любой «нормальной» планете солнца в небе не оказалось, но света хватало: казалось, он льется отовсюду, не отбрасывая теней, окрашивая небо в нежно-розовый, с перламутровыми переливами, цвет. Левая часть небосклона скрывалась за грядой высоких, кипенно-белых, с яркими рубиновыми прожилками облаков.

Холмистая равнина простиралась вперед и до самого горизонта, справа, переходила в каменистое плато, заканчиваясь группой невысоких желтых скал; а слева, совсем недалеко от упавших космолетов, начинались необычно черные, словно недавно выжженные огнем развалины большого города, состоящего, насколько хватал глаз, из одних толстых, пересекающихся под разными углами стен. Ни одной крыши Шаламов не заметил, как, впрочем, и других деталей, соответствующих понятию архитектуры городской застройки: стены, стены, стены до горизонта, черные наверху и светлеющие до пепельного оттенка к основанию.

— М-да, — промычал Шаламов, переживая острый приступ желания проснуться. — Не хватало мне стать причиной какого-нибудь межпланетного конфликта...

Он вернулся в кольцевой коридор и сформировал смотровой балкон с противоположной стороны.

«Черепаша» маатанского корабля пропахала при посадке широкую и глубокую борозду в почве планеты, и над этой серо-зеленой бороздой вспыхивали снопы долго не гаснувших искр, которые Шаламов принял поначалу за бабочек или мелких светящихся птиц.

Интересно, подумал пилот, если причина пожара в городе не мое приземление - а это видно, слава Богу, невооруженным глазом мы до города не доползли, — то когда и по какой причине он сгорел?

С высоты в триста с лишним метров было видно, что воды моря, окружающие остров со всех сторон, похожи по цвету на расплавленный янтарь или мед. И нигде ничего — ни на глади моря, ни в воздухе, небо пустынно и чисто Тишина..

Что ж, пока не на что жаловаться, если следовать принципу оптимизма. При столкновении «Кентавр» не взорвался — первая удача. Не попадись в Горловине планета-куб, его могло затянуть в «серую дыру» — удача номер два. Промახни Шаламов мимо острова — утонул бы в море-океане, попробуй потом вылезти оттуда! Осталось разобраться с аборигенами: раз есть город, значит, должны быть и его хозяева. А коли так, то появляется шанс выбраться отсюда и помочь маатанину. В таком случае нарекаем планету, этот шедевр кубизма, именем Шанс, и да поможет нам Фортуна! Аминь!

Разложив таким образом «по полочкам» имевшуюся информацию, Шаламов мог теперь как следует рассмотреть маатанский корабль-проникатель при почти дневном освещении и еще раз убедиться в том, что технические сооружения негуманоидного разума, переживающего технологическую стадию эволюции, необычны, удивительны и кажутся далекими от совершенства, хотя на самом деле просто функционально приспособлены решать задачи своих повелителей, смысл и цели которых зачастую так и остаются непонятными людям.

Корабль маатан только издали напоминал черепаху, а с расстояния в пятнадцать метров он походил на обросшего полипами, ракушками, водорослями и прочей светящейся и мигающей живностью исполинского кита. Непривычного человека это зрелище привело бы в содрогание, но Шаламов в бытность свою разведчиком-первопроходцем повидал немало на своем веку, в том числе поистине жуткого и чудовищного, поэтому он только отметил знакомые геометрические формы и мимолетно подумал, что маатанину свой корабль починить будет гораздо сложнее. Если только он выживет в этой передрыге...

Подкрепившись питательным и к тому же вкусным бульоном, Шаламов предпринял новую попытку разбудить «черного человека», но тот по-прежнему не отзывался, застыв бугристой, черной сверху и бронированной снизу,

похожей на старого сивуча тушей. Тогда пилот переделался в кокос — компенсационный костюм спасателя, имеющий ко всем своим достоинствам еще и прямую связь с координатором, нацепил антиграв, респиратор и вышел в вечный день чужого мира, которому дал название Шанс

До развалин города решил пройти пешком. Идиллическая тишина настраивала на философские размышления, а прекрасная ласковая погода, чем-то напоминающая земное бабье лето умеренных широт, настраивала на умиротворение и спокойствие. Джордж включил исследовательский комплекс и объяснил здешнее «лето» равномерным потоком тепла, идущим из глубин моря, а значит, из ядра планеты-куба, и поддерживающим на планете всюду одинаковые погодные условия. Сгоревшие закопченные развалины, к которым подходил Шаламов, никак не вписывались в концепцию безмятежного, размеренного бытия планеты. Что же здесь в конце концов случилось, черт побери?!

Шагая по негустой желтой траве, Шаламов спустился с холма, в который упирался уродливым носом маатанский корабль. При каждом шаге с травы срывался рой электрических искр и оседал на сапогах. Воздух был насыщен электричеством, словно облако, готовое пролиться дождем-влагой, и кожу на щеках и на лбу слегка пощипывало при ходьбе.

Шаламов принял: спектр запахов стал иным, видимо, аппарат обоняния уже адаптировался и не реагировал столь остро на незнакомые радикалы. Преобладающими стали запах озона и горьковато-нежный запах, напоминающий аромат масличной пальмы.

Координатор, подключенный контуром пси-связи напрямую к мозгу, пробудился и выдал двадцать семь наименований пахучих веществ, составляющих общий фон запахов здешних мест. Потом предупредил об «электрических карманах» — неизвестной глубины круглых ямах, заряженных статическим электричеством, которые встречались довольно часто и были, похоже, разбросаны по всему острову. Шаламов выслушал сообщение, пожал плечами и обошел яму на почтительном расстоянии.

Черно-серые стены города приблизились и накрыли спасателя ощутимо теплой тенью. Датчики, встроенные в костюм, сообщили температуру стен: около сорока двух градусов по Цельсию. Шаламов с недоумением взгляделся в представшие перед ним развалины. Больше всего они напоминали срутки неровных стен разной толщины — от

двух дециметров до двух метров, разной длины и высоты: ничего похожего на геометрический порядок, расчет, логику и гармонию, соответствующие понятию пилота об архитектурных сооружениях. Но главное, что развалины, низкие и редкие на окраине, вскоре переходили в поистине непроходимые «заросли» из черных стен, перегородок, перепонок, буквально сросшихся в шеренги, лабиринты, «беседки», «хижины» и «дворцы» без кровли, с окнами-дырами и дверями-провалами... Температура воздуха в городе была градусов на двадцать пять выше, чем вне его, повысилась и концентрация горьких примесей в нем.

Шаламов забрел в тупик, остановился и потрогал стену ближайшего здания: поверхность ее была бархатистой, горячей на ощупь, как шкура живого существа, с тонким муаровым рисунком, видимым только вблизи и напоминающим загадочные письмена, и поверхность эта... вздрагивала! Шаламов приблизил ухо к стене и уловил внутри нее медленную пульсацию какой-то жидкости.

Господи, да ведь они живые! — сообразил он. Клянусь Купавой, живые! Я слышу пульс, слышу гул пробивающейся по сосудам крови!..

С минуту он прислушивался к четким, размеренным ударам сердца исполина и не сразу расслышал мысленный «шепот» координатора:

— Догадка верна с вероятностью ноль восемь. Отмечаю повышение пси-фона в районе города, рекомендую вернуться.

Тут только пилот понял, почему у него, по мере того как он углублялся в город, появилось ощущение чьего-то скрытого присутствия, взгляда в спину: он и в самом деле находился внутри большого скопления биомассы, обладавшей разветвленной нервной системой, которая и создавала пси-фон, биоизлучение «мысленного эха». Спасатель скомандовал антиграву подъем и взлетел над «живым городом», внимательно вглядываясь в сплетение «улиц», «переулков», узких извилистых проходов, двориков, «площадей» и открытых «зданий». Теперь было ясно, что ни о какой системе в скоплении сросшихся стен речь не идет, перед человеком предстал самый настоящий лес! Выросший по своим законам, странный, жутковатый, похожий на развалины сгоревшего города, состоящий из «живых» деревьев-стен, но лес!

Шаламов записал картину стенолеса на видео и поднялся выше. Остров оказался плоским — в пределах хол-

мистого рельефа, большим, а главное — идеально круглым, будто был вычерчен гигантским циркулем, и не имел береговой линии с пляжами и рифами. Он выступал из морских вод метров на сорок гладким цилиндром и будил в памяти ассоциации искусственных морских платформ Земли. Впрочем, Шаламов не слишком удивился сходству, вспомнив, что форма планеты — куб, искусственное происхождение которого не вызывало сомнений.

Остров почти полностью зарос «развалинами», «Кентавр» на «черепахе» маатанского корабля сел на его краю, а в самом центре острова пилот разглядел какое-то грандиозное сооружение: храм не храм, но нечто в этом роде, удивительно красивое, поражающее законченностью форм и эстетическим совершенством. У Шаламова дух захватило от поднявшегося волнения, хотя минуту спустя он отметил и некоторые отклонения в симметрии «скульптур» сооружения, нарушения в его структуре и очертаниях. Оно не достроено, догадался он без подсказки координатора. Значит, где-то поблизости должны бродить и сами строители? В таком случае надо срочно готовиться к нештатному контакту, чтобы предстать пред светлые очи хозяев в нужной кондиции, не то пойдет гулять по здешнему миру легенда о небритом пришельце.

Порадовавшись своей вернувшейся способности не унывать в любой ситуации, Шаламов утихомирил боль в грудной клетке и помчался домой, где ждал его холодно-вежливый, но все же заботливый Джордж.

Глава 4

Маатанина он застал в тот момент, когда «черный человек» самостоятельно пытался заняться ремонтом рубки. Тот, кто метко назвал маатан «черными людьми», смотрел в корень: во-первых, маатанин, по сути, до сих пор оставался загадкой, «черным ящиком», никто из земных ученых не обследовал его и не знал параметров жизнедеятельности; а во-вторых, когда передвигался, то чем-то напоминал человека, вернее, карикатуру на него, грубый слепок.

Он сполз со своего гнездоподобного кресла и медленно двинулся вдоль стены рубки, превратив нижнюю часть тела в «ногу улитки». Шаламов никогда не видел, как передвигаются маатане, поэтому с любопытством и жа-

лостью смотрел на слабые попытки коллеги разобраться в обстановке.

Черная сторбленная фигура с намеками на плечи, голову и руки, одетая по пояс в сверкающие многогранные зеркала, и колыхающаяся при каждом шаге, как металлоподобный студень, тяжеловесно доползла до стены и замерла. «Кожа» верхней части туловища встопорщилась мелкими кристалликами и стала похожа на крупнозернистую наждачную бумагу. Одно «плечо» маатанина претерпело несколько быстрых трансформаций, меняя форму в строго детерминированном диапазоне геометрических фигур, и вдруг прошло сквозь стену. В то же мгновение «гнездо» в центре рубки превратилось в «жидкую» стеклянную чашу и скользнуло к маатанину, который без сил рухнул в нее грудой кристаллов разных размеров и форм.

— Осторожнее! — Шаламов подскочил к упавшему «черному человеку». — Не хватало мне еще собирать тебя по частям. Помощь нужна?

— Ничего... — высветилось перед глазами. — Нет помоч... нельзя да хомо командо зона операцие... без мой да вход нет... нет понятное... вопрос.

Маатанин снова сформировал свое непослушное тело и полез в стену зала, но теперь ему было легче передвигаться по рубке — бывшее «гнездо» стало подчиняться его командам и превратилось в тележку-антиграв, перемещая хозяина со скоростью корабельного «мустанга». Однако энергии у «черного» хватило ненадолго. Он успел только включить экран, по которому тотчас же поплыли вереницы странных знаков, и потерял сознание — превратился в безжизненную глыбу не то камня, не то какой-то иной субстанции.

Шаламов вздохнул. Помочь маатанину он не мог, а сочувствием сыт не будешь. Он даже накормить коллегу не мог, не ведая, чем питаются негуманоиды и каким способом. Может быть, попробовать подсоединиться к компьютеру его корабля? — мелькнула мысль. Должен же у них быть компьютер или что там его заменяет — вычислитель-водитель, автомат.

— Подобное подсоединение стопроцентно гарантирует психическое расстройство, — буркнул Джордж. — А то и аннигиляцию личности. Тебе мало того, что получил? Да и откуда я знаю, на каких принципах работает их компьютер и каким образом к нему можно присоединиться?

— Нашел бы, если бы захотел... — Шаламов автоматически проверил экипировку. — Ладно, это беспредметный

спор. Надеюсь, хозяева Шанса. знаешь, давай лучше на зовем этот куб Стражем, вернее, Стражем Горловины, а? Так вот, хозяева Стража Горловины должны помочь нам починиться или хотя бы доставить «черных людей» на родину. Ну и нас, конечно

Выйдя наружу, пилот бегло оглядел гело «Кентавра» глубоко вонзившееся в маатанский корабль, как топор в пень по самое топорщице, вздохнул и направил полет к «храму», с хладнокровным автоматизмом выполняя при вычную работу разведчика: видеосъемки, замер параметров среды и наблюдение за всеми объектами, способными представлять опасность. Правда, в данном случае самыми опасными объектами были маатанский корабль и приближающийся «храм».

Чем ближе подлетал к нему Шаламов, тем необычнее становился облик колоссального строения. Оно на глазах теряло красоту контуров, четкую структуру, эстетику плавных гармоничных переходов, грубело и корежилось, пока не превратилось в топорную неизящную постройку-барак из плохо пригнанных многотонных глыб, пористых стен, гнутых перепонок, балок и витых поверхностей с невообразимо сложной системой связок и растяжек. Растерянный пилот затормозил, не веря глазам. То, что выросло перед ним, больше напоминало взорванный, но не разлетевшийся, а склеенный неведомой силой в момент разлета грузинский мгвиловани пещерный город. Пилот несколько минут разглядывал хаос «каменных» глыб и блоков, потом подал назад. По мере того как он удалялся от строения, жуткие вблизи разрывы, дыры, выпуклости и горбы складывались в красивый затейливый узор, корявые балки, столбы и шпили превращались в изящные башенки, мелкие детали исчезли, растворились на общем фоне, и вскоре перед потрясенным пилотом опять предстал великолепный «дворец», сотворенный явно не человеческими руками, но с подобными человеческим размахом и фантазией.

— Елки-палки! — удивился Шаламов негромко. Полюбовался на «дворец», снова приблизился к нему вплотную и вернулся в исходную точку: метаморфозы чужого строения не исчезли. Оно то становилось «храмом», достойным богов, то превращалось в жуткий ансамбль слепленных кое-как развалин. Причем пилот теперь убедился в том, что это чудовищное сооружение не недостроено, как ему показалось вначале, а наоборот, начинает разваливаться от старости: вблизи хорошо были видны иззубренные бреши

в его стенах и обрушившиеся вниз блоки, погнувшиеся, корявые, неровные балки, похожие больше на гигантские кости и сухожилия с утолщениями и наплывами.

— Что ты на это скажешь? — обратился пилот к Джорджу.

— Не имею полной информации... — завел было обычную песню координатор, но Шаламов его перебил:

— Дай прогноз и перестань дуться, мы оба в одинаковом положении. Или хочешь остаться здесь?

Координатор поперхнулся и не отвечал несколько секунд, потом выдал сигнал метронома, что в переводе на человеческие эмоции соответствовало растерянному покашливанию, и сказал:

— Замечание учту. Даю прогноз: судя по этому сооружению, отсутствию развитой инфраструктуры и спутниковой архитектуры, планета имеет нуль психозоя, несмотря на все признаки искусственности.

— Иначе говоря, хозяев здесь нет, — уточнил Шаламов. — А может быть, перед нами памятник старины? И хозяева живут на других островах, а этот — заповедная зона?

Джордж промолчал. То ли учел замечание пилота, то ли сумел заменить несколько поврежденных нервных узлов и понемногу приходил в себя, обретал былую интеллектуальную форму.

Приду — проверю, подумал Шаламов, блокируя канал пси-связи с координатором. Похоже, придется поработать с оптимизатором, сам Джордж вряд ли вылечит себя полностью.

Пилот осторожно опустился на горизонтальный участок одной из угловых башен сооружения, похожей на полный складчатый волдырь, усеянный рваными дырами, словно по нему стреляли из гранатомета. Материал крыши, мутный, зеленый, как старинное бутылочное стекло, на камень или металл не походил.

— Кремнийорганика с примесями солей бора, — сообщил Джордж. — Хотя я могу и ошибаться.

— Пора взяться за исследования всерьез, если мы не хотим неприятных сюрпризов здешней природы. Наш исследовательский комплекс сдох, попробуй расконсервировать «пчел» из основного груза, если, конечно, он не поврежден.

— Извини, шкипер, «пчел» я уже запустил, сохранилось всего три контейнера, около сотни штук. Пока есть ресурс, они будут работать.

Как и любой спасательный шлюп, «Кентавр» имел киб-систему анализа полевой обстановки, «пчелы» были рабочими органами этой системы, сборщиками информации, но так как в результате столкновения оборудование шлюпа пришло в негодность, Джордж догадался использовать «пчел» из перевозимого «Кентавром» оборудования.

— Маяк все еще не работает?

— Ему досталось больше всего, ремонту практически не подлежит. Я пытался запустить дубль, но и он, вероятно, влип в материал чужого корабля, причем всем рабочим объемом.

— Вот повезло, а? Нечем даже хозяев позвать, разве что покричать: караул.

Шаламов включил антиграв и, преодолевая налетевший откуда-то ветер, сквозь одну из дыр в оболочке опухолевидной башни влетел внутрь. В то же мгновение его подняло вверх и вжало спиной в купол потолка. Внутри башни царил невесомость!

Вот откуда здесь сквозняк, сообразил Шаламов, а развалины-то функционируют! Не получилось бы, как с прогулкой по маатанскому проникателю...

Он уравновесил себя в центре башни и осмотрелся.

Здесь было довольно светло, стены башни казались обмазанными толстым слоем слабо светящейся икры. Пол помещения сходилась двумя неровными оплывшими конусами к двум отверстиям. Одно из них напоминало прорубь во льду, затянутую свежим морозным узором, второе давилось мраком, осязаемо густым, как желе. Шаламов осторожно приблизился к отверстию, заглянул внутрь и увидел длинный мрачный туннель, уходивший куда-то глубоко в недра здания, а на дне его мерцал странный багровый отблеск, будто там догорал костер. Интуиция подсказывала пилоту, что идти в этот туннель не стоит.

— Ты согласен со мной? — позвал он координатора.

Никто не ответил.

— Проводник, в чем дело?

Молчание. Глухая ватная тишина и в пси-диапазоне. Этого еще не хватало! Выходит, стены экранируют все виды связи?

Шаламов полюбовался на «прорубь», испытывая желание разбить «лед» рукой, потом на уходящий вниз туннель с «отблесками костра», вспомнил Верхарна: «Пространство, сплющенное между скал, смотрело на него горящими глазами», — и вылетел из башни наружу. Время экспедиции по чужому зданию неизвестного назначения еще не

пришло. Тотчас же послышался мысленный «голос» координатора:

— ...дите! Даниил, почему молчите? Где вы! Я вас не слышу, сообщите координаты местонахождения... — Джордж нервничал и перешел на «вы».

— Все в порядке, старина, я никуда не исчезал, здесь, оказывается, зона блэк-аута¹. Не паникуй, если связь снова прервется, попробуй на всех доступных диапазонах еще раз позвать хозяев. На нашем острове их явно нет, но ближайšie острова могут быть заселены.

— Мощности уцелевшего радиопередатчика не хватает даже на двести километров, но я давно пробую, вторые сутки.

— Как там наш «черный друг»?

— Плакал.

— Что?!

— Это образное выражение, — поправился Джордж. — Он очнулся, посидел у экрана, минут пять издавал жалобные стоны в звуковом диапазоне вместе с пси-волной тоски и горя, во всяком случае очень похоже, и снова отрубился.

Парень совсем ослабел, подумал Шаламов озабоченно. Кто знает, сколько ему жить осталось. Да и мои резервы не бесконечны, надо поторопиться с поисками аборигенов, не может быть, чтобы никого из них не осталось на целой планете. Сюда я еще вернусь, поищем вокруг.

Он облетел остров вдоль и поперек, но не обнаружил ничего, кроме «развалин леса». Остров был безлюден, если применять термин земного языка к отсутствию неизвестных обитателей планеты, хотя в зарослях «стенолеса» вполне могли жить какие-то представители здешней фауны.

Понаблюдав за изумительно ровной и гладкой — ряби почти не было — поверхностью словно светящегося изнутри янтарно-медового моря, Шаламов заторопился домой, с нарастающей тревогой обдумывая слово «плакал», которым координатор охарактеризовал состояние маатанина. Конечно, ни о каком внешнем сходстве речь не шла, негуманоид не мог ни плакать, ни смеяться так, как это делал человек, но что его состояние близко подошло к критическому, было видно невооруженным глазом. А при полете к сросшимся кораблям пилот стал свидетелем работы маатанской техники.

¹ Б л э к - а у т — полное прекращение радиосвязи.

Горб проникателя вспучился, увеличивающийся волдырь — грузовой люк по-маатански — лопнул и со скрежетом выплюнул нелепую черную конструкцию, изломанную фантазией ее конструкторов, чем-то напоминавшую безголового Змея Горыныча. Дребезжа, как разболтанный вентилятор, она зависла на несколько мгновений над десятиметровым отверстием люка, встопорщила черные лохмотья перепончатых крыльев и перьев и, косо поднявшись в небо, исчезла в розовом сиянии.

— Наверное, зонд-автомат, — подал голос координатор.

— А где наши?

— Трудятся всюю, принимаю информацию, хотя исправен всего один канал.

— Готовь к походу куттер, через час попробую облететь планету и поискать хотя бы одну живую душу.

Шаламов вернулся в корабль и первым делом навестил маатанина. «Черный человек» был в сознании и торчал перед своим экраном, густо усыпанным светящимися, меняющими форму узорами, но едва ли он видел эти узоры так, как человек, обладая совершенно другим аппаратом зрения.

— Он должен видеть в ультрафиолете и мягком рентгене, — подтвердил координатор. — Хотя не исключено, что диапазон его зрения сдвинулся и в фиолетовую область видимого света.

— Если у него рентгеновское зрение, представляю, каким он видит меня: скелет в сапогах и шлеме. — Шаламов подошел ближе к маатанину. — Как ты себя чувствуешь, дружище?

«Черный человек», не шевелясь, «оглянулся» — пилот почувствовал на себе его взгляд, — но не ответил. Только по шершавой пупырчатой коже конвульсивно пробежала волна более крупных кристалликов.

— Могу я все-таки чем-нибудь помочь? Например, что-нибудь отремонтировать...

— Жидкие Земле хомо нет помоч... утверждение... совсем другой... себе нет помоч груп да... больше нет беседа время да...

Ну и что ему ответить? — с досадой подумал Шаламов. Доказывать, что кто-то из конструкторов проникателей самовольно поменял диапазон частот «генераторов струны»? Он не поймет... потому что не хочет понимать. Винить соседа во всех смертных грехах — последнее дело, неужели он не понимает, что друг без друга нам не обойтись?

«Черный человек» равнодушно «отвернулся» — давление его тяжелого взгляда исчезло — и занялся своими делами, а через минуту расслабленно оплыл в кресле, потеряв сознание. Он был невероятно слаб и так же невероятно упрям, и не хотел — хоть убей! — просить помощи у какого-то там «жидкого хомо». Какие чувства руководили им? Гордость? Презрение? Равнодушие к судьбе «недоразвитого землянина», к своей собственной судьбе? Или понимание обреченности? И вообще, обладает ли чувственной, эмоциональной сферой негуманоидный разум?

Шаламов впервые пожалел, что мало интересовался раньше ксенопсихологией.

— У меня есть кое-какие данные из этой области, — откликнулся Джордж. — Мы знаем всего две негуманоидные цивилизации: маатанскую и орилоухскую. Ни та, ни другая в контакт с нами не вступают. Причины такого странного отношения к разуму мне неизвестны, вероятно, оно традиционно. Знаю только, что орилоуны обладают зачатками психокультуры и своеобразным искусством, что уже предполагает наличие эмоциональной сферы, однако их этика и мораль настолько отличны от человеческих, что всякие аналогии исключены. На то, что у нас вызывает смех или любопытство, они реагируют иначе, и точек контакта наши ксенопсихологи пока не подобрали. С маатанами, по-моему, положение примерно такое же.

— Что ты подразумеваешь под искусством негуманоидов? Цель искусства вообще — заставить работать мысль и воображение аудитории выше привычной нормы. Но это человеческий подход к проблеме, а как с этим у негуманоидов?

— Я просто констатирую факт утверждения ксенопсихологов об искусстве Орилоуха, больше ничего добавить не могу.

— Понятно, извини.

Шаламов вздохнул с сожалением, не видя выхода из создавшегося положения. Бредовая идея с подключением к памяти маатанского компьютера, чтобы тот сообщил ему варианты спасения хозяина, снова всплыла из трясины трезвой оценки происходящего, но пилот поспешил утопить ее коротким выпадом сарказма: не сходи с ума! Если уж подключение собственной автоматике к мозгу едва не повлекло фатального исхода и до сих пор ломило в костях от разного рода электромагнитных «шумовых» наводок, то что же получится при выводе на мозг чужеродной информации, да еще закодированной неизвестным образом? Нет, самый реальный выход из положения — как

можно быстрее отыскать хозяев Стража Горловины, маатанин, судя по всему, долго не протянет.

Пилот отдохнул в своей уютной гондоле, запустив касету психоразгрузки: луг, опушка березового колка, речной откос, вдалеке стадо коров, идиллия! — вытерпел массаж основных групп мышц и незаметно для Джорджа подключил к цепи управления оптимизатор интеллекта. Это был своеобразный «массаж» для позитронного мозга координатора, способствующий регулированию его мыслительной деятельности и компенсации возможных «шизофренических» синдромов, возникающих в результате «болевого» шока после повреждений кристаллической структуры мозга. Джордж отреагировал немедленно:

— Отмечаю нерасчетные колебания контурных связей и наводки в периферийных цепях. Причин такой «щекотки» проанализировать не могу из-за отсутствия данных. Встревожен.

— Успокойся, проводник, — сказал довольный Шаламов. — Все в порядке, это вмешалась машинная терапия, терпи, как терпел я. Твоя фармакопея, кстати, что-то слабовата, никак не может справиться с ломотой в костях, дал бы что-нибудь посерьезней.

— Посерьезней может быть только удар по затылку.

— О, кажется, подействовало! Ты уже юморишь. Машинна готова?

— Как штык, — после заминки ответил координатор. — Не могу не согласиться, что мне такая терапия приятна, но почему я ничего не знаю о существовании на борту «машинной медицины»?

— Потому что это резервная сеть, рассчитанная на аварию с тяжелыми последствиями, и подконтрольна она только мне. Не обижайся, многое из того, что делают люди, рассчитано на их спасение ценой... э-э...

— Понял, — сухо отрезал Джордж и неожиданно связвил: — Раньше люди, не надеясь на интеллект отдельных индивидуумов, предусматривали для компьютеров «защиту от дурака», а теперь решили перевернуть формулу. Поздравляю!

Шаламов опешил, не сразу разобравшись в юморе координатора, но потом не выдержал и засмеялся: по сути, Джордж был прав — оптимизатор являлся своеобразной «защитой дурака от компьютера». Значила ли реплика проводника, что он вошел в форму?

Ответом был короткий смешок Джорджа. Они поняли друг друга.

Куттер ждал пилота у аварийного люка, стремительный и красивый, похожий на плоского ската-хвостостола. Судя по выцвету готовности на терминале ручного управления — полупрозрачном квадрате с набором сенсоров, — используемом только при отказе системы пси-управления, Джордж перекачал из «баков» «Кентавра» в емкости аппарата почти все оставшиеся крохи энергии.

Шаламов устроился в мидель-захвате аппарата — пилот в куттере не сидел, а полулежал лицом вниз, упираясь в тубус обзорной сферы, — нахлобучил тугой шлем эмкана, как в обиходе все пользователи называли пси-рацию, и рванул куттер с места в джамп-режиме.

Глава 5

За двое суток, почти без сна и отдыха, он облетел практически острова всех шести морей на шести гранях планеты-куба, убедился, что острова похожи друг на друга, как две капли воды: выступающие из янтарного моря верхушки цилиндров с плоской вершиной, сплошь покрытые зарослями «стенолеса». Кроме того, пилот обнаружил около сотни построек, похожих на первый «храм» у корабля, похожих не очертаниями, а парадоксальной особенностью восприятия: издали они казались совершенными, красивыми, хотя и необычными, сработанными без единого изъяна, однако вблизи производили впечатление полного разгрома, — но нигде не встретил хозяев планеты или свежих следов их присутствия. Возраст построек, по осторожной оценке Джорджа, везде был примерно одинаков и подходил к сотне тысяч лет, но развалинами они все же не были, внешний их разрушенный вид имел какие-то другие причины.

Однажды Шаламов встретил невиданный ранее летательный аппарат, издали похожий на красивого парящего кондора, но вблизи «кондор» смотрелся как сварганенный кое-как, из чего попало воздушный змей, ничуть не напоминающий величественную земную птицу, и на сигналы не реагировал совершенно, направляя полет к одному ему известной цели. Может, то был автомат аборигенов, контролирующий состояние среды, а может, и маатанский зонд, исследующий новый мир.

Получая новые и новые порции сведений о кубообразной планете, Шаламов все больше убеждался в том, что открыл искусственный объект, созданный еще одной не-

гуманоидной расой. Особенно изумляли его «леса» Стража, до умопомрачения похожие на настоящие развалины сгоревших дотла городов, крепостей, замков или старинных заводов. Джордж предложил назвать это чудо местной флоры и фауны вудволловыми лесами: от двух английских слов wood — лес, и wall — стена, и Шаламов, поколебавшись, принял предложение: вудволловый лес — тавтология, конечно, однако звучит гораздо приятнее, чем прежнее «стенолес».

Устав так, что в который раз пришлось прибегнуть к укрепляющим и тонизирующим препаратам, пилот снова вернулся к мысли о прямом подключении к компьютеру маатанского корабля. Такое подключение при счастливом стечении обстоятельств помогло бы не только найти способ связи с маатанами, что в перспективе способно было спасти и самого экспериментатора, но и найти метод лечения маатанина. Однако шаг этот был настолько рискованным, что Джордж даже не захотел подсчитывать вероятность благоприятного исхода, охарактеризовав одним словом «дурак» шансы пилота остаться живым и нормальным человеком.

Шаламов снова кинулся в поиск аборигенов, несказанно мучаясь от дикого напряжения: в управляющем компьютере куттера полетел «дисциплинатор», и приходилось напрягать волю, чтобы куттер летел туда, куда надо, и не реагировал на «побочные шумовые» мысли пилота, сбивающие компьютер с толку. Мыслеуправление всегда требовало от водителей чрезвычайно строгой дисциплины мысли, и Шаламов справился с управлением потому, что был одним из лучших драйверов-прима СПАС-центра с пятнадцатилетним опытом пилотирования любой техники.

Он сутки обследовал «горные хребты» ребер планеты-куба, монолитные, усыпанные крупными порами, но голые и безжизненные, а потом запасы энергии в емкостях куттера иссякли, и пилот с трудом дотянул до цилиндра-острова с «храмом», посадив аппарат за тридцать километров от сросшихся кораблей. Поплутав по «развалинам» вудволлового леса — антиграв без энергии тоже не тянул, — он за шесть часов кое-как доплелся до «Кентавра», и сил его хватило только на ответ Джорджу, взгляд на тушу «черного человека» и на решение о немедленной подготовке к подключению. Ждать до тех пор, пока у Джорджа кончатся и оставшиеся в наличии скудные запасы энергии, без надежды на их пополнение, не имело смысла.

— Давай лучше подключусь к нему я, — предложил Джордж, когда Шаламов привел себя в порядок. — Риск намного меньше, и тому же я машина.

Пилот отрицательно помотал головой.

— Извини, старина, твои возможности самоподстройки в таких условиях невелики, а я специально тренирован на выживание в экстремальной среде. Вспомни, как нас называют поэты, любители громких фраз. Правильно, рисконавтами! Ну, а меня кто-то прозвал «сверхрисконавтом СПАС-флота». Да и случись что с тобой, мне одному все равно не выкарабкаться, так что риск остается. Ты лучше помоги избежать первого вазомоторного шока. Запускай «пчел» внутрь этого маатанского монстра, даю тебе сроку на исследование корабля сутки. И час на анализ работы его компьютера. Больше ждать мы не имеем права, «черный» почти готов, а мы как-никак спасатели.

— От упрямства нет лекарства, — сказал Джордж сердито и надолго замолчал. Он тоже был почти мертв, энергии хватало лишь на минимум жизнеобеспечения кабины пилота и на исследовательские работы. Шансы починить «гавкнувшиеся», по выражению пилота, многодиапазонные накопители таяли с каждым часом, «Кентавр» давно перестал быть межзвездным спасательным шлюпом, восстановить его собственное и перевозимое им оборудование было уже невозможно.

Шаламов попробовал еще раз подключить к маатанину диагностер, но Джордж обругал его вредителем и посоветовал «подышать свежим воздухом»: земная медицина была бессильна дать прогноз здоровья негуманоида, не имевшего внутренних органов в обычном понимании этих вещей. А сам маатанин все с тем же беспощадным фанатичным упрямством не желал разговаривать, несмотря на бедственное положение, и в короткие минуты полного сознания отгораживался от пилота давящим мысленно-психологическим барьером; Шаламов ощущал этот барьер каменной стеной с бойницами, за которыми притаились вражеские лучники с колчанами, полными стрел.

Однажды он не выдержал и упрекнул маатанина в его непровоцированно негативном отношении к людям.

— Это же безнравственно наконец! — закончил он в сердцах.

И получил потрясающую в своей простоте, совершенно неожиданную отповедь:

— Хомо людие сам безнравство. — «Черный человек» помолчал, «глядя» на замершего Шаламова недружелюбно.

но и мрачно (так его взгляд ощущал пилот). — Людие отношение природа нравство... вопрос. Нет. Много время нет. Мы знание... вопрос нет.

— Нет, — ответил Шаламов.

Больше они не разговаривали. Основную часть времени маатанин проводил в состоянии застывшей металлической горы и бредил: в мозгу пилота вспыхивали сами собой причудливые фигуры, таинственные тающие призраки, ползущие «ангелы» с крыльями птеродактилей, обрывки слов и фраз...

Гулять по «стражгорловианской» электрической природе не хотелось, в основном из-за непрекращавшихся болей в позвоночнике и в костях, но пилот заставил себя облачиться в легкий пленочный скафандр, надел антиграв и снова полетел к загадочному «храму», присутствие которого волновало душу и заставляло прикидывать возможности контакта со строителями, искать причины их непонятного исчезновения.

Облетев эту колоссальную постройку кругом, пилот вдруг опять вспомнил строки Верхарна, удивившись их созвучию с явью: «Вы тексты от каких затерянных страниц? Остатки от какой разрушенной Вселенной?» Древний бельгийский поэт словно своими глазами видел мир Стража Горловины и писал о нем. Господи, что же это за куб, равный планете? Для чего он построен почти сто тысяч лет назад? Зачем ему моря, атмосфера? «Храмы» наконец? Почему они покинуты? Ау, строители, где вы?.

Эфир молчал. «Храм» безмолвствовал. Тишина прочно владела вудволловым лесом, островом, морем, атмосферой, планетой-кубом, построенной неизвестно кем и неизвестно для каких целей. Только Джордж, в котором проснулось чувство юмора, не удержался от реплики, следуя заложенной в него программе поддерживать хозяйина всеми доступными ему средствами:

— Видимо, техника у «кубиан», или «стражгорловиан», как ты их обозвал, достигла такого совершенства, что они смогли обойтись без самих себя.

Шаламов невольно улыбнулся, расставаясь с оцепенением волшебных грез.

— Принимаю твое предложение: назовем аборигенов кубианами, так хоть не режет слух. Но ты не отвлекайся от основной задачи, шутник. Я тут поброжу в «храме», посмотрю, что это такое. Помни о прекращении связи

Спасатель заметил достаточно широкий проем среди громадных пепельно-серых стен, торчащих «лепестками

тюльпана», и проник в извилистый коридор, ведущий в шарообразную полость с мерцающими стенами. В полости, как и в башне при первом посещении «храма», царила невесомость, а стены ее, усеянные рваными дырами приблизительно одинаковых размеров — словно из полости хотели сделать дуршлаг, — мерцали искристым узором, как перламутровое песчаное ложе реки сквозь толщу воды солнечным днем. Одна из самых больших дыр была похожа на стеклянное окно, затянутое морозным узором, а в глубине второй дыры мрак был какой-то странный, красноватый, будто отражавший отсветы далекого пожара.

Связь с координатором снова прервалась, однако пилота это обстоятельство не смутило, в нем все еще жила надежда на встречу с теми, кто создал странные «полуживые» города, «храмы» и вообще планету-куб. Кроме того, он терпеть не мог ничегонеделанья, предпочитая активно искать выход из любых, даже самых безнадежных положений. Осмотрев мрачное отверстие с «пожаром» внутри, Шаламов поспорил со своим внутренним «я», не рекомендовавшим залезать в туннель, нашел доводы оппонента убедительными и попробовал прочность «стекла со льдом». К его удивлению, рука прошла «стекло» без сопротивления и каких-либо неприятных ощущений. Тогда Шаламов окунулся в «окно», ничего не видя впереди, и в тот же миг его «разобрали на атомы», превратили в облачко газа, подержали в таком состоянии и снова «собрали»...

Шаламов инстинктивно подался назад и выбрался из «окна» в той же полости. Впрочем, не совсем в той: форма полости была иной, да и рваных дыр в ней не было вовсе. Рядом на него мрачно смотрел зрачок черного туннеля с отблесками пламени, а сверху виднелся светлый кружок выхода. Пилот с замиранием сердца поднялся вверх и вылетел из башни «храма». И почти сразу увидел, что «храм» — вовсе не тот, в который он залетел, и стоит он не на острове с поврежденными космолетами.

Хорошо, что надел скафандр с автономным питанием, пришла первая мысль. Вторая была эмоциональней, ибо характеризовала самого Шаламова не с совсем лестной стороны, он уже сообразил, что совершенно случайно влез в узел мгновенного маатранспорта хозяев Стража Горловины, точно так же, как внутри маатанского корабля на «мустанга» Видимо, где-то на страницах Книги Бытия рукой судьбы ему было начертано дважды нештатно испытать на себе чужие транспортные системы

— Джордж, старина, где ты? — позвал Шаламов, не надеясь на скорый свет. Координатор не ответил. Он был слишком далеко, чтобы услышать слабенькую рацию скафандра. Впрочем, пилот не нуждался в советах, потому что уже догадался, как поступить. Все работающие станции сети мгновенного транспорта, по логике, должны были соединяться друг с другом, и даже прыжок в иную звездную систему не менял положения: вернуться оттуда обратно не составляло большого труда.

Налюбовавшись переливчатым сиянием Горловины, Шаламов вернулся в «пещеру» «храма», представлявшую собой машину перемещения, нырнул в «окно со льдом», испытал процедуру «рассеивания» на атомы и вынырнул из «окна» другой похожей «пещеры». Определив по свечению выход наружу, задержал дыхание и вылетел из «храма». Вылетел и забыл о приступах слабости, у него даже дух захватило от невероятной, нереальной по земным меркам картины: «храм» стоял точно на вершине куба, где сходились его исполинские ребра-«хребты» и грани с видимыми сквозь дымку атмосферы линзами морей. Слов, способных выразить состояние Шаламова, не было, да он их и не искал, забыв и о постоянных глухих болях в суставах, и о своем незавидном положении. Главными ощущениями были жадный интерес и восторг, граничащий с суеверным испугом: человеку было еще так далеко до строительства подобных чудес...

Третий прыжок занес спасателя в глубины моря, судя по коричневой тьме с желтыми прожилками за толщей стены, четвертый — снова на «хребет» ребра планеты-куба, пятый — в абсолютный мрак подземелья. Вернулась тягучая головная боль, которую не снимали ни гиперальгин, ни аутотренинг. Шаламов механически, с тупым равнодушием входил в окно переброса, выходил в новом месте, окидывал взглядом пейзаж и снова нырял в отверстие входа. Он едва не прозевал нужной точки выхода: очнулся, не глядя по сторонам, собрался шагнуть в «подернутую льдом прорубь» и вдруг понял, что ландшафт с вудволловым лесом, серо-желто-зелеными холмами и близким, светящимся желтизной морем ему знаком. Этот остров он уже посещал, когда облетал моря на куттере в поисках аборигенов, и располагался остров не так уж и далеко от места посадки «Кентавра».

Однако после долгих размышлений пилоту все же пришлось еще раз войти в туннель мгновенного скачка: дойти своим ходом на антиграве до корабля все равно было

немыслимо. Стиснув зубы, Шаламов заставил себя прыгнуть в «ледяное окно».

— Вези домой, ирод проклятый! — сказал он при этом с ненавистью.

«Ирод» — автомат перемещения — не обиделся и то ли читал мысли пассажира (надо было догадаться приказать автомату раньше), то ли Шаламову наконец повезло — вышел он на острове с видимым издалека маатанским кораблем и «гарпуном» «Кентавра». Как добирался к нему, отвечал ли на скороговорку обрадованного и потому страшно ругавшегося Джорджа — не помнил, потому что провалился в темный сон-беспамятство мгновенно, лишь только коснулся спиной мягчайшей изоляционной спинки кресла. И снова заботливые «руки» медицинского комплекса, встроенного в гондолу кресла, начали приводить его в чувство, растирать и кормить. Но вылечить его полностью автоматы все же не могли.

Глава 6

В последний раз окинув взглядом пустынный пейзаж острова, Шаламов задрал люк и спустился вниз, в свою жилую камеру, где ждала его подготовленная к работе система пси-передачи информации. В отличие от Джорджа внутренний голос, уговаривающий его не рисковать — мол не спасешь ни маатанина, ни себя, к чему эти эксперименты, когда есть Джордж, вот его и подключи, — замолчал только после того, как Шаламов разозлился и заставил свое второе «я» уйти в «подполье». Мысли о Купаве приходили все чаще, но с ними он справлялся без труда. Купава поняла бы его решение.

«Пчелы» поработали на славу, проникнув во все доступные микроавтоматам места маатанского корабля и собрав информацию о работе его систем энергооборудования и вычислительных комплексов. Джордж проанализировал поступивший массив информации и рассчитал варианты обратной связи с центральным компьютером чужака, хотя компьютером эту странную управляющую систему, строго говоря, назвать было нельзя: она скорее напоминала нервную систему живого существа, вживленную в металлокерамическую гору с кавернами, причем в гору, которая свободно трансформировала свою форму и создавала внутри себя любые пространственные объемы. Но каналы управления этим квазикомпьютером сводились к залу с полумерт-

вым маатанином, и Джорджу было несложно определить точки главных выходов «терминала», с помощью которого «черный человек» управлял своим проникателем. Правда, Джордж, сконструированный для целей, далеких от решения лингвистических задач, действующий по законам антилогии, математики и физики, так и не сумел разобраться, какие сведения содержит память компьютера. Это мог сделать только Шаламов, включенный напрямую в цепь контроля. Причем дело осложнялось тем, что координатор не знал, какое из подключаемых «нервных узлов» — контуров памяти — содержит нужную пилоту информацию.

— Ничего, — пробормотал Шаламов, — включай поочередно, потом сам разберешься, что нам нужно, если я потеряю сознание. Но сначала помощи «включить» собственный резерв.

Джордж настроил аппаратуру лазерного иглоукалывания и вызвал у пилота состояние стрессовой гипермнезии — сверхзапоминания. О последствиях эксперимента разговора не было, Шаламов понимал, на что идет.

За час до этого Джордж попытался подключить свой дубль-блок к выходу одной из координирующих цепей маатанского компьютера, но это привело лишь к тому, что блок после включения выдавал на выходе бессмысленный набор слов и цифр. Конечно, можно было попытаться еще инициировать в дыробое серию коротких и длинных распадов, аналогичных сигналам азбуки Морзе, то есть дать SOS, однако эта в общем-то неплохая идея не гарантировала, что сигналы будут услышаны и записаны, потому что диапазон дыробоя был далек от тех аварийных частот, на которых слушают космос земные СПАСы¹. Шанс был, но у Шаламова не оставалось времени на ожидание ответа, «черный человек» почти не двигался и перестал высвечивать даже бред.

— Приготовились, — сказал Джордж. — Трехсекундный отчет.

При счете «три» в мозг пилота хлынула лавина чужеродной информации, насыщенная невероятным «мусором» специфичных маатанских понятий, символов и знаков, яркими искрами и вспышками озарений и темными облаками абсолютного непонимания. Это впечатление прорвавшего плотину водного потока, несущего на спине различный мусор, пелену и нефтяные пятна, сохранилось у Шаламова и после окончания сеанса.

¹ СПАС — станция приема аварийных сигналов.

Продержался он ровно две минуты, затем боль информационно-токсического шока оборвала сознание.

Джордж отключил выход маатанского компьютера на сферу пси-приема пилота и быстро привел того в чувство, высветив перед глазами данные медицинского контроля: пульс, давление крови, температуру, чистоту дыхания, тургорные характеристики мышц, кардиозапас.

— Может быть, хватит, мастер?

— Делай свое дело, — мысленно отрезал Шаламов. — И подключи на всякий случай резервы памяти, может быть, что-нибудь запишется в параллели, только заблокируй входы основных управляющих центров, не то сам превратишься в маатанина.

Джордж послушно выполнил приказ и снова «вонзил» в голову пилота бесшумную молнию информационного разряда чужой машины.

Дважды Шаламов всплывал из небытия после ударов аффективного и спинального шоков и окончательно потерял сознание только после явного пресыщения мозга, в течение получаса работавшего со скоростью электронно-вычислительной машины и получившего колоссальный объект маатанских знаний.

Сутки после этого жестокого эксперимента пилот отдыхал, ослабевший до такой степени — мозг не смог переварить весь информационный поток и «саботировал» даже простейшие физиологические потребности, — что внезапно засыпал во время еды или испытывал приступы беспричинного удушья.

Джордж лечил его молча, без обычных нравоучений и ворчания, но не потому, что того требовал метод лечения, а из-за неясных ему патологических проявлений в работе многих внутренних органов Шаламова, возникающих в результате неадекватной работы спинного и головного мозга. Что-то разладилось в организме пилота, центральная нервная система стала источником «фантомных» болей и «перевернутых чувств»: Шаламов вдруг начинал «слышать» глазами, «видеть» кожей рук или «чувствовать» волосами температуру. Но все это было не страшно, на Земле излечивали и не такое, главными же источниками беспокойства Джорджа оставались идущие в глубинах психики пилота процессы перерождения интеллекта и памяти: в мозгу человека боролись две вселенные — человеческая и маатанская, негуманоидная, рождалась темная бездна чужих ин-

стинктов и чувств, вспыхивали и гасли галактики странных психических состояний, проявлялась записанная в памяти информация, обработанная подсознанием.

Однако тренированный и сильный интеллект пилота в конце концов одержал верх, хотя никто, конечно, не мог предсказать, какими будут последствия необычного пси-контакта. Шаламов неожиданно заблокировал пси-связь с Джорджем и общался с ним только по радио. Несмотря на постепенное улучшение общего тонуса, он не мог пока ни самостоятельно двигаться, ни отправлять естественные физиологические надобности, и координатору приходилось ухаживать за хозяином в аварийном режиме.

На вторые сутки Шаламов потребовал дать ему рецептор прямой связи с исследовательским комплексом. Координатор выполнил приказ. Спустя минуту «пчелы» снова полезли в маатанский корабль, подчиняясь неведомым командам пилота. Что они там делали, Джордж так и не узнал, «пчелы» имели выход только на мозг Шаламова, и ни одна из них не вернулась в бункер кибер-комплекса. После этого пилот завладел памятью Джорджа и гипервычислителем, с помощью которого мог оперировать расчетами любой сложности со скоростью самого координатора, и в течение трех часов гонял вычислитель как бешеный, уйдя в дебри странных и неприятных вычислений, от которых Джорджу становилось не по себе: за вычислениями стоял мир чужих правил, знаний, математических и этических формул.

Шаламов потерял сознание неожиданно, работал он далеко за пределами человеческих возможностей и не «всплывал» из беспамятства около семи часов, бледный до синевы, с окаменевшими в судороге от непонятной тоскливой потери губами. Диагностер бесстрастно выдал столбец биопараметров пилота, и Джордж испугался настоящему: с расширением невралгии у Шаламова обнаружилось около десятка микроизлияний крови в мозг. Пилот нуждался в немедленной операции, но сделать это можно было только на Земле, координатор не был рассчитан на лечение человека с такими специфическими травмами.

Шаламов выкарабкался из пропасти небытия сам и снова задействовал вычислитель, а затем Джордж стал свидетелем того, как пилот превратился в хозяина маатанского корабля, оживив его исполнительную технику и дремлющую автоматику из числа оставшейся неповрежденной.

Какие-то корявые, с человеческой точки зрения, механизмы, похожие на ожившие творения абстракционистов, принялись чинить и латать зал управления, запеленали неподвижного «черного человека» в серебристую пленку и поместили под ажурный колпак, напоминавший грубо сделанную птичью клетку. Маатанин был еще жив и даже в сознании, но индифферентный, как и прежде, не желая ни общаться, ни принимать предлагаемую помощь.

Деятельность маатанских киберов прекратилась так же внезапно, как и началась: они разломали силовые отсеки и блоки управления «Кентавра», а также оборудование, которое он вез по назначению как спасатель-курьер, перенесли нужные Шаламову компоненты аппаратуры на маатанский корабль и вырастили на панцире «черепahi» корабля кособокую башню, по виду — «из рогов и копыт». Затем попрятались по своим норам. Все стихло. Тишина завладела кораблями, Джордж «затаил дыхание», готовый выполнить любой приказ командира, но Шаламов молчал по-прежнему и не включал пси-связь. Он был в сознании, даже улыбался иногда — сквозь невероятную усталость и непрерывную, терзающую тело и мозг боль. Глаза его были открыты, но Джордж знал, что пилот ничего не видит, его зрительные нейроны были парализованы.

— Все в порядке, старина, — прошептал Шаламов, улышав жалостливый «шепот» координатора. — Я все-таки недаром ношу значок мастера-спасателя... мне, наверное, хана, но с техникой «черного» я разобрался...

— Включите пси-канал, Даниил, — попросил Джордж, воспрянувший «духом», — я попробую снять аффекты, и мы поборемся с недугом.

— Нет, дружище, держись теперь от меня подальше, я стал для тебя опасен. Скоро за «черным» прилетят, я починил его тахеопередатчик, используя кое-что из нашего оборудования, иначе ничего не получилось бы, и дал SOS на их языке. Не вмешивайся ни во что... если я не смогу участвовать в контакте лично. Понял?

— Да, мастер. И все же еще раз прошу использовать медкомплекс, вдвоем мы хотя бы снимем болевой синдром. Кстати, если их передатчик работает, почему бы не позвать нашу аварийно-спасательную службу?

— К сожалению, частоты передатчика далеки от частот наших приемников, как и в случае дыробога, едва ли наши астрономы службы пространства слушают в этом диапазоне, и я, конечно же, дал сигнал, остается только ждать.

— Но вас необходимо лечить! И как можно скорее. Я подключу диагностер.

Шаламов не ответил. У него не было ни сил, ни желания спорить, ни особого желания жить. В голове все еще вертелась одна-единственная фраза, уже почти не тревожащая душу: «Бедная Купава!..»

И тогда Джордж впервые нарушил приказ хозяина: преодолел порог команды запрета и включил контур мысленного съема. И получил сильнейший шумовой шок, превративший его в бесполезный кибернетический хлам — он «захлебнулся» чужой информацией...

Соплеменники «черного человека» прилетели за ним спустя десять часов после включения передатчика, починенного Шаламовым, но ни пилот, ни «сошедший с ума» Джордж не видели, как над островом зависла километровая кошмарная конструкция в пластинчатой броне, а из нее на «журавлиных гнездах» вылетели два десятка черно-золотых фигур. Маатане обследовали свой разбитый проницатель, не обращая внимания на торчащий из него «дротик» «Кентавра», забрали запеленатого, полуживого командира и через час улетели, оставив землянина в недрах своего покалеченного корабля, не сделав даже попытки анализа ситуации, не выяснив причины аварии и не узнав, остался ли кто-то в живых из экипажа земного корабля и нуждается ли он в помощи. Зато они потратили около четырех земных суток на монтаж ячеистой конструкции, напомилавшей пенал, уложили в ячей мертвых собратьев и направили «пенал» в глубину «серой дыры». Уходя из Горловины, они оставили у планеты-куба маяк, высвечивающий галактическим кодом фразу: «Владение Маата. Входить, изучать, пользоваться запрещено!»

Часть вторая

ЧЕЛОВЕК-ДА

Глава 1

Заремба посмотрел на Мальгина как-то по-особенному, с любопытством и сожалением, словно знал о нем нечто не укладывающееся в рамки общественного мнения о товарище.

— Ты еще не в курсе?..

Мальгин, только что вошедший в служебный модуль, с давних времен называемый кабинетом, не оглядываясь, сделал жест — заходи. Одет он был по обыкновению в голубую рубашку с черной искрой, черным воротником и черными обшлагами рукавов, в белые брюки и такие же туфли.

Заремба остановился на пороге, глядя на прямую развинутую спину заведующего отделением нейропроблем, надежную спину уверенного в себе, уравновешенного и сильного человека. Повторил:

— Так ты еще не знаешь новость?

Мальгин сел за стол, включил автоматику, формирующую рабочую поверхность: из черной блестящей плоскости стола вылез «бутон» эмкана, линза селектора виома, информационный блок, сетчатый карандаш киб-секретаря. Наконец Мальгин поднял спокойный взгляд серых глаз, способных становиться прозрачными до ледяной твердости, искриться сдерживаемым, всегда запрятанным в глубине смехом или прятаться за бровью иронического прищура.

— Не бери меня на арапа, Иван. Ох и не люблю я твою манеру сообщать неприятные новости.

Заремба, не вынимая рук из карманов, прошел на середину уютного кабинета заведующего отделением.

— Час назад привезли Шаламова...

Глаза Мальгина сузились, похолодели, стали почти прозрачными.

— Не понял. Что значит привезли?

— Он очень плох, попал в какой-то переплет при аварийном курьерском посыле или, как у них говорят, — кенгуру. У него коматозное состояние, колониальный неврит... — Заремба замолчал, глядя, как «железный» Мальгин вдруг побледнел, вернее, побелел, так что губы его стали синими, под цвет оттенка рубашки. Длилось это несколько мгновений, заведующий тут же взял себя в руки, но цвет лица вернулся к нему не скоро.

— Где он?

— В первом боксе, у Стобецкого, над ним сейчас колдуют сам Готард и Билл-старший со всеми своими «вивисекторами». Таланов обещал собрать консилиум, искал тебя, но не нашел.

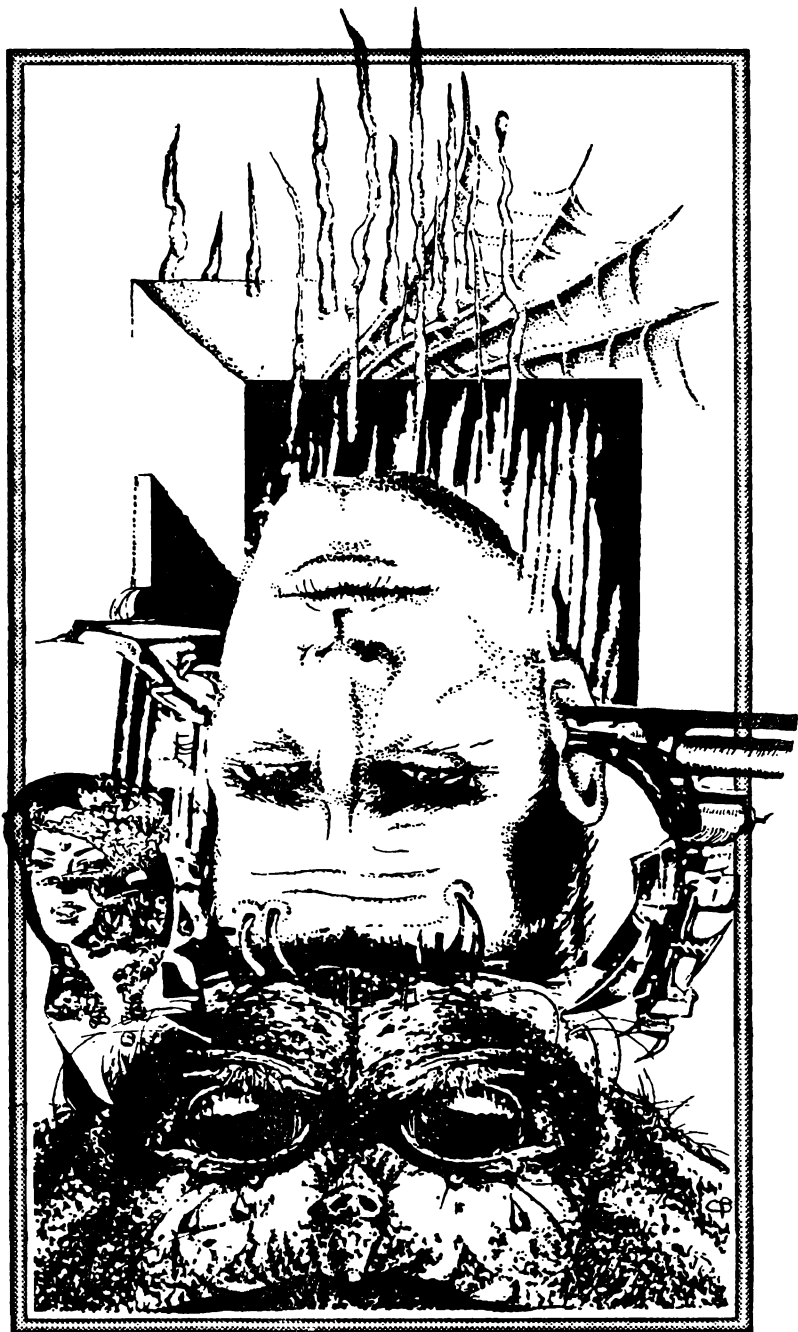
— Я был на корте, — машинально сказал Мальгин и стремительно вышел из кабинета, хотя мог бы связаться с клиническим отделением Готарда Стобецкого по селектору. — Кто его привез? — спросил он уже на ходу, вскакивая в коридоре в первую попавшуюся «улитку» институтского конформного лифта.

— Спасатели, кто же еще, — забубнил Заремба в спину. — Некто Жостов и двое врачей, одного я немного знаю по практике — Джума Хан, врач «Скорой».

«Улитка» вынырнула из коммуникационной шахты у двери с зеленой полосой под номером два, бесшумно свернула прозрачные перепонки выхода.

Бокс номер два был собственно нейроклиникой и заведовал ею Готард Стобецкий, нейрофизиолог и врач с тридцатилетней практикой. Шел ему шестьдесят второй год, но выглядел он на тридцать пять: молодой, гладколицый, уверенный и обстоятельный до пунктуальности. Ошибался Стобецкий редко и, вероятно, поэтому не допускал мысли, что может быть не прав. Это его качество раздражало Мальгина, но в остальном они давно притерлись друг к другу и хорошо знали свои возможности, сильные и слабые стороны, хотя это не мешало им вести деловые и неделовые споры и отстаивать свою точку зрения. Но не до вражды.

Пространство клиники было функционально и эстетически организовано таким образом, что любая палата — а их было около трех десятков — имела прямой лонж-выход в операционный и процедурный комплексы, и выглядело это ячеистыми янтарными выступами, напоминавшими обнаженные светящиеся пчелиные соты, которые упирались в причудливо изогнутые палевые «бутоны» реанима-

камер. Дежурный терминал управления операционной прятался в хрустально-белом «бутоне», сквозь стенки которого были видны врачи за двумя развернутыми пси-вириалами¹ стационарного диагностера и медицинского информ-банка.

Стобецкий, заметив заведующего первым отделением, жестом попросил соседа освободить кресло. Мальгин, кивком поздоровавшись со всеми и пожав Готарду руку, сел. Виом напротив показывал внутренности реанимакамеры с телом Шаламова. В правой верхней четверти оперативного фронта изображения загорались и гасли строки бланк-сообщений, а чуть ниже — данные медицинского анализа.

— Нечто странное, — отрывисто бросил Стобецкий. — У него парадоксальный статус абсанса², резко нарушена нейроритоархитектоника мозга: таламус сплюснен и загнан в нейтропиль, оба полушария срослись в одно целое, промежуточный мозг проник в средний, сетчатое образование исчезло, мозжечок увеличился в объеме в два раза... ну, и так далее. Никогда не видел ничего подобного!..

Левая нижняя часть виома отразила голографический разрез мозга пострадавшего. Алая стрелка показала узлы нарушений и переродившиеся участки коры.

— Кроме того, ПНС³ у него расположено прямо над тазом, а не на границе брюшной полости, — добавил заметно волнующийся Билл-старший, заместитель Стобецкого, приступивший к работе всего три дня назад. — Такое впечатление, будто оно «сползло». А *corpus callosum*⁴ увеличилось и соединило полушария!

— По данным коллег, — Стобецкий кивнул в сторону группы мужчин в фирменных голубовато-зеленых комби, — такие носили все врачи «Скорой помощи» и спасательной службы, — его организм большую часть времени отказывается регулировать деятельность внутренних органов.

— Что значит «большую часть» времени?

¹ П с и - в и р и а л — блок управления с конформным преобразованием аппаратуры, заменивший устаревшие пульта; содержит аппаратуру звукового и мысленного (пси) управления.

² С т а т у с а б с а н с а — состояние большого, характеризующееся серией абсанов (кратковременных потерь сознания с последующей амнезией), в промежутках между которыми сознание полностью не восстанавливается.

³ П Н С — превертебральное нервное сплетение.

⁴ Мозолистое тело (*лат.*).

Один из гостей, рослый, черноволосый, загорелый до цвета красной меди, с хищным носом и черными цепкими глазами, придвинулся ближе.

— Это значит, что иногда этот парень вдруг сам выкарабкивается из беспамятства и организм начинает ему подчиняться. Не надолго, на три-четыре минуты, но и это удивительно, ведь по сути он фрустрирован¹.

— Простите, с кем имею честь?

— Джума Хан, — представился черноволосый, и Мальгин понял, что его загар — нормальный, естественный цвет кожи.

— Нейрэктомию² делали? — спросил Стобецкий, манипулируя секторами диагностера.

— Конечно, данные в персонбанке. У него прогрессирующая гетероплоидия³. И при всем том парень умудряется всплывать из преисподней и разговаривать как вполне нормальный, почти здоровый человек! Очень сильная личность.

— Учтите, он ко всему еще и слеп, — невпопад вмешался Заремба, дыша в затылок Мальгину.

— Где Таланов?

— На связи с индийским филиалом, через пару минут явится.

Виом вдруг подернулся рябью, стершей все надписи. Приглушенно прозвенел колокол внимания. На мигающем огнями «кактусе» вириала зажглись голубые и зеленые огни отмены контактного контроля.

— Он просыпается, — быстро сказал Джума Хан. — Зафиксируйте параметры в момент «всплывания», это важно.

— Пациент в сознании, — четко доложил инк-координатор клиники.

Виом прояснился.

Лицо Шаламова с открытыми глазами было повернуто к людям (видеокамерам, конечно), так что создавалось впечатление, будто он их видит, хотя спасатель был слеп.

— Джума, — позвал он.

В группе, обступившей Мальгина и Стобецкого, произошло общее движение.

— Я здесь, Даниил, — с небольшим опозданием ответил Джума Хан, покосившись на Мальгина.

¹ Фрустрация — дезорганизация сознания личности.

² Нейрэктомия — иссечение участка нерва.

³ Гетероплоидия — изменение структуры некоторых хромосом.

— Где я?

— В Москве, в Институте нейрохирургии.

Шаламов помолчал: в зале повисла хрупкая тишина. Было видно, что держится спасатель с большим трудом, колоссальным напряжением воли — по лицу его поползли капли пота.

— Клим, ты тоже здесь?

— Да, — каменно-твердо ответил Мальгин, шевельнув желваками.

Шаламов усмехнулся, не мигая. Заремба невольно поежился.

— Тогда я могу быть спокоен. Не давай никому меня резать, Клим, меня нельзя резать. Даже тебе. Понял? Даже тебе!.. Ты понял? — настойчиво повторил спасатель.

— Да! — ответил Мальгин.

Шаламов еще несколько мгновений с улыбкой, кривой, понимающе-иронической, сожалеющей, странной, смотрел (не видя!) на замерших врачей, потом расслабился и откинул голову, глаза его закрылись.

— Потеря пульса, — отозвался инк. — Активирую ВРС¹, дыхание, нейропинг, блокирую выделение избыточных доз вазопрессина, окситомина.

— Дьявольщина! — произнес Стобецкий. — Это же невозможно!

— Что именно? — сухо спросил Мальгин с чувством, близким к растерянности, глядя на тело друга, опутанное шлангами и проводами. Шаламов всегда был похож на дерзкого и удачливого пирата, по-мужски красивого, склонного к риску, решительного и упрямого, настолько уверенного в себе, в своей неуязвимости, что трудно было представить, будто с ним может произойти какое-либо несчастье. Во всяком случае, Мальгин знал его давно и никогда не думал, что Шаламов, олицетворяющий по натуре тип джеклондоновского героя, вдруг окажется в положении смертельно больного...

— Каким образом он приходит в себя, не имея возможности управлять физиологией? Это же нонсенс!

— Мы назвали такие моменты «пароксизмами жизни» или «парадоксальным сознанием», — сказал Джума Хан; Мальгину нравилось, как держится молодой врач спасателей, спокойно, уверенно и раскованно. — Кстати, во время «пароксизмов жизни» у него почти все основные функции приходят в норму.

¹ ВРС — водитель ритма сердца.

Заремба легонько толкнул Мальгина в спину.

— Главный...

Толпа врачей расступилась, пропуская Богдана Таланова, директора Института нейрохирургии, всегда озабоченного, нахмуренного, с морщинистым сухим лицом; глубокие поперечные морщины на лбу главного врача говорили о его возрасте больше, чем седые виски.

— Ваше мнение, Клим? — Голос у директора был низкий, почти бас, но мягкий, не оглушающий.

— Я только что узнал об этом, — сдержанно ответил Мальгин. — Мне нужно знать, помимо медицинской диагностики, как все произошло, где, по какой причине, то есть получить всю доступную информацию.

— Можем дать только приблизительную реконструкцию происшествия, — сказал один из спасателей чуть в нос; это и был Прохор Жостов, руководитель сектора, в котором работал Шаламов. — Дело в том, что мы обнаружили Даниила в последний момент, когда он уже не дышал, да и координатор его шлюпа был кристаллически мертв. Никто, по сути, не знает, что произошло, а маатане не хотят сообщать подробности.

— При чем тут маатане?

— О случившемся мы узнали от них, точнее, от маатанина, которого спас Шаламов. Это все, что известно достоверно. В системе, где мы нашли спасателя, — кстати, это в высшей степени интересная система, так называемая Горловина «серой дыры», — на искусственной планете, имеющей форму куба, остался маатанский космолет, но он тоже пуст. По всему видно, что шлюп Даниила в состоянии «струны» пересек «струну» чужого корабля, но о подробностях аварии расспросить некого.

— Появятся новые сведения — сообщите, пожалуйста.

— Непременно.

— У него есть близкие? Родственники? — спросил Таланов.

— Отец, мать, жена, — ответил Джума Хан.

— Они знают?

— Отец и мать знают, жена еще нет, она... беременна.

Мальгин медленно повернулся к говорившему.

— Что?.. Что вы сказали?

— Она беременна, — невозмутимо повторил Джума Хан. — Мы считаем, что в сложившейся ситуации до родов ее нельзя волновать этим сообщением.

«Когда же роды?» — хотел спросить Мальгин, но сдержался.

Таланов сел на его место, придвинул к темени выросшую из мигающего огнями «кактуса» пси-вириала на гибком усике «одуванчик» эмкана и погрузился в мысленные переговоры с координатором. Через две минуты отодвинул эмкан, помассировал висок ладонью.

— Готард, продолжайте аналитическое сканирование и структурное интегрирование показаний. Завтра соберем консилиум. Клим, доклад сделаете вы, не забудьте главное: выводы и рекомендации консилиума принимаются к безусловному исполнению, и ошибки должны быть исключены. Такого случая я не помню в практике и вряд ли подобные зафиксированы историей медицины, но все-таки покопайтесь в планетарном БМД и банках СПАС-службы.

Мальгин молча кивнул.

Весь день он находился под впечатлением встречи с Шаламовым и страшного диагноза его состояния. Память вопреки воле снова и снова прокручивала события давно минувших дней: детство, юность, совместные игры, увлечения, ссоры, первые серьезные шаги в жизни и, наконец, встречи с Купавой. До института. После. Признание... Да, тогда он казался старше, значимее и увереннее Шаламова благодаря своей природной сдержанности и спокойствию. Даниил слишком разбрасывался, хватался за тысячу дел, с легкостью бросая переставшие его интересовать, а Мальгин шел одной тропой к намеченной цели, и Купава пошла за ним. Четыре года, конечно, не прошли как один день, и все же они жили, не ощущая власти времени, но потом Шаламов вернулся из очередной звездной экспедиции повзрослевший, переживший смерть товарищей, научившийся ценить сказанное им самим слово и ответный взгляд друга... нет, они встречались втроем и раньше. Купава любила Шаламова, как она говорила, — за общительность, распахнутость души и склонность к юмору, но кто же знал, что это чувство внезапно усилится многократно и вырвется на свободу, ломая рамки сложившихся отношений, паритет дружбы и устоявшихся взглядов на смысл жизни?! Кто? Только не Мальгин. И ему пришлось пережить самый тяжелый день в своей жизни, когда Купава сказала ему, что уходит к Шаламову! День, когда был разрушен замок его привычных представлений о женской любви и мужской дружбе, и ночь, когда он сквозь боль и муку нахлынувшего одиночества вдруг понял. насколько ошибался в себе!

Шаламов пришел на следующее утро, волнуясь, сказал всего несколько слов:

— Я ничего не знал. Она пришла час назад. Ты, наверное, догадывался, что я ее люблю, но я бы никогда сам... она пришла и... — Шаламов беспомощно пожал плечами и криво улыбнулся; Мальгин впервые увидел в глазах друга растерянность. — Если считаешь меня подлецом — прощай.

Мальгин покачал головой. Ему было плохо, очень плохо, однако он недаром считался сильным и выдержанным человеком.

Все правильно, подумал он почти бесстрастно, загнав свою боль глубоко в сердце. Она сделала все правильно. Я бы тоже никогда не понял, что все кончилось, а если бы и понял, то не поверил. Редко кто способен признаться в собственном эгоизме добровольно... Однако вслух он сказал другое:

— Дан, если вы с Купавой не будете возражать, я приду к вам в гости. Позже. А сейчас я хочу побыть один.

Он сдержал свое слово... через два месяца, когда почти полностью преодолел последствия самоанализа, тоскливую тягу к голосу Купавы и желание сделать операцию на собственной памяти. И еще дважды приходил к ним в гости, хотя Купава всегда почему-то пугалась его приходов, и вот спустя еще полгода Шаламова привозят спасатели...

Господи, снова подумал Мальгин со страхом, она беременна! И вполне вероятно, «виновен» в этом именно я!.. Хотя какое это имеет теперь значение? Главное, она ничего не знает о Дане. Что же случится, когда ей сообщат о положении мужа?..

Вошел Заремба, как всегда — руки в карманах.

— Предлагаю путешествие в ближайший водоем — искупаться.

До Мальгина не сразу дошел смысл сказанного

Тебе что, делать нечего?

Заремба опешил, Мальгина всегда забавляло, как Иван, который был на девять лет моложе его, вел себя со всеми запанибрата, покровительственно, и всегда совершенно искренне поражался, когда его ставили на место. Но характер у молодого нейрохирурга был незлобивый, покладистый, общительный, просто он так был воспитан, без критического отношения к себе сам обижался часто и быстро, но так же быстро остывал.

Будешь ждать, пока Готард подготовит анализ?

А ты предлагаешь докладывать на консилиуме ему?

— Нет, но времени-то еще воз и маленькая тележка.

Мальгин потерял интерес к разговору и снова уткнулся в стол, по черной панели которого ползли последние сводки медицинских новостей из всех районов земного шара, отобранные для него киб-секретарем. За день лицо заведующего отделением осунулось и заострилось.

Заремба потоптался у стола, повздыхал.

— Ты меня включишь в бригаду лечащих?

Мальгин с трудом вернулся из глубин памяти.

— Я хотел бы попасть в ПР-группу.

Клим наконец выключил информпрограмму, вскинул на нейрохирурга затуманенные глаза.

— Надеюсь, у тебя есть основания?

— Ну, я думаю... считаю, что я... хороший специалист, врач...

Мальгин вздохнул.

— Ты же знаешь, что этого недостаточно, Иван. Ответственность за лечение таких пациентов, как Шаламов, требует полной отдачи, колоссального опыта и знаний.

— Что я, по-твоему, не лечил никого? — насупился Заремба. — А кто оперировал Кадовски? Кто поставил правильный диагноз Ламбергу?

— Ты. — Мальгин снова вздохнул. — Но ты пока умудряешься брать на себя больше, чем можешь унести. К тому же Таланов уже назначил бригаду операционников.

— И кто в нее вошел?

— Готард, я и... как его, врач-спасатель Джума Хан. Трое.

— Мне этот индеец не показался опытным. — Заремба pokrивил губы. — К тому же трое в группе — мало. Могут заменить индейца.

— Он афганец.

— Какая разница? Значит, не берешь?

Мальгин тронул сенсор вызова, отрицательно качнул головой.

— Ты даже не представляешь, какой это трудный случай. Не знаю, как Готард и Джума, но я... я просто боюсь давать прогнозы.

Знал бы ты, что я испытываю, с тоской подумал он. Умирает человек, который был моим другом, не подозревая, что мы давно враги! Умирает исключительно коммуникабельный человек, которого все любили и всегда ждали. Умирает тот, кто, не дрогнув, пожертвовал собой, спасая маатанина, совершенно чужое разумное существо, не способное на ответное благородство. И наконец, умирает

рает тот, к кому ушла жена, превыше всего в жизни ставящая честность отношений, какой бы ни была цена... Что будет, если Даниил умрет? Вернется ли она? И что будет, если он все-таки выживет?..

Над «глазом» виома развернулся объем изображения с головой Стобецкого.

— Давайте поработаем вместе, — сказал Мальгин. — Мне некуда деться.

— Успеешь поработать, — недовольно проговорил Готард. — Через пару часов я дам предварительный вывод.

— И все же я подключусь в параллель. Извините, Готард, но у меня есть свои резоны. Этот человек... мой злейший друг.

Стобецкий пожевал губами, хмурясь, нехотя кивнул. Потом не удержался от ехидной тирады:

— Боишься, что на стадии прогноза не учту какую-нибудь мелочь? Стобецкий еще не ошибался в анализе.

— Я знаю. — Мальгин остался бесстрастным. — Но решать судьбу этого парня буду, наверное, я.

Виом погас, Стобецкий выключил интерком.

— Индюк, — сказал Заремба простодушно. — Клим, вспомни обо мне, я не подведу. Желаю удачи.

Мальгин остался один. Минут десять он сидел в том же положении, боролся с воспоминаниями и, победив, дал задание киб-секретарю связаться со спасательной службой и собрать все материалы о работе Шаламова. После этого спустился в клинику Стобецкого, где автоматы реанимакамеры, насколько это возможно, поддерживали оптимальную среду для одного пациента, Даниила Шаламова, мастера-спасателя тридцати двух лет от роду, верного своим принципам всегда и везде, даже в ситуации, когда выбор один — жизнь своя за жизнь чужую...

Стобецкий не сказал ни слова, когда Мальгин сел рядом и вывел на второй эмкан параллельный выход диагностера. До глубокой ночи они работали в полной тишине, связанные оперативным полем компьютера, а когда закончили формирование отчета, долго сидели за светящимся «кактусом» вириала и смотрели на неподвижное тело Шаламова, погруженные каждый в свои мысли и чувства. Их рабочие отношения можно было бы выразить двумя словами: унисон диссонансов. Но это в общем-то парадоксальное словосочетание точно определяло способности каждого видеть границы принципиальной оценки событий. Стобецкий ушел раньше, буркнув «спокойной ночи». Мальгин вернулся в кабинет, еще раз пе-

речитал собственные выводы, зафиксированные памятью машины — в институте ее все называли Гиппократом¹, — и в третьем часу ночи покинул институт. Думал он, к собственному отвращению, только об одном: у Купавы будет ребенок...

На консилиуме присутствовали едва ли не все крупнейшие специалисты с приставкой «нейро» в области изучения и лечения человеческого мозга и нервной системы: нейропсихологи и физиологи, хирурги и химики, кибернетики и лингвисты, психологи и генетики, в том числе и доктор неврологии Каминский, возглавлявший Европейский центр индивидуальной психотерапии.

Данные анализа состояния Шаламова произвели на каждого из них разное впечатление, но в одном их мнения совпали: случай был уникальным. Мозг пациента переродился почти на пятьдесят процентов и продолжал изменяться, хотя процесс этот и замедлился после медикаментозного вмешательства врачей спасательной службы. Начали играть особую роль интрамуральные нейроны, замурованные в стенках сосудов, их объем увеличился, а структура изменилась, теперь они объединились в автономную сеть, образовав специфический нейропиль — «скелет» новой нервной системы, почти не зависящей от головного и спинного мозга.

За сутки, истекшие с момента доставки Шаламова в институт, он дважды приходил в себя, звал Джуму Хана или Мальгина, просил ничего не сообщать Купаве, настойчиво требовал не пичкать его нейролептиками и обойтись без хирургического вмешательства в его организм. Каждый раз после этих кратких сеансов полного сознания у него останавливалось сердце и наступала клиническая смерть, но ухищрениями медиков, вооруженных тысячелетними знаниями методов и накопленным опытом медицины, опирающихся на умные машины и точнейшую аппаратуру, Шаламов снова возвращался к жизни, вернее, полужизни, большую часть времени проводя в глубоком беспамятстве. Он был явно неоперабелен, о чем прямо заявил Стобецкий, но Мальгин, как, впрочем, и сам Готард, и Таланов, и многие другие, не видели иного выхода: Шаламова надо было срочно оперировать, он мог умереть в любую минуту

¹ Инк (интеллект-компьютер) института.

— Ну, хорошо, операция необходима, — согласился Каминский, чем-то напоминая Мальгину дремлющего седого льва. — Но ведь сам пациент от нее отказывается. Не нарушаем ли мы норм врачебной этики? К тому же поле хирургического вмешательства настолько велико, что едва ли с операцией справится один человек. Вот вы, например, справитесь? — Каминский посмотрел на Стобецкого.

Готард нахмурился, пожевал губы и вдруг, к удивлению Мальгина — тот ожидал другого, отрицательно качнул головой.

— Я, наверное, нет, а вот он справится. — Кивок на Мальгина. — Клим — лучший нейрохирург Системы, нейроконструктор высшей квалификации...

— Оставьте славословие, Готард, — негромко перебил коллегу Мальгин. — Бронислав прав, оперировать придется сразу два десятка пораженных участков, но не это главное. Операция ничего не даст, если мы не сможем стереть чужую информацию в мозгу больного. Именно она формирует те структурные и нейрохимические изменения мозга и тела Шаламова на уровне неосознанной психики, подсознания, которые превращают его в... — Мальгин запнулся, — в нечеловека. Но вы не учитываете фактор времени. У нас его нет. Дальше будет еще хуже, процесс перерождения продолжается, и скоро мы упремся в тупик, из которого всего два выхода: смерть пациента или полная фрустрация личности, что для него в принципе одно и то же.

— Вы берете на себя ответственность за исход операции? Придется сделать не одну, а целую сотню тончайших операций одновременно.

Мальгин поднял на Каминского твердый взгляд, мельком отметив жест Зарембы, означавший: «Не дрейфь».

— Да, — сказал он и вспомнил шепот Купавы: «Тебя все называют человеком-да. Ты всегда так уверен в себе? В своей судьбе? В правильности выбора цели?» «Да», — ответил он в тот день...

— Но, повторяю, до нейрооперации необходима операция по очистке мозга больного от «шлаков» чужеродной информации. Это самое трудное и опасное в данном случае. Подобную операцию проводили всего один раз за всю историю медицины: около тридцати лет назад мой предшественник Наумов оперировал двух космонавтов, попавших под информационно-лучевой удар над Юпитером.

— Ему было труднее, — проворчал Стобецкий. — В те времена еще не было машин типа Умник или Гиппократ.

Мальгин промолчал.

— Но насколько я понял, вы не знаете всех запасов криптогнозы¹, — сказал Каминский. — К тому же она может быть перемешана с жизненно важной наследственной и приобретенной информацией. Как вы отделите «зерна от плевел»?

В демонстрационном зале, где проходил консилиум, повисла тишина.

— Есть только один способ, нарушил ее Мальгин, посмотрев на задумавшегося Таланова. — Прямой психоконтакт. Необходимо замкнуть мозг больного на мозг врача.

— Но это же колоссальный риск!

— Да, риск, — согласился Таланов, — прежде всего риск шокового исхода и глубокой психотравмы хирурга, но я не уверен, что нет другого выхода. Давайте подумаем вместе, может быть, выход найдется. Предлагаю укомплектовать группу профессионального лечебного риска пятью врачами. У кого другое мнение? Прошу назвать кандидатуры.

— Разрешите слово? — встал Заремба. — Мне кажется, мы кое-что упускаем из виду.

Мальгин, приготовившийся к тому, что Иван станет предлагать в группу себя, с интересом посмотрел на молодого хирурга.

— Конкретней, пожалуйста, — сказал Таланов с обычной своей ироничной вежливостью.

— Шаламов работал с маатанской техникой в состоянии гипермнезии и впитал почти весь запас информации их корабельного компьютера, поэтому прежде, чем заняться лечением больного, необходимо узнать все о маатанах: их биологию, физиологию, биохимию и так далее. Только тогда мы быстрее поймем процессы, идущие в организме Шаламова, и сможем определить пределы хирургического и психофармакологического вмешательства.

А молодец Иван, голова у него варит, подумал Мальгин с некоторым удивлением; сам он упустил из виду эту особенность случившегося.

Идея хорошая, сказал Таланов, — хотя мы об этом не забывали. Но как ее осуществить практически? Насколько я осведомлен, контакт с нами маатане отвергли. Вообще удивительно, что этот травмированный маатанин,

¹ К р и п т о г н о з а — информация, осевшая в глубинах не осознанной психики

которого спас Шаламов, внезапно проникся благодарностью к нему и решил сообщить нам координаты места катастрофы.

Заремба сунул было руки в карманы, но, посмотрев на Мальгина, вытянул их обратно.

— Это можно объяснить, — сказал он со снисходительной небрежностью. — Шаламов сработал обратную связь с маатанским компьютером, а тот мог иметь такую же с маатанином. Вот «черному человеку» и передалась часть эмоциональной и психогностической информации спасателя.

В зале снова воцарилась тишина.

Недооценивал я Ивана, подумал Мальгин с невольным сожалением. Из него может получиться отличный врач. Главное, он умеет думать.

Таланов кашлянул в кулак, в глазах его отразилось уважение.

— А вот об этом я не подумал. Спасибо за идею, она интересна и ценна. Правда, я все равно не вижу, каким образом можно получить сведения о физиологии маатан.

— Да очень просто! Разве у нас в УАСС нет отдела разведки или безопасности? Пограничников наконец? Пусть поработают!

На лицах присутствующих в зале мелькнули улыбки. Горячность молодого нейрохирурга и его манера поведения импонировали многим.

— Это как раз очень непросто, — негромко сказал Джума Хан. — Как вы себе сие представляете?

— Элементарно: выкрасть маатанина, обследовать и вернуть... извинившись.

Последняя фраза Зарембы снова развеселила присутствующих, но ненадолго. Предстояло принять решение, определяющее дальнейшую судьбу больного.

Спустя полчаса группа риска была создана. В нее вошли четверо мужчин: Мальгин, Стобецкий, Джума Хан, а также Бронислав Каминский, и женщина, один из крупнейших нейрохимиков Земли — Карой Чоккой. Консилиум закончил работу, и теперь предстояло выработать стратегию и тактику лечения Шаламова, поставившего в тупик странной своей болезнью лучших специалистов Земли в области изучения человеческого мозга и нервной системы человека.

Заремба хотел было навязать Мальгину свое общество, но Клим отверг эти попытки двумя словами: «встретимся завтра» — и сбежал из института, наугад ткнув иглой задат-

чика в схему выходов метро¹. Вышел он на второй станции метро Ио, спутника Сатурна, над прозрачным куполом которой нависала пухлая пятнисто-полосатая стена гигантской планеты, перечеркнутая узкой полоской кольца, видимого с ребра.

А может быть, поступить по совету Зарембы? — подумал Мальгин, глядя на заметное глазу движение пятен на боку Сатурна. Выкрасть «черного человека», предварительно подготовив исследовательский комплекс на базе больших Умников академии, и за два-три часа «распотрошить» его по всем параметрам. Потом извиниться и, бия себя в грудь коленом, вернуть обратно...

Из-за горба планеты брызнуло расплавленным золотом солнце. Мальгин не отвернулся, только сожмурился.

Нет, не имеем мы права действовать подобным образом, по-пиратски. Пусть «черные люди» высокомерны, эгоистичны и равнодушны к нам, но это никому из людей не дает моральных преимуществ. Этика контакта живых с живыми складывалась веками, от контактов с братьями нашими меньшими — животными — до контактов людей с людьми. Мы пережили все: войны и геноцид, расизм и оголтелый шовинизм, примитивный социализм, фашизм и псевдокоммунизм и ворох других производных «измов», пока не научились уважать чужое мнение и чужие желания. Шаламов не прикидывал размеров личной выгоды от спасения «черного человека», он просто его спасал... как тот дурак, который не знал, что задача неразрешима, и потому решил ее...

Ах, Данька, Данька, кто знал, что ты станешь моим пациентом! Человек устроен таким образом, что считает себя бессмертным до тех пор, пока не встретится со смертью лицом к лицу, а ты был сверхоптимистом и вряд ли задумывался над тем, что смертен, как и все. В какую же историю ты влип, мой злейший друг! И меня тянешь за собой в пропасть... потому что никогда не задумывался о последствиях своих поступков. Я даже не уверен, думал ли ты о Купаве, когда спасал этого каменно-металлического монстра... хотя эгоистом тебя никто назвать не вправе, даже я. Просто ты такой, какой есть, — ничего показного, фальшивого, хитрого, весь на ладони. А глав-

¹ М е т р о (от слов «мгновенный транспорт») — система мгновенного масс-транспорта; ретроспективный возврат старого привычного термина одного из самых удобных видов транспорта XX века.

ное, ты всегда был искренне уверен, причем не в меру общепринятых норм, что предать тебя никто не может, тем более друзья. Надо же таким уродиться?! А подумал ли ты о том, каково сейчас мне? Имею ли я право на ошибку, зная о твоём святом неведении и не менее святой уверенности в моем профессионализме, в том, что я вытяну тебя из преисподней?..

В глубинах атмосферы Сатурна мигнула алая звезда — луч лазер-связи какого-то исследовательского автомата. Мальгин опомнился и шагнул обратно в камеру метро, не обращая внимания на удивленные взгляды работников станции. Через двадцать минут он был дома.

Принял душ, переоделся, выпил бокал испли и вдруг бессознательно набрал телекс Купавы, заблокировав обратную связь.

Виом развернулся почти сразу. Перед Мальгиным возник вид до боли знакомой гостиной Шаламова, а напротив стояла Купава в халатике и с недоумением смотрела на Мальгина, и, хотя видеть его она не могла, Клим невольно сделал шаг в сторону, глотая ставшую горькой слюну.

— Слушаю вас, — нараспев сказала Купава с рязанским выговором, откидывая пушистую прядь волос со щеки. — Включите обратку, я вас не вижу.

Мальгин молчал, сжав кулаки так, что ногти впились в ладонь. Он увидел округлившийся живот, изменивший фигуру женщины, ее осторожные движения, и в голову ударило волной пронзительной тоски и отчаяния. Купава любила Шаламова и еще ничего не знала о случившемся

— Кто звонит? — повторила Купава, и вдруг выражение ее лица изменилось. — Клим?.. Ведь это ты, Клим, я знаю. Включи обратку, я хочу посмотреть на тебя. Почему ты не звонишь?

Мальгин с трудом проглотил ком в горле и выключил виом связи.

Уснул он только под утро, на рассвете.

Глава 2

Заремба встретил Мальгина рассеянным «привет». Он сидел за пси-вириалом реаниматора с эмканом на голове и, судя по сигнализации на терминале, работал с вычислителем в режиме интегрального обобщения. Стобецкого в клинике не было.

— Где Готард? — спросил Мальгин, включая передачу из реанимакамеры. Виом раскрыл внутренность камеры: сквозь зеленоватый сумрак физиогаза едва проглядывало тело Шаламова, похожее на скульптуру спортсмена из позеленевшей бронзы.

— Ушел, — ответил Заремба с запозданием. — Он дежурил с Ханом всю ночь. Подожди, я сейчас освобожусь.

Мальгин сел рядом, вывел на второй эмкан информацию сторожа состояния, выслушал мысленный доклад, откинулся в кресле. Эмкан свернулся в гибкий усик и втянулся в пульсирующую колонну вириала.

Состояние Шаламова не изменилось к лучшему, состояние коллапса — на грани клинической смерти. Спасатель не реагировал на раздражители, смену физиогаза, излучателей, стимуляторов и на регулярные сеансы внутривенного питания. Но за ночь он дважды «всплывал» из небытия в пароксизме псевдосознания, почти полностью восстанавливая на несколько минут функции сердечно-сосудистой, вегетативной и центральной нервной систем. Однако блокада пси-сферы при этом не снималась, то есть даже с помощью точнейших датчиков не удавалось «снять мысли» спасателя, уловить, о чем он думает и какая информация скрывается в глубинах его памяти.

Заремба стащил ушастую дугу эмкана и небрежно бросил на вириал, пригладил волосы.

— Я нашел причину слепоты: у него нарушена связь между стрирной зрительной корой и латеральным колленантным телом. Восстановить эту связь для меня — пара пустяков.

— Что он говорил в сознании?

— По-моему, ничего существенного... нет, постой, первый раз позвал тебя и умолк, а второй произнес странную фразу, сейчас вспомню... да, вот: «Я, обезумевший в лесу Предвечных Чисел».

— Числ, — поправил Мальгин. — Это Верхарн, Даниил любит его поэзию. — Клим полузакрыв глаза, помолчал, потом продекламировал:

— «В одежде цвета горечи и яда рассудок мой холодным мертвецом плывет по Темзе вверх лицом».

Заремба хихикнул, но, видя, что Мальгин не расположен шутить, подобрался виновато и покачал головой:

— Мрачновато, хотя и весьма оригинально. Я лично Верхарна не читал и не особенно жалею об этом. Что будем делать, Климыч? Машина дает ему не больше двух суток жизни. Если не успеем что-либо предпринять, летальный исход неизбежен, несмотря на временные про-

яснения сознания, которые твой любимый Хан назвал «фазами хозяина».

— Кстати, где он?

— Джума? У себя, наверное, в клинике СПАС-центра, я им как-то не интересовался. Скажи, ты знаком с Карой? Она почему-то интересовалась тобой, звонила, я дал твой домашний телекс. Ну и женщина, скажу я тебе! С ходу можно отдать ей корону «мисс Вселенная»! Во всяком случае, я бы отдал. Красивая женщина, а? Она занимается исследованием нейрилеммы и нейроглии¹, а старик Каминский собрал своих лингвистов и кибернетиков², его задача — ЦНС. И все равно мы придем к одному: требуется срочная операция. Вернее, две операции, как ты и говорил: стирание чужой информации — после выявления запасов криптогнозы и воссоздание нормального генома, конструирование здоровых хромосом со всеми вытекающими последствиями. — Последние слова Заремба проговорил с видимым удовольствием, смакуя.

Мальгин молчал, все так же полускрыв глаза. Заремба вдруг щелкнул пальцами, глаза его загорелись.

— А давай сами слетаем к маатанам в гости и умыкнем одного, если они не дадут нужной биоинформации! А?

— Ты сам-то понимаешь, что говоришь?

— Очень даже понимаю. Попытка — не пытка, а твой друг ждать не может, он и так на ладан дышит.

Мальгин встал так стремительно, что Заремба отшатнулся.

— Ты что?..

— Ничего, — глухо сказал Клим. — Может быть, и из лучших побуждений, но ты провокатор, Иван. Обзвони всех и сообщи, что собираемся в двенадцать, будем решать. Спросит Таланов — я в Управлении спасателей.

— Хорошо, скажу. — Заремба шмыгнул носом. — А почему я провокатор?

Мальгин окинул хирурга взглядом, глаза его стали грустными.

— Тебе никогда не приходило в голову, что ты слишком медленно взрослеешь? Сколько тебе лет?

¹ Нейрилемма — оболочка нервных волокон; нейроглия — ткань нервной системы, в которой располагаются нервные клетки.

² Подразумевается: нейролингвистов и нейрокибернетиков; нейролингвистика изучает нарушения языковых навыков, нейрокибернетика — организацию и функционирование нервных сетей, механизмов памяти и поведения.

— Двадцать семь

— А ведешь себя подчас как двенадцатилетний малец. Подумай на досуге, ведь есть чем — голова иногда соображает.

В девятом часу утра Мальгин нашел Джуму Хана в шок-овом отделении клиники УАСС. Меднолицый врач «Скорой помощи» не удивился визиту, извинившись перед коллегой, отвел Клима в сторону; они медленно пошли по заросшему травой — таково было впечатление от ковра — коридору.

— Нужна полная информация о физиологии и биологии маатан, — сказал Мальгин прямо. — Я не имею права оперировать, не представляя полной картины того, с чем могу встретиться на молекулярном и атомарном уровнях.

— Такой информацией мы не располагаем и вряд ли будем располагать в ближайшем будущем.

— Разве вы не поняли? — холодно спросил Мальгин. — Я и сам знаю, что у нас есть, а чего нет.

Джума Хан остался невозмутимым.

— Не сердитесь, я вас понял. К сожалению, мои коллеги не догадались доставить из Горловины шлюп Шаламова или хотя бы его инк. А выудить что-либо из поврежденного проводника на месте не удалось.

— Надо срочно доставить его сюда и отдать специалистам-структурщикам, может, хоть что-нибудь выудят.

— Боюсь, что это невозможно, маатане установили в Горловине «маяк-табу», по терминологии безопасников, то есть знак частного владения. Мы не имеем права врываться на занятую ими территорию.

— Но ведь вы уже «врывались», когда забирали Шаламова.

— Сядем, — кивнул Хан на кресла в нише с видом на пойму Десны. Сели друг против друга, похожие сдержанностью и той особенной мимикой, которая выдает в собеседнике умного, понимающего иронию и юмор человека.

— Все не так просто, не однозначно. Да, мы забрали Шаламова из Горловины, но после этого маатане выпустили внутри нее сторожей, имеющих приказ уничтожить любых непрошенных гостей.

Мальгин молча смотрел на врача. Тот оценил его взгляд.

— Да, такова их логика, и ничего с этим не поделаешь!

— А откуда это известно?

Джума Хан слегка улыбнулся.

— У разведки свои секреты и методы, к тому же по этому делу работают еще пограничники и безопасники.

— Но ведь «черные люди» имеют точно такие же права на «серую дыру», что и мы, Шаламов «обнаружил» ее, если можно так сказать, одновременно с маатанином.

— С юридической точки зрения — да, мы имеем право на владение как Горловиной, так и планетой-кубом, — Шаламов назвал ее Стражем Горловины, — хотя никто из людей никогда не стал бы присваивать себе лично и вообще всему человечеству подобный объект, нам достаточно иметь возможность исследования феномена, однако «черные люди» не признают законов земной юрисдикции. Конечно, комиссия ИВК¹ попытается официальным путем решить возникшие правовые вопросы, но едва ли маатане станут нас слушать.

— Так что же, уперлись в тупик и на этом успокоимся? Джума внимательно посмотрел в глаза Мальгину.

— У вас есть конкретные предложения?

— Нет, — сказал Мальгин нехотя через некоторое время. — Но у меня в распоряжении сутки, от силы двое. Сегодня в двенадцать я объявил общий сбор рисконавтов, и, если решение не будет найдено, я начну действовать так, как сочту нужным.

Джума Хан покачал головой.

— Напрасно вы разговариваете со мной как с противником, я целиком и полностью на вашей стороне, и, как бы вы ни решили, — а я думаю, что понял вас правильно, — будем действовать сообща, аморфная позиция не по мне.

Мальгин встал, протянул руку.

— Благодарю, и простите за резкость, этот случай настолько неординарен для меня в личном отношении, что я не имею права ошибаться.

Ладонь у Джумы была широкая и шершаво-твердая.

— Никто из нас не имеет права ошибаться, хотя без ошибок человек — не человек. Хотите, покажу одну любопытную картинку?

— Она имеет отношение к теме нашего разговора?

— Прямое.

В своем рабочем кабинете Хан включил стол, полистал оглавление проектора и остановился на нужном кадре. Виом развернул плоскость цветного изображения, медленно протаявшего в глубину. Мальгин увидел дымя-

¹ Институт внеземных культур.

щийся черный океан, низкое мрачное небо с перьями фосфоресцирующих облаков, неожиданно светлый берег с редкими скалами.

— Снято в ультрафиолете, — пояснил Джума, наблюдая за Мальгиным. — Догадываешься?

Вглядевшись, Клим понял, что видит вовсе не скалы, а чудовищные скелеты, облепленные не то насекомыми, не то пиявками. А на заднем плане торчало из песка косо уходящее в небо перепончатое перламутрово-полупрозрачное, с красивым рисунком прожилок крыло, на вершине которого громоздилась мрачная, многогорбая, наполовину покрытая зеркальным слоем глыба — «черный человек». На стереоснимке был запечатлен пейзаж Маата.

Ничего больше не сказав друг другу, они разошлись. Мальгин вернулся в институт и принялся внимательно изучать сканер-срезы мозга Шаламова, намечая пробную «тропу вмешательства». А около одиннадцати в клинику пришла Купава.

Одета она была в нечто пушистое, снежно-белое с голубым, с зеркальными перетяжками — комплект «воздушный замок», скрывающий фигуру, и никто не взял бы на себя смелость утверждать, что Купава ждет ребенка. В кабинет она вошла без предупреждения.

Когда Мальгин, недовольный вторжением, повернул голову к двери, он сначала не поверил глазам своим, потом встал, не снимая эмкана, и молча уставился на женщину. В голове поплыли дым и звон — и ни единой мысли.

Смуглое лицо Купавы казалось чуть бледнее обычного, а изогнутые, как птичьи крылья, брови придавали лицу какое-то трагическое выражение. Мальгин никогда не видел у нее такого!

— Что же ты не приглашаешь меня сесть, человек-да? — спросила она тихо, с неожиданно робкой улыбкой.

Мальгин опомнился, сорвал с головы эмкан, бросил на стол, вышел навстречу. Слова застряли в горле, пришлось откашливаться.

— Извини, я просто-напросто остолбенел. Проходи, садись.

— Спасибо. Не ожидал?

— Нет, — сказал он так жестко, что она снова улыбнулась, но улыбка была невеселой и недолгой.

— Клим, ты же сильный и добрый, иначе тебя не называли бы человеком-да, почему ты ничего мне не сказал?

— О чем?!

Не притворяйся. — В голосе женщины прорывались слезы; она села в кресло и облегченно вздохнула, прислушиваясь к себе. — Ты не способен на обман и должен сказать правду: что с Даном?

Мальгин попятился, поймал спинку кресла, сел напротив.

— Кто тебе сообщил?

— Неважно кто. Ты звонил вчера, и я... почувствовала. И потом, у меня есть друзья в Управлении спасателей и среди пограничников... они сказали, что он здесь. Что с ним? Почему он лежит у вас, в Институте нейрохирургии? Почему мне никто ничего толком не говорит?

— У тебя будет ребенок, — сказал он вдруг утверждающим тоном, словно разговор шел об этом.

— Да, — сказала она спокойно, не удивляясь, только прищурилась и словно отгородилась от него внутренним барьером.

— Мой ребенок, — уточнил он.

— Да, — повторила Купава все так же спокойно. — Но это ничего не меняет, Клим. И речь о другом. Что случилось с Даном? Почему он оказался в твоём институте?

— Идиот, — сказал он вдруг сокрушенно.

Купава вздрогнула, непонимающе посмотрела на Мальгина.

— Я идиот, — добавил он. — Что позволил тогда тебе уйти. Почему-то не сработала интуиция. Надо было догнать тебя, всыпать как следует и вернуть.

— Вряд ли это подействовало бы, я бы все равно ушла.

— Нет, — сказал он тихо, но так твердо, что Купава посмотрела на него с явным интересом.

— Ты, кажется, становишься человеком-нет. Не отвлекайся, Клим, я знаю твою манеру уводить разговор в сторону, когда ты не хочешь говорить о главном. Почему Дан оказался в Институте нейрохирургии? У него... стресс?

— Хуже, — помолчав, сказал Мальгин: полуправду он не любил так же, как и ложь. — У него коматозное состояние, сильнейший шок... а он умудряется при этом на две-три минуты выкарабкиваться из беспомыслия и просить, чтобы тебе ничего пока не сообщали...

— Что с ним случилось? Он же ушел в обычный курьерский рейс...

— Его шлюп в режиме «компакт-струна» пересекся с чужим кораблем... оба «выпали» в наше трехмерное пространство внутри «серой дыры», вернее, внутри входа в нее... и, чтобы спасти экипаж чужака, Дан вывел на свой

мозг память и динамику операционных полей их компьютера... маатанского компьютера.

Мальгин поднял голову и ту же опустил.

Купава смотрела на него ставшими вдруг огромными бездонными глазами, но совершенно пустыми, словно душа ее вдруг выгорела дотла.

— Он...

— Сейчас он почти нечеловек, Купава. И спасти его... — Клим хотел сказать: «невозможно», но не смог.

Но она поняла.

— Ты сможешь! — прошептала она. — Ты сможешь, Клим, ты же все можешь, ты лучший нейрохирург Системы, не говори «нет»... — Шепот угас.

— Не знаю. — С горлом у Мальгина снова что-то случилось, слова застревали, цеплялись и царапали горло, и он испытал самую настоящую боль. — Не знаю. Это правда.

Она вдруг коротко и зло рассмеялась, так что у Мальгина пробежала по спине ледяная дорожка озноба.

— Тебе не кажется, что мы с тобой оживили джеклондоновский сюжет?

— Какой? — Он смотрел непонимающе.

— Вспомни рассказ «Конец сказки». От хирурга Линдея ушла жена, и ему пришлось лечить соперника...

Клим кивнул, к нему возвращалась былая уверенность и сила, понимание того, что он тоже не в состоянии сказать «нет».

— Так вот, — продолжала Купава, кусая губы, — я тоже могу, как та женщина, Медж, предложить тебе компромисс: спаси Дана, и я уйду к тебе... навсегда!

Мальгин встал, наглухо застегнутый в бронежилет самообладания, хотя в квартире души, уютно обставленной согласно привычкам и желаниям тридцатилетнего мужчины, возведшего в абсолют догмат выдержки и самоконтроля, вдруг появилось желание сделать Купаве больно. Росло это желание недолго, Мальгин умел бороться с малодушием. Он усмехнулся и подумал: когда-то наши разговоры были для меня сродни умственной гимнастике, заставляли держать себя в постоянной интеллектуальной форме. Как давно это было, а интонации сохранились до сих пор. Неужели мне суждено это помнить всегда?

— А если я соглашусь на твое условие?

В глубине глаз Купавы мелькнуло не то сомнение, не то страх, но думала она в данный момент не о себе.

— Я приду.

Мальгин глубоко вздохнул, не позволяя сорваться с языка невысказанному, и Купава поняла, о чем он подумал.

— Ты до сих пор не простил мне... ухода?

Он покачал головой:

— Не о том говорим.

— Не простил... а мне казалось, умение прощать — свойство сильных. Ты же сильный, Клим, неужели никогда не...

— Замолчи, — оборвал он ее почти грубо, — иначе я возненавижу себя за то, что дал тебе повод думать обо мне так. Уходи, Купава, потому что мы наговорим друг другу такого, что не сможем потом простить никогда. Меня не нужно упрашивать вылечить Дана, это мой прямой долг. Одно знаю твердо: я сделаю все, что в моих силах, и даже больше, насколько это вообще возможно.

Купава встала, до боли желанная и чужая, встретила его взгляд, и снова в глазах ее мелькнул страх. Почему страх? — подумал Клим с недоумением, мимолетно. За кого она боится? Господи, неужели за меня?!

Купава вдруг шагнула к нему, поцеловала и, не оглядываясь, пошла к двери, а он остался стоять, оглушенный бурей чувств и желанием разбить голову о стену...

Потом, спустя несколько бесконечных минут, буря стихла, боль ушла, и голова стала пустой, легкой, звонкой, как фарфоровый сосуд; отзвуком эмоционального урагана повисла в тишине нота грусти и тоски... и снова, как при ее появлении, — ни одной мысли.

Хватит! — сказал сам себе Мальгин с ненавистью, а когда это не помогло — ударил кулаком в стену так, что разбил пальцы в кровь! Физическая боль отрезвила.

Группа риска в полном составе собралась возле реанимакамеры в двадцать часов.

Стобецкий попытался было вслух обобщить свои личные выводы, но его перебил Заремба, и они здруг углубились в спор, заинтересовавший и остальных. Предметом спора стала конечная стадия преобразования личности Шаламова. Стобецкий утверждал, что процесс интериоризации, то есть расщепления личности, зашел слишком далеко, и спасатель едва ли уже сможет вернуться в исходное состояние.

— Чепуха! — заявил Заремба безапелляционным тоном, становясь похожим на своего оппонента. — Должна по-

бедить человеческая основа. Слишком долго эволюция лепила и обжигала человека, чтобы он сдался под напором информ-мутагена, пусть даже и на уровне генного приказа...

Мальгин одним ухом прислушивался к спору, поглядывал то на безмолвствующего Каминского, то на Карой Чоккой. Заремба не преувеличивал, женщина действительно была молода и красива, хотя уже успела стать ведущим нейрохимиком планеты. Мальгин слышал о ней, читал ее работы, но встречаться с Чоккой даже по виому ему еще не приходилось. Видимо, их интерес был взаимным, потому что взгляд Мальгина то и дело наталкивался на встречный взгляд женщины, изучающий, задумчивый и вспыхивающий искрами улыбки в ответ на горячие выпады Зарембы.

— Может быть, коллеги позволят перейти к делу? — негромко сказал невозмутимый Джума Хан. Он был единственным из их мужской компании, кто не посматривал на представительницу слабого пола.

Заремба хотел было огрызнуться, но Мальгин остановил его, подняв ладонь вверх.

— Разрешите начать?

Стобецкий остановился на полуслове, посмотрел на Карой Чоккой, словно проверяя, какое впечатление оставила фраза Мальгина, и нехотя кивнул.

— Простите, не сдержался. Все мы знаем положение больного, и нет смысла спорить по мелочам. Я безусловно хочу его вылечить и буду рад, если ошибусь, предполагая худшее. Что вы хотите предложить, Клим?

— Сначала я хотел бы выслушать остальных, и прежде всего вас, Карой. Данные анализа я знаю, только выводы и прогноз.

Нейрохимик перекинула ногу за ногу. Держалась свободно и непринужденно, и было заметно, что взгляды мужчин ее занимают мало. Мальгин невольно сравнил Карой с Купавой, тип лица у обеих женщин был одинаков, вероятно, обе имели славянские корни, общих предков; но если красота Купавы была милой, «домашней», противоречащей, кстати, ее резкому независимому характеру, то у Карой доминировала печать интеллекта, деловой независимости и уверенности. Тонкое смуглое лицо ее с бровями вразлет притягивало взоры и заставляло мужчин держать себя в постоянном напряжении.

— Я бы хотела вернуться к спору и поддержать коллегу Стобецкого, — произнесла женщина глубоким контраalto. — Судя по цитохимическому изменению струк-

турных органелл нейронов и расстройству всей нервной системы, у Шаламова действительно начался распад психики. Вы должны понимать, что может последовать за превращением биполярных нейронов чувствительных ганглиев в мультиполярные¹, а именно этот процесс у пациента и происходит. Вывод один: у больного налицо прогрессирующий синдром «черного человека» — термин коллеги Каминского. Процесс перерождения нервной ткани замедлился, но начинают сказываться качественные эффекты: тело больного, его ЦНС, по сути, действуют самостоятельно в соответствии с какой-то внутренней программой, закодированной информацией, полученной Шаламовым от маатанского компьютера. Вот-вот наступит кризис: больной балансирует на тонкой грани перехода человек — нечеловек, негуманоид, и, кем он станет, не вмешайся мы, одному Богу известно. Необходима срочная, очень рискованная, причем не только для пациента, но и для хирурга, колоссальной сложности операция! Это все, что я могу предложить. Если не возражаете, согласна быть ассистентом хирурга по координации.

— Но сам больной во время «фаз хозяина» или «пароксизмов бодрствования» категорически возражает против операции, — вскинул голову Заремба.

— Вот именно — «пароксизмов», — буркнул Стобецкий. — Я склонен полагать, что это не просветление сознания, а именно моменты псевдосознания, когда за Шаламова говорит его нарождающееся второе «я», часть интеллекта, контролируемая информацией «черного человека».

— Согласен, — кивнул Каминский, включаясь в разговор. — Мы пришли к такому же выводу. Внутри больного формируется личность «черного человека», и к чему это приведет, когда формирование закончится, боюсь и представить. Случай беспрецедентный в моей практике, да и в мировой тоже. Я вообще не понимаю, почему Шаламов в той ситуации не воспользовался двигателем как передатчиком, чтобы дать SOS.

— По утверждениям экспертов, он им воспользовался, но, к сожалению, наши СПАСы его не услышали, — сказал Джума Хан. — Диапазоны их частот прослушивания весьма далеки от тех, что возбуждаются в компакт-камерах двигателя. Что касается действий Шаламова, то он

¹ Б и п о л я р н ы е — нейроны с двумя отростками, м у л ь - т и п о л я р н ы е — со многими.

был спасателем и в создавшейся ситуации иначе поступить не мог, он спасал пусть и не человека, но разумное существо! Однако я не стал бы обвинять и маатан в том, что они не люди. Конечно, они не люди! Совсем иные, со своей этикой и моралью, которые кажутся нам несовместимыми с логикой жизни и даже враждебными, они действуют так, как воспитаны своей средой, привычным укладом бытия. И все же позвольте мне не согласиться с последним утверждением об их враждебности, ибо почему в таком случае «черный человек», спасенный Шаламовым, придя в себя на родной планете, несмотря на все различия психо- и эмоциосфер, на многовековые традиции, запрещавшие видеть в гумаңоидах разумных существ — а есть подозрения, что маатане знают о нас давно, гораздо раньше, чем мы узнали о них, — почему он вопреки всему потенциалу цивилизации добрался до станции связи и сообщил нам координаты Горловины, зная, что обрекает себя на остракизм?

— Однако! — крикнул Каминский. — Вы, уважаемый коллега, вторглись, по-моему, не в ту область. Речь идет о Шаламове, о его характере, почему он пошел на такой огромный риск, имея всего один шанс из миллиарда!

— Видимо, идея прямого подключения к чужой машине завладела им целиком и была интереснее остальных, — сказал Мальгин, с удивлением окинув взглядом лицо Хана. — Джума прав, Шаламов был не просто спасателем, но и разведчиком-исследователем, склонным к непрогнозируемому риску. Думаю, у него даже мысли не возникало — спасти или не спасти, вопрос был только — как спасти!

— Ну, это-то как раз норма, — проговорил Каминский, — норма человечности, как я ее понимаю.

Помолчали. Мальгин перевел взгляд на Хана.

— Ваше мнение, Джума?

— У нас в запасе двое суток, многое еще может измениться.

Мальгин понял врача тотчас же: Джума Хан нашел способ выявить дополнительную информацию. Но открыто говорить об этом не хотел.

— Тогда продолжаем работу в соответствии с заданиями, — сказал Мальгин сухо. — Соберемся вечером. Извините.

В свой кабинет он вошел вместе с Джумой, остановив попытку Зарембы войти следом:

— Иван, поработай с Готардом, ему понадобится твоя светлая голова. Я до вечера буду занят.

Заремба пожал плечами, подозрительно посмотрел на бесстрастного Хана и нехотя удалился, проворчав напоследок:

— Что-то не нравиться вы мне, заговорщики...

— Ну? — сказал Мальгин, когда врач сел напротив.

— Я договорился с безопасниками: нас доставят в Горловину к столкнувшимся кораблям вместе с кибернетиками, специалистами по компьютерам. Времени на сборы в обрез.

— Я-то готов, но одного изучения шаламовского координатора будет недостаточно.

— Знаю. Вопрос контакта с маатанами решается. Пока мы будем в Горловине, безопасники и пограничники проработают модель контакта по нашему делу и сформируют свою ПР-группу. Я уже включен в нее и рекомендовал вас.

— Согласен, — без колебаний сказал Мальгин.

— Не сомневался. У вас есть полчаса на сборы, в управлении мы должны быть в два ноль-ноль. Кстати, вы будете настаивать на своем предложении?

— Каком именно?

— О прямом подключении к мозгу больного.

— Если не будет иного выхода.

— Я могу рискнуть вместо вас.

— Спасибо, Джума. Разговор преждевременен, но я буду иметь вас в виду, хотя едва ли соглашусь. Жаль, что я не знал вас раньше.

Джума Хан улыбнулся.

— И мне жаль, что я не был знаком с вами.

Мальгин встал и в это время в кабинет вошла Карой Чокрой, остановилась на пороге, посмотрев на мужчин с ироническим прищуром.

— Не соблаговолят ли джентльмены взять с собой женщину, знакомую с ксенопсихологией не понаслышке?

Заремба, понял Мальгин, она говорит его словами. Обиделся и натравил ее на нас. Ну, погоди, информатор!

— О чем это вы?

— Насколько я поняла, готовится экспедиция на Маат, и я хотела бы войти в ее состав.

— Официальной информации о подготовке экспедиции у меня нет, — сдержанно сказал Мальгин. — Так что едва ли смогу быть вам полезен. К тому же вы, по-моему, нейрхимик, биолог, а не ксенопсихолог.

— Она Т-специалист, — сказал негромко Джума. — У нее два диплома. В качестве ксенопсихолога Карой не работала, но проходила практику на «Эдипе-2».

Мальгин с удивлением посмотрел на Хана. «Эдип-2» была станцией зоны контакта в системе Маата, и работали там в основном безопасники, прошедшие школу психотренинга в Институте внеземных культур. Попасты практикантом на станцию мог далеко не каждый ксенопсихолог-профессионал.

— Мне просто повезло, — любезно пояснила Карой, видя мимику Мальгина. — Мой отец заболел и не смог явиться на «Эдип», а я убедила председателя комиссии, что смогу его заменить.

— И все-таки вас дезинформировали, — сказал Мальгин, недовольный в душе.

— Об экспедиции речь не шла, — не моргнув глазом добавил всепонимающий Джума, — мы говорили о способах давления на маатан. Поскольку виноваты в аварии они, без предупреждения используя диапазоны частот наших компакт-струнных машин, у нас появилась мысль использовать этот факт.

— То, что для нас является де-факто, для маатан — во все не де-юре, — покачала головой женщина. — Вы еще убедитесь в этом. Что ж, прошу джентльменов извинить за вторжение. До встречи вечером.

Карой вышла.

— Умная женщина, — сказал Джума Хан со странной интонацией, глядя ей вслед. — Едва ли мы ее убедили.

— Предпочитаю рисковать только собой, — буркнул Мальгин. — К тому же не я играю в этом деле первую скрипку. Откуда вы ее так хорошо знаете?

— К сожалению, не так хорошо, как хотелось бы. Говорят, она мастер спорта по десятиборью.

Мальгин подозрительно и с неудовольствием посмотрел на врача.

— Вы, кажется, не прочь взять ее с собой?

— Ни в коем случае, просто констатирую факт.

— Тогда в путь.

Глава 3

Одетые в кокосы — компенсационные костюмы спасателей (по терминологии спасателей, пограничников и безопасников), Мальгин и Джума Хан присоединились к ожидавшей их группе молчаливых крепких парней, и руководитель десанта (риск-обоймы) Игнат Ромашин дал знак двигаться. Десантники гуськом потянулись к метро

управления. Группа риска набиралась в основном из профессионалов отдела безопасности, но среди них были и представители технического сектора управления: кибернетики, специалисты в области интелматики, археонавты, ксеноматематики, инженеры и контактеры, специалисты Института внеземных культур в области неземных технологий. Всего в риск-обойму вошли тридцать человек, считая Хана и Мальгина.

— Вас искал Таланов, — тронул Мальгина за плечо Ромашин, рослый, с малоподвижным суровым лицом и седыми висками; они пошли рядом. — Я сказал, что риск участия в экспедиции не больше, чем при купании в шторм, и Богдан меня понял. Но это не преувеличение. Не лучше ли, пока не поздно, отказаться от похода? Вы один из лучших нейрохирургов Системы, и мне потребовалось убедить в необходимости вашего участия не только Таланова, но и СЭКОН¹.

Мальгин искоса взглянул на собеседника. Ромашин был начальником отдела безопасности, и его собственное участие в десанте указывало на серьезность и опасность этого шага, последствия которого были непредсказуемы, несмотря на привлечение к операции всего интеллектуального и вычислительного потенциала управления. Руководитель десанта понял Мальгина еще до того, как тот собрался ответить, пожал его локоть и ушел вперед.

— Он прав, — сказал Джума Хан, догнав Клима. — Пожалуй, я поспешил с предложением вашей кандидатуры. Вы не должны рисковать собой там, где могут и должны рисковать другие.

— Нет, — ответил твердо Мальгин, снова вспомнив слова Купавы: «Ты становишься человеком-нет». — Я не следую принципу: все, что ни делается — делается к лучшему, но предпочитаю делать, а не рассуждать — кто должен делать.

Джума Хан едва заметно улыбнулся.

— А я вот всю жизнь оправдываю это принцип, только с некоторым довеском: все, что ни делается — делается к лучшему, но худшим из способов.

Мальгин с недоверием посмотрел на врача. Тот снова улыбнулся.

— Что, не похоже? К сожалению, это факт. Хотите свежий пример? Как вы думаете, откуда я знаю Чокой?

¹ СЭКОН — сектор этического и социального контроля за опасными исследованиями (подкомиссия ВКС — Высшего координационного совета).

— Я хотел спросить об этом еще в институте, но постеснялся.

— Дело в том, что она моя жена.

Мальгин от неожиданности даже замедлил шаг, но в это время они подошли к залу метро, и разговор прервался. Ромашин подождал, пока все зайдут в кабину, перекинулся парой слов с оператором и вошел сам.

Минута ожидания, короткий гудок, бесшумный толчок куда-то в область сердца, темнота — и яркий свет финиш-камеры. Открылась дверь, десантники вышли в коридор спейсера «Конунг», дежурившего возле Стража Горловины, планеты-куба, открытой Шаламовым с трагическими для себя последствиями.

Их ждали двое: командир спейсера Хольгер Сваллинг и начальник отряда безопасников Александр Шевчук, оба кряжистые, белобрысые, с бородками и светлыми усами, похожие друг на друга, как братья. Отличить их поначалу можно было только по родинке на щеке у Шевчука. На обоих были надеты эмканы пси-связи системы «спрут»¹, Мальгин видел такие второй раз в жизни.

— Обстановка? — спросил Ромашин.

— Пока нормально, — ответил Шевчук. — Оперативный прогноз дает вектор свободы на сутки с вероятностью ноль семьдесят семь.

— Готовность патрульной тревоги?

— Две с половиной минуты.

— Слишком много для данного случая, доведите готовность до минуты.

— Две с половиной — и так сверхнорматива «срам»², к тому же мы наконец запустили «Аргусы» у Маата, Орилоуха и в Горловине.

— Хорошо, тогда сразу включаемся в работу, если готова экипировка.

Шевчук повел всех за собой.

— О чем речь? — тихо спросил Мальгин Хана, направляясь за молчаливыми парнями.

— «Аргус» — это система так называемого «глубокого» наблюдения за объектом, в данном случае наблюдение установлено не только за всеми маатанскими зондами в Горловине, но и за стартовыми коридорами спейсеров-проникателей Маата, чтобы вовремя предупредить наших ребят

¹ «С п р у т» — система компьютерной связи, соединяющая всех, включенных в ее контур.

² «С р а м» — пункт инструкции УАСС, аббревиатура слов «сведение риска к абсолютному минимуму».

здесь, в Горловине, а также вне ее, о старте чужих кораблей или о передаче маатанами массивного груза в Горловину. Вообще-то хорошо бы ознакомить вас со специфичной терминологией безопасников, но нет времени. Если что не поймете — спрашивайте, чтобы не ошибиться.

Мальгин кивнул. Он не страдал никакими комплексами и хотя не любил, но и не боялся выглядеть смешным в глазах окружающих, будучи некомпетентным в какой-то из областей знания.

В экспедиционном зале спейсера их ждали в зажимах пленочные скафандры, энергопояса, приборные комплекты, универсальные инструментари, антигравы, оружие и необычного вида эмканы. Ромашин оглянулся на Мальгина, ожидая увидеть на лице хирурга растерянность, но не увидел и кивнул удовлетворенно.

— Вы уже поняли, в чем особенность экспедиции? Так как маатане установили в Горловине маяк-табу «частного владения», а недавно запустили в нее и «сторожей», уничтожающих любых непрошенных, по их мнению, гостей, нам приходится работать в режиме «инкогнито».

Мальгин промолчал.

— В десант-обойме ваш номер второй, и по связи откликайтесь на вызов двойки.

Рисконавты принялись натягивать на себя костюмы, застегивать пояса, закреплять на них оружие и приборные комплекты. Хан оделся первым, подошел к Мальгину, помог застегнуть эмкан.

— Не жмет? — раздался в голове его мысленный «шепот». — Включите блокиратор пси-контроля. С оружием знакомы? Это «универсал-101».

— Имел дело, хотя времени с тех пор прошло изрядно.

— Порядок, вспомните. Не забудьте включить имитатор, когда пойдем вниз.

— Какой имитатор?

Джума Хан отступил на шаг и вдруг превратился в черно-серебристую глыбу «черного человека».

— В шлемы встроены «динго»¹, имитирующие облик маатан во всех диапазонах вплоть до рентгена, поэтому и понадобились скафандры, защищающие от их излучения.

— Остроумно, — хмыкнул Мальгин. — Вы случайно не инструктор? Может быть, врач «Скорой» — ваше хобби?

Хан рассмеялся.

¹ «Д и н г о» — излучатель динамического голографического изображения.

— В управлении работают универсалы, дорогой Клим, я из их числа. Еще полгода стажировки, и меня, возможно, переведут к безопасникам, если выдержу кое-какие испытания. Кстати, я заметил вашу мину, когда сообщил новость о Карой. Помните, она выразила сомнение, что маатане признают де-юре наши притязания на одновременное открытие «серой дыры»? Так вот, чтобы не возвращаться к этому, приведу вам разницу между де-факто и де-юре на примере наших с Карой отношений: де-юре — мы с ней муж и жена, а де-факто... — Он развел руками.

— Черт возьми! — сказал Мальгин хладнокровно. — У нас, оказывается, сходные судьбы.

— Я знаю, — сказал Хан не менее хладнокровно.

«Откуда?» — хотел спросить Клим, но в этот момент Ромашин подал сигнал к выступлению.

Через четверть часа они вышли из финиш-камеры метро спейсера «Илья Муромец», зависшего над островом Стража Горловины, где остались умирать вонзившиеся друг в друга «Кентавр» Шаламова и маатанский проникатель. А еще через несколько минут Мальгин, продавив перепонку выходного люка в брюхе спейсера, медленно опускался на остров, вглядываясь в открывшийся взору пейзаж.

С момента эвакуации Шаламова на острове ничего не изменилось. «Теннисная ракетка» «Кентавра» торчала из китообразной туши маатанского корабля, как дротик охотника, вернее, как гарпун китобоя. Над заросшей золотистым пухом бороздой, пропаханной гигантом при посадке, стояла туча красивых, долго не гаснущих искр, похожих на птиц или насекомых. Угрюмо чернели невдалеке «развалины» вудволлового леса. Манил законченностью форм и эстетическим совершенством «храм» в полутора десятках километров. Как и прежде, островом владела тишина, от которой закладывало уши.

Ромашин, превращенный аппаратурой «динго» в жуткую фигуру на странном аппарате, похожем на журавлиное гнездо, первым спикировал к спасательному шлюпу и скрылся в открытом кормовом люке. Остальные «черные люди» рассыпались кто куда, исчезли, у них были свои специфические задачи и каждый точно знал, что ему надлежит сделать.

— У нас с вами нет конкретного задания, — раздался пси-шепот Хана. — Давайте посетим маатанский гроб, спутешествуем к «храму», а потом вернемся в рубку «Кентавра». Пока ребята не распотрошат Джорджа, делать там нечего. Если захочешь участвовать в оперативных перего-

ворах — дай команду, все мы завязаны между собой «спрутом» и подключены к Умнику, он выполнит приказ.

Умниками называли компьютеров-инков высшего класса с колоссальным быстродействием и огромной собственной памятью, с ними можно было не только работать, как с машинами, вычислителями, но и вести беседу, как с человеком, компетентным практически во всех областях науки и культуры.

Мальгин посмотрел на зависшую рядом глыбу «черного человека» — Хана и вдруг что-то заставило его посмотреть вверх. Над ними висела жуткая черно-коричневая громада, ничем не напоминающая земной спейсер! И лишь несколько секунд спустя Мальгин понял, что это камуфляж — спейсер прятался внутри созданного с помощью «динго» «маатанского корабля», как и люди — внутри голографических изображений «черных людей».

Что-то гулко прошипело там, в днище «чужака», из черного люка выпала странная кособокая конструкция, набирая скорость, пошла в сторону «храма». Разведзонд, замаскированный под маатанский аппарат.

Мальгин проводил его взглядом и опустил вслед за Джумой на корпус мертвого маатанского проникателя.

В течение двух часов они обшаривали чужой корабль, стараясь не мешать исследователям десанта, потом слетали к «храму», особенность восприятия которого действовала на людей как неожиданно вскрывшийся обман. За это время дважды Умник включал сигнал предупреждения из-за «падения вероятности положительного прогноза», то есть из-за появления в поле зрения наблюдателей маатанских «сторожей», но все заканчивалось благополучно. Мальгин с интересом знакомился с миром Стража Горловины и маатанской техникой, однако вскоре почувствовал неудовлетворенность собственным положением: рисконавты работали, а он прохладился.

Судя по переговорам десантников, кое-что стало уже известно, однако этого «кое-что» Мальгину было мало. Тогда он с молчаливого согласия Хана присоединился к тем, кто работал в рубке «Кентавра», терпеливо «препарируя» мертвого Джорджа.

— Каковы впечатления? — встретил его вопросом Ромаши; у него, как и у остальных работающих в рубке шлюпа, «динго» был выключен.

— Потрясающе! — честно признался Мальгин. — По роду деятельности мне никогда не приходилось сталкиваться ни с чем подобным, а об археонавтике я знал толь-

ко понаслышке. Если бы не специфический подтекст нашего здесь появления — я мог бы увлечься профессиями археонавта и ксенолога всерьез. Не могу даже выделить наиболее интересные детали — все интересно! Хотя, конечно, особенно впечатляют маатанский корабль и «храм» на острове. Кстати, что это такое на самом деле?

— Моно-но аварэ¹, — пробормотал протиснувшийся в рубку Хан.

Ромашин заинтересованно взглянул на него, кивнул, соглашаясь.

— В чем-то вы правы. А вообще существует несколько гипотез, по одной из которых «храм» — останки разумного существа, «скелет», так сказать.

— Вы серьезно?! — пробормотал Мальгин, переглядываясь с не менее изумленным Джумой.

Ромашин усмехнулся.

— Правда, в связи с этой гипотезой возникает проблема обоснования строительства Стража Горловины. Зачем планета-куб понадобилась таким странным существам? Как они ее строили? Известно, что социальная целесообразность астроинженерной деятельности равна ее практической реализуемости. Планета-куб реализована, но зачем — неизвестно. И почему погибла раса кубриан — неизвестно, видимых причин нет. Конечно, мы не исследовали и миллионной доли Горловины и ее «стража», многое еще прояснится, но, кроме «сторожей ЧЧ», в Горловине полно другой техники, чужой, разумеется, это здорово мешает.

— Мне не совсем понятны... э-э... ваши...

— «Сторожа ЧЧ» — это автоматы маатан, что касается другой техники, то мы опознали только автоматы Орилоуха, принадлежность остальных пока не выяснена. Но сомнений нет — все они исследуют «серую дыру», не обращая внимания на маатанский запрет... что дает и нам основание действовать подобным же образом, не мешая никому. — Ромашин хотел добавить что-то еще, и в это мгновение Умник передал по пси-связи сигнал общей тревоги.

— В поле зрения «сторож ЧЧ», курс на Стража Горловины, время подхода десять—двенадцать минут.

— Всем «ВВУ-экстра»! — передал мысленный приказ Ромашин.

¹ Эстетическая категория японской культуры, понятие, обозначающее скрытую прелесть предмета; дословно — печальное очарование.

Хан подтолкнул Мальгина в спину:

— Аллюр три креста!

Они помчались к выходу, но как быстро ни бежали — пришли на спейсер последними. Все-таки базопасники группы риска были профессионалами и ориентировались в обстановке немного скорее.

— «ВВУ-экстра» — это сигнал сбора по форме «внезапно возникшая угроза», — сказал, переводя дыхание, Джума Хан, когда они ворвались в зал десанта и нырнули в кресло согласно штатному расписанию. — У меня предчувствие, что останемся мы при пиковом интересе, так ничего толком и не узнав.

Перед ними развернулся объем виома с пейзажем острова, над которым висел спейсер. Остров немного отодвинулся и сместился вправо — спейсер поднялся чуть выше и отработал в сторону, теперь стали видны проткнувшие друг друга земной шлюп и маатанский корабль.

— Полный запас на отражение и поглощение! — раздался в наушниках голос командира спейсера. — Десанту приготовиться к капсулированию и маневру ухода.

— Готовы, — сказал Ромашин, посмотрел на Мальгина, совершенно спокойный и обыденно неторопливый; он сидел рядом, справа. — Ну как, взяли что-нибудь для себя? Хотя бы в эмоциональном плане?

Мальгин собрался с мыслями, возбуждение его от бега и непривычной ситуации улеглось. Он понял, что имел в виду Ромашин.

— В общем, для полноты картины мне действительно нужно было увидеть район действия, место встреч Шаламова с «черным человеком». Уверен, это поможет мне в будущем, когда мы вплотную подойдем к... операции. Но скажите, удалось ли что-нибудь выудить из памяти координатора шлюпа?

Ромашин оглянулся на кого-то из десантников:

— Об этом вам расскажет Фредерик...

— Внимание! — перебил его командир спейсера. — «Сторож» над островом. Всем готовность «ноль»!

Вариатор вырезал в верхней части виома окружность, внутри которой появилось изображение маатанского аппарата: нечто вроде корявого ствола какого-то исполинского дерева, очищенного от ветвей, но с разлохмаченной корой и множеством наростов, напоминавших гриб-трутовик. При входе в атмосферу «ствол» вдруг превратился в плоский «блин» с вытянувшимся вперед «клювом» и стал похож на хищную морскую мантию. Размеры «манти» от

«клюва» до «хвоста» достигали трехсот десяти метров, а толщина тела составляла около двадцати восьми метров. Она за несколько секунд пронзила оставшиеся двадцать километров до поверхности Стража Горловины, одевшись при этом в струящийся ореол — слой плазмы, и зависла точно над «ракеткой» шаламовского шлюпа, не обращая внимания на висящего неподалеку «собрата».

Дальнейшее произошло в течение полуминуты.

С «клюва» маатанского «сторожа» сорвалась неяркая в свете «дня» зеленая молния и вонзилась в тело шлюпа. На месте сцепившихся кораблей вздулся красивый сверкающий «мыльный пузырь», вырос до километра в диаметре и лопнул огненными лоскутами. Чудовищный вихрь взрыва ударил во все стороны, сметая на своем пути скалы и ближайšie «развалины» вудволлового леса. Серо-зеленая пелена раздробленного в щебень камня, почвы и пыли скрыла под собой чуть ли не весь остров.

В зале заверещали счетчики радиации, хотя спейсер при взрыве даже не дрогнул — сработали поглотители инерции и ударной волны.

— Аннигиляция? — пробормотал Ромашин.

— По кораблям нанесен удар неизвестным видом энергии, — сообщил Умник, — мощностью около трех мегатонн, но при этом применено локализирующее капсулирование взрыва, ослабившее ударную волну, гамма-излучение и световой поток на пять порядков по двум осям координат.

Корона выброшенного вверх слоя почвы постепенно осела, пыль и дым рассеялись, и взорам свидетелей неожиданного нападения в центре острова вдруг предстала изумительно ровная, отблескивающая радужной глазурью дыра! Не воронка, а именно дыра диаметром в два километра и неизвестной глубины. Вся энергия взрыва, уничтожившего влипшие друг в друга корабли, пошла в глубь пород острова.

Мальгин не успел обменяться с соседом впечатлениями, маатанский «сторож» вдруг развернулся «клювом» в их сторону.

В рубке и зале десанта повисла напряженная капельно-звонкая «предгрозовая» тишина. У Мальгина непроизвольно сжались мышцы живота, будто неведомый противник направил в его незащищенное тело острие шпаги. Истекли долгие пять-шесть секунд, в течение которых состоялся короткий диалог Умника, Ромашина и командира спейсера, но они говорили на таком узкоспециальном жаргоне, что непосвященному разобраться в нем было

почти невозможно. Мальгин понял только, что чужак запросил кодом спейсер, тот ответил, подлаживаясь под своего (безопасники и разведчики поработали неплохо, раскрыв многие секреты маатан, в том числе и язык), но поверил ли «сторож» — можно было узнать лишь по реакции водителя аппарата.

«Сторож» снова послал запрос — спейсер ответил еще раз. Маатанский автомат «задумался», что-то в ответе «собрата» ему не нравилось. Ромашин принял решение раньше.

— Брэк! — скомандовал он. — Императив «Кутузов»!¹

В ту же секунду спейсер перешел на «струну» и сошел с нее уже за пределами Горловины.

Десантники зашевелились, перебрасываясь репликами.

— Я думал, он и по «своему» проникателю шархнет, — сказал Джума Хан. — Интересно, мы бы ответили?

— Скорее всего — нет. — В голосе Ромашина прорезались мрачные ноты. — Мы не исповедуем закона возмездия типа «око за око», но явно чего-то не учли в разработке режима «инкогнито». Умник, что не устраивало «сторожа»?

— Видимо, «динго» работал нечетко, изображение плыло, вот автомат и не поверил. А вообще-то программу «динго» составлял не я. Я действовал на основе собранных данных, точно следуя логике маатан. Сбоев и ошибок в работе систем и персонала не зафиксировал.

— И все же мы действуем пока в пределах наших правил игры. Необходим тщательный разбор ситуации ради исключения подобных сюрпризов. Почему «сторож» уничтожил разбитые корабли?

— Нет достоверной информации.

— Есть предположение, — сказал Шевчук. — В Горловине крутится много чужой техники, я имею в виду орилоунскую, причем в отличие от нас орилоуны свою не маскируют, а маатане делают вид, что не замечают их, а может быть, они договорились о совместном исследовании «серой дыры», но в любом случае маатане решили скрыть от всех предмет возможного спора — кто и когда открыл вход в «серую дыру». А появление спейсера над островом спровоцировало, вернее, ускорило их решение.

Ромашин подумал и выбрался из кресла.

¹ И м п е р а т и в — разработка аналитиками отдела безопасных ситуаций, компьютерам остается только пересчитать их в конкретное приложение к создаваемому положению.

— Не бесспорно, однако у меня нет принципиальных возражений. Возвращайтесь в Горловину и решайте свои прежние задачи, коль уж мы так неудачно вмешались в дела пограничной разведки.

— Это мы виноваты, — встал Мальгин, виноватым жестом теребя подбородок. — Но я не знал всех обстоятельств дела, и у меня... просто не было выхода.

— Вашей вины здесь нет, — сказал Ромашин твердо. — Просто мы плохо подготовили операцию, информационно и технологически плохо, с чем еще предстоит разобратся. Идемте, поговорим на базовом.

Через несколько минут, сняв скафандры, десантники покинули борт «Ильи Муромца», который тотчас же растворился в пространстве, направляясь в Горловину, и собрались в кают-компанию «Конунга».

Неизвестно, о чем думал Джума Хан и какие им владели чувства, но Мальгин чувствовал себя неловко. Словно был виноват в неудаче экспедиции или на худой конец отстаивал необходимость заведомо обреченной на провал операции. Он редко нервничал, никогда не паниковал, не чурался риска, если это касалось только его самого и грозило неприятностями ему одному, но и бросаться очертя голову в схватку, в гущу событий, не зная ориентиров и конечной цели, не привык.

— Свои проблемы обсудим позже, — сказал Ромашин, каким-то шестым чувством оценив состояние Мальгина, — поэтому попрошу высказываться ближе к теме, касающейся наших гостей. — Он повернулся к хирургу. — Вся добытая информация и выводы экспертов будут зафиксированы в памяти Умника, и вы сможете получить запись по возвращении на Землю. Помощь наша, к сожалению, будет весьма незначительна, финал десанта не в нашу пользу, так что не обессудьте. Итак, сначала вы, Фредерик.

— Вынужден повторить эту очень неудобную фразу «к сожалению», — сказал главный кибернетик десанта, узкоплечий, с шапкой выгоревших до льняного блеска волос. — Все, что смогли, мы переписали и даже демонтировали кое-какие из блоков памяти Джорджа, но едва ли удастся восстановить из этого электронного хлама что-то путное. Компьютер получил сильнейший информационный удар, в результате чего шоковые наводки разрушили контуры интеллекта и межцентровые связи. Единственное, в чем мы разобрались: Джордж не был подключен к маатанскому компьютеру и принял на себя удар от пилота. Да-да, не удивляйтесь, это обстоятельство выяснено совершенно

точно, канал связи координатора с эмканом пилота, слава Богу, сохранился.

— Теперь вы сможете оценить не только качественно, а и количественно информационную мощь мозга Шаламова, — добавил Ромашин.

— Учтите еще вот что, — продолжал кибернетик. — Джордж, очевидно, подключился к мозгу пилота самовольно; это очень интересная деталь, но для вас не главная, — зато может заинтересовать процесс подключения. Время обратной связи «Шаламов — координатор» не превышало десятых долей секунды, но за эти мгновения Джордж, скорость операций которого близка к пределу Мука, пытался упорядочить хлынувший поток информации и успел частично перестроить электронную структуру мозга. Потом он все равно был «затоплен», однако четко прослеживается корреляция его оперативного поля со схемой маатанского компьютера.

— Ну и что? — спросил Джума Хан, подождав.

Кибернетик замялся, посмотрел на Ромашина.

— Извините, если я чрезмерно усложнил объяснение...

— Так давайте попроще, мы не обидимся.

Фредерик порозовел, был он по сути еще очень молод, но ориентировался в разговоре с неспециалистами быстро.

— В двух словах сказанное мной сводится к следующему: судя по состоянию Джорджа, принципы мышления вашего пациента близки к принципам работы маатанского компьютера. Предполагается, что у Шаламова база этики — человеческая, а база логики, база принципов обработки информации — маатанская. Подчеркиваю — предполагается. Более точную реконструкцию происшедших событий сможем выдать вам только после обработки массива полученных данных.

— Информация нужна мне сегодня, не позднее... — Мальгин запнулся, потому что хотел сказать «не позднее десяти вечера», но в полете время на спейсере отсчитывалось иначе. — Не позднее чем через шесть-семь часов.

Десантники как по команде, одновременно посмотрели на Ромашина.

— Надо — значит будет, — сказал Фредерик.

— Вне всяких сомнений, — кивнул Ромашин. — Кто еще хочет что-то сказать гостям?

— Добавлю, — Фредерик посмотрел на Мальгина, желая, видимо, произвести на него хорошее впечатление, — что сам маатанин не смог бы починить свой проника-

тель, потому что необходимые для этого компоненты находились на борту «Кентавра», а об этом знал только Шаламов. Он смог разобраться в управлении маатанской техникой и использовал ее для ремонта системы связи. Это все.

— У меня вопрос, — поднял руку верзила с несколько сонным выражением лица. — Вы хорошо знаете Шаламова?

Хан и Мальгин переглянулись.

— Достаточно, — сказал Хан. — Что вы имеете в виду?

— Меня он интересует как личность.

— Если очень коротко, то Шаламов азартен, упрям, независим, решителен, с твердой волей и любовью к риску. Личность своеобразная, но сильная.

— Это я и хотел услышать. Дело в том, что маатанский компьютер — моя группа успела его «оживить» — носит четкий отпечаток личности оператора-человека, в данном случае — Шаламова. А для того, чтобы поменять знак императив-вектора обратной связи, нужно обладать очень мощным интеллектом и нестигаемой волей.

— Вы хотите сказать, что произошел обмен? Шаламов получил запас знаний маатанского компьютера, а тот — память пилота?

— Более того, — сказал ведущий ксенопсихолог десанта, — Шаламов воздействовал не только на маатанский инк, но и через него на психику «черного человека», из-за чего у маатанина произошел, очевидно, «сдвиг» в обратную сторону, в сторону «очеловечивания», иначе трудно объяснить его поступок. Нормальный маатанин никогда не стал бы беспокоиться за судьбу гуманоида, а спасенный Шаламовым по сути выручил своего спасителя, сообщив нам его координаты. Этот поступок еще требует анализа и влечет за собой интереснейшие последствия.

— Это все, что мы можем сообщить коллегам? — снова спросил Ромашин, вызвав отсчет времени на своем браслете.

— Пока все, — ответил смущенный кибернетик за остальных.

— Минуту, — сказал Мальгин через силу; неожиданно сжавший горло спазм мешал говорить. — Я бы не обратился за помощью, имей все необходимые для операции Даниила сведения. Но у меня нет ни капли информации по физиологии, биологии и психике маатан. Если ваши предположения об «очеловечивании» «черного человека» верны, то у нас есть шанс выяснить все через этого спасен-

ного Даном маатанина. Прошу об одном: дайте мне возможность встретиться с ним.

В зале возникла тишина. Ромашин оглядел свою команду, по губам его скользнула тонкая иронично-понимающая усмешка.

— Вы представляете последствия в случае конфликта с маатанами?

— А вот это уже ваша забота, — огрызнулся Мальгин.

Ромашин засмеялся, за ним десантники. Джума Хан, улыбаясь, подмигнул хирургу и поднял большой палец.

— Хорошо. — Начальник отдела безопасности стал серьезным. — Мне нравится ваш подход к делу. Поскольку я предвидел аппетиты медиков, то заранее вышел в совет с просьбой ради спасения жизни Шаламова разрешить локальный контакт с маатанином, и СЭКОН дал согласие, а специалисты ИВК разработали варианты сценария встреч с «черным человеком». Не буду говорить, какими методами и чего нам это стоило, но мы вычислили местонахождение маатанина, спасенного Шаламовым. Судя по предварительным данным, он в «сумасшедшем доме», если применить наши человеческие аналогии и термины. Видимо, он и в самом деле воспринял многое из того, чем был заполнен мозг пилота, вот его и решили изолировать. Честно скажу: если бы не это обстоятельство, мы не рискнули бы провести операцию, против которой до сих пор возражает председатель комиссии по контактам, работающей в системе Маата на «Эдипе-2». И все же речь идет не о нас, на контакт пойдете вы, что намного усложняет подготовку и сопровождение операции, потому что вы не профессионал-безопасник. Не скажу, что риск смертелен, в этом случае СЭКОН не разрешил бы даже зондовой проверки, однако он все-таки достаточно высок, и я вынужден официально получить ваше согласие на участие в операции.

— Согласен, — твердо сказал Мальгин.

— Ваш дублер?

— Провалиться мне на этом месте, — поклялся Джума серьезно, — если я откажусь.

— Узнаю по когтю льва, — пробормотал Фредерик; на лицах десантников замелькали улыбки: многие из них знали нрав врача СПАС-службы.

— Тогда перейдем к делу. — Ромашин кивнул. — Так как традиционного РК-ВК-ИН¹ с маатанами не получа-

¹ Радиокontakt, визуальный контакт, информационный контакт.

ется, вступает в силу специфика работы нашего отдела, и, пока мы будем готовиться. вам придется пройти сеанс гипнообучения для получения кое-каких жизненно необходимых сведений. — Начальник десанта повернулся к своим подчиненным. — Обойме смены усиления — на замену.

Несколько десантников, в том числе кибернетики и специалисты-инженеры, молча встали и вышли, их место заняли другие безопасники. Прделано это было без единого слова, каждый человек знал свои обязанности.

Группа риска была готова к новой работе.

Глава 4

Спейсер начал ориентацию в пространстве, чтобы прыгнуть на двадцать девять парсеков и выйти у Маата, соблюдая все меры предосторожности режима «инкогнито». На маневр и прыжок ушло около часа, готовить, собственно, было нечего, все было давно подготовлено к операции, остальное было делом техники, а компьютерная техника человека уже давно не подводила.

За это время Мальгин успел пройти сеанс гипнообучения и владел теперь не только специфичной терминологией безопасников и пограничников, но и знал все приемы работы и страховки групп риска, подобных их риск-обойме. Кроме того, ему прокрутили пятиминутный видеоклип психологической разгрузки, и намечавшиеся признаки усталости отступили.

Пока «Конунг» устанавливал связь со станцией «Эдип-2», находившейся в системе Маата уже семь лет, — Ромашин хотел предупредить контактеров о предстоящей работе, — Мальгин перекинулся с Ханом несколькими фразами и убедился в том, что оба они реагируют на происходящее одинаково: не без волнения, но сдержанно и ровно. К тому же Джума умел слушать собеседника, что всегда нравилось Мальгину, и он даже подумал мимолетно — почему же при таких достоинствах Джума не смог удержать Карой Чоккой? Но тут же пришла мысль: а ты почему не удержал Купаву? Тоже, видать, есть какая-то червоточина, нивелирующая личное благополучие и счастье? И Клим, усмехнувшись в душе, переключил внимание на предстоящую работу.

Процедура переодевания не заняла много времени, хотя экипировка нового десанта отличалась от первого —

в Горловину «серой дыры». Скафандры десантников представляли собой компьютеризированные автономные оболочки, увеличивающие вероятность выживания в экстремальных условиях, снабженные усилителями силы мышц, системами защиты, реагирующими на любую потенциальную опасность, и оружием, имеющим шлемные системы наводки и управляемым мысленным приказом.

Компьютер-инк скафандра Мальгина носил звучное имя Кир и очень быстро оптимизировал работу систем скафандра, подгоняя их под личность и особенности хозяина таким образом, что Клим почти перестал ощущать его на себе.

Опробовав скафандр в движении, Мальгин занялся проверкой автономного медицинского диагностера-инка, напичканного множеством сложнейших систем для записи и анализа состояния живых организмов. Этот диагностер был специально подготовлен для работы с неземными существами.

Джума Хан молча наблюдал за действиями хирурга, хотя мог бы спросить — зачем Мальгину диагностер: работать на аппарате предстояло ему.

— Переключка-проверка, — послышался пси-шепот Ромашина.

— Второй готов, — отреагировал Мальгин, чувствуя возбуждение и желание действовать.

Десантники один за другим выдали готовность, и Ромашин первым вошел в кабину метро. Через минуту они вышли из финиш-камеры метро спейсера «Стратег», прибывшего раньше для анализа обстановки и подстраховки основных сил, затем, сопровождаемые одним из членов экипажа, опустились на горизонт транспортного обеспечения. Их ждал необычного вида аппарат, похожий на засохший кленовый лист буро-желтого цвета, с загнутыми краями и утолщением в центре. Размеры его превосходили размеры десантного когга: высота утолщения — пять метров, диаметр окружности «листа» — тридцать.

— Это и есть когг, — пояснил Кир, едва Мальгин успел подумать о форме аппарата, — но его «динго» уже включен. Включай свой.

Десантники превратились в черно-металлические туши маатан, один за другим влезли в щель люка. В неподвижности и молчании потянулись минуты ожидания. Вид черных фигур действовал на Мальгина угнетающе, ему почему-то казалось, что от них веет угрюмым презрением и даже угрозой, и хотелось быстрее включиться в дело, чув-

ствовать себя хозяином положения, а не гостем на чужом пиру. В грузовом отсеке когга было ровно столько места, чтобы десантники разместились стоя, касаясь друг друга локтями и плечами, так что иллюзорные тела «маатан» проникали от соседа к соседу.

Стоящая рядом глыба «черного человека» не шевельнулась, но Клим почувствовал хлопок по плечу

— Джума? — сказал хирург наугад.

Раздался смешок Хана.

— Я думал, ты меня не узнаешь.

— У меня перед ответственным делом развивается импринтинг¹.

— Поди ж ты — у меня то же самое.

— Хочу пояснить, — сказал Ромашин, неотличимый от остальных «маатан». — Операция уже началась, но первыми включились обоймы сопровождения, поддержки и обеспечения, всего около трехсот человек, а наша задержка вызвана тем, что спейсер сейчас проводит захват и замену настоящего маатанского аппарата нашим, чтобы не насторожить маатанскую систему контроля пространства. Сам спейсер невидим для любых радаров, а наш когг будет имитировать форму маатанского шлюпа и копировать его сигналы.

Мальгина снова охватило чувство неловкости и вины: чтобы помочь ему сделать свою работу, включились огромные человеческие коллективы, вынужденные рисковать ради решения чужой проблемы своим здоровьем и, может быть, жизнью, привелись в движение громадные технические и энергетические ресурсы, и все это — ради спасения одного человека. Не велика ли цена?..

Эта мысль мелькнула и погасла: Мальгин вспомнил выражение глаз Купавы, растерянно-ждущие лица родителей Шаламова. Чувство вины растаяло.

— Есть захват, — прошелестело в наушниках эмкана. — Пошел десант!

Толчок был несильным, а движение не ощущалось вообще. Эфир вдруг взорвался множеством голосов — на несколько секунд:

— Сопровождение — форма «экстра», тройное дублирование!

— Юг — на контроль атмосферы.

— Реакция нулевая...

¹ И м п р и н т и н г — обостренная чувствительность к окружению.

– Север – планетарный контроль...

– Реакция нулевая...

– Вруб «абракадабры», отбой аналоговой связи!

Тишина в эфире, потом дробь писклов и гудков, снова тишина. Толчок, совсем легкий.

– Группа обеспечения! – Голос Ромашина.

Несколько черных фигур отделились от толпы «маатан» – десантники обоймы обеспечения пошли на работу. Истекла минута, другая...

– Двойка и тройка – ваш выход!

Как ни был Мальгин готов к вызову, все же вздрогнул, хотя рефлексы сработали мгновенно и не дали ему замешкаться. Джума Хан последовал за ним вместе с диагностером, «динго» которого превратил аппарат в нечто напоминающее пень с массой плотно упакованных корней.

В световом диапазоне пейзаж Маата был угрюм, необычен и дик, в его красках преобладали багровые и бурые тона, и казалось, что вся планета окутана туманом. Объяснялось это просто: окно прозрачности атмосферы было сдвинуто в сторону ультрафиолетового диапазона. Кир включил нужный диапазон видения скафандра, «туман» растаял.

Небо планеты показалось низким и плотным, по его темно-серому с бурными пятнами фону неслись перистые светящиеся облака. Светило висело над горизонтом в зеленом ореоле, неяркое и негреющее. Когг произвел посадку на плоской, как стол, равнине, в центре круглой площадки, засыпанной слоем янтарно-желтой, светящейся изнутри гальки. За площадкой шла твердая почва, напоминавшая бетон или асфальт, но зеленовато-желтого цвета, с черным узором, похожим на след древооточца в коре дерева. В трех десятках метров от когга начиналось небольшое озеро, вернее, пруд строгой геометрической формы – трапеции, с черной водой и громадными дышащими пузырями. За прудом начинался пологий склон холма, поросший ярко-оранжевыми языками, гребнями и перепонками. На холме стояло низкое уродливое здание с покоробленной черной крышей, без окон и дверей. Слева от него из почвы выросли немыслимые конструкции, похожие на заросли из металлических шипов и проволоки, а справа шел ряд «парусов» – громадных ровных полотен из полупрозрачного материала с прожилками, обрамленных металлически блестящими полосами. За ними виднелись какие-то увенчанные черными «роза-

ми» мачты и ажурные башни. И замыкалось голое пространство за коггом невысокой стеной, сложенной из грубых, плохо обработанных блоков не то камня, не то металла серебристого цвета.

Тишина в этом мире царила удивительная, лишь изредка откуда-то из-за стены доносился какой-то цокот и скрип.

— К зданию! — раздался в наушниках голос Ромашина. — Он там, внутри. Прошу быть готовыми к отходу, в глубине здания отмечена громадная концентрация энергии. Факт этот непонятен и потому особо опасен!

Мальгин скомандовал антиграву старт и за несколько секунд перенесся к зданию маатанского «сумасшедшего дома». За углом торчала фигура маатанина на «журавлином гнезде» — не поймешь: то ли десантник, то ли настоящий «черный человек». Ну да Бог с ним!

Сплошная стена здания вдруг раскололась щелью, в образовавшийся звездообразный пролом скользнула на «гнезде» блистающая серебром глыба.

— Переориентировка Умника: персонал клиники одет в голубые «зеркала», мы выглядим чужаками.

— Принял, — отозвался Умник. — Меняю программу «динго».

В ту же секунду цвет маатанских «комбинезонов», в том числе и у Мальгина, изменился на зеркально-голубой.

— За мной! — «Маатанин» нырнул в проем двери, за ним Мальгин, Хан с диагностером и двое десантников.

— Это верхний ярус, — на ходу бросил проводник обоймы обеспечения. — Основной массив клиники внизу, глубина неизвестна, но не менее двухсот метров. Очень много энергоисточников, шумовых помех, невозможно ориентироваться. Такое впечатление, что у них тут куча работающих энергостанций!

Они двигались по широкому коридору с гладким черным полом, бугристыми стенами и багрово светящимся потолком, в толще которого пульсировали прожилки голубого пламени. Ни одной двери Мальгин не заметил, но впереди справа стена коридора лопнула сразу в трех местах и в образовавшиеся проломы выплыли «черные люди». У Мальгина екнуло сердце: влипли!

Первый маатанин, в фиолетовом «одеянии», что-то сказал: в голове Мальгина захрипело и затрещало, словно валяжник в лесу под ногами, «перед глазами» — таково было впечатление — метнулись пламенные стрелы, складываясь

в узор фразы чужого пси-языка. «Вам здесь не место», — перевел Умник.

— Мы идем одним путем, — мгновенно отреагировал десантник сопровождения. Умник послушно перевел фразу на маатанский: треск, шорох, скрип, вязь огненных лент.

Не останавливаясь, они проплыли мимо замерших озадаченных «черных людей». Десантник, замыкавший группу, отстал, загородив коридор, выдал угрюмое:

— Проходите, не задерживайтесь.

Чем закончилась встреча, Мальгин не увидел, проводник вдруг свернул в поперечный коридор, где возле открытой двери их ждал еще один член риск-обоймы.

— Здесь, — сказал сопровождающий, уступая дорогу.

Мальгин не раздумывая устремился в проем двери.

Взору открылось странное мрачное помещение, сходящееся клином метрах в двадцати от входа. Освещено оно было слабым ручьем багрового света, струящимся по потолку, но Мальгин все же разглядел впереди тушу «черного человека», буквально заклиненную в остром углу помещения. Хирург приблизился. «Черный человек» не пошевелился, но у Мальгина возникло ощущение, что на него смотрит угрюмая гора.

— Мы идем одним путем, — сказал Клим, не зная, с чего начать. Умник перевел сказанное.

— Но вы идете с закрытыми глазами, — прозвучало в ответ.

Мальгин вздрогнул.

— Открывайтесь, — сказал быстро Хан, выталкивая вперед диагностер. — Иначе он будет принимать нас за своих врачей.

— Обойме-главной! — раздалось в наушниках эмкана. — Штормовое предупреждение! Маатанский глобконтроль обратил внимание на интенсивное движение в районе клиники. Вижу атмосферные объекты «АА». Время подхода — семь минут сорок секунд. Даю отсчет.

— Балансировка, — прорезался голос Ромашина. — Умник — балансировка оптимала!

— Предлагаю вариант-1, наиболее оптимальный в создавшемся положении.

— Двойка, ваше слово.

Мальгин сглотнул застрявший в горле вопрос. По первому варианту применялся отвлекающий маневр с запуском самостоятельного «динго», имитирующего орилоунский зонд с последующей его самоликвидацией, а также бегство десанта на борт спейсера.

— Едва ли мы сможем еще раз прийти сюда, применив первый вариант. Предлагаю второй: я остаюсь, вы уходите на орбиту и ждете сигнала.

Ромашин думал недолго.

— Принимаю. Всем постам императив «Хеопс»! Внешнему наблюдению максимальный «хамелеон»! Кен, обеспечить защиту двойки.

— Я обеспечу, — вмешался Джума Хан. — Требую соблюдения иерархии десанта, я — тройка!

Мгновение спустя голос Ромашина принес короткое: «Разрешаю».

Весь разговор длился девять секунд.

Мальгин и Хан остались одни перед травмированным «черным человеком», взиравшего на них с равнодушием тысячелетнего старца. Связь с Умником прервалась, видимо, когг ушел на орбиту: общаться с маатанином предстояло без переводчика. Но он знал земной язык.

— Мы земляне, — сказал Мальгин, подходя ближе, — и нуждаемся в вашей помощи. Вы в состоянии еще раз помочь человеку, который выручил вас из беды после столкновения в «серой дыре»? Помните? Вы понимаете меня?

«Черный человек» не пошевелился, лишь на коже проступила «сыпь» — встопорзились мелкие кристаллики.

Тусклые огненные струйки пси-языка маатанина сплелись в немыслимый узор, потом из него вылепилась фраза на земном языке:

— Я понимает... я понимает да есть... люди Земле что нуждаца конкретну... вопрос.

— Черт возьми! — прошептал Хан. — У маатан нет понятия «я», и они не умеют пользоваться глаголами. А этот — умеет!

— Ваш ксенопсихолог прав: «черный человек» получил знания Шаламова и теперь лучше знает язык. — Мальгин подошел к маатанину вплотную.

— Для лечения вашего спасителя нам необходимо знать биопараметры маатан: физиологию, биологию, нейрохимию, психологию...

— Нет необходимост перечисление... я понимает... я нет помоч нет движение...

— Мы освободим вас. Если бы вы смогли подключиться к банку биологических данных... у вас есть такие банки?

— Банк что есто — вопрос.

— Вместилище информации, склад с запасом данных по всем отраслям науки, техники и культуры

— У них нет науки и техники, — быстро сказал Джума, он уже включил диагностер и запустил программу исследований — около двух десятков «усов» протянулись от «пня» аппарата к неподвижному «черному человеку». — Их наука есть одновременно и искусство, и культура, и быт, и мораль, и этика.

— Я понимаю, — высветил маатанин. — Помочь я да есто движение... быстрее... три... быстрее нет време... опасно да есть...

Мальгин бросился к маатанину, зажатому клиновидно сходящимися стенами его палаты, примерился, как вытолкнуть «черного человека» из щели, и вдруг понял, что тот вовсе не сдавлен стенами, как показалось вначале, а... врос в них боками!

— Джума! — окликнул Мальгин.

— Вижу, — отозвался врач. — Без ножа освободить его невозможно, надо резать... по живому.

— Резат ды быстрее... я много понимает ваш друг... нет смыслие жизни без жертвия сам — понимает... нет смыслие любвие без препятство — понимает... наш Маат нет состояние определит смыслие хомо жизни — понимает... хомо ценил мы — я мы хомо — нет — плохо да есть...

Маатанин выдохся, на Мальгина пахнуло волной чужой тоски и сложных, невыразимых словами чувств. Человеческий язык не в состоянии определить все возможные оттенки переживаний даже самого человека, не хватило бы слов и точности, так что же тогда говорить о переживаниях «черного человека»!..

— Режу! — возглас Хана вывел Мальгина из ступора.

— Простите нас!

Джума двумя взмахами «лезвия» разряда «универсал» отделил маатанина от стен. Дважды в голове Мальгина вспыхнули огненные клубки — то ли крики боли маатанина, то ли «крепкие выражения», распались на светящиеся лоскуты, сложились в слова:

— Так я легко... контролеры кризис нет понимает я лечит нет время нет быстрее... как я движение — вопрос. Нет транспорт...

Джума мгновенно сформировал из диагностера нечто напоминающее двухметровое блюдо.

— Садитесь, довезем.

«Черный человек» всколыхнулся кристаллами тела, неуклюже влез на «блюдо».

— Я вперед... время совсем удар сердца... тревога да... ждат контролеры кризис... быстрее...

— «Контролеры кризиса» — это, наверное, их врачи. — Джума выглянул в коридор. — Я пойду первым, ты за ним.

Процессия вылетела из палаты, стены которой вдруг задымились и покрылись сеткой мелких электрических разрядов. Свернули налево, потом еще раз налево, по коридору, ведущему в глубь клиники. Встретили целую толпу маатан в голубом, но Хан не снизил скорость, а наоборот, направился прямо на них, «вопя» во всю мочь заранее составленную на маатанском языке фразу («вопил», конечно, киб-интеллект скафандра):

— Прочь! Опасность! Освободите путь! Он уходит в хаос!

«Черный человек» вдруг засмеялся — так расшифровал его пси-всхлип Мальгин и не поверил себе: маатане не умели смеяться и не знали, что такое юмор. Видимо, отпечаток личности Шаламова был настолько глубок, что и в самом деле перестроил личность маатанина: «черный человек» был «болен» человеком...

Мальгин посмотрел на громоздкую тушу, с поврежденных боков которой «сочились» и стекали вниз струйки голубоватого сияния — электрическая «кровь» маатанина, и хирурга обдало горячей волной благодарности, нежности и жалости: «черный человек» рисковал, как и они, но если они спасали человека, своего соплеменника, то маатанин шел на риск ради чужака гуманоида, вопреки колоссальным традициям морально-этического кодекса цивилизации. Мальгин снова пожалел, что затеял эту экспедицию, заставившую переступить грань дозволенного риска сотне людей и совершенно чужому разумному существу, уже пострадавшему от встречи с человеком, хотя и спасенному им же.

Нырнули в прозрачный пузырь в тупике коридора — лифт, «мустанг» по терминологии Шаламова, который вынес их в просторный зал, чем-то напоминающий рубку маатанского корабля. У черного плоского экрана во всю стену зала сидели на «журавлиных гнездах» пять маатан в синем. Рядом с каждым рос из пола пучок членистых прутьев, похожих на бамбуковые удочки. Все пятеро «оглянулись» на шум.

— Не мешать! — рывкнул Джума Хан. — Контролеры кризиса. Вытолкнуть «черного человека» на «блюдце» ди-агностера вперед. Приступайте.

Неизвестно, что поняли из перевода маатане, сидящие у экрана, но они не сделали ни одной попытки воспре-

пятствовать смельчакам, застыв словно в столбняке лоснящимися тюленьими тушами.

Маатанин Шаламова что-то сказал соотечественнику, располагавшемуся в центре. В ответ раздалось такое сверканье чужой пси-речи — Мальгин и Хан тоже «увидели» этот взрыв эмоций, — что не приходилось сомневаться в смысле сказанного. Джумаотреагировал мгновенно: туша маатанина кувырком вылетела из гнездообразного кресла и врезалась в барьер перед экраном.

— Полегче, — проворчал недовольно Мальгин.

— Я всего лишь толкнул его немножко в назидание другим, времени на уговоры у нас нет.

«Черный человек», которого они привезли, с некоторой заминкой — опешил, видать — занял освободившееся место. «Удочки» возле «гнезда» легли на него, образовав нечто вроде клетки. Экран напротив тут же выдал сноп светящихся стрел и кривых.

Выбитый «из седла» маатанин повозился у экрана и застыл в нелепой позе, сильно смахивая на карикатуру изваянной из металла гориллы.

— Быстрые писание ответ, — заговорил «черный человек» спустя минуту; он был специалистом высокого класса, несмотря на травму психики, и умел работать со своей компьютерной техникой.

Джума Хан метнулся к нему, покопался в диагностере, отогнул три «удочки» от маатанина и воткнул их в спецгнездо на корпусе аппарата: со стороны этого никто не видел, видеопризрак тела маатанина, «надетый» на скафандр, надежно скрывал действия человека, просто Мальгин знал, что так все и было на самом деле.

— Готов.

— Писание идти... много нет время... опасно близь... должно бегствие быстрые да... быстрые...

Среди маатан у экрана началось вдруг какое-то общее движение, Мальгин почувствовал на затылке давление чужого угрожающего взгляда, оглянулся. Вход в зал раскрылся, и в образовавшийся широкий многоугольный проем ворвалось вдруг жуткое страшилище: колоссальная туша, похожая на зубра и носорога одновременно, в пластинчатой броне, с кучей хвороста вместо ног.

— Уходим! — сказал Хан хладнокровно. — Это по наши души.

— Я прикрою! — не колеблясь, отозвался Мальгин. — Главное теперь — запись! Уноси диагностер и «черного» Быстро!

— Только не отставай.

В то же мгновение тело Джумы разделилось на три совершенно одинаковые фигуры, две из них бросились навстречу ворвавшемуся существу или механизму, третья — сам врач — выдернула диагностер с маатанином из объятий «удочек»-антенн управления и превратилась в туманное облако, в котором скрылись и Джума, и диагностер, и «черный человек». Облако стремительно рванулось в обход «зубронорога», который замешкался с выбором цели, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы Джума скрылся в дыре выхода.

Мальгин увидел, как черный рог чужого автомата повернулся в его сторону — автомат разобрался в запущенных Джумой «призраках». Состязание в скорости реакций теперь шло между маатанским компьютером и земным, вмонтированным в скафандр, но Кир успел обработать ситуацию раньше и без подсказки Мальгина чиркнул лучом «универсала» по кончику рога. «Зубронорог» окутался мощной короной электрических разрядов, на месте его рога вздулся ослепительный радужный пузырь, несколько разрядов сорвалось с «хвоста» ног под телом «сторожа» в пол. Что последовало за этим, Мальгин увидеть не успел, он был уже в коридоре, оставив за собой «крик» маатан в пси-диапазоне, а в звуковом — вой и треск поврежденно-го автомата.

В конце коридора мелькнуло маскировочное облако Джумы, Мальгин рванул за ним с такой скоростью, что едва не сломал себе шею от этого рывка. Он сбил какого-то маатанина в голубом, не успевшего увернуться, увидел сзади еще двух «зубронорогов» и выстрелил для острастки: прозрачно-желтый хлыст разряда проложил огненную дорожку в полу коридора, отгородив маатанскую стражу от беглецов.

«Черный человек» вывел их другим путем — со стороны «леса» — зарослей «стрекозиных крыльев» величиной с лопасть воздушной мельницы. Тотчас включилась связь с Умником, и началась отработка операции возвращения, рассчитанной аналитиками отдела безопасности, но и маатане не дремали, все-таки технологический потенциал их цивилизации был очень высок, хотя и необычен.

Над зданием клиники висели один над другим аппараты маатан, асимметричные, плоские, похожие на гигантских каракатиц диаметром в две сотни метров. Из днища нижнего аппарата торчала вращающаяся кособокая решетка, окутанная шубой электрического сияния. Второй снизу через дыру в борту «метал икру» — выгружал

маатанский десант в зеленой броне; эта операция здорово напоминала выброс парашютного десанта из самолета на Землю двухвековой давности.

Стоило только беглецам появиться на открытом пространстве, как их тут же заметили. Из зарослей «стрекозино леса» с треском выползла навстречу кошмарного вида конструкция, слепленная из ржавых на вид балок, штанг и рычагов, сквозь мешанину которых виднелась туша маатанина. Из носовой части этой машины угрожающе выдвинулась вперед косая ажурная башенка.

— Нет оружие, — торопливо высветил предупреждение «черный человек». — Службе контроля нет угроза... опасно да вверх... беглие назад быстрее...

— Не стрелять, — торопливо перевел Мальгин Умнику. — Первый, у нас всего одна-две минуты, здесь их десант.

— Видим, успеем, — отозвался Ромашин. — Отойдите от «черного», быстрее!

— Прощай, друг, — сказал Джума Хан, освобождая ди-агностер от туши «черного человека». — Извини за хлопоты и боль. Держись!

— Понятие да хомо эмоции, — ответил маатанин, грузно осев на одну из серых плит, цепочкой уходивших в заросли леса. — Маатание безнадежность... желание дружие Шаламо здоровье да... вам здоровье... мы не ест разумие хомо да... не есто понятие вы.

— Спасибо! — успел крикнуть Мальгин до того, как их накрыл силовой трал упавшего с неба десантного когга, втянул внутрь корабля. Стены дезокамеры сомкнулись вокруг, в глазах померк свет...

В джамп-режиме когг преодолел атмосферу Маата в три прыжка и растаял во тьме космоса, подхваченный невидимым спейсером «Стратег», готовым прийти на помощь всей своей интеллект-компьютерной и энергетической мощью. Отпустив на волю задержанный чужой зонд, под который был замаскирован когг, спейсер включил компакт-генераторы и ушел в «струну», а вышел из нее уже в Солнечной системе, дома.

В дезокамере когга вспыхнул свет, открылась дверь наружу.

— Выползаем, — сказал Джума Хан, превращаясь в человека в скафандре. — Рокамболь¹ наш кончился.

¹ Необыкновенные приключения (по имени героя романов Понсон дю Террайля).

Мальгин с удивлением обнаружил, что со времени старта к Маату на когге прошло всего лишь тридцать восемь минут.

— Я думал — по крайней мере два часа, — сказал он хриплым голосом. — Знаешь, чего я хочу больше всего?

— Чего? — спросил Хан из ангара спейсера.

— Пить и есть!

Мальгин выключил аппаратуру «динго», расправил плечи и вышел из дезокамеры. В конце коридора показался Ромашин без скафандра, в белом кокосе, за ним вся его гвардия, десантники риск-обоймы, пограничники, члены экипажа спейсера и оперативники бригады сопровождения.

— Поздравляю с успехом, — невозмутимо сказал начальник отдела, протягивая руку. — Вы, Джума, были неподражаемы, особенно когда скомандовали маатанам не мешать от имени «контроля кризиса». Знаешь, как переводится на маатанский ваш грозный рык «не мешать, контроль кризиса»? У маатан нет такой службы, и, будь с вами Умник, он перевел бы эту фразу, как «могильщики энтропии». К счастью, «черные люди» вас не поняли и поэтому не вмешались.

Ромашин пожал руку Мальгину, пристально взглянул ему в глаза:

— Вы довольны?

— Еще минуту назад я ответил бы — да, — сказал Мальгин.

— Что же изменилось?

— Я подумал... что будет с «черным человеком»? По сути, он допустил утечку информации...

Ромашин улыбнулся, оглядываясь на зашумевших парней.

— На Маате не знают, что такое смертная казнь, это раз. Мы не находимся в состоянии войны с маатанами, это два. Наша работа не есть игра в «шпионов и контрразведчиков», как может показаться с первого взгляда, — не те масштабы и задачи, — это три. И наконец, последнее. Проведенная операция — только начало намеченного контакта, давно подготовленного Институтом внеземных культур. Комиссия по контактам порядка работает у Маата на «Эдипе-2» и готова объяснить смысл нашей вылазки, которая должна бы всколыхнуть омут маатанского равнодушия и подготовить почву для переговоров. Контактеры испробовали до этого момента все доступные им средства

и методы ведения переговоров — безрезультатно, наш десант — последний шанс.

— И все же... — Мальгин откашлялся. — Поймите меня правильно... может быть, я не затевал бы подобного эксперимента, подумай об этом раньше... вероятно, мы в душе больше антропоцентристы, чем принято считать... мы не подумали... вернее, я не подумал о судьбе «черного человека». Вы можете сказать точно, что будет с ним?

Участники операции замолчали.

Ромашин не отвел взгляда, но в глубине его глаз вдруг всплыла печаль. Не презрение, жестокость или ирония — печаль!

— Точно — нет, — сказал он тихо. — Я думаю, что ничего плохого с ним не случится, если верить ксенопсихологам, а я им верю. Они давно возятся с Маатом и, хотя вынуждены довольствоваться только косвенными методами исследований, смогли довольно верно определить основные аксиомы психологии «черных людей». Успешный финал десанта — тому подтверждение.

— И все же история маатан темна и непонятна...

— Согласен. Я, кажется, понял вас. Но учтите — невозможно, жалея двоих, остаться посередине, нейтралитет в такой ситуации хуже предательства. Вы не сможете помочь обоим сразу, а значит, не поможете никому. Убедил?

— Не знаю... я подумаю. Извините меня, я еще не пришел в себя и поэтому столь резок в оценках.

— Все нормально, Клим, — вмешался Джума Хан, — не вешай на себя ярлык. На их месте я бы сразу взял тебя если не в безопасники, то уж в пограничники обязательно.

Обступившие их десантники засмеялись.

— А что? — улыбнулся и Ромашин; он понимал Мальгина и сочувствовал ему, но характер и положение не давали ему право на колебания. — Пойдете?

— Нет, — сказал Мальгин, внезапно ощутив на губах горечь этого слова. Слова, которое так ненавидела Купава.

Глава 5

Отдыхать не пришлось.

Шел уже десятый час вечера, когда Мальгина доставили на базу погранслужбы «Луна-центр», откуда он сразу позвонил в институт Таланову — предупредить, что

будет на месте к десяти, лишь слегка приведет себя в порядок.

Хан прямо с базы умчался к экспертам-кибернетикам с драгоценным диагностером, битком набитым полученными от «черного человека» сведениями, и обещал явиться сразу, как только удастся расшифровать хотя бы небольшой фрагмент записи. Мальгин попрощался с Ромашинным и с базы отправился домой, мечтая только о горячей хвойной ванне и глотке клюквенного морса, а в гостиной ему навстречу встала с дивана Купава.

С минуту они молча смотрели друг на друга, потом Купава шагнула к нему и, как в былые времена, ткнулась в грудь лицом. Прошла вечность, прежде чем Мальгин опомнился и отстранил женщину, вглядываясь в ее ставшее мокрым от слез лицо. Пришли на ум некрасовские строки:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагривших руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!..

Купава потянулась к нему губами, странно робкая и беззащитная, но Мальгин уже овладел собой, погладил ее по щеке и усадил на диван.

— Подожди немного, я переоденусь, а то с корабля на бал.

Вскоре он появился в гостиной в строгом сером костюме. Купава заметила эту перемену, усмехнулась:

— Ты, словно крепость, намерен выдерживать долговременную жестокую осаду. Неужели боишься, что возьму тебя измором?

— Боюсь, — серьезно кивнул Мальгин, усаживаясь напротив; она тоже привела себя в порядок и слез уже не было заметно. — Но боюсь не тебя, а себя.

— Плохо верится, что мастер Клим Мальгин может чего-либо бояться. И не говори намеками, я давно перестала тебя понимать, ты стал загадочен, как сфинкс.

— Хорошо, давай говорить прямо. Зачем ты пришла?

Купава стойко выдержала его взгляд.

— Мне сказали, что ты ушел на Маат для встречи с...

— Кто сказал?! — спросил он с тихим бешенством. — Кто этот благодетель?

— Не важно. Ты был там и...

Он встал так резко, что Купава испуганно отшатнулась, отвернувшись, сказал глухо:

— Купава, если ты хочешь, чтобы я не потерял рассудок, не приходи ко мне больше.

Женщина задумалась, пристально разглядывая профиль хозяина, встала тоже, подошла к нему, не решаясь дотронуться; он слышал ее тихое дыхание, чувствовал теплоту ее тела, и душа рвалась на части.

— Не сердись, — тихо проговорила Купава. — Сердиться — мстить себе за ошибки других. Я знаю, ты не простил мне мою, хотя ошибкой это назвать трудно. Я не приду больше... может быть. Ответь мне только на один вопрос: почему ты рискуешь собой, пытаешься вытащить Дана? Из-за того, что я... обещала... вернуться?

Мальгин медленно повернул голову к ней, лицо его побледнело. Внутри с крутых гор души сошла лавина, столкнулись тайфуны, замерз океан, погасло солнце, взорвалась сверхновая звезда... Несколько секунд он смотрел на Купаву, изогнув бровь, будто сиюсь сдержать стон, и произнес только одно слово:

— Нет!

Глаза Купавы вспыхнули, заискрились радостью и слезами, она поняла наконец, что пряталось на дне израненной души Клима.

— Благодарю.

И не успел Мальгин ничего сообразить, как горячие ладони женщины обожгли его щеки, горячие губы прижались к его губам — поцелуй был оглушающе долг, — и Купава исчезла, оставив после себя тонкий запах ландыша. И горьковато-нежный привкус поцелуя на губах...

Мальгин почувствовал боль, перевел взгляд на руку: он сжал кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони до крови.

— Намеки тонкие на то, чего не ведает никто... — пробормотал он глубокомысленно. — Еще одна такая встреча, и меня можно будет класть вместо Даниила...

Окончательно хирург пришел в себя только после пятиминутного сеанса аутотренинга. По дороге в институт дал себе обещание выяснить, кто же все-таки сообщает Купаве о действиях безопасников и какие цели преследует этот «друг-благодетель». Правда, это мог быть и сотрудник института, однако Мальгин не верил в отсутствие у коллег врачебной этики.

Таланов встретил заведующего отделением в кабинете вопросом:

— Тебе никто не звонил?

— Нет, а что случилось?
— Джума Хан...
— Что?! — у Мальгина перехватило дыхание. — Что с ним?

— Тебе придется оперировать двоих.

Мальгин так и сел.

— У кибернетиков он включил диагностер через Умника, — продолжал Таланов, — сначала в режиме выдачи диагноза, то есть выдачи тех данных, что записал сам диагностер с помощью своих датчиков при обследовании «черного человека». Потом включили программу, с помощью которой записали информацию, выведенную маатанином из своего компьютера. На выходе — тарабарщина! Код записи оказался не тем, что рассчитали кибернетики при составлении программы. И тогда Джума подключился к диагностеру напрямую.

— Он с ума сошел!

— А черт его знает, чем он руководствовался! У него спинальный шок. Поэтому времени у те... то есть у нас, осталось всего ничего. Шаламов не выходит из комы и жив только с помощью аппаратов.

Мальгин глубоко вздохнул, посидел немного и встал.

— Мне надо было идти с Джумой.

— Теперь уже поздно сожалеть. Данные диагностера введены в Гиппократ, можешь ознакомиться. Группа ждет тебя у Стобецкого... кроме Джумы и Карой Чокрой. Она с ним в клинике СПАС-центра, примчалась сразу, как только узнала. Непонятно...

— Она его жена, — сказал Мальгин, думая о своем, — чего ж тут непонятного. Идем, заменишь Джуму, мне понадобятся по меньшей мере три ассистента.

— Возьми Зарембу, парень рвется в бой, да и специалист он неплохой.

— Посмотрим.

Они спустились к лифту.

— Что нового выдал диагностер? Я имею в виду, из того, чего мы еще не знали?

— Практически все! У маатан нет нервной системы в общепринятом значении этого слова. То есть она существует, но не постоянно, а в нужный момент формируются нервные пути и узлы в толще однородной массы, которая называется телом. Почему вдруг именно эти участки тела становятся нервной тканью, нервами, узлами, сплетениями волокон — загадка! То же касается и мозга. По сути «черный человек» — единый организм-мозг с постоян-

но меняющейся структурой, иерархией, архитектуроникой. Кстати, точно так же построен и маатанский компьютер. Но самое интересное у него внутри: сверхтвердое ядро массой около ста килограммов, закапсулированное к тому же силовым полем с головоломными характеристиками. Поле пульсирует, а энергетическая мощь его, по оценкам экспертов, равна мощи десантного когга!

— Ерунда какая-то! Он что — живой реактор?

— Кто знает?

— А пульсирует из-за чего? Может быть, это сердце?

— Нет у него сердца.

Они вошли в отделение Стобецкого в тот момент, когда у Шаламова после долгого беспмятства наступила «фаза хозяина» — период парадоксального сознания.

Шаламов не лежал, а сидел с открытыми глазами, подерживаемый лапой манипулятора, и, казалось, смотрел на сдвинувшихся к вириалу реаниматора людей, хотя видеть их, конечно, не мог.

— Найдите Клима, — проговорил он негромко, но четко; голос был не его — гортанный, с каким-то вибрирующим тембром, и говорил Шаламов, почти не разжимая губ. — Найдите Мальгина, прошу вас. Быстрее найдите, мне нужно поговорить с ним.

— Я здесь, Дан, — ответил Мальгин, заставив всех у полусферы вириала оглянуться. — Слушаю тебя.

— Клим, как там мой «крестник»? Я знаю, ты был у него.

— Откуда знаешь?

— Не важно, знаю. — Шаламов раздвинул губы в улыбке. — Он еще помнит меня?

— Да, — ответил Мальгин после паузы. — Он... болен.

— Говори все.

— У него проявляются черты человека...

— Обратный эффект, эффект бумеранга. Я тогда слишком поздно понял, что он тоже связан со своим компьютером напрямую... Ему можно помочь?

— Подумай лучше о себе, — проворчал Стобецкий.

Шаламов не обратил на реплику внимания.

— Не знаю, — сказал Мальгин, с трудом подавляя вдруг поднявшийся из глубины души гнев. — Скорее всего — нет. Но врач прав, подумай о себе.

— Обо мне думай ты, а кто подумает о «черном»? Ты все же прикинь наши возможности, он стал для меня крестником, а для своих соотечественников — отщепенцем, изгоем, и, хотя у них нет смертной казни, маатане

способны на казнь равнодушием, а эта пытка пострашней остальных. И еще, Клим: не торопись ты меня оперировать, подожди немного, может быть, я справлюсь сам. Не прошу — требую.

— Но это невозможно! — воскликнул Заремба. — Ты все реже выходишь из комы, а искусственно поддерживать работу внутренних органов до бесконечности невозможно, они теряют способность функционировать нормально в отрыве от организма.

— Это ваша забота, — отрезал Шаламов. — Ты слышишь, Клим? Не спеши с операцией.

— Слышу, — сказал Мальгин в наступившей тишине.

Шаламов закрыл глаза, тело его расслабилось. Со всех сторон ударили дымные струйки физиогаза, внутренности реанимакамеры затянуло зеленоватой мутью.

Мальгин оглядел обращенные к нему лица.

— Ваши предложения?

— Оперировать и немедленно! — быстро сказал Заремба. — Если и не приведем все в норму, то хотя бы остановим процесс регрессивной трансформации. У него все большую роль начинает играть Р-комплекс¹, понимаете?

— Я — тоже за операцию, — сказал Стобецкий с непривычной для него неуверенностью. — Шансы благополучного исхода с каждой минутой падают.

— Предпочту воздержаться, — пожевав губами, проговорил Каминский, ни на кого не глядя.

Мальгин кивнул, полузакрыв глаза и постукивая пальцем по меняющейся световой узор прозрачной «шляпе» вириала.

— С одной стороны, желание больного — закон. — Таланов был не менее решительным, чем Мальгин, но в данной ситуации решал не он. — С другой — Шаламов сейчас...

— Вот именно, он в таком состоянии, — перебил главного экспансивный Заремба, — что не может отвечать за себя сам. Мы не имеем права ждать.

— Не кипятись, — бросил Стобецкий, морщась. — Вчера ты доказывал обратное.

¹ Мозг человека создавался эволюцией постепенно, сначала ядро — Р-комплекс, так называемый «комплекс рептилий», который возник сотни миллионов лет назад, потом «средний» мозг — лимбическая система, общая со всеми млекопитающими, и наконец неокортекс — новая кора, отвечающая за интеллект и высшие психические функции.

— Мало ли что я говорил вчера, — пожал плечами молодой хирург, — главное, что я говорю сегодня.

— Кредо болтуна.

— Кредо человека, способного вовремя почувствовать собственную ошибку...

— Стоп! — глухо сказал Мальгин. — Я выслушал вас. Операция откладывается... на сутки. Вопросы есть?

— Ты понимаешь, чем это может обернуться? — проговорил Таланов. — Автоматика поддержки на пределе, еще сутки такой работы, и она не справится...

— Сутки и подождем. У нас есть еще один больной — Джума Хан, будем работать с ним. Иван, мчись в СПАС-центр и вместе с Карой транспортируй его сюда.

Заремба с готовностью поднялся.

— Остальные с этого момента включаются в постоянную связь через Гиппократ. Час на изучение научной информации о маатанах, час на подготовку к операции. Координатором буду я, центральным ассистентом Готард, остальные — периферийными. Надо задавить процесс перерождения у Джумы в самом... — Мальгин не закончил.

В реанимационную вошла грациозная, улыбающаяся Карой Чоккой, а за ней невозмутимый, хотя и бледней обычного, Джума Хан.

Сцена, последовавшая за его появлением, длилась ровно пять секунд, пока обстановку не разрядил смех Зарембы:

— Явился не запыхавшись! Тебе ж положено лежать в шоке, мы уже оперировать тебя собрались!

— Этого-то я и испугался.

— Так слухи о твоём нездоровье преувеличены?

— Кто меня отпустил бы из «Скорой»?

— Поклянись.

— Чтоб я сдох! — не моргнув глазом, поклялся Джума.

Смеялись несколько минут, все, кроме Мальгина, постепенно отходя от неожиданного сюрприза, потом Клима спросил:

— Что с тобой случилось? Нам сообщили, что ты в шоке...

— Так оно и было, но кибернетики молодцы, поставили на пси-съёмоблокировку, и как только информация «пошла густо» — сработал отстрел. Мне, конечно, попало много всякого «мусора», но, как видишь, все обошлось.

— Он как ребенок, — сказала Чоккой своим красивым низким контральто с непередаваемым акцентом. — Совсем по Лермонтову: то кровь кипит, то сил избыток!

Джума посмотрел на нее вопросительно, и Мальгин понял, что все можно объяснить данью привычке, вежливости и участию. Видимо, по дороге в институт они успели объясниться, хотя соотношение между де-факто и де-юре осталось прежним. Дьявол их душу знает! — с мрачной завистью подумал вдруг про себя Мальгин. Не копайся в чужих отношениях и чувствах, разберись лучше в своих собственных.

— На чем мы остановились, коллеги? — Чокой сделала вид, что не заметила взгляда нейрохирурга, невольно вывавшего его мысли.

— Операция переносится на сутки, — сказал Таланов.

— Извините, нам необходимо поговорить. — Мальгин увлек Хана за собой. — Продолжаем работу, как наметили. Я подключусь к общей связи позже.

Не обращая внимания на удивление в глазах женщины, Мальгин подтолкнул к двери Джуму и вышел сам. В своем кабинете он усадил врача и некоторое время изучал его лицо. Джума выдержал испытание спокойно, без обычной иронии или насмешливости.

— Зачем ты пошел на этот неоправданный риск с диагностером?

Лицо Хана не выразило досады, хотя было видно, что вопрос ему неприятен.

— Если честно, это тот редкий случай, когда у меня сработало самолюбие. Подумалось: смог же Шаламов выдержать информационный удар маатанского компьютера и расшифровать запись, почему не смогу я? Тем более чем диагностер — не маатанский аппарат.

— Я думал, ты лишен подобных недостатков, хотя самолюбием твой поступок не объяснишь, скорее это ложная гордость, переоценка сил.

— Свои недостатки я не оправдываю. — Джума слегка нахмурился, однако тут же вернул себе равновесие. — Но и причислять их к семи смертным грехам я бы не стал.

Мальгин непонимающе уставился на собеседника. Тот вполне серьезно пояснил:

— Гордость входит в число семи смертных грехов.

— Екклезиаст? Вы неплохо начитанны для своей профессии, слуга Гиппократ, а на вид — обычный конокрад.

Хан засмеялся.

— Ты тоже на вид простой, в меру воспитанный спортсмен.

— И за то спасибо. Как ты себя чувствуешь?

— Нормально.

— Скажи это Карой. Я недаром мастер-медик, мон шер, а любой мастер — интуитив высокого класса. Ты сильный парень, но после этого прискорбного случая я не могу оставить тебя в группе риска. А жаль.

— Жаль, — согласился Джума Хан, погрузнев. — Ты прав, мне здорово досталось, и отпустили меня из «Скорой» только под честное слово, обещал, что я приду на обследование при первых признаках... недомогания. Но ассистентом я был бы неплохим.

— Знаю, потому и жаль. Что сказали кибернетики?

— Код записи неизвестен, но логику маатан мы уже знаем. В общем, надежда на расшифровку есть, все дело в том, сколько может ждать Шаламов.

— Он потребовал не оперировать его вообще.

— Снова «фаза хозяина»?

На столе замигало индикаторное окошко, раздался голос Таланова:

— Клим, зайди ко мне, как освободишься.

Мальгин молча ткнул пальцем в окошко.

— Карой, кстати, как только узнала... — Клим замолчал, заметив напрягшиеся скулы Джумы, — что...

— Не стоит об этом. Все непросто, туманно и скользко... гололед с дождем.

Мальгин покачал головой.

— Если бы ты был ей безразличен, она не менялась бы в лице и не бежала к метро сломя голову, узнав, что с тобой приключилось.

— Да ни о чем это не говорит! — В голосе Джумы неожиданно прорвалась тоска. — В том-то и дело, — сказал он тоном ниже, — что она становится заботливой только в экстремальных ситуациях. Я уже два года пытаюсь понять свою ошибку, где я свернул с тропинки, ведущей к ее мироощущению, вернее, к взаимопониманию, и не могу найти. И ты мне в этом деле не помощник, Клим, извини. Ты и сам, похоже, в ситуации похлеще.

Мальгин посмотрел на свой кулак, потом на лицо Хана. Тот невесело улыбнулся.

— А ты врежь, может, полегчает... а потом я тебе, если встану. Идет?

Мальгин в ответ улыбнулся через силу, прислушался к себе и почувствовал, как тает в сердце лед одиночества и отчаяния, лед, не видимый никем и никогда.

— Давай думать, старик, нам обоим теперь надо много думать. Видать, чего-то нам недостает, может быть, чисто человеческого, доброты или простоты, щедрости или азар-

та, жадности или способности удивляться и совершать незапрограммированные поступки... не знаю. Но успел убедиться, что женщине недостает мужского суперменства, постоянной готовности мгновенно ответить на любой вопрос, жесткой постоянной стойкой уверенности в своей правоте. Может быть, им не хватает минутного колебания между «да» и «нет», еле заметного проявления слабости, что уравнивает нас в их глазах и придает силы... Может быть, уже плохо то, что мы редко ошибаемся. Прав был мудрец, мы редко думаем о том, что имеем, зато всегда думаем о том, чего нам недостает¹. Не поменять ли принципы?

— Нет, — качнул головой Джума Хан после долгого размышления. — Принципы менять не годится, зачем тогда жить? Но думать надо. Кажется, мы с тобой прирастаем друг к другу, а?

— Я как будто не против. А ты?

— Взаимно.

Мальгин кивнул, замыкаясь в обычной оболочке непреклонной уверенности, потом искоса посмотрел на Хана, в глазах которого запрыгали насмешливые чертики взаимопонимания, и они одновременно рассмеялись.

Всему свое время, подумал Клим, отворачиваясь, время собираться в тугий комок мышц и время расслабляться, радоваться и страдать, думать и чувствовать... Научиться бы вот только угадывать нужный момент или на худой конец вырастить в себе инстинкт безошибочной реакции на происходящее, чтобы всегда и везде при любых обстоятельствах действовать только правильно... впрочем, стоп! Это уже было — безошибочно, скорей всего это и есть одна из самых страшных человеческих ошибок...

— Тебе пора к шефу, — напомнил Джума.

— Иду, — встал Мальгин и спохватился: — Слушай-ка, мне нужна твоя помощь. Кто в отряде Шаламова был к нему особенно близок? Кроме, пожалуй, самого Жостова? Ты их знаешь?

— Почти каждого. По-моему, Даниил дружил со всеми, завистников у него не было вообще, а вот близких... в парном патруле он чаще всего ходил с Висенте Оросо, а отдыхал с Марселем Гзаронвалем. Я частенько видел их втроем, Дана, Марса и... Купаву. Зачем они тебе?

— Потом скажу. — Мальгин устремился к двери, на пороге обернулся. — Подключайся к Гиппократу, будешь

¹ В. Шопенгауэр.

сопровождать группу до операции, твой совет лекаря может существенно повлиять на подготовку, а на операцию все равно не рассчитывай.

Жест Джумы — кольцо из большого и среднего пальцев — был понятен без слов.

Мальгин знал, как вредно сосредоточиваться на своих внутренних переживаниях, уходить от действительности, поэтому с ненавистью относился к своей прогрессирующей слабости и нерешительности, чувствуя сопротивление организма, некоторое время боролся сам с собой, гоня из головы мысли о Купаве, но целиком освободиться от навязчивых дум так и не смог...

Таланов разбирался в информатуре, подаваемой на дисплей рабочего стола, поэтому кивком указал хирургу на стул.

— Богдан, давай поговорим позже, — проникновенно сказал Мальгин. — У меня возникло желание убить в неизвестном направлении и отрешиться на время от всего земного.

Таланов поднял голову, изучающе посмотрел на Клима.

— А я хотел предложить тебе поработать со старым багажом, только что получил данные по всем операциям «стирания» в мозгу криптогнозы. Но если устал — что ж, отрешайся.

— Не устал, просто на какое-то время необходимо переклеститься.

— В таком случае не мешай мне!

Мальгин кивнул и выбежал из кабинета не прощаясь. А для того, чтобы его могли найти в любое время и в любом месте — все-таки связь с другими членами группы риска должна быть включенной постоянно, — нацепил на ухо усик персональной рации, снабженной радиомаяком: поисковые спутники-автоматы системы СПАС были способны отыскать его практически за несколько секунд.

Домой идти не хотелось, Клим наугад ткнул иглой датчика в карту на стенке кабины метро и вышел в незнакомом помещении с низким потолком и светящимся полом. С удивлением прислушался к своим ощущениям: сила тяжести в помещении была меньше земной раза в три. Луна? Не похоже, там гравитация еще слабей. Марс? Венера? И почему другая планета? Я же точно помню, что карта выходов была сугубо планетарной, земной. Может быть, Приземелье?

Из помещения через единственную дверь, убирающуюся по старинке в паз, Мальгин вышел в коридор с таким же низким потолком и слабо светящимся полом. Никого. Тишина... Лишь издали доносится изредка странный тихий звук, напоминающий верещание цикад. Заинтригованный «путешественник» двинулся вправо, ловя себя на желании двигаться бесшумно, поддаваясь таинственной атмосфере неведомого жилища.

Коридор поворачивал под тупым углом и был абсолютно пуст, если не считать контуров двух дверей со светящимися на них римскими цифрами I и II. Следующий поворот был копией первого, и колено коридора ничем не отличалось от предыдущего. Повернув еще три раза и выйдя к двери в помещение с кабиной метро, Мальгин понял, что коридор образует замкнутый шестиугольник. В каждом его отрезке было по две двери, различавшихся только номерами от I до XII. Мальгин толкнул первую дверь — безрезультатно, не реагировала она и на мысленный приказ. Пожав плечами, Мальгин собрался было вернуться к метро, но цикадный скрип заставил его пойти на звук.

Скрип доносился еще из-за одной двери — слева по ходу коридора, тогда как остальные находились справа, и хирург не заметил ее лишь потому, что она не имела номера и почти сливалась со стеной. Приказав ей открыться, пару раз толкнув рукой, Мальгин вдруг вспомнил Маат и сказал вслух:

— Сезам, откройся!

Дверь послушно ушла в паз, так что гость невольно вздрогнул, и перед ним открылся небольшой круглый зал с куполовидным, зеркально отсвечивающим потолком, тремя большими вогнутыми экранами на стенках и тремя старинными пультами. За каждым пультом сидели операторы в необычной черной форме с дугами наушников на головах. На появление гостя никто не обратил никакого внимания, они были заняты работой и переговорами друг с другом. На экранах мерцали горсти цветных искр и огней, на каждом внизу мелькали красные и зеленые цифры, и по черному их фону плавали светящиеся кресты визирных меток. На экране слева одна из меток остановилась на крупном белом огоньке, тотчас же раздался басовитый гудок, и оператор за пультом пробежал пальцами по сенсорной клавиатуре пульта.

— Сорок третий, есть захват!

— Ответа нет, — отозвался второй оператор. — Три секунды до зоны поражения.

– Пуск!

По экрану снизу вверх шаркнуло световой полосой, на месте огонька расплылось облачко света и растаяло.

– Сорок третий, есть поражение! Контроль МБР. Квадрат пуст. Цели на подходе, минута сорок...

– Вижу крупный объект в зоне «А», – вторил переговаривающимся за первым пультом оператор соседнего. – Скорость три единицы, вектор Шамбуадор – Крокс, масса двенадцать сто...

– Захват!

– Машина обрабатывает четные цели, – говорил за последним пультом плотный здоровяк в комбинезоне с красивыми нашивками и эмблемами. – Обработка очередями, повтор по оценке вероятности с учетом мощности импульсов. Перенос огня на зоны «Б» и «Д»...

Ошеломленный Мальгин молча смотрел, как на экранах разворачивается настоящее сражение: все больше и больше искр и огоньков, представляющих собой реально летящие в космосе объекты, взрывались и таяли после бесшумных лазерных вспышек, а когда в прицельные визирные кресты перестали попадать плывущие световые черточки и темп стрельбы замедлился, Мальгин очнулся и смело подошел к центральному пульту, пройдя сквозь фигуру оператора. Оглядел пульт и тронул черную пластину сенсора с цифрой «ноль». Световая беготня по экранам и пультам прекратилась, операторы в креслах замерли.

– Отбой принял, – раздался с пульта вежливый голос. – Слушаю.

– Кто ты?

– Экскурсионный программатор Цербер.

– Это что за станция?

– Боевая лазерная база «Эвриван» для уничтожения спутников и межконтинентальных баллистических ракет, запущена в две тысячи тринадцатом году, законсервирована в две тысячи сорок пятом году, отреставрирована и превращена в экскурсионный объект в две тысячи сто двадцать девятом.

– Ну и зачем?

Компьютер-инк, отвечающий за воссоздание иллюзии боевых действий и работы базы, помолчал:

– Вы не первый задаете этот вопрос, но в моих программах нет ответа. Могу предложить подслушанную у экскурсантов реплику: база превращена к экскурсионный объект для напоминания об ошибках прошлого. Своего мнения не имею.

— И на том спасибо, — пробормотал Мальгин. — И часто у тебя бывают гости?

— Сначала бывали часто, теперь редко. Последняя экскурсия была двести двенадцать дней назад.

— Что ж, бывай... не скучай, если больше никто не придет.

Мальгин невольно пожалел компьютер, обреченный на одиночество, и, пока шагал к метро, спрашивал себя: чего не хватает ему самому? И уже входя в кабину, понял: общения. По сути, он был сейчас так же одинок, как и компьютер-сторож древней военной ракетно-лазерной базы.

Вышел он скорее всего где-то в Европе: город был незнаком с первого взгляда, но по архитектуре зданий можно было примерно определить регион. Швейцария, подумал Мальгин, или Австрия. Послушаем, на каком языке здесь говорят.

Он вышел на площадь перед метро и двинулся в глубь древнего парка по одной из светящихся изнутри янтарных дорожек, прислушиваясь к говору идущих навстречу или обгонявших его людей.

Вечер на долготе этого места только начинался: солнце зашло, но было еще довольно светло. Часов восемь с минутами, прикинул Мальгин и посмотрел на браслет видео: вспыхнувшие цифры высветили время Брянска — десять часов двадцать семь минут. Разница в два часа, значит, это не Австрия и не Швейцария, а, вероятнее всего, Нидерланды.

Однако по языку прохожих точно определиться не удалось: говорили кругом и на немецком, и на французском, и на английском, и на русском. Больше всего на русском и на английском, с акцентом и без, но удивляться не приходилось: русский и английский языки стали основой единого земного разговорного языка, впитав богатство национальных оттенков всех остальных языков мира, хотя и они, конечно, не потеряли своего значения.

Мальгин набрел на пруд, задумчиво направился вдоль берега, вглядываясь в прозрачную водную толщу, а за дубовой рощей обнаружил изумительной красоты веранду, нависающую над водой. Высоко над крышей вспыхивало и гасло название ресторана на английском языке: «Король Георг». Не раздумывая, повернул к летнему ресторану и сел за один из столиков прямо у края веранды; людей было много, но в большинстве своем все сидели

парами, лишь две или три компании состояли из семи-восьми человек.

— Слушаю вас, — раздалось над ухом по-русски. Говорили свободно, без акцента.

Мальгин оглянулся. Рядом с вежливой полуулыбкой на губах стоял красивый молодой человек, одетый по моде «галант». Он мог быть и фантомом, видеопризраком официанта, формируемым сервисной киб-системой ресторана, но смахивал на живого.

— А если я не говорю по-русски? — сухо спросил Мальгин на испанском.

— Я буду говорить на вашем языке, — с улыбкой сказал по-испански официант.

— Полиглот?

— Да, сеньор. Я знаю сто сорок шесть языков.

— Фантомат, — с некоторым разочарованием протянул Мальгин. — К чему тогда эта форма? Ведь вы можете выполнить заказ без всяких эффектов.

— Традиция, сеньор.

— Я русский. Принесите что-нибудь соответствующее моему настроению.

— Сей секунд!

Мальгин усмехнулся последней фразе и, поставив локти на стол, утвердил подбородок на сплетенных пальцах. Мозг лениво перебирал обрывки видений, давних разговоров с друзьями, Купавой, проблемы, с которыми сталкивался в институте, но ни одна мысль не задевала чувственных центров, эмоции притупились, отступили в глубь души, словно под влиянием наркотика. Мальгин грезил... хотя никогда не поверил бы, скажи ему кто-нибудь, что он способен на такое.

Киб-официант принес высокий бокал с изумрудным напитком и тарелку с коричневыми хрустящими шариками. Подождал реакции посетителя, не дождался, исчез, а Мальгин сидел в этом странном состоянии еще несколько минут, пока кто-то рядом не спросил:

— Разрешите присесть?

Он медленно повернул голову. Рядом стояла Карой Чокой, красивая, чуть улыбающаяся, одетая в летний вечерний костюм в стиле «очарованный кварк»: полуоткрытая грудь, серебристые буфы на плечах, два зеркальных обруча на талии, обнимающая бедра и переходящая в черную бахрому юбка, ажурные трансформные туфли, высота каблука которых зависит от скорости движения. Черные волосы были распущены в громадный шар — прическу в стиле афро.

— А говорят, что трансцендентальная медитация¹ — ложное понятие, — мягко проговорила женщина.

Мальгин опомнился, резко встал, неловко смахнул со стола бокал, но успел его подхватить.

— Простите, ради Бога! Кажется, я действительно увлекся самосозерцанием.

— И часто это с вами?

— Если честно, то первый раз. Обычно я справляюсь со своими внутренними переживаниями на ходу.

— Поэтому я и удивилась, с виду вы целеустремленный и жесткий, или, как говорили раньше, «железный» человек. Вас еще называют «человеком-да». Откуда пошло это прозвище?

— Не помню. — Мальгин окончательно пришел в себя. — Может быть, присядем?

— А я думала, вам так удобнее, — с легкой иронией сказала Карой, перехватив его взгляд. — Закажите мне миндаль и сок.

Они сели, посматривая друг на друга: с просыпающимся интересом Мальгин и с лукавым вызовом в глазах женщина.

— Не ожидала встретить здесь кого-то из знакомых, а тем более вас. Любите отшельничество? Или ждете подругу?

Он подумал, хотел сказать «нет» и произнес:

— Просто сегодня я не в форме и удрал из института, чтобы побыть...

— В одиночестве, так сказать, наедине с умным человеком.

— Не заставляйте меня говорить «нет», я очень не люблю это слово и произношу его, лишь когда меня вынуждают. Сегодня мне захотелось вдруг побыть с кем-нибудь, кто не искал бы во мне идеала, и поговорить о чем угодно, даже о погоде.

Карой приподняла бровь.

— Оригинальное желание. Обычно мужчины все делают наоборот. Что ж, давайте говорить о погоде, хотя я больше хотела бы о нашем пациенте. Меня беспокоит масштаб изменений нервной ткани, их глобальный, всеобщий характер. Что, если количество перейдет в качество? Что произойдет? Сохранится личность Шаламова или

¹ По представлениям психологов древности трансцендентальная медитация — четвертое состояние сознания после бодрствования, сна и сновидений.

перерождение затронет и психику? Сможет ли он контролировать свой Р-комплекс?

— Не знаю, — преодолевая внутреннее сопротивление, добавил: — Не думал. Даниил очень сильный в психологическом отношении человек, его весьма трудно вывести из равновесия, — потом прямо посмотрел на собеседницу: — Извините, Карой, я сбежал из института именно потому, что не хочу сейчас думать об...

— Все! — Карой Чоккой подняла ладонь. — Не буду, мастер. Видимо, я плохой психолог, иначе поняла бы вас сразу. — Она улыбнулась с оттенком вины и кокетства. — А вообще я с должным уважением отношусь к прямым людям. Мало кто из моих знакомых способен прямо сказать мне в лицо о своем нежелании говорить на ту тему, которую я избрала. Пожалуй, кроме вас, я знаю лишь одного человека...

— Я тоже его знаю, — кивнул Клим. — Кстати, а почему вы не вместе?

— Ну вот, — с неожиданным сожалением сказала она, — как ушат воды на голову. От вас такого вопроса я не ожидала. Неужели интересно?

Мальгин смешался, быть может, впервые в жизни. Карой заметила это, улыбнулась.

— Не ищите ответ. В молодости мне больше нравились мужчины, знающие ответ на любой вопрос.

— А сейчас? Хотя едва ли вам стоит жаловаться на возраст.

— Спасибо, такие слова для меня уже начинают становиться комплиментом. Сейчас я предпочитаю живых мужчин, способных удивляться и сочувствовать, а не все знающих, все умеющих суперменов.

— Постараюсь учесть в дальнейшем, хотя мне еще далеко до супермена. Правда, у некоторых моих знакомых суперменство — это скорее состояние тела, а не души. Они умеют очень многое, почти все, но не потеряли способность удивляться.

— Если вы о Джу... — Карой нахмурила брови.

Мальгин тихо засмеялся.

— Меня упрекаете и тут же сбиваетесь на личности. А Джума мне нравится, хороший парень, запросто рискующий собой во имя дела.

— Ну, это нам знакомо. — В том, как были произнесены слова, чувствовалась ирония и чуть-чуть грусть. — Риск для него — родная стихия.

— Я не договорил. Страсть к риску не главное, не может быть главным в жизни, а Джума, кстати, думающий

рисконавт. Насколько я понял, он в последнее время многое переоценил, в том числе и свой имидж.

— Вы так считаете? — На лицо Карой легла тень задумчивости.

Красивая женщина, подумал Мальгин с невольным сожалением. Если бы не было Купавы... такая может захечь и увлечь и всю жизнь держать в постоянном напряжении... но далеко не каждый способен гореть всю жизнь. А ведь она тоже одинока! — понял вдруг хирург. Красивые женщины зачастую одиноки, несмотря на постоянное окружение и поклонение, а тем более женщины умные. Найти идеал для такой — проблема почти безнадежная, особенно в условиях постоянного дефицита джентльменов. Она права: суперменов среди нас — пруд пруди! Романтики без догмата превосходства — ау! Правда, если разобраться, то идеал мужчины — величина постоянная, Карой, например, судя по всему, нужен «живой» спутник жизни, который не подавлял бы ее своей непогрешимостью и абсолютным знанием, чтобы он стоял рядом, а иногда и спрашивал совета — как поступить в той или иной ситуации. По сути она тоже очень сильный, умный, безусловно красивый человек и имеет право на равное партнерство. Джума, кажется, понял это слишком поздно... как, впрочем, и я. Купава ведь тоже не любит суперменов «без страха и упрека»...

— Что с вами? — спросила Карой, оценив его молчание, и чисто по-женски, по привычке, поправила прическу, которая вовсе не нуждалась в подобной операции. — У меня что-нибудь не в порядке? Вы так пристально смотрели...

— Все в норме, — поспешил успокоить женщину Мальгин. — Потанцуем?

Стемнело, и пространство танцевальной площадки в центре веранды уже заиграло призрачными переливами света, превратившись в волшебный, постоянно меняющийся замок. Музыка была слышна только в пределах этого «замка», причем психоадаптеры проецировали для каждой танцующей пары свою мелодию и ритм.

Настроение у Мальгина было меланхолическим, так что танцевали они с Карой древнее замедленное танго. Женщина прижалась к нему и вздрогнула, словно ей стало вдруг холодно. Шепнула:

— Я искала вас. — Она подняла прядь волос над ухом и показала золотую каплю рации компьютерной связи. — Это было нетрудно.

— Я догадался.

— Только не делайте далеко идущих выводов, а то я разочаруюсь в вас прежде, чем наметила по плану.

Он тихо рассмеялся.

— Таких ошибок я не делаю уже давно. Впрочем, если мне не изменяет память, то и в юности со мной такого не случалось.

— Вы умный человек, мастер, и классный специалист, многого добившийся в жизни, но скажите... вы счастливы?

Мальгин молчал. Спина Карой напряглась. Клим тихонько погладил ее по плечу.

— На этот вопрос я сегодня не отвечу. Сначала надо, наверное, разобраться, что есть счастье. Всему свое время...

— И время всякой вещи под небом. Вы опасный человек, мастер.

— Почему? — искренне удивился Клим.

— Потому что у меня начинает кружиться голова. — Намек был весьма прозрачен, а может быть, это был вовсе не намек, Карой говорила то, что думала, прекрасно зная, что он способен понять ее и по взгляду.

— Мне надо идти, — сказал он спустя минуту. — Если хотите, я провожу вас.

— Идите, я еще немного посижу.

— Вы обиделись?

— На что? Нет, все в порядке, мастер, просто хочу побыть одна.

Мальгин на мгновение прижал женщину к себе и отвел к столику, вырвавшись из плена музыки. На выходе оглянулся: Карой сидела совершенно прямо, положив руки на стол, и смотрела на воду.

Разговор с умной женщиной сродни ловле тополиного пуха, подумал Мальгин: одно неосторожное движение — и пух улетел! Учись «ловить пух» осторожно, мастер... А я, кажется, испугался...

Он вернулся, наклонился над ее плечом, сказал мягко:

— Не сердитесь, Карой.

— Я не сержусь, — сухо ответила она, не повернув головы. — С чего вы взяли? Насколько мне помнится, вы только что торопились уйти.

Он сел рядом.

— В таком случае выслушайте брюзжание человека стоящего на пороге зрелости. Природа вас щедро наградила. вы красивая, решительная, смелая женщина. Но когда

слабый пол начинает выполнять функции сильного — что остается делать мужчинам? Будьте мудрее, дайте нам — даже не право — хотя бы иллюзию уверенности в том, что решаем всегда мы. Ведь мы изначально не должны быть слабыми, амазонки же — только пример отклонения, подтверждающего правило. Хотите на всю жизнь остаться амазонкой? Тогда мы вам не нужны. А если нужны — будьте чаще женщиной, и тогда мужчины будут спорить за право уступить вам первенство. Стоит вам только захотеть. А говорю я это лишь потому, что корабль моей судьбы уже разбился однажды о твердую волю сильной женщины. Я слишком поздно понял, что всегда все знать, все уметь и решать все может и киб-интеллект и что умение уступить и есть сила. Простите за длинную сентенцию, иногда я бываю невыносим. Даже себе. До завтра.

— Подождите, — быстро сказала Карой, бросив взгляд исподлобья.

Он снова присел на краешек стула.

— Она красивая?

Мальгин понял.

— Очень!

— А вы знаете, к кому она ушла? Я поняла так, что она... Кто ее... друг?

— Наш общий пациент, — сказал Мальгин после недолгого раздумья. — Даниил Шаламов.

Глаза у Карой сделались огромными и черными. Клим ободряюще кивнул ей и пошел к выходу, не оглядываясь больше. Чувствовал он себя скверно и был недоволен собой до глухой тоскливой досады. В душе росла уверенность, что он снова что-то сделал не так.

Глава 6

Ночь Мальгин провел плохо, третью ночь подряд после свалившейся на голову беды с Шаламовым, которая перевернула жизнь и поставила его перед необходимостью выбора и выхода из состояния флегмы. Спал он всего часа четыре, да и то с кошмарами, не помогли ни гипносон, ни аутотренинг. Тем не менее встал, заставил тело работать физически, для чего выбрал максимальный разминочно-тренировочный комплекс тайбо и после часовой нагрузки, холодного душа и завтрака почувствовал себя бодрее.

В институте сразу включился в обратную связь с Гиппократом, контролирующим работу всей медицинской

аппаратуры, в том числе и реанимационных камер, а через него — с остальными членами ПР-группы, но все оставалось по-прежнему: Шаламов не выходил из коматозного состояния, а процесс перерождения его нервных тканей продолжался, хотя и значительно медленнее, чем в первое время. Никто из рисконавтов не внес никаких предложений, и Мальгин понял, что они подошли к пределу теоретических умопостроений, за которыми должно последовать действие. Свежих данных не поступало ни от медиков, ни от кибернетиков, ни от безопасников Ромашина.

Джума Хан сообщил Климу о том, что ксенопсихологи и кибернетики нашли наконец ключ к расшифровке записи маатанской информации, но обещали сообщить результаты перевода только к обеду. Эта новость несколько подняла общий тонус группы, а Заремба, дежуривший в клинике вместе с Каминским и не знавший, чем занять свою деятельную натуру на время, отведенное им пациентом, тут же испросил разрешения поработать с кибернетиками. Мальгин не возражал, хотя весьма сомневался в полезности этого шага.

В девятом часу утра Клим оставил Стобецкого с Биллом-старшим в реанимационной и, ничего никому не говоря, покинул институт, вспомнив о своем обещании. С помощью волевых усилий, хотя и не без борьбы, он загнал мысли о Купаве глубоко в «подземелье» души и «закрыв дверь на замок», понимая, что не сможет работать творчески и спокойно, поддаваясь чересчур эмоциональному калейдоскопу памяти.

Центр Управления аварийно-спасательной службы располагался под Брянском, на берегу Десны, и представлял собой километровой длины здание из универсального строительного пластика, обладающего памятью формы и цвета; окна зданиям из такого материала не требовались — по желанию прозрачным мог становиться любой участок стены.

Воспользовавшись метро, Мальгин видеть этого не мог, но внешний вид здания помнил по стереофото и видеопередачам. С помощью мысленного шепота дистанционного кибергида, «уши» которого — пси-антенны — были вмонтированы в коридоры и кабинеты, Мальгин быстро отыскал отдел, в котором работал до аварии Шаламов, и выплыл из лифта прямо у кабинета Жостова.

Начальник службы курьерских спасательных линий не удивился приходу хирурга, только мельком посмотрел на

цифры времени, горящие в толще стола, но Клим и не собирался задерживать этого сурового занятого человека, от способности которого мгновенно анализировать ситуацию зависели четкость и быстрота работы курьеров.

— Я ненадолго, — сказал Мальгин, не садясь в предложенное кресло. — Всего один вопрос, если не возражаете: где я могу найти Висенте Оросо и Марсея Гзаронваля?

Жостов и на сей раз не выказал удивления, умение сдерживаться у него, как и у Мальгина, вошло, очевидно, в плоть и кровь, формируя характер.

— Ничего нет проще, — ответил начальник курьеров: в голосе его проскальзывали носовые дифтонги. — Висенте сейчас драйвер-секунда, а мсье Гзаронваль развлекается в «Аду-22».

— Спасибо, — поклонился Мальгин. — Извините, не буду вам мешать. Желаю здоровья и удачи.

Жостов не ожидал подобной оперативности от посетителя, собираясь объяснить нормальным человеческим языком, где находятся названные спасатели, но, посмотрев на Мальгина, понял, что тот не нуждается в объяснениях, и спросил:

— Как Даниил?

— Без изменений, — ответил Мальгин.

— Звоните, если понадобится.

— Непременно.

И они разошлись, довольные лаконизмом друг друга и общей точкой зрения на манеру делового разговора.

«Драйвер-секунда» на аргосе спасателей означало, что Висенте Оросо готовился к глубокому интергалактическому рейду вторым номером курьерской линии. Кто был «прима» — первым пилотом, — Мальгина не интересовало, поэтому, найдя спасателя на базе погранслужбы «Нептун-41», он отвел того в сторону, отметив его внешнюю заторможенность и даже сонливость и лень, вполне, кстати, могущую оказаться обманчивой, и спросил напрямик:

— Сеньор Оросо, когда вы в последний раз виделись с сеньорой Купавой, подругой Дана Шаламова?

Висенте — девяносто килограммов мышц и сухожилий без единой унции жира — равнодушно оглядел Мальгина и вдруг на глазах преобразился в готового к любому приему мастера тайбо. Длилось это превращение всего одно мгновение, но Клим понял, что не ошибся в выводах относительно внешности Оросо: парень был, что называется, тренирован на демонстрацию ленивого увальня.

Таким место среди безопасников, подумал Мальгин хладнокровно. Хотя вполне может быть, что он работает и там.

— Вы Клим Мальгин, — сказал, растягивая слова, Оросо, прячась за свою обычную броню «шалтая-болтая». — Дан говорил, что вы друзья. С Купавой я в последний раз виделся перед «кенгуру» Дана, больше двух недель назад. С Даном все то же?

Он был неглуп, этот бывший «секунда» Шаламова, и не стал спрашивать, зачем хирургу знать подробности своих встреч с женой пилота.

— Все то же, — ответил Мальгин и вскинул вверх кольцо из пальцев. — Удачи вам.

— Взаимно.

Что такое «кенгуру» — Клим уточнять не стал, но на жаргоне пограничников «кенгуру» означало спасательный рейд за пределы Солнечной системы.

«Ад-2» на том же жаргоне был известен, как «полигон внезапно возникшей угрозы формулы два», и предназначен был для тренировки и выработки навыков действий в нештатных ситуациях у работников спасательной и пограничной служб. Существовал еще полигон «Ад-1» — для стажеров, и «Ад-3» — для командиров групп отдела безопасности, спортсменов высокого класса, обладающих большим «количеством здоровья» — то есть резервом адаптации. Допускались на «Ад-3» только абсолютно здоровые люди, и, если полигоны первый и второй предназначались практически лишь для выявления профессиональной пригодности, то полигон третьего был всегда доброволен, и прошедший его полную программу считался мастером-экстра. Шаламов когда-то прошел его вместе с Мальгиным за четырнадцать с половиной часов.

Полигон «Ад-2» располагался в пустыне Такла-Макан и занимал территорию площадью в две тысячи квадратных километров. Сверху он ничем не выделялся на фоне гористо-пустынного ландшафта остальной части Такла-Макан, однако его границы невозможно было пересечь незаметно: по всему стовосьмидесятикилометровому периметру несли службу зоркие автоматы, включающие сигналы предупреждения или системы гипноиндукционного отпугивания — если непрошенные гости перли на территорию полигона, не вняв предупреждению и уверовав в собственную безнаказанность.

Обычно во время запусков программ над полигоном на безопасных высотах зависали сотни аппаратов: куттеров,

пинассов, самодельных вертопланов и нефов, пилотируемых юными любителями острых ощущений, в массе своей школьниками, вооруженными мощной оптикой; зрелище действительно было весьма своеобразным и неординарным, все-таки программы разрабатывались в основном специалистами погранслужбы и Института внеземных культур, моделирующими либо дальний космос, либо реализацию миров, возможных только теоретически.

Выйдя из метро на административной площади полигона и заметив высоко над горами облако разноцветных бликов — зрителей хватало и на этот раз, Мальгин спустился под землю в зал управления и контроля. К своему удивлению, Гзаронваля он обнаружил не на трассе, а среди зрителей: человек семь в форме испытателей, среди них и курьер-спасатель, следили за происходящим на полигоне с помощью виомов монитора контроля, отпуская по поводу участников иронические замечания и шутки. Взрывы смеха сопровождали каждое такое замечание, и особенно громко смеялись зрители, когда шутил высокий широкоплечий молодой человек с густой шапкой вьющихся седых волос и невозмутимым лицом. Он был весьма эффектен, форма спасателя сидела на нем как вторая кожа, а в ухе был закреплен не стандартный усик приемника рации, а оригинальная серьга с камнем — источником «мурлыкающего» света.

Мальгин бегло оглядел компанию (юнцы, лет по восемнадцать—двадцать, то ли стажеры, то ли новоиспеченные спасатели-линейщики, впервые попавшие на полигон и пытавшиеся скрыть «мандраж» за бравадой и смехом) и спросил, где можно найти Марсея Гзаронваля. Черноволосый юноша с добродушной складкой губ, единственный из всех, кто не спешил смеяться на шутки, кивнул на седоголового крепыша. Тот внимательно посмотрел на подошедшего хирурга, в углах губ его таилась усмешка, но лицо было холодно-спокойным, по-мужски твердым и хорошо вылепленным, с тяжелым подбородком и черными масляными глазами, в которых Клим неожиданно заметил скуку и равнодушие. Портил это лицо только длинноватый, хищно загнутый нос, придающий ему неприятное выражение.

— А зачем он вам понадобился? — спросил седой о себе в третьем лице. — Медиков заинтересовало его здоровье?

Мальгин был одет в обычный рабочий костюм: светло-голубой блузон с короткими рукавами, серые брюки «хок-

ку», кросс-туфли, ничего сугубо медицинского, но Гзаронваль почему-то угадал в нем врача.

— У меня к вам небольшой личный разговор. — Мальгин пропустил вопрос спасателя мимо ушей. — Не будете ли вы так добры выслушать меня наедине?

Компания перестала следить за событиями в виомах и притихла.

— Не имею желания, — с прорвавшейся насмешкой ответил Гзаронваль. — Есть разговор — валяйте, нет... — Жест спасателя был красноречив.

Мальгин, не ожидавший подобной реакции от незнакомого человека, растерялся на мгновение, но соревноваться в невозмутимости и сдержанности с кем бы то ни было ему было не привыкать. Он меня знает, понял хирург. От Купавы или от Дана... и, кажется, я вычислил «доброжелателя» Купавы. Непонятно только, почему он столь неучтив. Воспитание с детства? Или считает, что отвергнутый муж не заслуживает другого обращения?

— Вы, очевидно, не поняли, разговор личный, — произнес Мальгин, — прошу извинить.

Видимо, Гзаронваль посчитал сдержанность хирурга за слабость, потому что оскорбительная насмешливость его перешла в грубость.

— У меня нет секретов от друзей. Или говорите здесь, или ступайте по своим делам.

Скрытый характер неожиданного поединка почувствовали и члены компании. Один из них, круглолицый, вихрастый, с румянцем во всю щеку, смущенно посмотрел на гостя и обратился к спасателю:

— Ты что, Марс, словно после провала на полигоне? Человек хочет с тобой поговорить, тем более он медик, ты сам сказал.

— Весь вопрос в том — хочу ли я с ним говорить?

Остальные испытатели зашумели. Ребята не привыкли к таким поворотам беседы.

Мальгин подавил закипающий в душе гнев.

— Жаль. Я не хотел бы говорить с вами при посторонних, но теперь придется. Вы уже дважды нарушили этикет службы, сообщив Купаве то, что она должна была узнать гораздо позже и не от вас. Я не знаю, какой целью вы руководствовались, но, во всяком случае, благородством здесь не пахнет. Предупреждаю: еще раз подобное повторится...

— Ну и что будет? — Гзаронваль выпрямился с пренебрежительной улыбкой на губах, поиграл бицепсами. —

Вы меня поставите в угол? Не дадите мороженого? Сообщите родителям?.. Указать вам на дверь, как указала когда-то она?

Мальгин шагнул к спасателю, почувствовав, как тот сразу напряжился и посерьезнел.

— Высокомерный малодушный щенок, — тихо сказал Клим. — Я пришел вежливо и открыто, собираясь услышать такой же вежливый и открытый ответ, но услышал голос заурядного пошляка. Хайям говорил, что, общаясь с дураком, не оберешься срама, поэтому общаться не буду, но предупреждаю в первый и последний раз: стоит Купаве узнать еще что-нибудь, способное повредить ей в том положении, в каком она находится, я вышвырну тебя из службы! Надеюсь, Купава успела тебе сообщить, что меня недаром называют «человеком-да». Я сделаю, что сказал.

Мальгин круто повернулся, чтобы уйти, и услышал возню за спиной и сдавленный голос:

— За щенка я еще с тобой разделаюсь!..

Оглянулся.

Двое, в том числе и краснеющий парнишка с вихрами, держали Гзаронваля за руки, хотя он явно не собирался драться, просто играл на публику. «Публика», не понявшая причины ссоры, роптала. Мальгин кивнул, отвечая своим мыслям.

— А вот насчет «разделаюсь» — не советую. Впрочем, если у вас чешутся кулаки, согласен в параллели пройти полигон: кто пройдет последним — тот и не прав.

Гзаронваль, не раз испытывавший на себе программы второго «Ада», с недоверием и неприязнью посмотрел на говорившего, покосился на виомы, отражавшие события на полигоне. Мальгин тоже посмотрел в ту сторону, покачал головой:

— Нет-нет, не здесь, это было бы слишком просто, — на третьем, если вас допустят. И не сегодня. Захотите — найдете меня послезавтра, когда я закончу одну работу... не суть важно какую. И не забудьте, что я говорил.

Гзаронваль снова сжал кулаки, но Клим уже шел к выходу из зала, прислушиваясь к приглушенному шепоту за спиной:

— Он сказал — на третьем? Я не ослышался?

— Это «Ад-3», полигон безопасников...

— Кажется, он где-то на Камчатке?

— Не кажется, а точно. Суровая школа, я тебе скажу!

— Едва ли их туда пустят...

— А кто он такой, этот парень?

— Это друг Дана Шаламова, знаменитый нейрохирург, я его узнал, Дан как-то говорил, что он с ним проходил третий. Зря ты, Марс, с ним так. Какая муха тебя укусила?..

Улыбнувшись в душе на «знаменитый нейрохирург», внезапно успокоившийся Мальгин вышел из центра управления полигоном, посмотрел на тучу аппаратов над облаками и зашагал к метро. Через двадцать минут он был в институте.

Таланов, хмурый и неразговорчивый, копался в каких-то бумагах, называемых так по старинке: «бумаги» были листками сверхпрочного пластпапира, не сгорающего даже при температуре плавления вольфрама.

— Отлучаешься, так хоть говори — куда, если не берешь с собой рацию. Нас на одиннадцать ноль-ноль вызывают в отдел безопасности УАСС.

— Зачем? вяло удивился Мальгин, потом подобрался. — Кибернетики? Сделали перевод?

— Нет, нас ждет Ромашин.

Мальгин расслабился.

— Я-то думал... не пойду, иди один.

— Неудобно, просили прийти обоих, хотя и мне непонятно, зачем мы им понадобились.

— Значит, узнали что-то о Маате... или о «черном человеке», крестнике Даниила. Но с другой стороны, могли бы об этом сообщить по видео.

— Гадать положено на кофейной гуще. Поехали, времени в обрез. Кого возьмешь в ПР-группу вместо Хана?

— Зарембу, наверное. Хотя могу и тебя.

Таланов сделал неопределенный жест, словно сомневался в правильности решения хирурга, аккуратно подравнивал стопку голубоватых листков, вставая, постучал по ним пальцем:

— Есть кое-какие любопытные данные по информационным шокам, придем обратно — считаешь. Этим данным лет двести.

По дороге к метро зашли к Стобецкому. Все члены операционной бригады были уже здесь. Карой выглядела, как и всегда, уверенной в себе и подчеркнута спокойной, однако на взгляд Мальгина ответила, виновато сморщив нос. Внимательный Джума заметил их короткую дуэль взглядов, но никак не прореагировал.

Заремба с эмканом на голове о чем-то спорил со Стобецким, не замечая вошедших. Он по собственной воле снова дежурил у пульта реанимакамеры ночью и тем не менее был свеж и деятелен.

— Клим, скажи ему, — обратился он за помощью к Мальгину, когда тот поздоровался. — Пси-балет сейчас моден, как ни одно из направлений модерн-культуры, во всяком случае сенсмуги и саундай¹ до него далеко, как по психоэмоциональному насыщению, так и по силе восприятия. Спорит, а не назвал ни одной конкретной вещи. А «Балладу о вересковом меде» видели?

Мальгин не признавал ценности так называемых элитарных видов искусства, восприятие которых требует специальных познаний и навыков, поэтому он промолчал, хотя «Балладу» в свое время смотрел. Вместе с Купавой.

Перебросившись парой фраз с Каминским и Стобецким — разговаривать, собственно, было не о чем, постоянная компьютерная связь позволяла обходиться минимумом слов, распространяя известия практически мгновенно и всем сразу, — директор института и заведующий отделением нейропроблем проследовали к метро и в одиннадцать ровно вошли в кабинет Ромашина.

Начальник отдела безопасности был не один, в его кабинете медиков ждали еще двое незнакомцев в стандартных кокосах: полусонный на вид толстяк и худощавый брюнет с орлиным носом и щеточкой усов.

— Садитесь, пожалуйста. — Ромашин перевел свой стол-пульт в режим автоответа и по очереди посмотрел на приглашенных. — Вы люди опытные, битые, как говорят, и нет смысла подготавливать вас к тому, что сейчас услышите. Разговор пойдет о вашем пациенте Шаламове, ради которого наша служба пошла на некоторые неординарные меры.

— Минуту, один вопрос, — поднял руку Мальгин. — Вы говорили, что после нашего возвращения с Маата начнется контакт с «черными людьми», подготовленный специалистами ИВК. Как обстоят дела с этим в настоящее время?

Хозяева кабинета переглянулись.

— Никак, — ответил ровным голосом Ромашин. — Все попытки привлечь внимание маатан не привели к успеху. Девять наших зондов-автоматов выявлены маатанами и

¹ С е н с м у г а (разг.) — осязание музыки (от англ. sense of touch music); с а у н д а й — наблюдение за звуками (от англ. sound — звук и eye — глаз)

уничтожены, была попытка атаковать станцию «Эдип-2» с дружиной комиссии по контактам. Даже после нашего с вами вояжа на Маат «черные люди» реагируют на вид хомо сапиенс по-прежнему, то есть не признают в нас равных себе партнеров. И слушать не хотят, и видеть не желают. Ксенопсихологам предстоит еще многое узнать, чтобы найти подход к этим странным существам. Кстати, диапазоны частот компактификации своих космических линий они все-таки сдвинули, катастроф, подобной той, что произошла с «Кентавром», больше не предвидится, но это единственный штрих прогресса.

— Что с тем «черным», которого спас Шаламов?

Ромашин помолчал, глядя на свои сплетенные пальцы.

— Он находится в том же учреждении, где был и раньше. Мы по незнанию назвали учреждение клиникой, но по новым косвенным данным это скорее... — Ромашин поднял ставший на мгновение колючим взгляд, — тюрьма.

Мальгин сжал зубы так, что они заныли.

— Можно было бы догадаться об этом и раньше... и хотя бы перенести его куда-нибудь в другое место, что ли...

Усатый брюнет хмыкнул.

— Какой смысл? Все не так просто, как вы себе представляете. В отношениях «черных людей» между собой столько непонятных нюансов, что разглядывать их можно сто лет. Это самобытная интереснейшая цивилизация негуманоидов, не имеющая себе аналогов в Галактике. Даже цивилизация Орилоуха ближе нам по духу, чем Маат... хотя нет, пожалуй, это я переборщил. А то учреждение, о котором шла речь, тюрьмой в общем-то назвать трудно, вернее, только тюрьмой. Это и клиника, и технико-информационный центр, и пинакотекa, и нечто вроде отделения вивисекции, и энергоцентр, и собственно тюрьма с первоклассным — по-маатански, конечно, — «кабинетом пыток». Учтите, я ничего не утверждаю, это пока предположения.

— Да, таковы реалии, — тихо сказал Ромашин, не сводя внимательных глаз с Мальгина. — Но вернемся к существу вопроса. Вам ни о чем не говорят такие факты? Первый: ваш пациент, находясь в состоянии комы, неизвестно каким образом научился эффективно влиять на синтез и выделение энкефалинов, то есть освоил приемы волевого обезболивания. Второй: его КЗ¹ достигло вось-

¹ КЗ — «количество здоровья», термин, обозначающий резервы организма, измеряется в литрах воздуха, прокачиваемых человеком в минуту через легкие.

мисот! Не десять—двадцать, как у нормальных людей, а даже не двести—триста, как у специально тренированного спортсмена, а восемьсот! Что вы об этом думаете?

Мальгин внезапно вспомнил слова Карой о «переходе количества в качество», и неприятный холодок пробежал у него вдоль позвоночника. Очевидно, это отразилось у него на лице, потому что Таланов спросил неприятным голосом:

— Что вы хотите сказать? Я не люблю тонких намеков.

— Хорошо, давайте говорить открыто. Случай с Шаламовым беспрецедентен, и наша служба не могла им не заинтересоваться. Конечно, Даниил Шаламов и в прежней жизни не был суперменом, хотя кое-какие задатки сильной личности у него были. Но сейчас он... нечеловек.

— Чушь! — сердито бросил Таланов. — Извините. Он человек, хотя и с гипертрофированной нервной системой. Обратных доказательств у вас нет.

— Надо уметь смотреть правде в глаза, — скрипучим голосом проговорил молчавший до сих пор толстяк. — Он биоморф, монстр, химера с открытым «синдромом ЧЧ», процесс перерождения его нервной системы зашел так глубоко, что не мог не затронуть личность, интеллект. В его мозгу родились такие сложные психические структуры...

Ромашин приподнял ладонь, толстяк замолчал.

— Простите, я вас не представил. Эфаналитик Делашвили.

Усатый брюнет приподнялся и снова сел.

— Ксенобиолог Тернье.

Толстяк кивнул.

— Да, мы склонны полагать, — продолжал Ромашин, — что дела обстоят именно таким образом. По имеющейся информации эфаналитики отдела просчитали прогнозы так называемых «фаз хозяина» у Шаламова и пришли к выводу, что в случае полного контроля над собой он... — Ромашин впервые нахмурился, — может быть опасен!

В кабинете повисла тишина.

— Для кого? — спросил Мальгин, давно понявший, к чему клонят безопасники. — Для кого он может быть опасен?

— Для всех, — ответил толстяк Тернье. — Для людей вообще. Поведение маатан нельзя назвать агрессивным ад инфинитум, но оно непредсказуемо нашей, человеческой логикой, а Шаламов — и вы это прекрасно понимаете — наполовину уже маатанин.

Таланов резко встал, он был бледен.

— Во-первых, Шаламов, к сожалению, почти мертв, и нет никаких оснований утверждать обратное. Во-вторых, я не верю, что он наполовину нечеловек, доказательств этому утверждению нет, а усложнение нейроструктур — еще не доказательство. В-третьих, опасным для людей может быть только маниакально-депрессивный больной, не способный контролировать искаженное сознание, а Шаламов контролирует. И в-четвертых, мы уверены, что сможем прооперировать его и вернуть к нормальной жизни.

Ромашин тоже встал, за ним все остальные.

— Что ж, хорошо, если так. Мы хотели бы надеяться на это, на благополучный исход. Однако все же следует помнить, что вы отвечаете за все неучтенные последствия. Желаю успеха.

Таланов молча повернулся и пошел к двери, прямой и угрюмый. Мальгин, чувствуя себя так, словно его обвинили в профессиональной несостоятельности, поплелся следом. Трое безопасников смотрели им в спины до тех пор, пока за ними не закрылась дверь.

— Ты был великолепен, — пробормотал Клим, когда они шли уже по коридорам института. — Единственный твой прокол — в нашей общей уверенности, что мы сможем вернуть Шаламова в норму. Операция — не гарантия...

— Да знаю! — с досадой махнул рукой Таланов. — Я просто растерялся. К тому же твой Ромашин прав. Иди к Готтарду, я сейчас приду, надо посоветоваться. Что ты на меня так смотришь?

— Кажется, мы сами себя загнали в угол. Отвечать за здоровье пациента — одно, а за его поведение — совсем другое.

— Черт! — сказала Таланов. — Я не подумал.

— Я тоже понял это лишь сейчас, — вздохнул Клим.

Во втором часу дня пришло наконец сообщение от кибернетиков Ромашина о расшифровке записей диагностера, вытасченного Ханом и Мальгиным из преисподней маатанской «тюрьмы-клиники».

Группа риска собралась у Стобецкого, связанная информационным каналом Гиппократ, главного компьютера института. Все были возбуждены и с нетерпением ждали начала сообщения. Непосредственный Заремба не

преминул блеснуть знанием маатанской компьютерной техники, но Стобецкий остановил его пространную речь репликой:

— По-моему, не правы были творцы Библии, ограничившие число смертных грехов цифрой семь, я бы добавил восьмой: болтливость.

Заремба обиделся, но, имея характер незлобивый, сердился недолго.

Мальгин, успевший проверить приведенные Ромашиным факты о некоторых гипертрофированных способностях Шаламова и отметивший еще несколько подобных, почувствовал нарастающий страх, но в это время в голове раздался мысленный «голос» Гиппократата:

— Сосредоточьтесь, даю адаптированный перевод массива. Время сообщения — час двенадцать, при необходимости устроим перерыв.

И в мозг Мальгина «пошла» видео- и звуковая передача записи.

Уже через минуту в недоумении приподнял брови Каминский, потом Стобецкий оглянулся на Мальгина, Заремба шумно вздохнул, а Джума Хан снял с головы эмкан. Вытерпев еще несколько минут, Мальгин остановил демонстрацию перевода. Врачи молча смотрели друг на друга. То, что записал диагностер с подачи «черного человека», не было информацией о физиологии, психологии и биологии маатан, в записи речь шла о маатанской версии рождения Вселенной.

— Еже писах, писах¹, — пробормотал Джума Хан, встретившись взглядом с Мальгиным. — Ошибся наш приятель, не то записал, что мы у него просили. Плохо просили?

— Ничуть он не ошибся, — возразил Заремба. — Ваш «черный друг» был и остался выкорыштем Маата и нарочно подsunул то, что не жалко. Надо же? «Вселенную сотворили Вершителы, пришедшие из Глубины Запределья!» Или вот это: «Было вечное кипение, но все пузыри связаны пуповиной единого начала, в одном из них родились Вершителы из Глубины, нашли боковой отросток пуповины и открыли дверь...» Вот ведь ерунда!

— Не так грубо, дружок, — заметил Джума Хан. — Что мы знаем о маатанах, чтобы говорить о них в уничижительном тоне?

¹ Что я написал, то написал (изречение, приписываемое Пилату).

— И откуда в тебе вместе с полезной закваской столько мусора? — пробурчал Стобецкий. — Кто тебя воспитывал?

— Гиппократ, — огрызнулся Заремба.

Таланов медленно снял эмкан, повернулся к Мальгину.

— Что будем делать, мастер?

Хирург, встретив сочувствующий, пытливый и подбадривающий взгляд Карой, очнулся и сказал твердо:

— Будем опираться на те сведения, что у нас есть. Спасибо Джуме, что он смог включить диагностер под маатанином, иначе у нас вообще ничего бы не было. Операцию начнем в семнадцать по Москве. Первая фаза: стаз криптогнозы из мозга через ЦНС на периферию — полтора часа. Вторая: локализация пораженных шоком участков и стирание криптогнозы в гипофизе, мозжечке, лобных долях — пять часов со сменой ассистентов. Третья: полная нейрохирургическая эктомия — только после анализа пропатоклизы и возрастания тонуса. Первую фазу готовит Богдан, вторую Готард, Билл и Заремба. Карой и вы, Ежи, отвечаете за манипуляционную, аппаратура в вашем ведении до конца операции. Я составляю программу Гиппократу, координация схем операции — за час до начала. Даю полчаса на личные дела и час на разгрузку. Все свободны.

Таланов кивнул и вышел первым. В дверь реанимационной попытались проникнуть сотрудники других лабораторий института, но Стобецкий отразил натиск. Мальгин поспешил к себе, ответив на вопросительно-грустный взгляд Хана отрицательным жестом. Предчувствие не обмануло: в кабинете сидела Купава. Вскочила, когда он вошел. Мальгин остановился перед ней, покачиваясь с пятки на носок. Огромные глаза женщины наполнились слезами:

— Прости, я не смогла... но, Клим, мне некуда деться! У меня никого нет, кроме... него, — кивок на дверь, — и тебя... Я с ума сойду одна... ты же знаешь, сестра не хочет меня слушать, а у Дана я...

Мальгин посмотрел на браслет, отметил время, ни слова не говоря, схватил Купаву за руку и потащил за собой. Она не сопротивлялась.

Метро выбросило их в Жуковке, на родине Мальгина. На площади Ленина Клим нашел такси и через четверть часа ураганного полета к хутору отца ввел растерянную, ничего не понимающую Купаву в его дом. К счастью, Мальгин-старший был дома. Он молча перевел взгляд с

сына на бывшую невестку и обратно, поклонился в ответ на лепет ее приветствия.

— Оставляю ее на твое попечение, па, — сказал Мальгин, подталкивая женщину вперед. — Заберу завтра вечером. Не выпускай ее ни под каким предлогом, иначе я не смогу работать. Надеюсь, ты будешь крут с нею.

Губы отца тронула улыбка. Он был лыс, круглолиц, добр и несуетлив, а главное, он всегда понимал сына.

— Будь спокоен, — сказал он, пытаясь нахмурить выцветшие брови.

Купава беспомощно оглянулась, слезы снова задрожали у нее на ресницах. Язык слез и улыбок не требует перевода, но Мальгину очень захотелось, чтобы ему перевели.

— Клим!..

— Раньше ты была сильней, — сухо сказал он, обнимая ее взглядом, единственное, что мог себе позволить, и вышел. Он знал, что отец, как никто другой, сможет успокоить ее и удержать дома. Несмотря на все происшедшее, связанное с уходом Купавы от Мальгина, отец продолжал любить ее и не потерял надежды на возвращение невестки.

Глава 7

О том, что Шаламов сбежал из института, прямо из реанимакамеры, Мальгин узнал еще в здании Жуковского метро: заговорила вдруг «чревовещательница» радиции в ухо:

— Внимание всем рисконавтам ПР-группы! Пациент второй РК вышел из состояния комы, взломал саркофаг и удалился за пределы института! Всем рисконавтам принять меры к его задержанию и успокоению. Применение обычных психолептиков противопоказано, арсенал транквилизаторов подчинен МНК Мальгину.

— Готард, Богдан! — мысленно позвал Клим. — Где Даниил сейчас?

Ни Таланов, ни Стобецкий не отозвались, вместо них снова заговорил Гиппократ:

— Связи с названными рисконавтами не имею, оба находятся вне здания института. Предлагаю...

Что предлагал инк, Мальгин уже не услышал, находя иглой задатчика точку на карте метро с координатами института. Через несколько минут он ворвался в бокс-клинику Стобецкого.

Куб второй реанимакамеры имел такой вид, будто внутри нее произошел взрыв: люк с окантовкой пневмоприсоса был вырван и погнут, верхняя крышка со сменным оборудованием съехала набок, по полу были разбросаны осколки прозрачного фторогласса, черного пластика и металлические детали креплений. Воняло в реанимационной смесью острых и горьких запахов от сгоревшей изоляции и физиогаза. Человек десять знакомых сотрудников лаборатории из соседнего отделения, одетые в блестящие зеленые комбинезоны — сработала аварийная сигнализация, — успокаивали плачущую Карой и галдели, живо обсуждая сенсацию.

— Чтобы вырвать дверь камеры, удар должен быть не менее пяти тонн! — говорил один. — Как это можно сделать голыми руками — не представляю!

— А внутренний фтороглассовый саркофаг? — вторил сосед. — Фторогласс с компенсирующим слоем вообще разбить невозможно!

— Всем вон! — сказал Мальгин тихо, но так, что его все услышали.

Руководитель смежного отделения, бородатый, вальжный и громогласный, посмотрел на него, открыл было рот, собираясь возразить, но повернулся к подчиненным:

— Пошли отсюда, ребята, наша помощь не потребуетсЯ, они сами разберутся.

Мальгин подождал, пока выйдет последний из добровольных утешителей и помощников, сел напротив нейрехимика.

— Где остальные?

— Ищут Ша... Шаламова, — всхлипнула зареванная Карой. Сейчас она совсем не походила на ту уверенную в себе красавицу гордячку, имидж которой культивировала в себе всю жизнь. Первую можно было боготворить, вторую, ставшую проще и милей, — любить.

— Кажется, мы реализовали закон Мэрфи.

Карой посмотрела на хирурга с недоумением, и Мальгин пояснил:

— По закону Мэрфи, если неприятность может случиться, она случается. Как это произошло? Он же был совершенно слаб и слеп!

— Я не знаю... мы с Иваном прогоняли операционную в режиме «экспресс», как вдруг раздался грохот, люк упал в камеру... и оттуда вышел Шаламов... голый...

— Дальше.

— Он посмотрел на... Каминского, который бросился навстречу, и что-то сказал, кажется: «Не мешай, я должен успеть...» — и пошел к двери. Джума прыгнул к нему и... — Карой снова заплакала.

— Ну? — спросил Мальгин одеревеневшими губами. — Что с ним?

— Шаламов его не трогал... а может, я не заметила. Джума упал и разбил лицо...

— Где он?

— Иван повез в «Скорую»... Джума без сознания. Что мне делать? Можно, я поеду к нему? Пока найдут Даниила и привезут сюда, здесь делать нечего.

— Нет, — сказал Мальгин, прикидывая, что делать дальше. — Везет же парню... то есть я хотел сказать, с Джумой ничего не случится, вы мне нужны здесь. Гиппократ, твоя версия происшедшего. Почему ты не поднял тревогу раньше? Меня интересуют предпосылки происшествия.

— У пациента внезапно заработало сердце, без водителя сердечного ритма, изменился энцефалообмен, резко ускорился процесс передачи возбуждения по нервам. Я дал сигнал внимания, но пациент очнулся уже через несколько секунд и разбил саркофаг.

«Вы не боитесь, что количество перейдет в качество?» — холодея, снова вспомнил Мальгин слова Карой, и еще он вспомнил глаза Ромашина и его предупреждение. Такого поворота событий хирург не предусмотрел, хотя был обязан. Конечно, он и до сих пор не верил в то, что Шаламов вдруг станет опасен окружающим, но его неверие опиралось только на эмоции и память прошлого, не имеющие доказательной силы. Куда же ты ушел, Дан? Кем стал? И что собираешься делать?..

— Пациент ничего не просил передать мне лично?

— Нет, — ответил Гиппократ. — Разбив саркофаг, он сказал только одну фразу: «Нек Деус интерсит».

— «Пусть Бог не вмешивается», — перевел Мальгин хрипло; посмотрел на Карой, но не увидел ее. — Соедини меня с отделом безопасности.

Через минуту над пультом общей координации развернулся виом связи, на Клима глянул прозрачноглазый внимательный начальник отдела безопасности УАСС.

— Он сбежал, — сказал Мальгин, чувствуя, как слова болезненно царапают горло. — Даниил Шаламов освободился от пуповины жизнеобеспечивающей автоматики и ушел из института минут двадцать назад. Куда — неизвестно.

— Мы знаем, — кивнул Ромашин. — Он побывал дома, переоделся... вернее, оделся и из метро ушел на базу погранслужбы «Златоуст». Там он захватил спейсер «Скиф» и исчез вместе с ним из поля наблюдения.

Мальгин проглотил ставшую полынно-горькой слюну, бессмысленно посмотрел на издавшую восклицание Карой.

— Так быстро? За двадцать минут?! Он... ничего... никого?..

— Бортинженер и драйвер-прима спейсера, пытавшиеся ему помешать... находятся в клинике «Скорой помощи» СПАС-центра. К сожалению, мы не успели, на несколько секунд, но не успели... он действовал быстрее. — Ромашин помолчал, во взгляде его не было сочувствия, но и презрения, отвращения или злости не было тоже. — Упрек вы заслужили, прежде всего упрек в утрате критического отношения к реалиям нынешних ваших отношений с Шаламовым. В какой-то степени это малодушие, вы просто не хотели думать о нем плохо, и по-человечески понять это можно. Но, кроме вас двоих, в орбиту ваших отношений вовлечены и другие люди, а они не должны страдать из-за... кого бы то ни было. Разберитесь со всеми обстоятельствами бегства Даниила и приходите ко мне, подумаем, что делать дальше. Часа вам хватит?

Мальгин с трудом заставил себя ответить:

— Хватит. — Торопливо добавил: — Если возможно — не допустите утечки информации. От этого... — он хотел сказать: «Пострадают другие, например, жена Шаламова», но передумал.

Ромашин несколько мгновений рассматривал его лицо, словно изучая, потом, вероятно, понял:

— Постарайтесь. Жду вас у себя.

Виом свернулся в нить, угас. В реанимационной снова повисла тишина. Мальгин обернулся. Карой смотрела на него странно, с каким-то новым, необычным для нее выражением. Неужели ей тоже свойственна растерянность? — подумал он, словно определение состояния женщины было сейчас главным делом жизни. Или страх? Не похоже... Скорее надежда и ожидание чуда и тайная уверенность, что я это чудо сотворю. Кажется, она впервые в жизни не знает, что делать! И вдруг Мальгин с отвращением поймал себя на родившемся глубоко под слоем собственной растерянности, изумления и тревоги чувстве облегчения! Облегчения! Облегчения от того, что Шаламов сбежал, по-своему решив все проблемы разом,

и операция таким образом откладывается... если не срывается совсем.

— Нек Деус интересит, — выговорил Мальгин тяжелые слова древней латинской поговорки. — Пусть Бог не вмешивается. Интересно, кого имел в виду Дан?

— Вас, мастер, — сказала Карой.

Мальгин покачал головой.

— Я не Бог, и он это знает. Бог не ошибается, как человек, не должен ошибаться...

Джума Хан был все еще без сознания, находясь в почти такой же реанимационной камере, какие стояли и в боксе Стобецкого.

Движения врачей за терминалом компьютера, следящего за состоянием больного, были спокойными, а разговоры буднично-деловитыми, и Карой немного успокоилась, как, впрочем, и Мальгин.

— Болевой шок и кровоизлияние в мозг, — сказал им лечащий врач, соратник Джумы. — Симптомы странные, ничем не спровоцированные, но тревог особых нет, все излечимо. Такое впечатление, что он перегрузил мозг при работе с машиной в режиме «один на один», да еще использовал при этом запрещенные стимуляторы.

— Исключено, — возразила Карой сухо, разглядывая в виоме внутренности реанимакамеры с телом Джумы: глаза ее сухо блестели, и она опять была собранной, самоуверенной и нетерпимой к слабостям других. — Он не работал с компьютером перед тем, как потерять сознание.

— А до этого?

— Мы работали вместе, но до перегрузки не доходило. Другое дело, что вчера утром он... — Карой оглянулась на Мальгина.

Тот кивнул, повернулся к врачу:

— Разве он лечился не у вас?

— Вы имеете в виду психологический удар при подключении к инку диагностера? Да, мы работали с ним, но сегодняшней случай не имеет отношения к вчерашнему.

Мальгин встретил затуманенный взгляд женщины: она силилась что-то вспомнить, но с сожалением покачала головой.

— Мне кажется, все так и было, как я рассказывала: Джума подбежал к Шаламову и... и упал. Но Даниил его не... по-моему... нет, точно, не касался. К тому же у Джумы хороший тренинг, он бы не позволил себя...

— Я знаю, — кивнул врач, косясь на терминал. — Простите, я должен работать. Звоните вечером, думаю, он выйдет из этого состояния. — Врач отошел.

— Пошли, — проворчал Мальгин, постояв с минуту. — Все будет нормально.

Он уже просрочил время, данное ему Ромашиным, и торопился.

— Идите, — сказала Карой, не глядя на него, потом опомнилась и улыбнулась виновато. — Я подожду здесь, Клим, если не возражаете.

— Тогда встретимся в девять у Стобецкого, предстоит систематизировать все наши загадки и беды, выдать прогноз поведения Шаламова, проанализировать... — Он замолчал, так как видел, что женщина его явно не слушала, и, легонько сжав ее локоть, ушел.

Разговор с Талановым занял всего две минуты, оба все понимали с полуслова и знали, что предстоит сделать каждому в отдельности и всем вместе.

— Поступили два пациента с интегральным поражением подкорки, — сообщил Таланов хмуро.

— Стобецкий справится сам, бригада у него хорошая.

— Я уже перевел на него отработку проблем, кроме той, которой ты занимался до...

— Регуляция эндокриножелез? Посади на нее Зарембу, парень рвется в бой, его энергию надо направлять в нужное русло.

— Согласен. После встречи с безопасниками позвони.

— Если буду готов. До девяти не позвоню — собирай группу сам, нужен глубокий анализ с привлечением эфаналитиков.

— Ступай, не беспокойся за тылы.

Таланов был озабочен и встревожен, но не стал напоминать Мальгину об их общей ответственности за происшедшее вообще и за жизнь Шаламова в частности.

Выпив по пути два стакана ежевичного сока — пересохло горло, Клим переместился из института, выросшего в южной Курской зоне Москвы, в Брянск, на окраине которого располагалось Управление аварийно-спасательной службы, но Ромашина в отделе не нашел.

— Он в погранслужбе, — сообщил киб-секретарь, мигая зеленым глазом внимания.

— Где именно?

— С кем имею честь?

— Клим Мальгин, нейрохирург, Институт нейропроблем.

— Он в отделе пограничных конфликтов, код лифта «сто сорок один-ю».

Клим, чувствуя сосущую пустоту под ложечкой, отыскал лифт и набрал названный код.

Здание УАСС строилось лет сто с лишним назад, но уже тогда при его строительстве были использованы прогрессивные архитектурные решения типа «плывущей структуры», «свободно организованного пространства», «модульной компоновки» и принципы трансформных преобразований, основанные на материалах с памятью формы, поэтому с течением времени облик его, хоть и менялся, но инженерно-техническое обеспечение оставалось тем же, разве что совершенствовалось. Погранслужба Даль-разведки была в Дзезказгане, но спустя двадцать лет после создания решением Высшего координационного совета Земли была перенесена в СПАС-центр, из-за чего здание УАСС, и без того занесенное в Книгу рекордов Гиннеса, как самое большое и сложное, выросло в длину еще на полкилометра. Однако благодаря пронизывающим его лифтам попасть из одного конца здания в другой можно было всего за несколько минут. Путешествие Мальгина, например, длилось две минуты сорок секунд. Лифт выбросил его прямо у двери сектора погранслужбы, занимающегося разного рода конфликтными ситуациями на переднем крае космических исследований человечества.

Дверь открылась сама, едва Мальгин к ней приблизился, видимо, инки сектора были предупреждены о допуске нейрохирурга к секретам погранслужбы. За дверью шумел сосновый лес, созданный иллюзией видеопласта, сквозь лапы елей и сосен проглядывало солнце. По «песчаным дорожкам» коридора изредка сновали люди, по большей части одетые в кокосы с эмблемами погранслужбы на рукавах: сине-белый полосатый ромбик с золотыми звездочками. Мальгин двинулся по дорожке в глубь коридора и буквально наткнулся на Ромашина, вынырнувшего навстречу из-за пушистой японской сосны.

— Идемте, — кивнул начальник отдела безопасности, не удивившись. Следом за ним вышли из незаметной двери двое мужчин: плечистый здоровяк с крупным мясистым лицом и тонкий, стройный, как юноша, но с гривой седых волос (интересно, свои такие или краска?), начальник сектора Милослав Торопов.

Молча сели в лифт, перенесший их в зал метро, подождали, пока освободится нужная кабина. Вышли где-то в недрах базы погранслужбы, как определил Мальгин. Ко-

роткий коридор вывел молчаливую группу к двери со святающейся надписью «ППП». Первым двинулся Торопов, Ромашин пропустил Клима вперед и вошел последним.

Открывшееся взгляду помещение было весьма своеобразным, с комфортной организацией технопространства: три стены собственно стенами назвать было нельзя, они представляли собой законченные устройства линий доставки с меняющейся геометрией бункеров, третья стена служила терминалом контроля и связи, а потолок мог пропустить через себя крупногабаритный модуль или патрульный шлюп.

Торопов, обойдя в центре зала манипуляторы и груды контейнеров, возле которых трудились трое парней в одинаковых черных комбинезонах, подвел прибывших к единственному пульта, ежесекундно меняющему узор индикаторов. Над пультом склонились два оператора. Один из них, кряжистый, белобрысый, со светлой бородкой и усами, родинкой на щеке, оглянулся, и Мальгин узнал Александра Шевчука, руководителя группы безопасников в Гөрловине. Второй продолжал работать с эмканом на голове, не обращая ни на кого внимания.

— Все посты предупреждены, — сказал Шевчук, кивком поздоровавшись с Мальгиным. — В намеченных финиш-зонах задействован императив «чеширский кот» и включен «спрут», но пока все тихо.

— Поймать «след» старта не удалось, — отрывисто добавил второй оператор.

— Этого и следовало ожидать, — сказал седой Торопов. — К сожалению, приходится повторять это слово снова и снова, «Скиф» — спейсер высшего класса и ходит без «шипения». И управлять им может любой мало-мальски подготовленный человек. Да и Шаламов — не «любой», а драйвер-прима, специалист высокой квалификации.

— Почему его, то есть «Скифа», СПАС-управление не было заблокировано? — спросил Ромашин. — У вас что, не соблюдается стандартный «срам»?

— «Скиф» стоял на приколе второй месяц и готовился к рейду на границу в Гиппархе, — нехотя ответил Торопов. — Блокировку сняли буквально перед похищением, хотя странно, почему инк спейсера послушался чужого приказа.

— Это не оправдание.

— Я и не оправдываюсь, удивление мое вовсе не риторическое, вы же знаете, обычно инки работают только со своими пилотами, и этот психологический порог переступить нелегко. Но к делу, коллеги.

Ромашин повернулся к Мальгину.

— Пора прояснить ситуацию. Поскольку лучше всех Шаламова знаете вы и отвечаете за его поведение тоже вы, участие ваше в его поиске не только желательно, но и обязательно. Возражения?

— Нет.

Торопов, прислушивающийся одним ухом к разговору, усмехнулся, окидывая взглядом Мальгина:

— По всему видно, он не знаком с законом Биллингса: половина трудностей происходит от того, что мы слишком быстро говорим «да» и недостаточно быстро «нет».

Мальгин с каменным лицом промолчал, подумав с удивлением: кажется, этот пограничник за минуту обнаружил во мне то, что я пытаюсь найти столько лет. Не от того ли проистекают все мои беды, что я всегда говорю «да»?

Ромашин с любопытством посмотрел на него, кивнул:

— Умение выбирать между «да» и «нет» — великое искусство. Итак, с этого момента вы участник операции. Всю свою работу переложите на заместителей.

— Уже. Но я хотел собрать группу для анализа реакции Шаламова и предшествующего его состояния, это поможет нам в прогнозе его поведения.

— Таланов справится без вас?

— Безусловно.

— В таком случае мы свяжемся с ним и все объясним. Эфаналитики нашего отдела определили вероятные выходы Шаламова: Горловина, Маат, Орилоух. Ваше мнение?

— Почему Орилоух? — пожал плечами Мальгин. — Что ему там делать?

— Вероятность похода к Орилоуху мала, но она есть. Маатане каким-то образом связаны с орилоунами, хотя обменом информацией эту связь назвать нельзя, но дело в том, что в экипаже маатанского корабля, командира которого спас Даниил, были два орилоуна.

— Откуда это известно?

— Вспомните наш поход в Горловину. Эксперты успели осмотреть проникатель и обнаружили отдельную «каюту», в которой и находились орилоуны. Сразу, конечно, мы не смогли определиться, и открытие сделали только при анализе полученного фактажа.

Мальгин задумался: его не торопили.

— Но если я правильно понимаю спейс-навигацию, чтобы попасть в нужное место, инк спейсера должен знать маршрут и координаты выхода к Маату... или к Орилоуху, в противном случае придется идти вслепую. Разве нет?

Безопасники и пограничники переглянулись.

— Мысль верная, — хмуро сказал Торопов, — но Шаламов тоже знал это обстоятельство. Он проверил карту маршрутов сразу же, как только попал в рубку, определил, что «Скиф» — непривязанный спейсер и... рискнул остаться в Системе для пополнения информационных запасов.

— Картина, вообще говоря, получается неприглядная, — сказал Ромашин. — Шаламов все время опережал нас на минуты, а иногда буквально на секунды, опережал прежде всего в оценке событий и выборе оптимального решения. И это говорит о том, что его возможности намного превышают возможности нормального человека, ведь против него работал весь интеллект-потенциал отдела и погранслужбы с мощным кабинетом эфнализа. Он перевел спейсер в режим «инкогнито», не уходя с базы, подключился к компьютерной сети, соединяющей банки данных погранслужбы, и, пока мы искали его по Системе, выкачал необходимую информацию, в том числе и маршрутные данные погранкораблей и галактические координаты дальних погранпостов и маяков. И ушел. Куда — приходится только гадать. Уверен, его бегство не было бессмысленным, да и актом протеста против лечения оно быть не может. Космос велик, но искать беглеца стоит только в районах, которые могут представлять для него интерес.

— Скорее всего он пойдет к Маату, — сказал Мальгин, пряча душившее его желание отказаться от участия в поисках спасателя.

— Наши мнения совпадают. Будем ждать его в системе Маата, хотя того, что он может там искать, на планете нет.

— То есть?

— «Черный человек», с которым вы встречались...

— Умер?!

— Ну что вы, нет, конечно, но бежал с Маата.

— Бежал?!

— Выглядели его действия именно как бегство, хотя... кто знает, может, мы неправильно оцениваем его поступки, не изучив психологии отношений. Как бы то ни было, «черного» на Маате нет, и я не знаю, что произойдет, когда об этом станет известно Шаламову.

— А не ясно, куда сбежал маатанин? И на чем?

— По-видимому, у маатан есть нечто похожее на наше метро, единственная станция на всю планету, и «черный» прорвался к ней, подняв в стане соотечественников изрядный переполох.

— Что значит — единственная станция? — недоверчиво спросил Мальгин. — Разве у маатан нет внутрисистемных линий метро?

— В том-то все и дело. Их межзвездные проникатели, выполняющие, кстати, множество других функций, в том числе и совершенно непонятных нам, работают на принципах «компактификации измерений», как и наши «струнные» корабли, но метро тем не менее у них нет. Эта станция на Маате — единственная.

— Какой-то парадокс...

— Подобных парадоксов у маатан отмечено много. Мы давно присматриваемся к этой станции и пришли к выводу, что маатане... э-э... не являются ее хозяевами. Точнее, они только эксплуатируют ее, а вот строили станцию другие, возможно, даже орилоуны.

— Интересная версия. — У Мальгина внезапно пропал интерес к загадкам маатанской цивилизации, в настоящий момент его волновали другие проблемы. — И вы до сих пор не узнали координат выхода станции?

Безопасники снова переглянулись.

— Это очень непросто сделать, — буркнул Торопов.

— Если еще учесть, что подойти незаметно к станции невозможно, — добавил Ромашин. — Минимальное расстояние, на которое допускается наша спецтехника, около полусотни километров, ближе подойти невозможно, хотя для нас это совершенно неожиданная загадка: техника у нас работает совершенно без шума. Любого. Да и замаскирована она хорошо... как мы думали. Однако мы отвлеклись. Вас, Клим, включили в ЧП-вахту, через несколько минут она передислоцируется на «Илью Муромца», мы ждали только вас, все давно готовы к работе. Шкипер вахты — уже знакомый вам Алекс Шевчук (бородатый Шевчук за пультом кивнул), старпом — Калина Лютый, познакомьтесь.

Молчавший до сих пор крупнолицый напарник Торопова протянул мощную длань, словно клещами сдавил руку Мальгина. Клим встретил его испытующий взгляд и напряг мышцы.

— Годится, — кивнул Лютый после минутной борьбы с неожиданно добродушной улыбкой. Эта улыбка погасила в душе Мальгина возникшую было неприязнь.

— А вы не идете? — спросил он Ромашина.

— Мое непосредственное участие в поиске не обязательно, а опытных работников в ЧП-вахте хватает. Желаю удачи.

— Пойдемте, — сказал Лютый, направляясь к груде оборудования. — Переоденетесь уже на месте.

— Минуту, — сказал Мальгин, оглядываясь в нерешительности на Ромашина. — Мне необходимо вернуться в... в общем, я буду готов только через час.

Начальник отдела безопасности смотрел на него без удивления, взвешивая не то свой ответ, не то причину внезапной нерешительности Мальгина. Однако психолог он был высокого класса, не хуже самого хирурга.

— Надеюсь, часа вам хватит.

Мальгин промолчал.

— Хорошо, мы подождем.

Шевчук, ни слова не говоря, сел обратно за пульт. Лютый хлопнул Клима по плечу:

— Не переживайте, отвезу вас к метро самым коротким путем.

Контейнеры уже были уложены на черном диске в центре зала в аккуратный штабель, манипуляторы отступили к слепым мордам линий доставки. Двое парней вышли, третий остался. Лютый встал на диск, поманил Мальгина:

— Смелей.

Мальгин оглянулся. В немигающем взгляде Ромашина, устремленном на него, помимо укора и отчужденности, он уловил и сомнение.

Часть третья

ЧЕЛОВЕК-НЕТ

Глава 1

Прошло немало времени, прежде чем Шаламову сквозь странную сосущую, шершавую, занозистую боль, терзавшую приступами все нервные центры, удалось кое-как овладеть своим телом и сократить время беспомощности до минимума: организм, «воспитанный» десятками тысяч лет эволюции, сопротивлялся вторжению чужой воли, появлению странных возможностей и продолжал «отключать» мозг на уровне инстинкта. Тем не менее Шаламов после многих попыток, отнявших громадное количество психических сил, сумел установить компромисс между двумя чуждыми друг другу системами переработки информации (раньше сказали бы — между двумя половинами души), подчинить нейросекретные функции тела волевому усилию и обеспечить некоторую власть над процессом биотрансформации, основанном на электроэнергетике, на два порядка превышающей по мощности биоэнергетику нормального человеческого организма. Зрение он не только восстановил, но и усовершенствовал, сдвинув диапазоны видения в инфракрасную часть спектра и немного в ультрафиолет.

Приступы слабости, обмороки и черные приступы потери сознания все еще продолжались, но значительно реже, и в конце концов Шаламов решил, что для достижения поставленной цели владеет собой в достаточной степени. Единственная раздражающая мысль, венчавшая земное психологическое наследие, была: где, черт возьми, Купава?! Почему ее не оказалось дома?..

Потренировавшись в смене облика и оптимальной подгонке функций под тот или иной тип тела, Шаламов вернулся в рубку спейсера, самостоятельно шедшего крейсерским шпугом, то есть в режиме двойного ускорения, со скоростью, близкой к скорости света, но без включения

дырбоя — генератора «струны». Координатор с готовностью высветил пилоту в пси-диапазоне основные параметры хода и характеристики окружающего корабль пространства. В пределах прямых измерений пространство было «плоским» и чистым, как лист ватмана.

Рубка спейсера напоминала рубку спасательного шлюпа, но была рассчитана на трех человек: шкипера (он же пилот или, по терминологии спасателей, драйвер-прима) и двух бортинженеров, собственно и представлявших весь экипаж. Кресла-коканы экипажа были установлены в общем коконе рубки так, что шкипер видел своих подчиненных одного за другим, а напротив него стена рубки выгибалась пузырем и представляла собой ситуационный экран, используемый в аварийном режиме при отстреле контролирующей пси-связь автоматики и включении ручного управления.

По желанию пилот мог передвигаться по спейсеру, не покидая кресла, с помощью пронизывающего лифта, так что время в пути до самого отдаленного отсека не превышало минуты, несмотря на пятисотметровый размах корпуса, тем не менее каюты погранвахты располагались рядом с рубкой, рассчитанные на двадцать шесть человек; сейчас они пустовали.

Устроившись в кресле шкипера, Шаламов с мимолетным удовлетворением подумал: теперь он кум королю и сват министру. Жаль, что пришлось немного помять ребят, но они были так воинственно настроены... к сожалению, друг Клим Мальгин не оставил другого выхода, наметив операцию, которая ему, Даниилу, абсолютно не нужна... а ребята попались на пути наибольшего сопротивления случайно, когда он сам уже не мог избрать другого варианта...

— «Скиф», что с ними? Есть сведения?

— Оба в реанимации, — отозвался координатор в пси-диапазоне. — Результаты лечения не знаю.

— Плохо, — помрачнел Шаламов. — Не помню, как это произошло. По-моему, я их не трогал... черт, провал в памяти! Я не хотел этого... Ничего, оклемаются. Как далеко мы ушли от Солнца?

— Три парсека с небольшим хвостиком.

— Что ж, давай посмотрим. Три мы дали на «струне», а остальные, выходит, шпугом? Индекс ЛЗВ?¹

— Семь ноль-ноль два.

¹ ЛЗВ — Лоренцево замедление времени; при скорости корабля, близкой к скорости света, время в корабле начинает идти медленно по сравнению со временем на Земле.

— Значит, если я отдыхаю здесь всего вторые сутки, то в Системе прошло уже около двух недель. Интересно, где они подготовили мне встречу?

— Кто?

— Пограничники, кто же еще, плюс безопасники, шедшие за мной по пятам. Хваткие ребята, да и начальник у них не без царя в голове. Наверное, запустят «Шторм» и будут дежурить у Маата и в Горловине, причем наверняка погранвахты будут со сменами усиления. А?

— Наверняка, — согласился координатор.

— Ничего, мы тоже не лыком шиты, прорвемся. Идем к Маату в режиме «инкогнито», на подходе ищем трассы и коридоры входа маатанских космотранспортов, засекаем всю их космотехнику и вычисляем, какая из нее предположительно принадлежит нашей разведке. Только после этого формируем из тебя «проникатель» — программа трансформации записана в моей памяти — и ползем к Маату, как свои. Работу будем продолжать независимо от того, в сознании я или нет. Понял?

— Так точно, — ответил координатор по имени Скиф; имя было ему дано по названию спейсера. Он уже не был инком, самостоятельным киб-интеллектом, после того как Шаламов оглушил его, подав на вход запороговую шумовую задачу, и переориентировал блоки этического контроля. В настоящее время Скиф наполовину представлял собой маатанский компьютер, позаимствовав многое из того, что знал Шаламов.

Через несколько часов по внутреннему времени, ушедших на ввод и корректировку маршрута, спейсер в режиме «суперструны» преодолел гигантское расстояние в тридцать семь парсеков и вышел к гравитационным границам звездной системы Маата. Звезда, давшая жизнь собственно Маату — второй планете системы, была класса F0, имела в свите еще четыре планеты размером с Юпитер и пылевой пояс. На Земле ее знали как сто вторую Щита и называли Угрюмой.

Чувствительность техники наблюдения спейсера была так велика, что Шаламов, включенный в контур управления координатора, мог контролировать даже перемещение летательных аппаратов в атмосфере Маата, хотя расстояние между кораблем и планетой превышало триста миллиардов километров. Работая с координатором в рапид-режиме, позволяющем человеку вести расчеты со скоростью позитронного вычисления, Шаламов выполнил первую часть задачи по обнаружению крупнотоннажного

космического транспорта в системе и принялся за вторую — выявление земных разведкораблей, способных маскироваться под любое движущееся тело.

Работал он с удовольствием и чувствовал себя вполне сносно, загнав эмоции глубоко в недра психики, хотя образ Купавы нет-нет да и пробивался наверх, к центрам зрительной памяти. Однако неясные эти картины — то лицо Купавы, то ее фигура, то отдельно глаза, губы, волосы — не отвлекали пилота от главного дела и не злили, только заставляли работать быстрее. Он знал, что вернется за ней и заберет с собой. Но сначала надо было достичь поставленной цели.

Аномалий в движении маатанских внутрисистемных аппаратов они со Скифом не нашли, зато с ходу определили координаты базовой станции «Эдип-2», принадлежащей земной Комиссии по контактам, и отметили два тела, круживших над Маатом по хитрым траекториям. Кроме того, приборы выявили несколько концентраций масс, не привязанных ни к одному визуально наблюдаемому объекту, и Шаламов отнес их в разряд потенциальных наблюдателей, работающих в системе, как и он со Скифом, в режиме «инкогнито».

Затем пришла очередь определения коридоров выхода к Маату возвращающихся из дальних рейсов космолетов-проникателей. Просидев сутки в кресле шкипера, отвлекаясь только на завтраки — человеческое тело просило человеческой пищи и привычных процедур, — Шаламов справился и с этой задачей, после чего наступило время действий. Проложив трассу «струны» корабля мимо обнаруженных объектов, способных помешать осуществлению задуманного, с точностью, недоступной ювелирам, пилот взял управление «Скифом» на себя.

Корабль, превращенный в маатанский «проникатель» — с виду, конечно, вышел к Маату безошибочно, но обмануть земных наблюдателей не смог. Правда, это и не требовалось, Шаламову важно было не вспугнуть самих маатан.

— Нас засекли, — предупредил Скиф.

— Сам вижу. Делай свое дело.

— Принимаю кодовый вызов.

— Слышу.

— Похоже, нас пытаются перехватить. Не понимаю смысла игры.

— Отставить вопросы, это не игра. Вход в атмосферу аварийный, не забудь смену режима. Район финиша определяю я.

— Принял. Хочу напомнить: на выходе из атмосферы нас будут ждать... если только не приготовили встречу внизу, на дне. Внезапность — пропуск только для входа.

— Есть другая поговорка: сила — пропуск для входа, ум — для выхода. Разговорам конец. Начали!

«Скиф» прыгнул...

Глава 2

Две недели Мальгин маялся на борту спейсера «Стратег», дежурившего в системе Маата, и вместе с другими вахтенными обрабатывал императив «черный поиск», представленный специалистами-ксенопсихологами Института внеземных культур и аналитика погранслужбы из отдела проблем контакта. Но Шаламов как в воду канул, исчез, растворился в глубоком мраке космоса, не появившись ни в Горловине, ни у планет Орилоуха, а искать его прямым зондажом было бессмысленно.

В первый же день на спейсер прибыл Ромашин, вызвал Мальгина из отсека отдыха в зал десанта. По его лицу ничего нельзя было прочесть, однако Мальгин, внутренне сжавшись, приготовился к самому худшему, подумав при этом, что не достиг предела, когда о худшем думать уже не хочется. С Ромашиним сидел озабоченный и хмурый Таланов. Клим взглядом спросил у директора института, что случилось.

— Мы ошибались в оценке состояния Шаламова, — ответил Таланов, нервно сцепляя и распцепляя на груди пальцы.

Мальгин невольно перевел взгляд на Ромашина, застывшего в неподвижной позе, но не терявшего присутствия духа ни при каких обстоятельствах и привыкшего спрашивать с себя не меньше, чем с других.

— Не может быть!

— Это стало известно час назад, после прогонки ситуации на Европейском эм-синхро¹. Когда Шаламов находился в бессознательном состоянии, процессы обмена у него шли параллельно маатанским. То есть в эти периоды он по сути был маатанином, сердце и другие органы ему не требовались... а мы «спасали» его от комы! Поддерживали

¹ Таланов имеет в виду компьютерную систему медицинских институтов и клиник, работающую по заданной проблеме в режиме синхронизации банков данных.

сердечную деятельность и работу легких!.. Но непосредственно перед выходом из камеры он... перестал излучать.

Мальгин не понял, продолжая в недоумении смотреть на Таланова. Тот снова сложил руки на груди, покосился на Ромашина.

— Человеческое тело, как тебе известно, излучает тепло, а мозг — электромагнитные волны, так вот Шаламов перестал излучать и то и другое.

— Как маатане! — хрипло сказал Мальгин, вспомнив.

— Вот именно, Клим, как «черные люди». И больше всего я боюсь, что Даниил не знает обо всех своих специфических способностях, как и о расщеплении личности.

Ромашин впервые пошевелился.

— А я боюсь, что вы не совсем понимаете, к чему может привести «двойное дно» души вашего пациента. Он уже не в состоянии контролировать свои поступки, не будучи человеком, то есть в периоды, когда в нем властвует маатанин.

Медики молчали. Потом Таланов спросил:

— Кто у тебя отвечал за информацию о состоянии Даниила? Заремба, Билл-старший или Стобецкий?

— Какая разница? В конечном счете виноват я.

Ромашин усмехнулся.

— Вы смелый человек, Клим, но все же не стоит взваливать на свои плечи чужой груз. Что касается ответственности за своевременную информацию о нюансах состояния Шаламова, то винить надо вас, Богдан, за то, что понадеялись на достаточную оперативность и мощь Гиппократы, главного компьютера института. Он не справился с анализом, случай беспрецедентный и достаточно специфичный, очевидно, надо было сразу включить режим эм-синхро, тогда бы нам удалось избежать многих ошибок.

— Виноват я, — твердо повторил Мальгин. — Я обязан был предусмотреть такой финал и не надеяться только на Гиппократы. О включении эм-синхро я просто не подумал.

— Нет, — так же твердо возразил Ромашин. — Но поговорим лучше о маатанах.

— Хорошо, — тихо согласился нейрохирург после паузы. — Один вопрос: что с Ханом?

— Он очнулся, скоро будет на ногах. Самое интересное, он уверен, будто из Шаламова... прыгнул на него «с рычанием» оскаленный барс! После чего Джума потерял сознание.

Таланов подтверждающе кивнул.

— Да, я с ним разговаривал. Джума уверен именно в физическом прыжке, он даже почувствовал на лице «смердное дыхание пасти зверя», причем по его версии «барс выпрыгнул из глаз» Даниила.

— Скорее всего это личностное впечатление от направленного гипноимпульса. — Ромашин поправил у виска усик антенны связи. — Как известно, дыма без огня не бывает, и «прыжок барса» — это скорее всего пси-атака Даниила. Если бы у нас была видеозапись выхода Шаламова из реанимакамеры, подобные вопросы отпали бы сами по себе. Клим, вам необходимо запомнить новые данные о маатанах, Богдан привез кассету.

Таланов вытащил из кармана плоскую пуговку видеозаписи.

— Прокрути, много интересного, я, например, ничего этого не знал. Догадайся, почему маатане нас не признают, как братьев по разуму? Конечно, это всего лишь гипотеза, но ксенопсихологи поработали исключительно результативно и скорее всего не ошиблись. Специфика живого организма на Земле заключается в поддержании низкого уровня энтропии в себе за счет увеличения энтропии окружающей среды, а маатане энтропию среды не повышают, создавая как бы «склады энтропии» внутри себя! Отсюда и их неприятие всех, кто «увеличивает хаос мира»!

— Не спешите с выводами, — мягко возразил Ромашин. — Проблема отказа «черных людей» от контактов с нами — комплексная, сложная, в ней отражены и физиологические, и чисто физические, и философские аспекты жизни маатан, их этика и мораль. Например, в их речи нет местоимения «я» и в то же время каждый маатанин — это личность. Парадокс не парадокс, но противоречие налицо, и таких противоречий много. Возьмем их эволюцию: маатане сознательно ограничили рост производства и потребления информации, выбрав из всего спектра направлений познания мира лишь те диапазоны, которые ориентируют их не на всестороннее развитие личности с возможностью самовыражения в избранной области науки, искусства и культуры, а на максимальное «закукливание», централизацию в каждом индивидууме одного какого-нибудь достоинства — возможно, ради меньшего потребления энергии и информации.

— Разве такое может быть?

— Посмотрите запись, там не только голые выводы, но и выкладки, на которых они основываются. Вы говорите — возможно ли? А то, что тело маатанина есть одновременно

его мозг, возможно? А то, что нужный для решения определенной задачи «объем ума» у маатанина как бы растет с подключением новых и новых участков тела-мозга, с увеличением количества нервных связей, возможно? Кто-нибудь из ксенобиологов мог представить, что природа реализует «черного человека», мозг которого по сути — фрактальный кластер?

Таланов и Мальгин молчали. Ромашин перевел взгляд с одного на другого и встал.

— Идемте, Богдан, у нас мало времени.

— Погодите, — сказал Клим ему в спину, не вставая. — А что, если Шаламов появится где-нибудь... в другом месте?

Начальник отдела безопасности обернулся, помолчал, разглядывая пол под своими ногами.

— Если я вас правильно понял, вы говорите о Земле. Не беспокойтесь, мы приняли необходимые меры предосторожности. Купава в полной безопасности.

Они ушли, и Мальгин расслабленно откинулся на спинку кресла. Напряжение схлынуло, в голове стоял сплошной туман, в ушах же раздавался шепот Купавы:

— Найди его, Клим, милый! Он же серьезно болен, его спасти надо, а не ловить, как преступника. Скажи им всем, пусть не расставляют капканы, иначе он сорвется и такое может натворить!.. Слышишь, Климушка?..

— К сожалению, да, — горько отозвался Мальгин, запоздало отвечая на ее опасения.

Ромашин посещал спейсер еще дважды, сообщая новости с Земли, не проходившие по каналам срочной связи, передавал новые порции информации от ксенопсихологов, эфналитиков, биологов и медиков, приносил приветы от выздоравливающего Джумы и ни слова от Карой или Купавы. Мальгину уже осточертели шестичасовые вахты, чередующиеся с периодами отдыха, неразговорчивость вахтенных, атмосфера тревоги и томительного ожидания, но он старался ничем не выдавать своего недовольства. Сообщения о том, что можно было бы обойтись без перехвата угнанного Шаламовым спейсера, ограничившись наблюдением и попыткой связи с ним, не произвели на Ромашина должного впечатления. Спорить с Мальгиным он не стал, на совет снять вахту ответил односложным «нет» и только очень спокойно и корректно напомнил о предполагавшемся расщеплении личности спасателя. Последствия такого

расщепления действительно могли быть катастрофическими, что и признал хирург скрепя сердце.

А на четырнадцатый день дежурства спейсер «Скиф» объявился в трехстах миллиардах километров от Угрюмой — светила Маата, защищенной хитроумным режимом «инкогнито» почти от всех способов обнаружения, кроме гравитационного. На «Стратеге» сыграли тревогу, и началась отработка императива «черный перехват», предписывающего каждому члену ЧП-вахты свой участок работы.

Место Мальгина было в десантной группе, подчиненной Шевчуку, и уже через полминуты он прибыл в зал десанта, облаченный в гермокостюм с компьютером сопровождения по имени Клаус. В ушах раздавались голоса переговаривающихся наблюдателей, пилотов спейсера, команды, указания координатору, его ответы и краткие реплики руководителя операции.

Десантников вместе с Мальгиным было семеро — четвертьюбойма (полная обойма насчитывала тридцать одного человека, полуобойма — пятнадцать), и едва они успели собраться, как последовал приказ занять места в десантном когге. Купол зала разошелся лепестками диафрагмы, в него просунулось глянцево-черное рыло посадочного автомата когга, выстрелило коробкой лифта. Спустя минуту Мальгин полулежал-полустоял лицом вниз под углом сорок пять градусов в мидель-захвате рубки когга, вслушиваясь в голоса, доносимые «спрутом» компьютерной связи. Перед ним возник объем видеопередачи, созданный прямой подачей сигналов в мозг, и Клим как бы висел в рубке спейсера с черным провалом центрального виома над пультом ручного вириала.

«Стратег» шел шпугом, то есть в режиме двойного ускорения, и звезда в левом верхнем углу виома на глазах увеличивалась, превращалась в плотный раскаленный шар. В правом нижнем углу виома голубела горошина Маата, увеличиваясь в диаметре с такой же скоростью, что и Угрюмая. А по центру виома, перечеркнутый крестом визира, висел кособокий, словно созданный сумасшедшим скульптором, маатанский космотранспорт, в котором не было, с человеческой точки зрения, ничего похожего на космолет, способный преодолевать колоссальные межзвездные расстояния. Это был спейсер «Скиф, заgrimированный под маатанский корабль.

Переговоры пилотов, бортинженеров и координатора специфичны и немногословны, для непосвященного звучали бы сплошной абракадаброй, но Мальгин понимал их

свободно, не требуя перевода, давно изучив по настоянию Ромашина профессиональные жаргоны космических служб человечества.

— Объект пошел в «косой лист», — говорил пилот драйвер-прима, что означало: «объект совершил маневр перехода из походной гиперболы в финиш-параболу с «перекручиванием» координат».

— Скорость три и три, демпфирование ноль двенадцать, повторяю маневр в режиме половинного спрямления — хамаль сорок два градуса, — бубнил координатор.

— Боковые зэ-эс-эл плывут, после допуска семьдесят пять, — скороговоркой докладывал бортинженер, что на нормальном человеческом языке звучало бы как «границы створа захвата и слежения локаторов отрабатывают сверхскоростное маневрирование объекта на семьдесят пять процентов».

— Три минуты до цели, — это снова координатор. — Размыв трассы ноль-ноль шесть, граничные параметры «свиста» сто децибел на один градус.

— Связь с объектом? — вклинился в разговор вопрос Шевчука.

— Отсутствует. Объект маневрирует в режиме «бегущий призрак», перехват возможен только с риском ПС (с риском прямого столкновения — перевел для себя Мальгин).

— Расстояние от объекта до планеты?

— Сорок мегаметров, время входа в атмосферу минута двадцать.

— Мы не успеваем выйти раньше?

— Пятьдесят на пятьдесят с риском ПС.

— Готовить силовой демпфер и контактное задерживание. На подходе с маневром перехвата нанести удар. Масса удара должна быть достаточной для выбивания «Скифа» с трассы входа, защите — полную компенсацию ответа. Ни в коем случае не допустить прорыв объекта в атмосферу Маата!

— Принял!

— Я «ведомый», — раздался голос командира спейсера «Илья Муромец», идущего к планете с другой стороны системы. — Готов к прямому контакту с объектом. Задачи введены, предлагаю начать развертку «зонтика»...

Мальгин вдруг осознал, что, если захват «Скифа» станет возможным, его собьют! И уцелеет ли при этом Шаламов, гарантировать никто не сможет, потому что в дело пущены силы, не способные к избирательному разруше-

нию: силовой удар нельзя «научить» разрушить спейсер, сохранив его пилота в целости и сохранности.

«Стратег» был уже рядом с планетой, стремительно выраставшей в размерах, спейсер Шаламова появился в пределах прямой видимости и делал сумасшедшие прыжки, сбивающие постановщиков захвата цели; уже и координатор «Стратега» доложил, что к залпу готов, как вдруг Мальгин крикнул:

— Отставить силовое задержание!

— Это вы, Клим? — реагировал Шевчук. — Причина?

— Мы не имеем права...

— Ошибаетесь, у нас есть карт-бланш комиссии морали и этики ВКС. Мы не должны допустить такую мощную машину, как спейсер, с больным пилотом на чужую планету. Возможен инцидент.

— Карт-бланш на убийство?

— Вы с ума сошли! — Это голос Калины Лютого. — О каком убийстве речь? Шаламов должен быть задержан...

— И все же я требую прекратить гонку! Немедленно!

Двухсекундная тишина в эфире.

— Вы берете на себя ответственность за последствия?

— Да!

— Отбой! — Шевчук тоже был решительным человеком и этим приказом ответственность за случившееся брал и на себя. — Ведомой «двойке» — императив «змея»! Команде — свертка «шепотом», переход на гиперболу возвращения. Конец прямому эфиру.

Спейсер резко затормозил, Маат перестал расти в виоме — шарообразная глыба дымящегося не то камня, не то стекла. Рубиновые стрелки визира продолжали вести уходящий в атмосферу планеты спейсер Шаламова, пока он не исчез из виду. Наискось по темно-серому боку Маата скользнула искра зонда — Шевчук запустил наблюдателей, чтобы знать, что предпримет Шаламов после посадки.

— Вижу объекты АА, — доложил координатор.

С двух сторон к земному спейсеру спешили маатанские корабли-«сторожа» пространства. Молча. Они никогда не давали запросов и не требовали ответов, они действовали.

— Брек! — скомандовал Шевчук.

Спейсер перешел в режим «суперструны», Маат исчез из поля зрения. Мальгин, обессиленный нервным напряжением, лежал в рубке десантного когга, закрыв глаза, и вспоминал, как ходил с Даниилом по грибы в брянских лесах и как Шаламов по-детски радовался, находя подошники или боровики...

Двое суток «Стратег» дежурил в системе Маата в состоянии повышенной готовности, с помощью разного рода ухищрений следя за действиями Шаламова на поверхности планеты.

«Скиф», превращенный аппаратурой «динго» в маатанский проникатель, сел в горах, на первый взгляд совершенно безжизненных. Атмосферные летательные аппараты маатан не обратили на него особого внимания, хотя и покружили над ним некоторое время. Затем от спейсера отделились кособокие «маатанские» планеры — Шаламов выпустил своих разведчиков. Планеры вернулись через несколько часов, облетев Маат по замысловатым траекториям, но один из них остался висеть над «клиникой», где некогда находился спасенный Даниилом «черный человек».

Висел он сутки, а потом к нему подошли аппараты маатанских «сил безопасности», и Шаламову пришлось возвращать разведчика. Вернулся он в сопровождении «сторожей», могущих испугать своей формой кого угодно. Однако Шаламову удалось, очевидно, найти с ними общий язык и рассеять на время подозрения: аппараты улетели. Шаламов снова запустил зонды и к исходу вторых суток наверное узнал все, что хотел. На вызовы кодом по ТФ-связи, а также на прямые, открытым текстом с помощью лазерного луча, он не отвечал.

Ромашин за это время несколько раз появлялся на спейсере, но с Мальгиным не разговаривал, решая какие-то свои задачи с командиром ЧП-вахты. Клим замкнулся в себе и на вызовы Шевчука отвечал преимущественно односложными «да» и «нет». Он был готов к любым неожиданностям, неприятным объяснениям и даже к отстранению от участия в операции, но ум его оставался холоден, трезв и оценивал ситуацию логически точно.

Спустя еще двое суток «Скиф» выпустил более крупный аппарат, скорее всего десантный когг, а сам неторопливо пополз вверх, всплывая сквозь малопрозрачную для световых лучей толщу атмосферы Маата. Наблюдатели растерялись: определить, где именно находится Шаламов — на борту спейсера или в когге — было невозможно.

Ромашин созвал экстренный компьютерный совет: каждый работник вахты мог участвовать в нем, решая одновременно свои задачи на рабочем месте. Мальгин в этот момент дежурил в зале десанта.

— Он на «Скифе», — предположил Лютый. — Узнал, что его «друга» нет на планете, и понял, что делать ему там нечего.

— Я тоже так считаю, — сказал Шевчук. — Надо перехватывать спейсер.

— А если он остался?

— Насколько я понимаю, Шаламов болен, — вмешался шкипер «Стратега», — а человек с нарушенной психикой способен на любой нелогичный поступок.

— И все же его действия должны иметь логические предпосылки или хотя бы видимость логики. Есть такой термин — антилогика, ее варианты можно просчитать. Пусть Умник проанализирует вероятности...

— Некогда. Ваше мнение, Клим? Вы знаете Даниила лучше.

Мальгин ждал этого вопроса и ответил без запинки:

— Он остался. Дан всегда отличался способностью к нестандартным решениям, потому и смог стать мастером-спасателем, равных которому я не встречал.

Ромашин думал несколько мгновений, был слышен только пульсирующий фон пси-связи.

— Что вы предлагаете?

— Мне надо идти за ним... пока он не... Я уже бывал на Маате и готов к любому повороту событий. А идти туда должен только один человек во избежание ненужного риска.

— Это невозможно!

— Единственный способ установить границы возможного — выйти за них. Решайте быстрее, он уйдет из-под контроля.

— Принимаю. — Ромашин понимал ситуацию не хуже. — Коггу десанта — на старт! Клим, в рубку, через минуту пробьем «струну» до Маата. В атмосфере вас поведут на луч целеуказания по данным наблюдателей, выйдете на цель — решайте самостоятельно, мы подстрахуем каждый ваш шаг. И еще один нюанс... Вполне вероятно, что вам придется задерживать Шаламова самостоятельно, так вот, в ваш скафандр вмонтирован «василиск». Инструкция по применению нужна?

— Нет, — сказал Мальгин: «василиском» — гипнотизатором направленного действия он пользоваться умел, как и любой хирург.

— Отлично. Ни пуха вам...

— К черту!

— Остальным готовить перехват спейсера на тот случай, если Шаламов останется в нем. Ведомые — старт!

Все совещание заняло немногим более тридцати секунд, «Скиф» успел лишь подняться над горами Маата, а

выпущенный им когг, похожий внешне на уродливого безголового орлана, преодолел горную цепь и вышел к долине, где располагалась единственная на всю планету станция метро.

Мальгин очнулся от короткого беспамьяства — встряска нештатного «броска на струну» была довольно приличной, — когда когг уже шел в атмосфере по пеленгу зонда, ведущего наблюдение за машиной Шаламова.

В ушах раздавалась скороговорка обещанного Ромашиным десанта подстраховки и защиты:

— Вижу «гадюк», фронт сорок один градус — пять единиц, семьдесят три градуса — шесть единиц.

— Маневр влево с выпуском «динго».

— Вижу, пошел «сарыч».

— Первый, в тылу «носорог», включаю «музыку»...

— Синхронизация ответа — в диапазоне «агрессив», не давайте подойти на залповую дистанцию, уводите прочь, пустите «попугаев».

— Шестой, императив «цунами»! Дерутся, гады!..

— Принял...

— Смене два — перехват «драконов» на высоте сорок. Смене три — кильватерная расчистка. Дайте «карусель».

— Первый, контакт в наносекундном интервале — предел авто, ведомый отстал, поддержите «попугаями».

— Пятый, держать синхроконттакт во что бы то ни стало! Чем хотите, хоть голыми руками! «Попугаи» пошли.

— Принял... Попробую перейти на ПС¹ траектории...

Мальгин не знал, что его сопровождают три эшелона коггов, перекрывших доступ к машине в коридоре погони за Шаламовым всем маатанским аппаратам. Управлялись когги страхующего десанта асами погранслужбы, умеющими избегать конфликтов чуть ли не во всех диапазонах сложнейшей ситуации, поэтому маатане, ошарашенные внезапными отвлекающими действиями земных кораблей, внешне не отличавшихся от их аппаратов, не смогли помешать Мальгину догнать Шаламова и перехватить его когг.

А когда «птеродактиль» Шаламова вполз в перекрестие захвата следящей автоматики, Мальгин получил сообщение, что спейсер «Скиф» взорвался в десяти метрах от Маата, будучи атакованным маатанскими «сторожа-

¹ ПС — половинное спрямление: при локации в автоматическом режиме ведомый аппарат не копирует траекторию ведущего, а спрямляет свой путь; при половинном спрямлении вектор движения ведомого аппарата «упирается» не в ведущий аппарат (полное спрямление), а в середину оставшейся дистанции.

ми». Перехватить его пограничникам не удалось, «черные люди» на этот раз действовали расторопней.

Сообщение не потрясло Мальгина, он просто не верил, что Шаламов находился на борту «Скифа»; едва ли спасатель позволил бы уничтожить спейсер погранслужбы, защищенный от большинства космических катаклизмов, и принять бессмысленную смерть. Вполне могло быть, что он сам запрограммировал взрыв спейсера, чтобы замести следы, и следовало идти по его предполагаемому пути до конца.

Когда Мальгина нагнал машину Шаламова в тот момент, когда та двинулась в глубь воздушного пространства долины, к видимому издали — в ультрафиолете, конечно, — строению, удивительно напоминавшему скелет земной радиолярии или колокольчатой диатомовой водоросли. Правда, размеры «водоросли» на много порядков превышали размеры ее земного аналога.

Мальгин, не раздумывая, направил машину вслед за «птеродактилем» Шаламова, увеличил скорость и включил передатчик, пытаясь связаться со спасателем. Координатор перешел на полное копирование эволюций впереди идущего аппарата, повторяя не только его маневры, но и сигналы.

Мелькнули внизу удивительные заросли блистающих хрусталем и серебром «стрекозиных крыльев», какие-то угрюмые, черно-багровые громады, похожие на вздувшиеся опухоли с рядами неровных дыр. «Скелет радиолярии» приблизился, и тут подал голос координатор когга:

— За нами погоня — три аппарата массой до трех кило тонн, еще два опускаются сверху, масса около пяти мегатонн, энерговооруженность до ста кларков. Надо возвращаться, подстраховка отстала.

— Вперед! — ответил Мальгин. Он знал, что примерно такую же энерговооруженность имеют и земные спейсеры, что намного превосходило возможности когга, но драка с чужими не входила в планы пилота. К тому же он верил в обещание Ромашина прийти на выручку в случае осложнений.

Когг-«птеродактиль» впереди круто спикировал к зданию маатанского метро, из него вынеслась черная соринка, и тотчас же когг превратился в язык бело-голубого пламени. Машина Мальгина подпрыгнула, некоторое время шла боком, потом с трудом выровнялась.

Он не знал причин взрыва, то ли когг взорвался сам, то ли по нему выстрелили охраняющие здание автоматы, и действовал, основываясь только на интуиции: резко за-

тормозил, в темпе передал сообщение Ромашину и катапультировался из рубки в скафандре, не забыв включить «динго». Его когг взорвался в тот момент, когда он падал вслед за несшимся впереди пятном «черного человека». Инк скафандра работал с такой же быстротой, что и координатор когга, и прочно держал пятно беглеца в центре визирных меток оптического визирного устройства шлема. Таким образом, один за другим, в полусотне метров они и ворвались в раскрывшиеся лепестками неровные двери странного здания примерно на уровне третьего этажа. Но уже с первых метров путешествия по чужому зданию Мальгин вынужден был притормозить.

«Черный человек», за которым он гнался, бесследно исчез. Извилистый коридор, начинавшийся за входом в здание маатанского метро, дышал, как живой, его освещение пульсировало от багрового сумрака до пронзительной зелени, так что ориентироваться в нем было очень трудно. Углубившись в коридор метров на сто, Мальгин в нерешительности остановился. Навстречу изредка попадались летающие «доски» длиной до трех метров, но ни одного маатанина видно не было.

— Дан! — позвал Мальгин. — Даниил, отзовись! Какой смысл тебе прятаться? Давай поговорим.

И услышал вежливый ответ:

— Хомо, тот, кого ты назвал Даниилом, ушел.

Это был не голос — мысленный «шепот», его владелец показался Климу похожим на Ромашина: тот же тембр, та же учтивость, непробиваемое хладнокровие и способность понять мысль собеседника.

— Кто вы?

— В одном из приближенных значений — транспортная машина, аналог станции метро Галактики. Можете называть меня Хранителем Пути, если угодно. Можете не называть никак.

— Извините, я спешу... где ваш зал контроля и управления?

— Я не нуждаюсь в контроле и управлении.

— Но как вас найти? Где вы находитесь?

— Везде. Вы находитесь внутри меня.

Мальгин чертыхнулся в душе, сообразив, что допустил бестактность, но на переживания у него не было времени.

— Простите...

— Я не в обиде.

— Это верно, что вас сконструировали и установили по просьбе маатан орилоуны? — Вопрос был задан машиналь-

но, Мальгин вспомнил разговор с Ромашиним и не сдержал любопытства.

— Верно лишь отчасти. Собственно, я тоже один из орилоунов.

Мальгин снова смешался, не сразу придя в себя от изумления, только предупреждение осторожного Клауса вывело его из ступора.

— Простите, я не знал... не думал, что вы... голова забита другим. Сюда... в вас могут проникнуть маатане?

— Если я захочу.

— Понимаете, может быть, мы и превысили полномочия, но не нашли другого способа...

— Я знаю. Чем могу помочь?

— Я должен отыскать Даниила... Шаламова... он болен...

— Он вслед за «черным человеком» ушел в место, которое вы называете «серой дырой».

— Они оба там?!

— Да.

— Если можно, переместите и меня к ним!

— Точных координат их местоположения я не знаю, но могу соединить с моим коллегой, живущим на последнем Свидетеле.

— На ком?

— Вы назвали его Стражем Горловины, хотя это не искусственный объект. На самом деле это Свидетель.

— Живое существо?!

— И да и нет. Он действительно свидетель — рождения вашей Вселенной в частности. Итак, вы идете?

Мальгин очнулся.

— Да, благодарю.

Коридор, посередине которого висел Мальгин, превратился в ровную гладкую трубу, стенки ее засвистели мимо, и через несколько мгновений гость вылетел под купол циркообразного зала.

— Добрых дел, — пожелал Хранитель Пути.

— Погодите, — торопливо бросил Мальгин, — вы затронули очень интересную тему, можно, я потом вернусь? Поговорить с вами? Завтра... когда удастся.

— Завтра будет дуть завтрашний ветер. Это земная поговорка, хомо. Вряд ли вы вернетесь. Хочу предупредить: ваш друг Даниил действительно серьезно болен, будьте осторожны при встрече с ним. В нем живут две личности, две психики, отражающие два совершенно разных подхода к жизни и смерти.

— Спасибо, Хранитель, я учту.

— До встречи на Земле, хомо.

Мальгина окутал мрак, потом, спустя неизвестное время, в глаза брызнул призрачный свет.

Хирург висел, поддерживаемый антигравом, в центре сплюснутого помещения с закругленными углами и светящимися зернистыми стенами. В полу угрюмо чернела неровная дыра, густо затканная паутиной, — по первому впечатлению, в потолке начиналась широкая труба, проложенная сквозь толщу переплетений каких-то белых жил, полос и труб. Мальгин «на цыпочках» пробрался сквозь трубу и выглянул в отверстие: перед глазами возвышался белоснежный пористый купол, венчающий громадное здание неопределенных форм, а внизу, насколько хватает глаз, угрюмый вудволловый лес, освещенный сиянием Горловины...

Глава 3

Боль была странной и почти нестерпимой: начиналась где-то в одной точке грудной клетки и распространялась по всему телу, словно ударная волна от взрыва, пока не достигала кожи. Затем она втягивалась обратно в исходную точку, и все начиналось сначала. От пульсации к пульсации боль утихала, успокаивалась, но кожа «горела» долго, словно ошпаренная кипятком, и заканчивался цикл щекотным передергиванием мышц спины...

Шаламов очнулся, глубоко вздохнул и наконец кинул вокруг осмысленный взгляд. Пейзаж Стража Горловины, планеты-куба узнал сразу, но, хоть убей, не мог вспомнить, как здесь оказался. Потерял сознание он еще в спейсере, при подлете к Маату, и все случившееся потом напрочь выпало из памяти. Значит, пока в нем спал человек, работала вторая часть сознания, маатанская, и, как видно, справилась со своей задачей неплохо. Знать бы, что произошло на Маате, как он там действовал...

Шаламов оглядел себя: скафандр погранслужбы, как и положено, «динго» включен на создание облика «черного человека», все системы работают нормально... стоп! А инк скафандра? Он-то не отключался во время «сезона небытия» хозяина и все видел!

— Джордж, — позвал мысленно спасатель; киб-интеллект скафандра имел при рождении другое имя, но Шаламов упорно называл его Джорджем, отдавая своеобразную дань памяти погибшему «Кентавру».

- Готов к работе, — отозвался компьютер бесстрастно.
- Высвети мне события после моего отключения.
- Не понял, повторите. С какого момента времени?

Шаламов сообразил, что для Джорджа он сознания не терял, разве что изменилась манера управления скафандром. Значит, его сомнения подтверждаются: в периоды забытья телом управляет та часть мозга, которая удерживает маатанскую память. Итак, формула его существования такова, что сознание и оба вида памяти подчинены человеку, за исключением «черных кладов», а подсознание и маатанская память — сформировавшемуся «черному»... Можно натворить дел... если не подчинить себе до остатка мозг. Необходимо срочно попытаться «присоединить» все ресурсы одному хозяину — ему, Шаламову.

- С какого времени дать запись? — повторил Джордж.
- С момента подхода к Маату.
- Даю запись.

Шаламов терпеливо выслушал скоростную запись происшедших за это время событий и в задумчивости прошелся по неровной поверхности какой-то плиты, венчавшей не то башню, не то колонну, пока не понял, что стоит на крыше одного из «горловианских храмов».

- Как я оказался на этом здании?..

Инк скафандра удивился, но задавать вопросы в духе своего хозяина запрограммирован не был.

– Вы просили Хранителя Пути отправить вас вслед за больным «черным человеком», и «струна» метро закончилась здесь, внутри здания.

– Этого следовало ожидать... я уже испытал однажды их систему мгновенного транспорта, правда, внутреннюю, но от внешней она, похоже, не отличается ничем. Значит, мой «черный приятель» тоже вышел здесь? Что ж, помаракуем, куда он мог отправиться, и двинемся искать. Никуда он отсюда не денется, если только не махнет куда-нибудь за пределы Горловины... что, кстати, вполне может стать.

Шаламов поднялся над «храмом», оглядел с километровой высоты панораму острова, заросшего вудволловым лесом, но на этот раз вид «развалин сгоревшего города» на него не слишком подействовал. Океан, окружавший остров, отсвечивал медвяной желтизной, был пустынен и неподвижен, лишь у побережья он серебрился рябью мелких волн. Тишина и покой. Мертвая тишина и мертвый покой. И все же что-то здесь было не так, Шаламов мог поклясться, что пейзаж во время его первого пребывания на Страже был иным.

Озарение пришло, когда он обратил внимание на цвет неба — темно-розовый, вишневый на горизонте, а раньше он был гораздо светлее. Выходит, Горловина перестает излучать свет, а это значит, что Страж Горловины уже не сможет долго сдерживать схлопывание «серой дыры» в «струну», и времени до этого момента осталось не так уж и много. Еще чуть-чуть, и одна из последних оставшихся дверей в иные миры закроется, и соответственно маатане останутся совсем без присмотра...

Шаламов пожал плечами, пытаясь сориентироваться. Он уже решил, что будет делать дальше. «Черный человек» бежал в Горловину не ради ее красот, маатане меньше всего были романтиками в человеческом понимании, способными к эстетическому созерцанию гармонии чужих пейзажей, они признавали только собственные картины и собственное искусство, и целью маатанина была, конечно, сама «серая дыра» — и путь его туда. Однако, не имея проникателя, он вряд ли добьется цели, а значит, искать его надо где-то на Страже или на форпосте Границы... куда можно добраться и с любого острова, где есть скелеты Хранителей Пути. И Шаламов повернул к «храму», откуда только что вышел.

Первые две попытки выйти к форпосту привели спасателя на два астероида, расположенные один за другим в глубине Горловины. Это были по сути «автоматы поддержки оси», давно потерявшие свое значение: астероиды были окутаны текучим и тяжелым черным дымом толщиной в полметра, не желающим испаряться в космос и быстро оседающим после взбаламучивания. «Дым» этот, конечно, дымом не был, вероятно, вблизи поверхности астероидов происходили какие-то полевые процессы, визуально наблюдаемые, как дым, зато в результате свет он поглощал стопроцентно.

С третьей попытки использования «горловианского» метро Шаламов оказался на борту какого-то архисложного левиафана, описать форму которого не смог бы и профессиональный математик или кристаллограф. Любопытства это космическое чудо у Шаламова не вызвало, и он продолжал методично входить и выходить в туннель переброта, пока не очутился на острове планеты-куба, который по какой-то ассоциации показался ему тоже знакомым.

Поднявшись повыше, спасатель убедился, что остров — тот, который ему нужен — спутать с другим было невозможно; однако на том месте, где когда-то сел маатанский проникатель с «Кентавром» на горбу, угрюмо блеснул гла-

зурью колоссальный провал строгой цилиндрической формы, достигавший в диаметре не менее трех километров и с уходящими примерно на такую же глубину стенами. Шаламов завис над его краем, молча вглядываясь в слоистые стены. Накатила волна боли, втянулась в голову, царапнула глазные яблоки. И сразу пришло ощущение, будто в голове проросла почка, лопнула бесшумно и безболезненно, и под черепной коробкой раздался темный, равнодушный, щекочущий голос:

— Терроморфа глубь...

Шаламову захотелось почесать под черепом, от необычной щекотки даже зубы заломило, такого он еще не испытывал.

— Джордж, переведи, что ты сказал.

— Не понял, уточните, что имеется в виду.

— Ну, эти слова: терроморфа глубь... или что-то в этом роде. Что они означают?

— Прошу прощения, я ничего не говорил и перевода слов не знаю. По ассоциативной связи речь может идти о проникновении в суть явления.

— Вряд ли. — Шаламов прислушался к себе. Снова внутри головы, во лбу начала «расти почка», лопнула, и тот же голос проскрипел:

— Терроморфа глубь — селективное трясение основ материи. — И добавил: — Здесь.

Шаламов нашарил ртом мундштук пищеблока и глотнул витаминизированного желе-концентрата. Он понял, что каким-то образом в нем пробился маатанин — сквозь изолирующие барьеры подсознания в сферу сознания — и подсказал ответ. «Спасибо» говорить было некому, разве что самому себе. Что ж, если он овладеет таким способом и закрытым маатанским знанием, «черным кладом», осевшим в глубинах психики, откроется и возможность прямого контакта с главным информарием Маата. Тогда и «черный» не понадобится с его «ключами». А пока надо идти к намеченной цели, искать этого придурка, на острове его нет. Возможно, он был, но задерживаться не стал, нет смысла. Что же здесь произошло? Кто «селективно» разнес на атомы разбитые корабли, применив «трясение основ материи», скорее всего — кварковый резонанс? И зачем?

— С юга приближаются объекты неизвестной природы, — вмешался вдруг Джордж в размышления хозяина. — Скорость шесть и два, время подхода две минуты двадцать две секунды. Мы в поле их радаров.

Шаламов бросил последний взгляд на провал, пробитый в породах острова, — на дне его блесло озеро, — и стартовал к «храму», поражавшему со стороны своим идеальным замысловатым асимметричным узором. Все-таки было в этом строении что-то от геометрии живого организма, некий «биологический беспорядок», всегда отличающий живое от холодной симметрии мертвого кристалла. Кажется, пришло время заняться им вплотную, при первом знакомстве с планетой-кубом серьезно изучать «храмы» было некогда.

Уже на вершине здания Шаламов оглянулся. Объекты неизвестной природы приблизились настолько, что были видны невооруженным глазом: два летающих громадных «крокодила», с воем раздиравших воздух. Один был маатанским сторожем, второй — скорее всего замаскированным земным автоматом.

— Ну и драндулеты! — Шаламов, усмехаясь, качнул головой, помахал им рукой и нырнул в дыру одного из куполов, венчавших «храм».

Обычно дальше «зала метро» — полости с дырами входов в туннели мгновенного перемещения — он не заходил, теперь же надо было попытаться пройти в глубь «храма», посмотреть на его остальные залы и разобраться в системе архитектурного подхода. Но прогулки не получилось. Как только Шаламов нашел несветящееся отверстие, с виду — «затканное паутиной», к которому пол опускался неровной воронкой, и прыгнул в него, сработал обычный механизм метро: спасателя «разложили на атомы» и «собрали» уже в другом месте, за сотни тысяч километров от этого места.

— Граница перехода! — раздался внутри Шаламова чей-то безликий голос.

Прошло время, пока спасатель сообразил, что «говорили» на маатанском — фейерверк огня, но он понял фразу без перевода, словно всю жизнь говорил по-маатански — вспышками света.

— Повторите, — попросил он. — Что это значит?

— Граница перехода, — повторил неведомый собеседник. — Граница континуума. Мембрана. Обратный переход невозможен.

Шаламов хмыкнул, огляделся. Труба. Впереди сужается и еле светится, сзади светится чуть сильнее. Проверить?

Выход из «трубы» оказался недалеко, в ста метрах. Шаламов выглянул из устья «трубы» и увидел расширяющийся в бесконечность световой конус, перегороженный «стеной» с дырами-ячеями; из одной такой дыры выглядывал спасатель. Вот, значит, какой на самом деле конец Горловины — «стена сыра»!..

— Неправильно, — угрюмо возразил кто-то внутри него.

— Почему неправильно? — удивился Шаламов, не обращая внимания, что спорит сам с собой. — Я же вижу!

— Это ложное видение, отражающее стереотипы геометрических представлений. На самом деле все выглядит иначе.

— Так что, я, по-твоему, вижу не то... что вижу?

— Для адекватного отражения необходим набор других органов чувств, у человека их нет.

— Понятно. Нет — так будут, попозже я займусь усовершенствованием. Что ж, посмотрим, что там дальше, за границей. — Шаламов спохватился. — С кем я говорю?

— Не понял вопроса, — отозвался Джордж.

Глотнув желе, Шаламов вернулся к исходной точке трубы, откуда начинал знакомство с «границей перехода». Идти в глубь трубы не хотелось, но он себя пересилил.

Метров сто — если опираться на ощущения — труба шла идеально ровная и светлая, а потом начался самый настоящий лабиринт с пятнами какого-то лишайника на гладких, серо-белых, словно мраморных, стенах. Лабиринт вел сначала вперед, потом нырнул вниз, если судить по изменению ощущений, стал однообразно петлять и кружить, и, пока Шаламов следовал его изгибам, Джордж насчитал полсотни петель и столько же расширений коридора, запоминая на всякий случай дорогу назад. Он первым отметил нарастание пси-фона, Шаламов среагировал чуть позже и не количественно, а качественно: показалось вдруг, что он с ходу влетел в трясину заросшего ряской болота. Остановился. «Болото» исчезло, зато коридор впереди стал «дышать», стены его то сдвигались, то раздвигались, воздух сгустился, замерцал.

— Что это? — задал мысленный вопрос Шаламов.

— Рекомендую вернуться, — отозвался Джордж. — Кроме набора электромагнитных полей, отмечаю синусоидальные колебания пси-поля с нарастающим градиентом.

Шаламов напряг зрение и слух, но даже в инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах не смог опуститься взором ниже нескольких десятков метров от уровня, на котором находился. Туннель продолжал складываться в

петли (словно двенадцатиперстная кишка, пришло на ум сравнение), а за его стенками простирался хаос пустот, стенок, перепонок, провалов и наборов плоскостей разного порядка сложности.

— Ничего не вижу. Метров на сорок опуститься можно, впереди чисто, а там посмотрим, спешить нам некуда.

Координатор скафандра промолчал. Он, как и хозяин, видел и чувствовал лишь то, что мог видеть и чувствовать с помощью датчиков, разработанных человеком и рассчитанных на диапазоны его органов чувств.

Шаламов тронулся с места и, чем дальше углублялся в недра загадочной «мембраны перехода» (видимо, это и есть тот самый «форпост Границы», о котором доложила «проросшая почка» маатанской памяти), тем сильнее на него влияли странные, неведь откуда взявшиеся перепады пси-поля. Галлюцинации стали приобретать вещественный, предметный характер, мозг уже не справлялся с ориентацией в пространстве и перестал различать, где фантом, а где реальное препятствие. Шаламов, вспотевший и злой, вынужден был остановиться перед развилкой: ход раздваивался на два одинаковых коридора, то расширяющихся, то суживающихся до размеров игольного ушка.

— Дальнейшее передвижение считаю нецелесообразным, — снова сказал Джордж. — Опасно!

— Черта с два! — огрызнулся Шаламов. — Непосредственной опасности не вижу, а с галлюцинациями мы как-нибудь разберемся. Помогай лучше, а не встревай с советами. На сколько метров мы уже опустились?

— Метров на двести... если ваше «опустились» соответствует истине. На самом деле мы могли пролететь всю Галактику.

— Не остри, умник. Мое второе «я» молчит, значит, все идет нормально. Вперед!

Антиграв бросил скафандр с начинкой в одно из пульсирующих отверстий, и в тот же момент Шаламов услышал чей-то густой, «астматический» мысленный «шепот»:

— Остановись, хома!

«Шепот» не принадлежал ни координатору, ни «внутреннему голосу», и все же Шаламов, машинально затормозив, окликнул инка:

— В чем дело, Джордж, снова твои штучки?

— Не понял, — сухо ответил координатор. — Что вы имеете в виду?

— Ты сказал «остановись»?

— Нет

Ясно, подумал спасатель, галлюцинации перешли и в звуковую форму. Хотел бы я знать, откуда внутри этой «мембраны» пси-излучение. Может быть, в ней кто-то живет? Орилоун, например?

Снова мимо поплыли стены туннеля, то вспыхивающие странными узорами, то передергивающиеся судорогой, то вспухающие волнами конвульсивных сокращений, расплывающиеся туманной пеленой или твердеющие до металлического звона. Но не успел путешественник пролететь и двух десятков метров, как снова послышался угрожающий «шепот»:

— Остановись, хомо!

— Кто говорит?! — еле сдерживаясь, воскликнул Шаламов, не ожидая ответа от «звуковой галлюцинации».

— Остановись, — последовал тот же совет. — Тебе не выдержать увеличения трансцендентности. Возвращайся.

— Ха-ха! — сказал Шаламов с веселой злостью. — Советчик нашелся! Скажи, кто ты, и я скажу, друг ты мне или нет.

— Друг. Еще немного, и ты никогда не вернешься...

— Вздор! Кто не рискует, тот не живет! А я живу!

— Похоже, риск для тебя — главное. А как же Купава?

— А вот ее не тронь, не советую! — Шаламов вынужден был остановиться; пот заливал глаза, вокруг началось светопреставление и не было видно, куда двигаться дальше. — Лучше подскажи, как мне пробиться по ту сторону границы, а то от моих «кладов» памяти что-то мало толку, жди — когда еще они проснутся.

— Рекомендую вернуться, — снова вмешался Джордж; его мысленный «голос» стал почему-то по-детски тонким, как писк.

— Заткнись! Я разнесу эту «мембрану» на куски, но пройду ее насквозь!

Еще несколько минут истекли в борьбе с изменившимся пространством и бунтующими чувствами. Искаженные, причудливые, необычные ощущения сбивали с толку, расщепляли «я» Шаламова, заставляли его напрягать все силы, чтобы хоть как-то ориентироваться внутри сошедшего с ума пространства. Не помогали ни приборы скафандра, ни транквилизаторы, ни аптечки, ни новые «нечеловеческие» способности. И снова человеку пришел на помощь дремлющий в нем «черный человек».

Шаламов почувствовал знакомую боль во всем теле, эта боль стянулась в одну точку в голове и лопнула с отчетливым хлопком. Световая феерия вокруг потускнела,

извивающиеся стены перестали дергаться, танцующие тени застыли, хотя весь пейзаж продолжал вздрагивать и шататься, будто был вылеплен из единого куска желе или кто-то бил Шаламова по затылку. Пришло странное холодное успокоение, как бы поднявшись от ног до головы, вернулась небывалая ранее острота зрения. Шаламов понял, что висит над краем обрыва, за которым распаивается колоссальный провал неизвестных размеров, заполненный пульсирующим мраком. В этом мраке плыли вереницы огней в форме спиралей, туманных облаков и звезд, мелькали жуткие тени, вспыхивали зарницы, взрывались хрустально-прозрачные шары, истекая струями искр, перемещались и разбегались огромные объемы не видимой, а ощущаемой материи... Это был иной мир, иная вселенная, и Шаламов все смотрел, смотрел, смотрел, замороженный, пока внутри не раздался знакомый «астматический шепот»:

— Ты очень сильный, но и твои силы кончаются. Обрыв — это предел трансцендентности трехмерного континуума, за ним — иной вакуум, иные формы материи. Возвращайся, ты и так прошел путь, недоступный никому из людей. Когда-то эта линия — «серая дыра», как вы ее называете, или «суперструна» — была совершенно прозрачной, а теперь она почти заросла и превратилась в мембрану. Возвращайся.

— Нет! — решительно возразил Шаламов, собираясь «шагнуть с обрыва», понимая, что это вовсе не обрыв, а его представление об этом месте, отражение неизведанных пространств, ограниченных человеческими чувствами. — Я не прошел всего, чего хотел, и остановить меня ты не сможешь, кто бы ты ни был.

— Тогда посмотри налево.

Шаламов невольно повернул голову и увидел слева от себя, совсем недалеко, неподвижную глыбу маатанина, «застывшую» в нагромождении камней. Мгновение смотрел на нее, не веря глазам, но что-то лопнуло внутри с тонким стеклянным звоном, и на нервную систему спасателя обрушился штормовой прибой расстроенных чувств, ломая волю, умение трезво мыслить и правильно оценивать происходящее.

Шаламов сопротивлялся психологическому давлению извне самозабвенно и яростно, но уже через минуту понял, что «астматик», внушавший неизбежность отступления, прав, и что еще немного, и спасатель сойдет с ума! И, хотя вся его натура восставала против совета неизвест-

ного советчика-благотетеля, надо было отступить, спасти маатанина и себя. Шаламов был уверен, что перед ним тот самый «черный человек», за которым он гнался с Маата.

— Но я вернусь! — пригрозил Даниил неизвестно кому.

Он не помнил, как пробирался по «живым» туннелям «мембраны», поднимаясь из преисподней наверх, сквозь бесшумный ураган пси-излучения, выворачивающий наизнанку все чувства до глубин души, но позволил себе потерять сознание, лишь когда убедился, что миновал опасную зону, грозившую полным распадом личности. Бросив взгляд на тушу маатанина, следующую в кильватере на тонком реп-шнуре, Шаламов улыбнулся, удовлетворенный, и рухнул в грохочущую багровую пропасть беспамятства.

Глава 4

Мальгин, как и Шаламов, тоже догадался, что может воспользоваться «внутригорловианским» метро — только так можно было обрести шанс и наткнуться на беглеца. Конечно, хирург не удержался от прогулки по острову, с трепетом взирая на исполинские стены вудволлов, этого чуда Стража Горловины, теплокровных полурастений-полуживотных, но Клаус, не имевший человеческих слабостей, напомнил ему о невыполненном задании, присовокупив предупреждение о возможных наблюдателях маатан.

— Засекут нас здесь — костей не соберем!

— Не пугай, — буркнул Мальгин. — В Горловине должны быть и наши наблюдатели, в случае чего придут на помощь.

Ему повезло. Уже со второй попытки он попал на остров, где когда-то совершили вынужденную посадку изуродованные, вросшие друг в друга маатанский проникатель и земной спасательный шлюп. Мальгин сразу узнал глубокую дыру в центре острова, пробитую маатанским сторожем Горловины, когда тот уничтожил космолеты. Клим поднялся над «храмом», из башни которого только что выбрался, и не успел как следует осмотреться, как оказался в гуще событий.

К «храму» со стороны океана мчались два маатанских «крокодила», еще один аппарат — сложное сплетение серебристых колец, решеток и спиралей — падал сверху. Первый «крокодил» с расстояния в триста—четыре метра метнул вдруг в замешкавшегося Мальгина дымный рукав, внутри которого, как в трубе, просверкнул огнен-

ный пунктир. Клима спас координатор скафандра, без предупреждения хозяина — не было времени — рванувшего изо всех сил в сторону, так что хирург на мгновение потерял сознание от удара ускорения.

А затем произошло неожиданное: второй «крокодил» прыгнул вперед и столкнулся со своим напарником, отчего следующий выстрел маатанского автомата пришелся по «храму», испарив в нем часть неимоверно изогнутой крыши. Что-то сверкнуло внутри столкнувшихся «крокодилов», оба нырнули вниз, кувыряясь, один из них стал разваливаться на огненные лохмотья и дымящиеся куски.

— Берегись! — предупредил Клаус. — Еще один над нами.

— Вижу, — хладнокровно отозвался Мальгин, облизывая соленую от крови верхнюю губу; от удара у него носом пошла кровь. — Быстро в здание!

— Я только что заметил странную фигуру, как раз перед тем, как на нас напали. Похоже, это были два «черных человека»...

— Где?!

— У той угловой башни с дырами, слева по борту.

— Это Даниил, больше никому. Ходу к башне, быстрее!

Скорость подскочила до ста километров в час, и оставшееся расстояние Мальгин преодолел буквально за несколько секунд, но как ни спешил, серебристая многоэтажная машина успела опуститься к «храму» раньше. Клима вынужден был затормозить. Ему показалось, что внутри чужой непонятной машины на него смотрят десятки пар глаз, и только он успел подумать об этом, как спирали, кольца и решетки внутри диковинной конструкции пришли в движение, размазались, расплылись дымом, а на их месте действительно проступили... десятки человеческих глаз!

— Что за дьявольщина?! — Ошеломленный Мальгин не поверил собственным глазам. — Клаус, ты тоже их видишь или мне все это пригрезилось?

— Вижу только одного, он возвращается. — Координатор не понял вопроса, он следил за обстановкой вокруг и увидел одного из уцелевших «крокодилов».

— Я о «глазах». Ты что, в самом деле не видишь?

— Вижу впереди чужой автомат сложной структуры, излучающий мощный пси-фон.

— Ах так вон оно в чем дело, пси-наводки... — Мальгин кинул взгляд назад: «крокодил» угрожающе приближался. Размышлять — «добрый» это автомат или нет — было некогда.

— «Универсал» к бою! Нырдем под эту... этот геометрический ребус с глазами, а попытается помешать — стреляем. Не лучом — по площади, для остротки. Не внемлет — откроем огонь на поражение.

— Понял.

Мальгин выписал аккуратную синусоиду в воздухе, сначала вниз, под «глазастую» конструкцию — она никак не реагировала на этот маневр, только глаза повернулись вслед человеку, — потом вверх, и вышел точно над башней со множеством отверстий, в которой, по утверждению Клауса, скрылись два «черных человека». Уже влетая в одно из отверстий, Клим оглянулся.

Упакованные в прозрачный пузырь внутри обрамленной серебристыми кольцами машины глаза, совершенно живые, человеческие глаза, мигающие по очереди (!), смотрели ему вслед.

— Клим, — послышался чей-то далекий голос, и наступила тишина — Мальгин оказался в башенке «храма», стенки которой не пропускали радиоволн. Он сразу угадал вход в туннель, где мог скрыться «черный человек», и, направляясь к нему, не удержался от вопроса:

— Ты слышал?

— Что именно? — отозвался Клаус.

— Меня кто-то окликнул...

— Нет.

Накатила волна глухой досады.

— Что-то глуховат ты у меня, братец, да и подслеповат к тому же... Неужели так и не разглядел «глаза» внутри того прозрачного монстра?

— Нет, — ответил координатор бесстрастно.

Как и Шаламов до него, Мальгин вышел из туннеля «храмового» метро в том же месте, внутри последнего форпоста Границы «серой дыры», хотя и не знал этого. Ему показалось, что он блуждает по лабиринтам необычного объекта, постепенно опускаясь в его недра, на самом же деле путь Мальгина был гораздо длиннее, хотя он и не мог быть измерен линейными мерами, в километрах или парсеках.

«Черные люди», в которых Мальгин, как ему казалось, угадывал Шаламова и его «приятеля», мелькнули и пропали, не оставив и следа своего пребывания в петляющих коридорах, то ярко освещенных, то темных или заполненных редким цветным туманом, затрудняющим тем не ме-

нее ориентацию. Мальгин все еще вспоминал встречу с неизвестным летающим объектом, битком набитым «глазами», но уже склонялся к мысли, что «глаза» ему пригрезились. Очевидно, давление пси-фона вблизи чужого аппарата было таким сильным, что вызвало наведенную галлюцинацию, ассоциирующуюся с не похожими на человеческие мигающими глазами. Внутри аппарата кто-то был, внимательно наблюдавший за событиями, но не желающий вмешиваться, что и уловило подсознание Мальгина.

Устав, Клим съел два кубика интергропищи, по вкусу напоминающей жареное мясо, запил витаминизированным желе. Кровь веселее побежала по жилам, мышцы обрели былую силу, однако голова оставалась тяжелой, как после бессменного суточного дежурства.

Странное ощущение, подумал Мальгин, прислушиваясь к себе. Будто застряло что-то во лбу и мешает двигаться... результат усталости? Не похоже. Я не мог устать до такой степени, да и стимуляторы должны были сработать...

— Вероятно, это следствие действия повышенного пси-фона, — предположил Клаус.

— Что?! И здесь повышен пси-фон?

— Ощущаю качественно, количественные оценки дать не могу из-за невозможности замера параметров поля, его диапазон лежит далеко в стороне от полосы чувствительности датчиков.

— То есть ты хочешь сказать, что этот пси-фон далек от нормального гуманоидного?

— Совершенно верно. Источник излучения где-то внизу, в глубине здания... если только это здание, что весьма спорно.

— Тогда идем вниз.

— Есть ли смысл? *Ubi nihil — nihil*¹. «Черный человек» давно покинул здание, ему здесь просто нечего делать.

— Ты не знаешь Даниила, он наверняка пойдет вниз, а тем более в таком возбужденном состоянии... Готовься к медблокаде, чувствую, будет мне худо. Но проверить этот ход необходимо.

Мальгин двинулся вперед, сосредоточив волю и желание на достижении одной цели: поиске Шаламова. Все остальное, в том числе собственные переживания и физическое состояние, было несущественным.

По мере того как он опускался с «этажа на этаж», психологическое давление на мозг усиливалось, Клим пе-

¹ Где нет ничего, там нет ничего (*лат.*).

режил те же ощущения, что и Шаламов до него, только возможности адаптации и сопротивления внешним психическим ударам у Мальгина были скромнее. Вскоре он перестал отличать реальные предметы от галлюциногенных призраков, натуральные стены коридоров от стен, сооруженных взбунтовавшейся фантазией, и только трезвая оценка координатора кое-как спасала положение. Мальгину грезились готовые к прыжку хищники, сочетавшие в себе злобную силу земных тигров-людоедов и мрачную таинственность «черных людей», чудились засады, руки, сжимавшие оружие, уродливые фигуры джиннов и дивов, демонов и чертей с трезубцами, направленными ему то в грудь, то в спину; но как бы ни был он дезориентирован и сбит с толку, стрелять по «нападавшим джиннам» не стал, удержался, каждый раз срабатывала глубинная «блокировка» морали, закалка воспитываемой веками этики, основанная на заповеди «не убий» и опиравшаяся на тренированное самообладание. «Меч» оставался в «ножнах», хотя меч у Клим, многодиапазонный излучатель «универсал» с автоматической наводкой на цель и мысленным спуском, был гораздо более мощным оружием.

Опустившись еще на сто метров ниже прежнего уровня — таково было впечатление, подкрепленное измерениями датчиков, — временами полностью теряя ориентацию, от оглушительного «шума» забывая о смысле своих блужданий, с трудом удерживаясь на зыбкой грани беспмятства, Мальгин вынужден был констатировать, что глубже ему не пройти. Хорошей защиты от пси-излучения у него не было. К зрительным добавились и звуковые галлюцинации: кто-то звал его, предупреждал, вещал философские истины, смеялся и плакал, говорил голосами Купавы и Ромашина. Однако Мальгин отреагировал на все эти «голоса» лишь дважды: первый раз — когда с ним заговорил Ромашин, и второй — когда послышался голос Шаламова.

— Дан, это ты? — прохрипел Мальгин.

— Я то, что было, есть и будет, — ответил «собеседник», — никто из смертных не приподымал моего покрывала¹.

Мальгин сразу потерял интерес к голосу — едва понял, что говорил сам с собой. Но когда «Шаламов» послышался второй раз, Клим не выдержал, вступил в диалог:

— Где ты, Дан? Отзовись!

— Клим, дальше тебе ходу нет, возвращайся.

¹ Надпись на храме Изиды в Саисе (Египет).

— Где ты? — крикнул Мальгин, невольно напрягая зрение и слух, но видел вокруг лишь танцующих огненных чудовищ, а в ушах звучал рев «диких слонов», «грохот взрывов» и «адский вой урагана».

Шаламов не ответил.

И Мальгин двинулся в прежнем направлении.

Он обнаружил Даниила случайно, буквально наткнувшись на две черные фигуры, причудливо искаженные искривленной линзой сознания, но все же материально ощутимых, твердых. Мальгин не смог определить, кто из них Шаламов в образе маатанина, а кто галлюцинация, иллюзорный двойник, поэтому хирург, ощупав первую фигуру и убедившись, что перед ним, похоже, человек в скафандре типа «отшельник», принайтовил находку к своему скафандру с помощью прочного линя и приказал Клаусу включить «аллур три креста». Координатор, тоже наполовину оглохший и ослепший, память все же сохранил и рванул назад из адского места, стены которого, казалось, вот-вот сомкнутся и раздавят непрошенных гостей.

Очнулся Мальгин в просторном гроте с неровным полом и низким потолком, украшенном пятнами светящейся изморози. Огляделся. В кильватере за ним одна за другой смиренно следовали две черные глыбы, два маатанина.

— Кажется, у меня начался бред, — сказал он сам себе спокойно, жадно глотая витаминизированную смесь. — Я почему-то вижу двух «черных людей». Чур меня!

— Я тоже, — ответил Клаус не без иронии.

Мальгин поперхнулся, с минуту смотрел на неподвижные фигуры, постепенно приходя в себя, потом наконец вспомнил:

— Их и должно быть двое, ты же сам говорил, что видел двоих. Даниил нашел-таки своего визави, того самого, своего крестника, которого спас. Надо же, как повезло, ай да мы!.. Кстати, как долго я был без сознания?

— Час одиннадцать минут. По моим подсчетам мы где-то недалеко от... — Клаус замялся. — Я потерял ориентацию. Здесь мы не проходили.

— Немудрено в такой свистопляске... Поехали наверх... или куда там еще, вылезем — сообразим, что делать дальше.

Связка из трех одинаковых с виду фигур, две из которых были созданы голографической аппаратурой земных скафандров, медленно поползла вдоль грота к выходу, потом по коридорам из «пещеры в пещеру»; менялись

диаметры и длины коридоров, размеры залов, их стены постепенно светлели, наливались молочным свечением, в них появились прозрачные прожилки, словно пласты хрусталя, и, наконец, впереди засияло отверстие выхода. Мальгин инстинктивно замедлил движение, ему стало не по себе: выходил он явно не там, где когда-то начал погону за Шаламовым. В тревоге сжалось сердце.

Выход приблизился, в глаза брызнуло ярким белым светом. Стиснув зубы, Мальгин одним прыжком преодолел последние метры пути и вылетел наружу. И не поверил глазам.

Ландшафт кругом был не похож на окрестности Стража Горловины, и вылетел хирург не из «храма» — из сверкающей алмазными просверками ледяной горы. Гора имела плоскую вершину, усеянную множеством ниш, и курилась паром. Стояла она в ущелье с отвесными, синими с голубым стенами, поднимавшимися на колоссальную высоту и тающими в голубой прозрачности неба. Светила видно не было, и все же освещен этот мир был как в яркий солнечный день на Земле. Казалось, что светится сам воздух.

В серо-синей почве ущелья были разбрызганы вкрапления черных пятен и заросли «настоящего» бамбукового леса, удивительно ровного, как щетка: каждое «дерево» представляло собой совершенно прямой членистый прут высотой до ста метров, черный у основания и краснеющий к вершине. В разных местах ущелья, уходящего влево до горизонта и поворачивающего справа, виднелись «ледяные горы», такие же, как и те, из которых выбрался Мальгин: неровные параллелепипеды в невероятно сложном узоре ниш и рытвин, красивые, гармоничные, эстетически совершенные, создающие впечатление небывалой легкости и стройности, несмотря на неуклюжую форму и размеры.

— Поздравляю, — раздался в ушах чей-то голос.

Зачарованный Мальгин медленно повернулся.

— Привет, Клим, — снова прозвучал голос. — Поздравляю с прибытием в Орилоух. Ты все же нашел меня, старик. Зачем?

Мальгин вспомнил о «василиске», как о постыдной тайне, в пересохшем горле пискнул задавленный волнением вопрос: «Кто ты?» Вместо этого он хрипло проговорил:

— Ты напрасно сбежал из клиники, Дан. Многие успокоятся, что ты можешь... понимаешь, может быть, даже неосознанно...

— Ясно, не продолжай. Кто именно беспокоится? Безопасность? Ромашин?

— Не только.

Шаламов рассмеялся. У Мальгина похолодела спина от этого смеха, лишённого эмоций, ровного и холодного, как снежное поле.

— Купава, что ли? Допускаю. А ты, видать, до сих пор не остыл, Климушка, и не забыл... и не простил, а?

— Дурак ты! — непроизвольно вырвалось у Мальгина первое, что пришло в голову.

— Может быть, — с неожиданной легкостью согласился Шаламов. — Что есть, то есть. Хотя я почему-то всегда был уверен в обратном. Да и Купава не ушла бы к дураку. — Тот же холодный смех.

Тогда был дурак я, подумал Мальгин с тоской, блокируя выход пси-передатчика на антенну связи. Если бы мне дали возможность, я бы каждый свой шаг прошел не так... и не было бы этой встречи...

— Где Купава? — спросил спасатель. — Дома я ее не нашел.

— Не знаю, — соврал Мальгин с пугающей простотой.

— Знаешь, — твердо сказал Шаламов. — Знаешь, мастер. Не хочешь говорить — не надо, узнаю сам. Что же мне с тобой делать? Ты мне будешь мешать.

— Давай вернемся, Дан. Без твоего согласия ни о какой операции речи быть не может, обещаю, хотя ты и...

— Договаривай.

— Ты болен, Дан, болен чужим знанием и прекрасно понимаешь это. Прошу тебя, давай вернемся, тебя ждут. Купава тоже:

— Откуда сведения? Вернуться я успею. Лучше скажи, что мне с тобой делать. Ты же добровольно не отстаешь...

— Не успеешь, Дан. Я имею в виду, что чем позже ты вернешься, тем дальше пойдет процесс...

— Ну-ну... Интересно.

— Не торопи меня и не страшай, я давно преодолел границы страха. Ты и сам знаешь, что в тебе идет процесс перестройки психики. Кем ты станешь, Дан, когда он закончится?

— А тебе что за забота? Подумал бы лучше о себе.

У Мальгина вдруг возникло ощущение, что внутри Шаламова шевельнулся дракон, поднял голову и посмотрел на него ледяным взглядом.

Глава 5

Ромашин сорвал с головы эмкан и посмотрел на осоловелого Шевчука.

— Прошел?

— А дьявол его знает! Стопроцентной гарантии нет, но он в станции. Думаю, конфликтная ситуация внутри маатанского метро исключена, «черные люди» не самоубийцы, чтобы пытаться силой остановить гостя с такой энерговооруженностью, как Мальгин.

— И все же...

— Отбой прикрытие! — скомандовал Шевчук и тоже снял эмкан.

Пока обрабатывалась процедура свертки операции, возврата эшелонов, подстраховывающих поход Мальгина к станции маатанского метро, руководители операции молчали и вздохнули с облегчением лишь после того, как все аппараты десанта, кроме телезондов, покинули атмосферу планеты и вообще пространство системы. Но не успел Ромашин вызвать начальников служб и руководителей отрядов, как на спейсер пришел кодированный видеовывод. Развернувшийся виом кодовой связи отразил экспедиционный зал станции «Эдип-2», центральной резиденции комиссии по контактам в системе Маата.

— Что вы самовольничаете, Ромашин? — сказал из виома прозрачноглазый, седой, вечно чем-то опечаленный Уильям Уэрт, начальник экспедиции и он же заместитель председателя ВКС. — Мы только что получили ноту маатан: в течение часа покинуть систему во избежание «недоразумений». Что произошло? Почему ваши технари сидят на Маате?

— Уже не сидят, — вздохнул Ромашин. — Мы вынуждены были развернуть императив по пункту «срам». Кстати, мы вас предупреждали, что могут быть осложнения.

— Вы практически сорвали начавшийся было единственный возможный вариант неформального контакта с «черными людьми». Понимаете? Неужели не могли обойтись без этих ваших императивов?

— Не могли, — ровным голосом ответил Ромашин. — Альтернативных решений много, а верное, отвечающее оптимальным расчетам, одно. Но кто может без колебаний оперативно принять его в условиях дефицита времени? Уверен, что мы действовали правильно.

— Какова «размазка» вероятности?

— Эфналитики дали семьдесят семь¹ — достаточно для проведения любой операции.

— И все же ваши действия можно квалифицировать как намеренный срыв работы комиссии. Вы не можете не знать, что контактные отношения цивилизаций — это не только научные и культурные связи, но и все виды взаимодействия — от экономических, идеологических до политических и дипломатических, и если сорвать дипломатические...

— Я понимаю, — сказал Ромашин.

— Вряд ли, — отрезал Уэрт. — Иначе обеспечили бы себе квалитет ответственности.

— Председатель СЭКОНа предупрежден.

— Он должен был присутствовать на борту спейсера во время проведения вашей операции, вы же не мальчик, Ромашин. Я тоже не поборник официальных инструкций, но не в таком же деле. Единоличные решения операций столь крупного масштаба неправомочны и преступны, даже если они рассчитаны с дальним прицелом и намерения их благие. Чем вы замотивируете свои действия?

— С Земли в систему Маата бежал из Института нейророблем Даниил Шаламов, находившийся на излечении с диагнозом...

— Я слышал, — кивнул Уэрт, в чертах которого было что-то от грустного бульдога. — Синдром «черного человека», так это, кажется, называется? Ну и из-за чего вы всполошились?

Ромашин помолчал, покосился на каменно застывшего Шевчука.

— Он... не всегда способен контролировать свои поступки. Более того, прогноз его будущей психической деятельности неблагоприятен настолько, что... вероятно даже полное раздвоение личности, а при его возможностях это может повлечь непредсказуемые тяжелые последствия. Его надо остановить и вернуть.

— Он что же — супермен-киборг?

— Ирония здесь неуместна. О его возможностях говорит уже тот факт, что против него работал весь технический и оперативный потенциал отдела и погранслужбы, а он все равно ушел!

¹ Имеется в виду, что вектор правильного выбора операции рассчитывается аналитиками заранее, и, если вероятность правильного выбора превышает семьдесят процентов, вариант принимается.

Теперь замолчал председатель комиссии, грустно опустили уголки его губ; казалось, он вот-вот готов заплакать. Голос его стал тихим:

— Еще раз убеждаюсь, что древние философы знали жизнь не хуже нас, овладевших космосом. По закону Джилба любая система, зависящая от человеческой надежности, ненадежна. Мы просто не в состоянии всего предугадать, в силу несовершенства логического аппарата, в силу психологического несовершенства, а может быть, и биологии. До связи на Земле, камрады.

— Все же попытайтесь объяснить маатанам, в чем дело, — попросил Ромашин. — По сути, мы пытались обезопасить в первую очередь не себя, а их.

Уэрт не ответил.

Виом свернулся в нить и погас.

Ромашин и Шевчук смотрели на глазок проектора, словно ждали, что он вспыхнет вновь и Уэрт весело прокричит: «Все в порядке, камрады, маатане все поняли и передают всем привет!»

— Если бы мы еще были уверены, что Мальгин отыщет беглеца... — произнес Шевчук.

Ромашин встрепенулся.

— Не стоит думать о потерянных возможностях. Временная неудача лучше временной победы. Если у Мальгина все получится, как он задумал, и удастся выплыть вслед за Шаламовым или в Горловине, или на Орилоухе, это рационально. Что говорят наблюдатели?

— Молчат. Может быть, все же потревожим СЭКОН еще раз, объясним ситуацию? Пусть кто-нибудь прибудет для соблюдения качества.

— Поздно, — сухо сказал Ромашин. — Мы в цейтноте, и думать, как действовать, поздно, надо действовать. Зонды на Маате уцелели?

— Все пять, передачи вполне чисты... пока.

— В таком случае уходим в Горловину, здесь останется Лютый с облоймой прикрытия. Гони вызов на «Конунг».

Шевчук замешкался.

— В чем дело? — моментально отреагировал Ромашин, от внимания которого не ускользала ни одна мелочь.

— Есть сообщение с Земли, но я не знаю, настолько ли оно важно, чтобы заниматься им сейчас.

— Короче и по существу.

— Некто Марсель Гзаронваль самовольно, без подготовки и уведомления соответствующих служб попытался пройти третий полигон.

- «Ад-3»?! Он что, сумасшедший? Что с ним?
- Сняли с трассы в состоянии грогги.
- В каком месте?
- В зоне информационно-топологической развертки.
- Для непосвященного он еще легко отделался. Кто он профессионально?
- Спасатель из группы курьеров Жостова.
- Что?! Ты понимаешь, о чем речь? Шаламов тоже из группы Жостова и, возможно, встречался с этим Гзаронвалем. Немедленно проверить и сообщить!
- Проверяется, — сказал Шевчук без тени самодовольства; он был умен и надежен, как скала.

На борту спейсера «Конунг», которым командовал Хольгер Сваллинг, похожий на Шевчука, как родной брат, Ромашина ждало сообщение об инциденте на острове Спасения, как его окрестили наблюдатели, где некогда произвел посадку верхом на маатанском корабле шаламовский «Кентавр».

Наблюдатели заметили Шаламова одновременно с маатанским «сторожем» и вынуждены были на своем когге, замаскированном под аппарат «черных людей», предпринять марш-бросок к «храму» вслед за маатанином. Они же смогли помешать «сторожу» в тот момент, когда тот пытался напасть на появившегося в поле зрения «черного человека», не сразу распознав под его видеокамуфляжем скафандр Мальгина. А когда наблюдатели, уничтожив «сторожа», достигли «храма», Мальгин уже проник в здание, не ответив на прямой вызов.

— Так. — Ромашин думал несколько мгновений, просматривая некоторые фрагменты записи еще раз, сел за пульт оперативного выхода. — И вы его, конечно, упустили.

Сваллинг, флегматичный и корректный, сел рядом.

— Не совсем так. Мальгин, как и Шаламов, проник в артефакт... извините, вы еще не знаете изменений в терминологии. Научниками исследовательской дружины с некоторыми оговорками доказано, что все эти «храмы», «башни», «здания» и прочие «постройки» не что иное, как скелеты живых существ.

— С гипотезой я знаком, что за оговорки?

— Похоже, это не совсем скелеты, вернее, по внешнему виду — да, именно скелеты, а внутри у них как будто еще тлеет жизнь. Странная, судя по всему, жизнь.

— А из чего видно, что «храмы» — это все-таки скелеты?

— Машинный анализ показал, что все их пропорции от больших до малых подчиняются закону золотого вурфа¹, как и все живое. Кстати, артефакты, как мы тут их называем, очень сильно «фонят» в пси-диапазоне. Жуть берет, как подумаешь, что это останки живых существ, строителей Стража Горловины, со встроенными в них механизмами мгновенного «струнного» транспорта. Хотя кто знает, может, это и не останки вовсе.

— Научники считают, что они погибли? Или умерли от старости?

— Скорее всего вымерли, но по этому поводу да и по другим тоже идут жаркие споры.

— Но ведь многие, если не все, архитектурные сооружения на Земле также построены с учетом канона пропорций, в том числе и с учетом золотого вурфа, золотого сечения, иконографических норм. Даже древние зодчие тысячи лет назад знали эти законы и создавали потрясающие по красоте архитектурные комплексы, храмы, соборы, церкви. Разве не так?..

— Вы правы, но ни одно сооружение на Земле, какой бы сложности оно ни было, не построено еще и по закону фрактального кластера, это прерогатива только живой природы. Для создания эстетического эффекта человеку этот закон не понадобился, хватило законов более общих.

— Хорошо, оставим эту тему, пусть ею занимаются ученые и другие компетентные службы. Вы не ответили на вопрос, где Мальгин.

— Он в артефакте, имеющем, кстати, несколько прямых выходов на «струну» мембранного типа, а «струны» здесь соединяются наподобие сети метро, уходящей в глубь Горловины вплоть до объекта, который мы назвали форпостом Границы. Возможно, есть выходы и на межзвездные «струны».

— «Храм»... артефакт обследован? Куда делись Шаламов и Мальгин? Ушли по «струнной» сети в Горловину? Прячутся в глубине здания?

¹ В у р ф — бросок (нем.) — термин проективной геометрии, означает четверку точек прямой, обладающих свойством не меняться при конформном преобразовании. Золотой вурф, как и золотое сечение, будучи воплощенным в геометрические формы, производит наибольшее эстетическое впечатление гармоничностью пропорций; в живом золотой вурф заложен изначально как следствие закона выживания более совершенного.

— Если ушли, то найти их практически невозможно, они могут появиться где угодно, в любой точке Горловины, а само здание еще исследуется. Что касается форпоста Границы, то автоматы из его глубин не возвращаются, а люди... глубже двух сотен метров от уровня входа, если судить по датчикам, пройти не удастся, пси-фон возрастает до величин, расстраивающих нервную систему до сильнейших фантомных болей и галлюцинаций. Мы едва не потеряли двух разведчиков... Шаламов и Мальгин исчезли.

Ромашин молча натянул эмкан «спрута», включаясь в интегративную систему связи оперативной группы в Горловине, вылуцывая из памяти базового компьютера те сведения, которыми располагал банк оперативных данных по «серой дыре».

С момента открытия «серой дыры» Шаламовым и его спасения ситуация в Горловине изменилась. Доказав с необходимой и достаточной достоверностью приоритет открытия «серой дыры» за двумя представителями разных цивилизаций одновременно — человеческой и маатанской (хотя социологи и ксенопсихологи отдавали предпочтение землянам «по очкам», потому что Шаламов пришел в себя раньше и обнаружил Стража Горловины), — люди с многократным дублированием передавали свои доказательства на Маат, а так как ответа не последовало, сочли возможным действовать по своему усмотрению.

Маяк маатан, вопивший на весь космос: «Владение Маата. Заходить, исследовать, пользоваться запрещено!» — был выключен, а вместо него установлен бакен с высветом на всех мыслимых диапазонах электромагнитного спектра фразы: «Заповедная зона! Применение в частных целях запрещено! Разрешены только исследовательские работы с чистой экологией». Аппараты маатан, прозванные «дикими сторожами» за их агрессивность в отношении к земной технике, сначала были несколько раз предупреждены, о чем немедленно передавались сведения на Маат, а потом уничтожены. Оставшиеся автоматы, а может быть, и управляемые живыми «черными людьми», стали избегать встреч с земными кораблями, испробовав на них свои излучатели и убедившись в тщетности попыток атак на уничтожение. Но поскольку они все равно оставались опасными соседями с непредсказуемым поведением, земные наблюдатели глаз с них не спускали.

Встречались в Горловине и другие аппараты, не похожие на маатанские и предположительно относящиеся к

орилоунским. Были они странными, иррационально неконтактными, неуловимыми и так же, как и аппараты «черных людей», не отвечали на запросы землян. Как правило, они уходили из-под наблюдения, едва люди обращали на них внимание, и не подпускали к себе никого ближе чем на несколько километров, за редким исключением типа того, что случилось во время проникновения Мальгина в «храм». Исчезали и появлялись в пространстве они бесшумно, как призраки, то есть не оставляли после себя ни ударных ТФ-волн, сотрясающих вакуум, ни «суперструнного тайм-фагового» эха или «шипения», ни электромагнитного излучения, за что их прозвали «фантомами», хотя были они не менее материальны, чем земные спейсеры и когги или маатанские «дикие сторожа».

Выслушав мысленные рапорты командиров ведомых станций и постов, исследовательских баз, разбросанных по узкому пространству Горловины, Ромашин сделал вывод, что его присутствие на борту лидера погранслужбы «Конунг» необязательно, да и на Земле ждало много нерешенных проблем. Пробыв на «Конунге» еще несколько часов и убедившись, что Шаламов и Мальгин действительно затерялись в таинственных недрах форпоста Границы, начальник отдела безопасности вернулся в управление.

Первым, кто встретил его в зале метро, был Джума Хан.

— Что с Климом? — спросил врач, как всегда собранный и как-то особенно серьезный.

Ромашин в двух словах обрисовал ситуацию, добавив, что рад видеть Джуму живым и здоровым. В своем кабинете он усадил гостя в кресло, поколдовал над столом, пробуждая ото сна киб-секретаря, сказал негромко:

— Джума, у меня к вам два вопроса, от точности ответов на которые будет зависеть многое.

У глаз врача СПАС-службы собрались в ироничном прищуре морщинки, но он только молча поклонился. Ромашин искоса посмотрел на его спокойно лежащие на коленях руки.

— Вопрос первый: что случилось между вами и Шаламовым, когда он выбрался из реанимакамеры?

Джума ничем не выдал своего состояния.

— Ничего. Практически ничего.

Ромашин безмолвно смотрел на него.

— Я до него не добежал, — продолжал врач, нахмурившись, вспоминая, и нехотя добавил: — Можете смеяться надо мной, но перед тем, как я... мне показалось, что я вижу внутри Даниила хищного зверя.

— Какого именно? — быстро спросил Ромашин.

— Д-да... в общем-то... — Джума ошеломленно взглянул в его изменившееся на мгновение лицо. — Мне показалось, что это была... странная помесь тигра и крокодила... или варана.

— Продолжайте.

— Это все. «Тигрокрокодил» прыгнул на меня, и... я потерял сознание.

— Спасибо. — Ромашин откинулся в кресле, не сводя взгляда с лица врача. — Это коррелируется с впечатлениями экипажа «Скифа», хотя их видения несколько отличаются от ваших. Второй вопрос: вы хорошо знаете Мальгина?

Джума Хан оторопел, затем усмехнулся, покачал головой, будто отвечая каким-то своим мыслям, выражение затаенной иронии в его лице стало заметней.

— Вряд ли. Хотя суть его характера, по-моему, постиг. Знаете, как его прозвали товарищи по работе и друзья? Человек-да. Он весь в этом определении. Хотя, с другой стороны, если он скажет «нет» — значит, так оно и будет.

— И мне так показалось. — Взгляд Ромашина смягчился, стал задумчивым. — Как говорил Бернард Шоу: «Существует пятьдесят способов сказать слово «да» и «нет» и только один способ написать его». Это изречение в известной мере можно отнести и к Мальгину, его «да» и «нет» словно отлиты в металле.

— То есть? Поясните, пожалуйста.

— Его «да» и «нет» почти не имеют оттенков, они словно написаны, впечатаны в металл раз и навсегда. Недаром он одинок.

Врач покачал головой, колеблясь, будто силясь что-то сказать, но так и не заговорил. Встал, собираясь уйти.

— С какой целью вы спросили о нем?

— Просто хочу знать, чего от него можно ждать. Как вы думаете, что он предпримет, догнав Шаламова?

— Не знаю. Простите, но действительно не знаю.

— И я не знаю, а должен. Едва ли он воспользуется «василиском».

— Вы снабдили его гипнотизатором?!

— Да, а что?

— Если Клим включит его, он погиб! Черт бы вас побрал! — Хан круто повернулся и пошел к двери.

— Вернитесь, Джума, — сказал Ромашин, не повышая голоса.

Врач остановился, бросил через плечо:

— Извините...

— Почему вы считаете, что он погибнет? «Василиск» — не обычный гипнотизатор, он способен усыпить любое живое существо с любым соматическим и генетическим аппаратом.

— И «черного человека» тоже?

— При чем тут «черный человек»? Шаламов биологически и физиологически — человек, гуманоид, несмотря на усиление некоторых качеств и засевшую в генах память маатанского компьютера.

— Дремлющую до поры до времени.

— Пусть дремлющую, но, даже если память пробудилась, она не способна разрушить органы чувств Шаламова.

— Шаламов — оборотень, вы это прекрасно знаете, иначе не поднимали бы панику по поводу его бегства. А если, усыпив в Шаламове человека, вы тем самым разбудите в нем «черного»? Что произойдет? Я уповаю только на то, что Клим удержится от выстрела из «василиска». До свидания.

Джума вышел.

Ромашин, глубоко задумавшись, опустил голову на кулаки.

Во второй половине дня он вспомнил заинтересовавшее его сообщение Шевчука о спасателе по имени Марсель Гзаронваль, который проник на полигон «Ад-3» ради острых ощущений, и что случилось это вскоре после бегства Шаламова из клиники. Связи между этими событиями могло и не быть, но Ромашин обязан был проверить, тем более что Гзаронваль и Шаламов работали когда-то в одной упряжке. Узнав, где находится пострадавший начальник отдела, он за несколько минут добрался до клиники «Скорой помощи» СПАС-центра, занимавшей левое крыло управления.

Гзаронваль лежал в отдельной палате, вернее, сидел перед виомом и смотрел какую-то комедию. Сопровождавший Ромашина врач выслушал доклад автомедика и вышел. Гзаронваль — красивый, мускулистый и загорелый парень с капризным изгибом губ и острым хищным носом — покосился на Ромашина, потом понял, что это не врач, и повернулся к нему лицом.

— У меня один вопрос, — сказал Ромашин, стоя. — Извините, я не представился: Игнат Ромашин.

— Я вас знаю, — кивнул спасатель хмуро. — Не хватало, чтобы мной еще занималась безопасность. Чем могу

быть полезен? Или вас интересует, кто меня пропустил на полигон?

— Это я уже знаю, — спокойно ответил Ромашин. — Вопрос такой: что вас толкнуло на этот странный поступок? Ведь для того, чтобы пройти третий полигон, необходимо закончить курс спецподготовки, в который входит не только оптимайзинг, но и социотренинг, неформальное эс-моделирование, интегральный пилотаж, тень-маскировка, а после этого необходимо еще и пройти проверку на сюрприз-сопротивляемость и стрессовую закалку. Вы понимаете, что могли погибнуть? С чего вдруг у вас возникло столь дикое желание?

— Ничуть не дикое... Мальгин смог пройти «Ад-3», и я смогу.

— При чем тут Мальгин? — Ромашин озадаченно погладил левую бровь.

— Был у меня с ним... разговор.

— Так это с его подачи вы кинулись в омут? — догадался начальник отдела.

— Да, — нехотя ответил Гзаронваль, помолчав.

— А откуда вы знаете, что Мальгин проходил третий?

Спасатель кривовато улыбнулся.

— Слухом земля полнится... Разве узнать об этом сложно?

— Понятно. А с Шаламовым вы давно виделись?

— Да, почитай, с момента его последнего «кенгуру». Вообще-то по графику идти курьером на Орион-6 должен был я, но у меня были... свои... в общем, я попросил Дана, и он согласился.

М-да, насколько все было бы проще, подумал Ромашин, оставаясь с виду бесстрастным, вряд ли этот красавчик стал бы спасать маатанина столь изобретательно, как Шаламов. И не получилось бы этого кавардака с бегством и вынужденными нештатными режимами. Как говорили в старину: *sublata causa, tollitur effectus*¹.

— Спасибо. — Ромашин откланялся. — Желаю скорейшего выздоровления. Извините за беспокойство.

Он почувствовал облегчение и одновременно странное сожаление, что случай с Гзаронвалем не связан с Шаламовым. Правда, не совсем ясной была роль Мальгина в этом деле, но то была уже другая опера, неподвластная партитуре отдела безопасности. Ай да Мальгин! Вот тебе

¹ С устранением причины устраняется следствие (*лат.*).

и тихоня хирург, упустивший жену из рук. Пройти «Ад-3» надо умудриться!

По пути в управление Ромашин зашел в бар, выпив брусничного соку, поговорил с коллегами из погранслужбы, забежавшими в бар «перехватить по капле смысла», и вернулся в отдел. В кабинете его ждала женщина с тонким красивым лицом, бровями вразлет и лучистыми серыми глазами. Он узнал ее сразу — Купава, жена Шаламова. Она встала при появлении Ромашина, молча ожидая его реакции.

Начальник отдела остановился на пороге, глядя женщине в глаза, потом поздоровался, усадил ее в «личном» углу кабинета и сел напротив. Он редко ошибался в оценке собеседника, поэтому, не ожидая ее вопроса, заговорил сам:

— Будем откровенны, Купава. Вы сильная натура, насколько я знаю, и в разговоре с вами не нужно искать путей обхода острых углов. Ничего утешительного сообщить не могу: он жив, но исчез.

— Кто? — шепотом спросила Купава; глаза ее наполнились слезами.

Ромашин опешил, оставаясь с виду спокойным и доброжелательным. Подумал: кажется, она одинаково беспокоится за судьбу обоих. Во всяком случае, ее вопрос явно не о муже... хотя такой паритет мне абсолютно непонятен. Зачем в таком случае надо было уходить от одного к другому? Захотелось проверить свою силу? Чувства? Впрочем, как говорят философы: единственная действительно непрогнозируемая вещь — женская логика.

— Мальгин исчез тоже, — сказал он ровным голосом.

Купава судорожно вздохнула, погладила живот — машинально, прислушиваясь к себе, потом глаза ее затуманило облачко недоумения.

— Клим? Как... исчез? Почему?

— Он участвовал в операции по перехв... поиску вашего мужа. Подробности вам ни к чему. Оба замечены в Горловине... редчайшем астрофизическом объекте, оставшемся от эпохи инфляционного расширения нашей Вселенной... и открытом вашим мужем. Дальнейшее местопребывание их неизвестно, хотя уверен, что они оба живы.

Купава с заметным усилием справилась с собой, улыбнулась сквозь тоску и внутреннюю боль.

— Простите... думаете, я всегда такая... рева?

— Не думаю, — как можно мягче ответил Ромашин. — Все дело в маленьком, так? — Он кивнул на ее живот.

— Вы проникательны. Но я жду не мальчика — девочку.

— Уже есть имя?

— Нет.

— Хотите предложу?

Купава недоверчиво посмотрела в глаза Ромашину, мудрые и всепонимающие, и вдруг поняла, что он далеко не молод, хотя с виду выглядит не более чем на тридцать пять — сорок лет. И еще она поняла, что ее успокаивают — ее, всегда гордившуюся своим самообладанием, с насмешкой относившуюся к любому проявлению женской, равно как и мужской, слабости.

— Спасибо, но все же пусть имя дают ей те, от кого это зависит.

— Резонно, — кивнул Ромашин, скрывая улыбку.

— А хотите в ответ выслушать мою историю? Вы не топнитесь?

Ромашин встал, наклонился над столом, негромко произнес:

— Я занят, беспокоить только в ЧП-режиме.

Сел снова.

И Купава вдруг, неожиданно для себя самой, рассказала ему все о себе и о своих отношениях с Мальгиным и Шаламовым...

Несколько минут он молчал, постукивая по столу указательным пальцем, потом поднял голову. Женщина виновато улыбнулась.

— Никогда не думала, что когда-нибудь вот так... ни с того ни с сего разоткровенничаюсь перед незнакомым человеком о наболевшем... но мне больше не с кем делиться... хотя вру, есть такой человек, отец Клима. Но так уж получилось... извините. Клим как-то сказал, уже после... после нашего разрыва: все проходит, но мы остаемся. Я не верила, что эта простая фраза способна мучить больней, чем физическое страдание, особенно когда понимаешь, что во многом была не права... Что-то словно погасло во мне и вспыхнуло вновь, когда я увидела его глаза и поняла, что он все еще любит и страдает, как никто другой, потому что больше всего мучаются и страдают именно сильные люди, просто это мало кто видит. И у меня появился... есть такой термин в медицине: синдром стресса ожидания, — у меня внутри все заледенело и не тает. А самое страшное — я жду их обоих! И люблю обоих... — последние слова Купава произнесла шепотом, с изумлением и страхом. — Или так не бывает?

— Бывает, — сказал Ромашин. Но недолго. Рано или поздно выбор делать придется, а сейчас они в равном положении... для вас.

— Не знаю... Марс говорит, что оба они любители острых ощущений и не способны... думать о других.

— Кто это — Марс?

— Марсель Гзаронваль, друг Дана, они вместе работали.

Вот это сюрприз, подумал Ромашин изумленно. Снова Гзаронваль! Теперь только в качестве «друга семьи»... Что же это он отзывается о своем друге так нехорошо? Ладно бы о Мальгине, как-никак «списанный» муж, но о Дане?.. Интересная ситуация, надо бы с ним повстречаться еще раз...

— Что молчите? — не выдержала Купава.

— По-моему, ваш Марс не прав, Мальгина никак нельзя отнести к любителям острых ощущений. И относить его в разряд людей, мало заботящихся о других, я бы тоже не стал.

— Разве он не может измениться?

— Он — нет, — покачал головой Ромашин. — Хотя я могу и ошибаться. Вам судить о нем, несомненно, легче.

Тишина повисла в комнате, тонкая и хрупкая, как льдинка на стекле. Ромашин сидел, полузакрыв глаза, и Купаве даже показалось, что он задремал, но губы собеседника вдруг шевельнулись:

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Ромашин вспомнил Есенина!..

Дочитал. Купава сидела не шевелясь. По лицу ее трудно было определить, о чем она думает.

— Клим однажды произнес интересную фразу, — проговорил начальник отдела словно про себя. — В душе каждого из нас сидит свой «черный человек». Понимаете? Не тот, не маатанин — есенинский «черный человек». У него, у меня... у вас тоже. И знаете, какой я сделал вывод? Мальгин, легендарный человек-да, спасший многие десятки жизней, сильный, властный и решительный человек, — раним и незащищен, как никто из нас! И как никто из нас нуждается в поддержке. Но в чем я уверен на сто процен-

тѡв — он никогда ни при каких обстоятельствах не даст себе сорваться, какой бы «черный человек» внутри него не сидел! Он всегда верен себе и, наверное, поэтому так одинок.

Купава покачала головой, порываясь что-то сказать, скорее всего возразить, но так ничего и не ответила.

Они посидели молча еще несколько минут, потом женщина встала. На пороге оглянулась.

— Простите меня еще раз за этот визит и спасибо за терпение, вы мне очень помогли. Я почему-то верю, что вы вернете их... Что касается Клим... до сих пор я была уверена, что сильным натурам не требуется ничья поддержка, вы поколебали во мне эту уверенность. Но я уверена и в другом: Дан тоже сильный человек и не позволит себе нанести вред другим. Марс здесь не прав. Просто Дан болен, вот и все. Клим вылечит его, вы только найдите. До свидания.

Мне бы твою веру, девочка! — с неожиданной тоской подумал Ромашин. Когда личность ломается — это одно, последствия такой ломки предсказуемы и поступки человека легко предугадать, а когда личность раздваивается и не знаешь, маатанин с тобой контактирует, динозавр или человек, — это совсем другое дело. Тогда дело из рук вон плохо! Потому что приходится не только страховаться, но и перестраховываться, шарахаться из крайности в крайность и совершать ошибки, не поддающиеся формализации и расчету...

Над столом всплыло алое кольцо аварийного вызова, пронзительно свистнул сигнал интеркома. Ромашин дотянулся и снял блокировку сенсора ответа.

— Они появились на Орилоухе, — доложил возникший из воздуха дежурный по отделу. — Все трое: Шаламов, Мальгин и «черный человек».

— Где именно?

— Квадрат аш-сорок один-юг, «дефиле духов». Самое загадочное место на планете, по-моему, — добавил дежурный. — Ландшафт там никогда не держится более суток, то и дело плывет и трансформируется.

— Готовьте «струну» на Орилоух. Шевчуку с обоймой усиления прибыть туда же. Тренажу отбой «три девятки» в эфир! От меня только что ушла Купава, жена Шаламова, прошу взять ее под наблюдение. Кто знает, вдруг ее супруг неожиданно объявится на Земле, возможности у него имеются. А для этого случая включите в постоянную готовность тревожную обойму. Все!

— «Три девятки» проиндексированы?

— АА.

— Может быть, «Шторм»?

— Нет, — отрезал Ромашин. — Выполняйте.

Дежурный кивнул, исчезая.

— Держись, Мальгин! — вслух сказал Ромашин, делая шаг к двери. — Все теперь зависит от тебя.

Когда-то состязание в силе и ловкости, открытая схватка с силами зла, кто бы их ни олицетворял — природа или человек, стремительный темп событий были его стихией, способствующей вскрывать резервы организма и полнее почувствовать вкус бытия; теперь же, на шестидесятом году жизни, на «пороге мудрости», как говорили философы, такие схватки расценивались уже как акты отчаяния после проигранной дуэли умов. Безопасник обязан выигрывать бой до его начала, только тогда он специалист своего дела. Правда, если приходится вступать в борьбу с опозданием, как в случае с Шаламовым, когда принципы и правила игры навязываются извне, ультимативно, то времени на обдумывание адекватного ответа почти не остается...

Глава 6

Мальгин напрягся, но не испугался — Шаламов почувствовал это без удивления, как само собой разумеющееся; Клим был не робкого десятка, но чувствовалось, что на душе у него тьма и мука. На мгновение у Шаламова в ответ шевельнулось чувство жалости, желание как-то успокоить друга, однако тут же в голове родилось знакомое ощущение проскочившей электрической искры: щелк! — и волна безразличия потушила желание, как вода — затлевший фитиль.

— Возвращайся, Клим, — глухо сказал Шаламов. — Я вернусь на Землю сам, когда мне будет нужно. Этот «ледяной айсберг» — то же самое, что метро на Маате — Хранитель Пути, только он еще молодой, ему всего несколько тысяч лет. Все они наполовину растения, а наполовину животные плюс интеллект. Когда-то их вырастили Вершители, пришедшие сюда из другого мира, и с тех пор они живут как флорофиты, а функционируют как живые станции метро. На Страже Горловины ты видел их скелеты, там они почему-то не прижились... хотя с ними мне еще не все ясно. Залезай внутрь «горы», ищи «окно» и уходи на Землю.

— А разве они имеют связь с Землей?! — невольно изумился Мальгин. — И никто из людей этого не знает?

— Скелет заглох почвой и распознать его издали очень сложно.

— В таком случае орилоуны посещали Землю?

— Задолго до появления на ней человека, поэтому легенд об их пришествии не сохранилось. К тому же, вероятнее всего, орилоуны сами не путешествовали.

— Что ты имеешь в виду? По крайней мере один из орилоунов — тот же Хранитель Пути — сидит на Маате.

Шаламов почувствовал нарастающее раздражение: время уходило на пустопорожнюю болтовню, игру в вопросы и ответы, разговор затягивался, Мальгин явно тянул паузу — для того чтобы их успели заметить земные наблюдатели, вдобавок «черный человек» начинал приходить в себя.

— На Маате сидит не орилоун, а универсальная транспортная машина, квазиживой организм, созданный или, если хочешь, выращенный орилоунами. Живых орилоунов еще никто не видел, даже маатане, а все «орилоуны», с кем имели дело наши пограничники, ксенопсихологи и контактеры, — это изделия Вершителей, наделенные разумом в необходимых для функционирования пределах. Так что наши специалисты искали способы контакта с «машинами» орилоунов, если их так можно назвать. — Шаламов хихикнул: прорвалась одна из эмоций его бывшего «я». — Есть еще вопросы? Уходи, Клим, ради Бога, мне действительно некогда с тобой возиться.

— Тогда ответь на последний вопрос. — В мысленном «голосе» Мальгина отразилось его возбуждение, волнение, изумление и недоверие. — Значит, на Орилоухе... нет живых орилоунов?!

— Я же сказал — нет.

— А откуда ты знаешь?

— Ты же только что утверждал, что вопрос последний. Знаю, Клим. Как и все маатане.

«Черный человек» рядом шевельнулся. Шаламов переключил диапазон мыслесвязи и быстро спросил по-маатански:

— Маатанин решил покончить с собой? Или хотел по «струне» «серой дыры» уйти в иное пространство? Зачем?

— Я исчерпать моменты бытия, — ответил «черный человек» почти на чистом русском языке. Шаламов даже присвистнул от удивления: в языке маатан не существовало местоимения «я», и говорили они о себе в третьем

лице, а его спаситель вдруг свободно перешел на психический язык, адекватный земному разговорному.

— Ты явно прогрессируешь, старик!

— Мне более тысяча лет, хомо, — продолжал маатанин, не слушая пилота, — и я устал хранить в себе жизнь. Хомо получить представление о цели жизни маатан?

— В самых общих чертах, но хочу разобраться глубже.

— Мне жаль, но я ничем не помочь. Силы иссякают и долго удержать в себе жизнь я не смогу, и это очень опасно для хомо.

— Чепуха, — отмахнулся Шаламов, — не отказывайся от беседы в небезопасной для себя ситуации, ответ лучше на вопрос: зачем ты это сделал?

— Что есть? Точность формулировка вопрос, хомо.

— Сообщил обо мне на Землю зачем?

«Черный человек» помолчал: в мозгу Шаламова всплывали и гасли странные картины, соответствующие переживаниям негуманоида, но что они означали, спасатель не понимал, несмотря на приобретенные знания маатанских обычаев, истории и психологии.

— Хомо знать, что есть обратная связь? Когда он открыл шлюзы компьютера проникателя, я был подключен другая сторона. И теперь я — наполовину хомо...

— Об этом я не подумал. Но все, что ни делается — делается к лучшему, я ведь тоже — наполовину маатанин, хотя меня это беспокоит мало. К тому же есть желание разобраться во всех «складах» памяти вашего компьютера, которые остаются закрытыми для меня до сих пор. Помогите осмыслить их и применить. Зря я, что ли, гонюсь за тобой по Галактике?

— Хомо сейчас есть наполовину маатанин, ему это мало? А стать маатанин он не сможет, как бы ни хотеть, им надо родиться. Хомо быть чужой для соплеменника и не стать свой для маатан, у нас разность цели существования.

— Цель жизни есть жизнь.

— Цель жизни — ничтожество хаоса в пространстве жизни, хомо, а люди способны поддерживать стабильность уровня энтропии только в масштабах оболочки своего тела, увеличив энтропию окружающей среды. И при этом называть себя разумными. Маатане жить иначе.

— Люди разумны, потому что стремятся познать мир.

— Как хомо может познать мир, не познав себя? Ему пора знать смысл маатанской цивилизации: объем используемой информации стремится к бесконечности, и ее принципиальность невозможность ни запомнить, ни освоить.

Зачем тогда? Все связи с хомо — лишность. Не трать время, хомо, у маатан и людей разность цель жизни, им не понять друг друга.

— Но раньше маатанин был вообще некоммуникабелен, и все-таки мы нашли общий язык.

— Кто знать, хомо, можно ли считать этот разговор, мне для общение достаточность один контур память, в то время как я вмещать миллиард такой контур. Люди устроенность проще, их место внизу лестницы эволюции, как и у всех биологические существа.

— Место людей — между богами и зверьми¹, — пробормотал Шаламов. — Маатанин ошибается. Еще раз по-хорошему прошу помочь расшифровать во мне криптогнозу, мне это очень важно.

— Пусть хомо не обольщаться, помочь ему мочь только соплеменники, например, один из них, что приходит ко мне ради хомо. Он рядом, пусть хомо обратиться к он.

— Что?! Мальгин приходил к тебе? Когда? Зачем?

— Он хотел познать маатан, чтобы вылечить хомо. Прощальность, хомо. Я уходить, время мой возвращение в колыбель придти.

— Дан, — послышался извне слабый пси-вызов.

— Что? — очнулся Шаламов, услышав наконец, что его окликают.

— Я спрашиваю, кто построил Стража Горловины? — повторил вопрос Мальгин, ничего не понявший из разговора Шаламова с маатанином.

— Не знаю, — машинально ответил Шаламов. — Его никто не строил, он выращен задолго до появления в космосе Орилоуха и Маата. Снова ты со своими дурацкими вопросами?.. Это правда, что ты был на Маате и встречался с «черным»?

— Правда.

— И что ты узнал?

— «Черный человек» получил отпечаток твоей личности, Дан, и положение его в его мире от этого не улучшилось.

— Чепуха, его положение меняется не от внешних причин, не подходите к маатанам со своими мерками. Так ты узнал, как меня можно вылечить?

— В общем... да, хотя подтекст твоего вопроса явно скрывает иронию.

— Да потому, что никто не знает точно, от чего меня надо лечить. И я не знаю, Климушка. И разговор о моем

¹ Плотин.

лечении излишен. Прощай. Или, как сказал «черный»: прощальность. Вряд ли мы когда-нибудь еще встретимся.

— Ты изменился, Дан. Раньше ты больше думал о своих друзьях... не говоря о Купаве. Неужели ты забыл о ней?

— Шел бы ты к черту! — выругался Шаламов. — Достал-таки! О Купаве я позабочусь сам, не трогайте вы эту тему! Дайте мне разобраться с этим булыжником, возомнившим себя «вершиной эволюции», вот тогда, может быть, и вернемся к старой теме.

Спасатель включил антиграв, устремляясь вслед за «черным человеком».

Он не знал, что Мальгин в это время борется с собой, решая вопрос, включать «василиск» или нет. Время шло, но гипнотизатор так и не был задействован... В последнее мгновение Мальгин, обливаясь холодным потом, заблокировал выстрел и успел скомандовать скафандру следовать за двумя «черными людьми», уносящимися прочь...

Маатанин не свернул к «ледяной горе» орилоунского «живого метро», а направился к стене ущелья, возле которой росла сложнейшая головоломная конструкция, от взгляда на которую в душе пробуждались древние атавистические страхи и тревоги.

— Ваш друг следует за нами, — предупредил Джордж.

Шаламов оглянулся: Мальгин в защитном скафандровом комплексе спасателя — камуфляж под маатанина он выключил — держался в кильватере как привязанный.

— Черт с ним, — буркнул Шаламов. — Я его понимаю: он меня упустил и теперь будет лезть из шкуры, чтобы оправдаться перед безопасностью. Македонский в свое время выразился правильно: избави меня, Боже, от друзей, а с врагами я и сам справлюсь. Будет надоедать — остановим.

— Он вооружен.

— Не имеет значения. Я его знаю, он не способен выстрелить в человека, которого считал своим другом всю жизнь. Так воспитан. Догоняй «черного».

Но догнать «черного человека» они не успели. Впереди вдруг с ревом разверзлась земля, из гигантской трещины выметнулся бешено вращающийся смерч дыма пополам с огнем, все вокруг зашаталось, загрохотало, волна искажения пробежала по ущелью, меняя очертания предметов, скал, строений и конструкций. Ударивший от смерча вихрь увлек Шаламова за собой, закрутил, бросил вниз, едва не разбив о голую поверхность обнажившего-

ся скального дна. А потом на месте смерча вырос жуткий, ни на что не похожий стеклянно просвечивающий призрак, заполненный «рыбьей икрой». Приглядевшись, Шаламов понял, что каждая «икринка» — на самом деле не то птичий, не то человеческий глаз!

В первые мгновения Шаламов опешил и упустил фигуру «черного человека» из виду, но Джордж не сплеховал, выполняя приказ хозяина и не обращая внимания на свистопляску орилоухской природы вокруг. Маатанин вонзился в тело «призрака», превратился в черную струю жидкости, эта струя собралась в каплю и нырнула в растущую трещину в дне ущелья. Джордж замешкался, прежде чем повторить маневр «черного человека», и Шаламов крикнул:

— Вперед, не дрейфь!

— Мы в зоне полтергейста¹, это опасно.

— Вперед, я сказал!

— Предупредите хотя бы вашего друга. Кстати, чую локацию, нас догоняют.

Шаламов оглянулся и увидел, как в ущелье стремительным копьём падает десантный когг.

— Молодцы, быстро нас вычислили. Клим, слышишь меня? Не ходи за мной, нянчиться с тобой я не смогу.

— Я тебе не мешаю.

— Мешаешь! — В Шаламове вдруг на мгновение проснулся некто свирепый, яростно агрессивный; волной поднялся слепой гнев, затмил рассудок. Спасатель тут же опомнился, но Мальгин уже тормозил.

— Так-то лучше. — Шаламов унял поднявшуюся было в голове боль и, не оглядываясь, нырнул в тело танцующего, меняющего форму глазастого «призрака».

Мальгин, беспомощный, потерявший сознание от психического удара, остался висеть в воздухе, не отвечая на тревожные запросы Клауса и командира десантного шлюпа.

¹ Полтергейст — шум, игра духов.

Часть четвертая

НЕЧЕЛОВЕК

Глава 1

Причудливые видения, то жуткие и угрюмые, то сказочно красивые, как танцующие эльфы, посещали его все реже и реже, и наступил наконец день, когда Мальгин проснулся с ясной головой и без тяжести в сердце.

Он лежал один в комнате с распахнутым во всю стену окном, за которым пели птицы и шелестели кроны деревьев, заслонявших солнце. Кровать была нормальной, без видимых медицинских приспособлений, но у стены висел пульт медицинского комбайна, и Мальгин понял, что находится в лечебнице.

Легкий ветерок заносил в комнату запахи свежескошенного сена и меда. Где-то далеко родился странный звук, поющий, нежный, звенящий, легкий, пробудивший древнюю родовую память и ассоциации чего-то патриархально идиллического, вроде вкуса парного молока, рожка пастуха и колокольчика на шее коровы...

Коса, вспомнил Мальгин, кто-то недалеко точит косу.

Ему до зуда в руках захотелось самому взять в руки отполированное руками цевьё и пройтись по лугу, оставляя за собой ровную дорожку выкошенной травы. Он встал, прошлепал в плавках к окну и выглянул.

Так, все ясно, третий этаж клиники СПАС-центра. Неясно только одно, как я здесь оказался... и сколько времени провалялся в постели...

Сзади послышался шорох открываемой двери. Мальгин оглянулся. В палату входил начальник отдела безопасности Ромашин, из-за спины которого выглядывал улыбающийся Джума Хан с букетом полевых цветов.

— Доброе утро, — скупое улыбнулся и Ромашин, протягивая сильную руку. — Как вы себя чувствуете, больной?

— А разве я больной? — Мальгин ответил на рукопожатие и с удовольствием хлопнул ладонью по ладони подмигнувшего Хана. Ему он был рад искренне.

Джума критически оглядел хирурга, ткнул пальцем в живот, вздохнул сожалеюще:

— Отощал малость, кожа да кости...

Все трое засмеялись. Клим напряг мышцы, приподнял врача и положил на кровать.

— Ладно, ладно, убедил, — сказал тот, вставая. — Вижу, что здоров как бык. Рад видеть тебя в форме.

Мальгин сел на кровать, Ромашин и Хан уселись напротив, вырвав кресла из стены.

— Как я здесь очутился?

— А что вы помните? — спросил Ромашин.

Клим нахмурился. Чудовищные метаморфозы орилоухской природы встали перед глазами, удивительный колеблющийся «призрак» смотрел на него миллионом глаз, судорога ломала стену ущелья, а напротив висел «черный человек» — Шаламов, и не хватало решимости включить гипнотизатор...

— Мне показалось, что на меня прыгнул какой-то зверь, — проговорил Мальгин. — Потом вспоминаются всякие кошмары, но это, видимо, уже последствия.

— Нам удалось вытащить вас в последний момент. Едва десант пошел вверх, ландшафт ущелья полностью изменился: на его месте выросло нечто вроде чаши, заполненной кипящей лавой. Подобные трансформации ландшафта вообще характерны для Орилоуха, так что вы чудом остались в живых.

Помолчали. Мальгин никогда не предполагал, что ему на роду написано испытать так много необычных приключений в космосе, далеко от Земли, но он был рад, что выдержал эти незапланированные им самим испытания.

— Что с Шаламовым? Вы его... задержали?

— Нет, ушел, к сожалению. Вместе с «черным человеком». И где они находятся в данный момент, никто не знает. Во всяком случае ни на Орилоухе, ни на Маате, ни в Горловине они не появлялись. Кстати, почему вы не воспользовались «василиском»? — Ромашин покопался на Джуму Хана, который ответил ему таким же косящим взглядом.

Мальгин задумался, потом тихо сказал:

— Мне почему-то казалось, что это... вроде удара в спину. Он не знал, что у меня есть гипнотизатор... а я хотел предупредить, но так и не смог.

— Ты молодец, — заявил Джума убежденно. — Это тебя спасло. Излучение гипнотизатора «переключило» бы личность Шаламова на его альтер эго — второе «я», на личность «черного человека», а тот мог отреагировать гораздо агрессивнее.

— Я в это не верю, — вежливо возразил Ромашин, — но объективности ради приходится признать, что Даниил, видимо, обладает особыми психофизическими способностями. По вашей записи мы расшифровали разговор Даниила с маатанином и выяснили многое из того, что было непонятным до сих пор. У «черного человека» наступил какой-то жизненный кризис, так сказать, «соблазн небытия», он ищет то ли смерти, то ли забвения, а Шаламов жаждет разобраться в запасах маатанских знаний, «записанных» у него в мозгу. Судя по всему, он очень изменился. Если раньше он был просто увлекающейся натурой, бескорыстной и прямой, хотя и не без проявлений беспечности, то после бегства его уверенность гипертрофировалась в самоуверенность, воля — в своеволие, независимость — в авторитарность, решительность и жесткость, и базируется все это на прогрессирующем равнодушии.

Мальгин с недоверием посмотрел на гостя.

— И все эти выводы вы сделали на анализе одного разговора?

— К сожалению, не только. Расщепление личности Шаламова — факт, подтвержденный множеством косвенных улик, и никуда от него не деться. Да, конечно, биологическая основа человека требует физически и психологически напряженной жизни, такими нас вырастила природа, запрограммировала эволюция, но если нормальный человек успешно подавляет агрессивность и хищнические инстинкты, доставшиеся нам в наследство от предков-динозавров, то человек с такими нарушениями мозга, как у Даниила, способен на... в принципе, на все, причем независимо от его желаний, что страшнее всего. Вот почему надо было задержать его. Понимаете?

Любой ценой, понял Мальгин невысказанную мысль Ромашина. Задержать надо было любой ценой... Может быть, он прав?

— Знаешь, Клим, что такое орилоуны? — после паузы нарочито оживленно спросил Хан. — Не кто, а что, именно так. Оказывается, все «живые» организмы на Орилоухе, которых мы считали таковыми и хозяевами планеты вдобавок, на самом деле являются реализациями математических формул, снабженными способностью к размно-

жению и движению. Квазижизнь! А сами орилоуны канули в неизвестность, понастроив в Галактике тысячи станций метро типа тех, что ты видел в Горловине и на Маате. Только на Маате машина метро — тот самый Хранитель Пути — еще жива, а в Горловине остались лишь скелеты, хотя и сохранившие способность к «струнной» связи.

Мальгин кивнул, не особенно удивившись.

— Знаешь, с кем ты столкнулся на Орилоухе? — продолжал Хан. — «Призрак» с глазами — это воплощенное материально множество Мандельброта... — Джума посмотрел на Ромашина и замолчал.

— А Страж Горловины? — против воли поддержал врача Мальгин. — Известно, для чего и кем он создан?

— Со Стражем еще не все ясно. С одной стороны — это искусственный объект, не позволяющий «серой дыре» закрыться, превратиться в частицу микромира, с другой — это узел пересечения древних трас обмена информацией с другими вселенными, — сказал Ромашин, понимаясь глядя на больного. — А с третьей — это самоподдерживающаяся система с полной утилизацией отходов и признаками живого организма. Кем она построена или выращена, не знает не только Шаламов, но, видимо, и сами «черные люди». Клим, у вас свой взгляд на вещи, и ответ ваш может дать разгадку... Меня взволновала одна фраза «черного человека» в разговоре с Даниилом. Маатанин сказал, что его смерть опасна для окружающих. Что он хотел этим выразить?

— Не знаю, — подумав, произнес озадаченный Мальгин. — Темный лес. Извините.

— И я не знаю, — вздохнул Ромашин. — И не узнаю, наверное, хотя чувствую, как это важно.

— Еще узнаете.

— Вряд ли. — Ромашин едва заметно улыбнулся, совсем не так, как улыбался раньше. — Нет возможностей. Я уже не начальник отдела безопасности.

— Что?! — Мальгин не поверил своим ушам. — Не начальник отдела? — Посмотрел на Джуму. Тот отвел глаза.

— Три дня назад решением Совета безопасности отстранен от должности. Такие вот дела.

Клим растерянно перевел взгляд с одного гостя на другого. Джума Хан слегка пожал плечами и кивнул. Мальгин снова посмотрел на Ромашина. Тот сидел спокойно и невозмутимо, будто ничего существенного не произошло. Он был очень сильным человеком, жестким, заряженным на результат, всегда добивающимся поставленной цели, и

Мальгин вдруг подумал, что по контрасту с ним самим этого человека можно назвать «человеком-нет», потому что сам Клим, сказав «нет», мог сделать наоборот, а ромашинское «нет» было незыблемым, как монолит.

— Минутку, я оденусь, — пробормотал Мальгин, доставая из ниши кровати мохнатый халат.

— Послушай, Клим, — начал Джума и не договорил, потому что в палату без предупреждения вошла Купава.

У Мальгина внезапно заложило уши и остановилось сердце, поэтому он пропустил момент, когда Ромашин оглянулся, встал, пожелал ему скорейшего выздоровления и вышел, подталкивая Хана в спину. Очнулся хирург, когда в палате, кроме Купавы, никого уже не было.

Купава, тонкая, стройная, как и прежде, в летнем сарафане, стояла рядом и смотрела на него вопрошающе, строго и в то же время робко, как никогда прежде, и было видно, что держится она спокойно из последних сил, потому что глаза ее в любое мгновение могли пролиться дождем слез.

Мальгин запахнул халат, рука его дрожала. Купава заметила эту дрожь и вдруг подалась вперед, прижалась к нему, спрятав лицо на груди.

— Я дура, да? — слышался ее изменившийся голос.

— Не знаю, — сказал Мальгин, усмехнувшись, обнял ее за плечи, и так они стояли некоторое время, словно пытаясь соединить несоединимое, каждый со своей надеждой, верой и отчаянием. Потом Купава отстранилась. Вопреки ожиданию Мальгина, она не заплакала, глаза женщины сухо блестели, брови, придававшие лицу неповторимый колорит и красоту, были сдвинуты и, казалось, взлетят сейчас птицей со лба, унося ее тоску и муку... непонятную в общем-то муку, так как Мальгин впервые в жизни не смог определить ее причины; во всяком случае, он был твердо уверен, что причина не только в исчезновении Шаламова.

— Мне никто не хочет говорить, где Дан, — сказала женщина непривычно низким от сдерживаемого волнения голосом. — Ты видел его последним. Что с ним?

Мальгин неожиданно успокоился, стремясь зажать сердце в холодных тисках рассудка. Подумал: не прав был древний философ, утверждавший, что разум — это возбужденное сердце. В жизни все наоборот: возбужденное сердце — это полное отсутствие разума. Держи себя в руках, мастер, не поддавайся очарованию несбыточных надежд и эмоций.

— Садись, успокойся, — сказал он, придвигая ей кресло; сам сел напротив на кровать. — Дан... ушел вместе с «черным человеком». Куда — неизвестно. Но я уверен, он жив.

— А мне сказали, что ты его...

Мальгин потемнел от гнева. Купава испугалась.

— Я не верю, конечно, все это чепуха, но... ты вернул-ся, а он... прости, Клим.

Хирург подождал, пока кровь отхлынет от щек и перестанут дрожать пальцы на руках, сцепил руки на колене.

— Снова Гзаронваль, узнаю почерк. Можешь не отвечать, я и так знаю. Не думал, что ты можешь быть такой неразборчивой в выборе друзей. Это же... низкий и подлый человек!

— Не смей о нем так... — Купава заговорила с вызовом, но тут же сникла, в голосе прозвучали нотки горечи. — Мои друзья — это друзья Дана, а врагов у него не было... если только... А Марсель... он хороший парень, только самолюбив немного... ты его плохо знаешь.

— Достаточно, чтобы понять его. Он ведь по сути травмирует нас друг на друга. Подумай об этом на досуге.

Мальгин вдруг с пронзительной остротой понял ее состояние: Купава была непередаваемо, чудовишно одинока, если искала утешения даже у такого человека, как Марсель Гзаронваль! Всю свою жизнь привыкшая к лидерству, созданному и культивируемому ее красотой и умом, привыкшая ко всеобщему поклонению, она пыталась доказать, что не зависит ни от кого и ни от чего и всегда способна принять самостоятельное решение, сделать так, как хочет сама. И уход-то ее к Шаламову был, вероятно, попыткой доказательства полной независимости и самостоятельности, хотя жизнь всегда с успехом доказывала обратное. А теперь, неожиданно оказавшись в ситуации, когда потребовались истинное мужество и решительность, умение переносить удары судьбы, Купава растерялась, и не оказалось рядом никого, кто помог бы ей обрести уверенность. А к одиночеству она готова не была...

— Я не враг даже врагам своим, — улыбнулся Мальгин. — Не помню, чей это девиз, но могу под ним подписаться. — А Дан — мой злейший друг. — Он снова улыбнулся. — Друг, а не враг, как, вероятно, хочет доказать тебе твой Марсель. Ну да Бог с ним. Дай мне только чуть-чуть прийти в себя, и я доставлю тебе Дана живым и невредимым.

— Правда? — Взгляд Купавы был так откровенно и красноречиво недоверчив, что Мальгин опять пережил приступ острой головной боли.

— Правда.

В палату вошел врач, знакомый Климу по первому посещению клиники СПАС-центра: он же лечил и Джуму Хана.

— Извините, пациенту необходим покой.

Купава встала, несколько мгновений смотрела на Мальгина сияющими глазами и вышла. А потом вдруг вернулась, сказала: «У нас дочь, Клим», — и дверь бесшумно закрылась за ней.

Судорога боли снова вонзилась в голову хирурга, лишая воли и спокойствия. Любовь и ненависть, тоска и радость, лед и пламя смешались в его душе в кипящую болезненную лаву, вывели из равновесия, заставили смеяться, и плакать, и шептать странные слова, непонятные никому, кроме него самого.

— Ну-ну, сейчас все будет в норме, — бормотал врач, укладывая Мальгина на кровать и задвигая над ним невесть откуда взявшийся прозрачный колпак процедурной камеры. — Я, кажется, поспешил с разрешением посещения, не все они несут положительные эмоции...

Последним видением Клим был абстрактная фигурка ребенка с громадными черными — в пол-лица — глазами, в которых застыли непонятная угроза и вопрос...

Солнце уже встало, пронзив сосновый бор на противоположном берегу копьями оранжевого света, но до речного плеса, над которым стлался туман, его лучи пока не доставали. Вода в заводи была тиха и прозрачна, она еще спала и едва заметно вздыхала, шевеля листья кувшинок.

Мальгин поправил удилище и снова уставился на поплавок, грезя с открытыми глазами. Перед мысленным взором проплывали вереницы призрачных лиц, каких-то бесформенных фигур, картин природы чужих планет, но ни одно видение не затрагивало душевных центров и не заставляло волноваться и переживать заново приключения вдали от Земли. Природа вокруг была так чиста, идиллически тиха и безмятежна, что тревогам дня не дано было пробиться к человеку сквозь эту хрупкую на первый взгляд броню, защищавшую его душу не хуже любой лечебной психологической блокады. Отец знал, что делал, предлагая сыну отдохнуть в лесной глуши, вдали от цивили-

лизации, суеты и скорости, вечных забот, не оставляющих человеку времени на осмысление собственных желаний и устремлений.

Уже два дня Мальгин жил с отцом в заповеднике на берегу Десны, установив палатку в красивейшем сосновом бору, рядом с густым малинником, обещавшим в то лето невиданный урожай малины. Они почти не разговаривали, понимая друг друга без слов, а старик был не только умным собеседником, но и хорошим психологом, зная, что нужно сыну после сильных потрясений, дозу которых никто не регулировал. Он старался не мешать Климу, отвлекая его от созерцания природных красот, только лишь когда приходило время обеда и ужина, и не заговаривая с ним без нужды. Вчера вечером он сказал:

— Ты изменился...

Мальгин улыбнулся, не отрывая взгляда от пляшущих языков пламени костра.

— В какую сторону?

Отец закричал, устраиваясь на боку, подбросил в костер сухих полешков.

— Пока не знаю. Раньше ты, во всяком случае, не колебался, принимая какое-то решение, даже самое пустяковое. Ты знаешь, что у Купавы дочь?

— Знаю, Дарья.

— Она сказала, что ребенок твой... и, значит, мой внук.

Мальгин промолчал, замороженный колдовством пламени. Он мог так просидеть всю ночь.

Старик поворочался, бормоча что-то про себя, покрывая, пошевелил хворост, огонь высветил его лицо с резкими чертами, углубленными резцом теней.

— Я предложил ей жить у нас...

Молчание.

— Она сказала, что подумает. Тебя это не интересует?

Клим посмотрел на отца, словно только сейчас услышав его слова.

— Отец, давай о чем-нибудь другом. У нее есть муж...

— Какой он ей муж, — буркнул Мальгин-старший. — Ему бы только приключений побольше... да и если бы он был настоящим мужем, то прежде подумал бы о ней, а не о...

— Отец!

— Что «отец»? Ты тоже хорош! Вы оба с ней — два сапога пара, не ведаете, что творите. Как можно быть такими глупцами? Ведь значит, вы до сих пор не разобрались в себе, если не можете порвать связи. Главное, что вы

любите друг друга, но как-то... эгоистично, что ли, самолюбиво, не считаясь с обидами...

— Я счета обидам не веду.

— Вот-вот, не ведешь, но не ведешь-то своим обидам, а речь об обидах другого. Ты когда наконец поймешь, что нельзя всю жизнь оставаться прямым и твердым, как скала? Когда научишься определять границу компромиссов? Любовь — самый великий и древний из них, неужели еще не понял?

Мальгин молчал.

Отец еще повздыхал и затих. Костер продолжал потрескивать, играть оранжевыми и фиолетовыми язычками огня, одобряя все, о чем думал созерцатель и что творилось в его душе. Он тоже был хорошим собеседником...

С другой стороны лодки плеснула рыба, Мальгин очнулся, машинально потрогал на груди золотистого «паучка» — не потерялся ли?

— Вам придется поносить вот такую штучку, — сказал ему врач, вручая нечто вроде небольшого значка в форме десятиногого плоского паучка. — Это «филер» — анализатор состояния, он будет записывать ваши биопараметры в течение дня и в случае накопления отрицательных данных напомнит, что вам необходимо зайти в клинику. Если же все будет нормально, приходите через три-четыре дня, и я сниму прибор.

Мальгин снова погладил почти неощутимый значок, приклеившийся к коже над сердцем, и вспомнил еще об одном приборе, который вручил ему Ромашин. Бывший начальник отдела безопасности застал его дома буквально перед отъездом в Придесноевье.

— Простите, что я незванно, не помешаю? Я всего на одну минуту.

Клим сдержанно пожал протянутую руку, познакомил гостя с отцом и пригласил его в свой «грот», как называла гостиную Купава: видеопласт комнаты создавал непередаваемую иллюзию пещеры с «наскальными рисунками» и закопченным потолком, причем иллюзию с эффектом законченности и уюта. Ромашин огляделся без удивления, а может быть, хорошо скрывал его и сел на «лежак» в углу, в меру твердый, но удобный. Хозяин сел напротив на «плоский камень», чуть подрегулировал освещение.

Знание того, что Ромашин отстранен от должности за «превышение полномочий и служебного положения» плюс «преувеличение степени опасности одного человека для всего общества», заставляло Мальгина держаться с изряд-

ной долей вины и сочувствия. Операция по задержанию Шаламова в системе Маата свела на нет усилия комиссии коммуникаторов и по сути сорвала контакт с «черными людьми», а также едва не привела к человеческим жертвам. И хотя компетентная подкомиссия СЭКОНа не нашла в действиях Ромашина корыстных побуждений, ему было рекомендовано найти другую работу. Что он выбрал, какую профессию, Клим еще не знал.

— Собираетесь на природу? — спросил Ромашин; под глазами у него собрались иронические морщинки, словно он догадывался, о чем думает собеседник.

— Да вот, еду порыбачить на Деснянские плесы с отцом, он старожил тех мест и знает заповедник как егеря и лесник.

— Завидую, право слово. С удовольствием отдохнул бы денек-другой на лоне природы, вдали от суеты... хотя от дома до поймы Днепра — пять минут лета на любом транспорте.

— Поедьте с нами, — великодушно предложил Мальгин, учинив над собой насилие, но готовность его не могла обмануть такого опытного психолога, как Игнат Ромашин.

— Спасибо, и рад бы, но не могу, нет времени. Замаливаю грехи в экспертном секторе отдела безопасности. Работы много, и она неожиданно интересна, хотя и весьма специфична... Да вы не переживайте за меня, Клим, ей-богу, вы в этом не виноваты.

— Если бы я догадался поработать на эм-синхро, Даниил не ушел бы из института, и ничего не случилось бы...

— Нет, все правильно, бегство Даниила послужило только катализатором остальных действий, спусковым механизмом... да что вы все об этом да об этом.

— А кто теперь во главе отдела? Шевчук?

Гость покачал головой.

— Нет, новый человек, вы его не знаете.

Помолчали, присматриваясь друг к другу. Потом Ромашин покопался в кармане рубашки и протянул Климу, как показалось на первый взгляд, ажурную золотистую змейку.

— Вам придется некоторое время поносить на голове эту машинку, она легкая.

«Машинка» оказалась почти невесомой: тоненькая дуга с двумя сеточками и блестящими иголочками.

— Что это?

— «Защитник», персонком со спецпрограммой. Другими словами — контур защиты от пси-излучения в широком диапазоне волновых ритмов. Настроен на ваши ритмы.

— Зачем? — Клим тяжело посмотрел на гостя и встретил его прямой, без тени смущения или колебания взгляд.

— Чтобы отразить пси-выпад наподобие того, которым вас наградил Шаламов.

Мальгин некоторое время перебирал в пальцах красивую вещицу.

— Почему вы уверены, что мне это пригодится?

— Я не уверен, но береженого Бог бережет. Мне кажется, Шаламов вернется, а вам... надо беречь Купаву.

— Вы считаете, что он?..

— Не знаю, просто хочу исключить неожиданные повороты ситуации, может быть, если угодно, перестраховаться. Обычный-то человек, как правило, и тот непредсказуем, так что говорить о Данииле?

Мальгин вдруг вспомнил разговор с Ханом, вскинул голову:

— А орилоунское метро на Земле еще не нашли? Если верить «черному человеку», орилоуны строили... или вырощивали свои трансгрессы на всех планетах, перспективных для появления разума.

— «Черному человеку» верить можно, он не способен лгать биологически, вернее, генетически. Выявлены уже десятки звездных систем, где были установлены станции метро, и все они стоят на планетах, где или была когда-то жизнь, или есть в настоящее время, но без носителей разума. На Земле орилоунский вариант трансгресс-метро пока не найден, хотя поиски велись не слишком тщательно, да и то лишь в Антарктиде. Решено проверить и Северный Ледовитый океан. — Ромашин легко встал. — Извините, Клим, мне пора идти. Вы наденете «защитника»?

Мальгин тоже встал, все еще поглаживая ободок прибора, наконец проговорил:

— Надену.

— Спасибо. Если неожиданно появится Даниил, дайте мне знать. Хочу поговорить с ним, и вовсе не из-за нехватки острых ощущений, просто он мне симпатичен, хочу предостеречь его от необдуманных поступков. Впрочем, решать вам...

Мальгин погладил невидимую под волосами скобу «защитника», плеснул в лицо воды и сделал глоток. Клевать перестало, пора было сматывать удочки.

— Кли-им! — раздался из тумана близкий зов. — Клим, отзовись!

— Слышу, — отозвался Мальгин. — Что случилось, па? Завтракать вроде еще рано.

— Греби к берегу, к тебе гости.

Сердце замерло, потом ухнуло вниз и забилось часто и сильно, пока Мальгин не успокоил его привычным усилием аутотренинга. Подумал: если Купава — придется просить отца увезти ее...

Но это была не Купава.

Глава 2

Ромашин уже достаточно хорошо ориентировался в сплетениях коридоров и транспортных линий Института внеземных культур и лабораторию фантом-моделирования нашел за несколько минут.

Обстановка лаборатории была совсем простой: странный белоствольный лес заполнял ее всю, оставив свободным только небольшой пяточок посередине, над которым висела угрюмая, многоугольная бугристая глыба «черного человека», голого, без нижней металлической «кольчуги». Каждый ствол «дерева» на уровне чуть выше человеческого роста начинал ветвиться и под потолком превращался в густейшую паутинную шапку, срастающуюся с другими такими же. Изредка в этой «паутине» высверкивали желтые и оранжевые огоньки, некоторые из них мигали.

Ромашин равнодушно окинул взглядом «зимний заснеженный лес» — конечно, это был никакой не лес, а система эффекторов комплекса моделирования, снабженная тысячами датчиков системы измерения, — и прошел к свободному пространству в центре лаборатории.

У стены за «кустами» конформных аппаратных стоек он увидел краешек пульта, почти скрытого широкими спинами работников лаборатории; мужчины были одеты в синие полукомби, женщины — в белые халаты. Еще трое мужчин стояли у неподвижного «черного человека» и спорили. Шум в лаборатории стоял изрядный.

Игнат кашлянул.

Мужчины оглянулись. Один из них, толстый, с короткой шеей и лысиной на полчерепа, шагнул навстречу:

— Ромашин? Мне передали, что вы звонили утром. Коллеги, потише, пожалуйста... Извините, со временем у меня туго.

— У меня тоже.

— Прекрасно, пару минут можем поговорить. Идемте в совещальник. — Толстяк махнул рукой собеседникам. — Не меняйте условий, я сейчас вернусь.

Он открыл незаметную дверь в стене справа и вошел первым.

«Совещальник» оказался рабочим кабинетом заведующего лабораторией, оборудованным по последнему слову оргтехники и эргономики. Видеопласт кабинета показывал пейзаж Орилоуха: пляж, усыпанный крупными кристалликами соли, черная лента «реки» — реки на Орилоухе были асфальтовыми, — испещренная голубыми трещинами стена льда за рекой и несколько пушистых белых шаров, плавающих в воздухе.

— Проходите, — махнул рукой хозяин. Короткая борода а-ля «варяг» не могла скрыть два его подбородка и выглядела приклеенной, как деталь маски. — Я Герхард Маттер, ксеноэксперт, исполняю обязанности заведующего лабораторией, сам он находится в данный момент в Горловине «серой дыры». Итак, слушаю. Что вас интересует? Кстати, как вас звать?

— Игнат, — подал руку Ромашин, сел, кивнул на видеопласт. — Давно занимаетесь Орилоухом?

— Второй год. Бездна интересного! Можно работать по Орилоуху всю жизнь и все равно до конца не размотать этот клубок тайн и загадок.

— Но сейчас вы, насколько я знаю, работаете с Маатом.

Маттер пожал круглыми плечами.

— Не с Маатом, а с маатанином. Лаборатории дали задание проанализировать информацию, полученную разведчиками на Маате. Тоже, скажу я вам, масса непонятного и загадочного.

— За этим я и пришел — услышать мнение компетентного человека о «черных людях».

— А мнения еще нет, — всколыхнул в улыбке свои подбородки ксеноэксперт. — Я имею в виду — официально выверенного мнения группы. Анализ еще не закончен, а данные противоречивы.

— Хорошо, поделитесь личным мнением, клянусь здоровьем не использовать его как базу умозаключений нашей фирмы.

Глаза Маттера весело блеснули.

— В таком случае, пожалуйста. Первое и главное: лично я считаю, что цивилизации маатан вопреки общепри-

нятому мнению не существует. Впрочем, как и цивилизации Орилоуха.

Ромашин, не справившись с изумлением, смотрел на собеседника. Тот засмеялся с удовольствием, тряся животом, мягкими плечами и руками, каждая из которых была размером с бедро нормального человека.

— Что, озадачил? Думаете, соригинальничал для эффекта? Ничуть. Поясняю, в чем суть утверждения. Любой безопасник должен быть в известной мере социологом и знать, что культура — это приобретенная разумным существом способность ставить любые цели вообще. Так вот, похоже, что «черные люди» не имеют целей! Накопление энергии не есть цель разумного существа, а именно это и имеет место у маатан. Более того, внегенетическое и внесоматическое знание у рядового маатанина составляет всего лишь две десятых процента от всего запаса информации. Вдумайтесь в эту цифру — две десятых процента! Вам это о чем-нибудь говорит?

Ромашин подумал.

— Дайте собраться с мыслями... честно говоря, вы меня сразили! Вы хотите сказать, что почти весь объем информации маатане получают генетическим путем, при рождении?

— Именно! Хотя термин «рождение» — не совсем правилен. А это значит, что их так называемая «цивилизация» — фикция! Они не развиваются, и то, что каждый из нас получает в процессе обучения за день, маатане получают за полтора года! О какой культуре может идти речь при таком методе познания мира? Складывается впечатление, что «черные люди» знают лишь себя и кое-что, очень мало, об окружающем мире. Хотят знать, но не пользуются информацией, вот в чем парадокс!

— У вас есть факты, подтверждающие этот вывод?

Маттер шлепнул громадной ладонью по столу.

— Могу представить. Хотя точно такие же факты имеют и ребята на «Эдипе-2», которые со мной, естественно, не согласны, особенно теоретики-ксенопсихологи. Они видят только то, что желают видеть, и в основном живут по закону Майерса: если факты не подтверждают теорию, от них надо избавиться.

Теперь улыбнулся Ромашин, а смеялся он редко.

— Вы не жалуете коллег.

— Только тех, кто делает вид, а не работу. Вы же знаете тезис: если кто-то морщит лоб, это еще не значит, что он думает. Но будем справедливы, среди них есть и

талантливые ученые, блестящие аналитики и огнози-сты.

— Вернемся к «черным человекам». Кто же они тогда, если у них отсутствует интеллект? Животные, наделенные сложным инстинктом, который мы принимаем за разум?

Маттер почесал бороду.

— Вопрос прост — ответ на него сложен. Интеллект-то у маатан есть, такой примерно, как у наших инков, но.. он в них вложен, понимаете? Так же как у тех же наших инков. Эволюция разума вообще невозможна без развития органов действия, таких, скажем, как рука человека. «Эволюции мозгов», так сказать, «чистого ума» не существует, и маатане — тому пример: они не эволюционируют. Тело маатанина — поликристалл. в котором трехмерная пространственная периодичность строения нарушается в двух измерениях, то есть это кристаллы с так называемыми несоизмеренно модулированными структурами, а их оболочка, «кожа», имеет «запрещенную» в кристаллографии симметрию — оси пятого порядка! В этом есть свой парадокс: подобные нарушения могут быть только у живых существ, и поэтому маатане — биологические объекты, но... — Маттер развел руками, — в остальном они — физические «растворы» нервной системы в кристаллической структуре, опять же подобно нашим киб-интеллектам. И еще менястораживает обстоятельство, что маатане интенсивно аккумулируют энергию, почти не расходуя, создают внутри так называемые «зоны с максимально возможным деФизитом энтропии».

— Почему это вас беспокоит?

— Не беспокоит —стораживает. Я не знаю, зачем это им надо. Никто из наблюдателей и специалистов по контактам еще не видел, чтобы маатане использовали накопленную ими энергию в каких бы то ни было целях. Никто! И никто не наблюдал смерти «черного человека». А ведь это как-то противоестественно, а?

Ромашин промолчал. Эксперт смотрел на него, выпятив толстые губы, словно решал: может ли продолжать и говорить дальше. Игнат оценил его скепсис.

— Ваши сообщения многое меняют. Признаюсь, я ошеломлен, хотя считал, что знаю маатан достаточно хорошо. Вы можете поделиться своими соображениями с Климом Мальгиным?

— Кто это?

— Тот самый разведчик, который добыл информацию о маатанах непосредственно на Маате. Он нейрохирург, готовится к операции...

— Кажется, я слышал эту историю. Шаламов? Такая, мне помнится, фамилия у того парня, что получил информацию маатанского компьютера.

— Совершенно верно, Шаламов. Сейчас он... м-м.. вышел из клиники, но вряд ли удастся обойтись без операции. Так что ваша информация будет весьма ценной для врачей, для Мальгина в особенности. Я пришлю его к вам, если не возражаете.

— Ради Бога, о чем разговор, буду рад помочь.

Ромашин встал, поколебался немного, но все же задал вопрос, ради которого он и пришел:

— Скажите, Герхард... маатане могут стать... не врагами, но опасными для людей?

— В каком смысле? — выпучил глаза Маттер.

— В прямом. Могут ли их внутренние императивы — равнодушие и агрессивность — возобладать в их поведении? Превратить их в злобных, не знающих жалости и доброты существ?

Эксперт покачал головой.

— Тут я пас. Их внутренние мотивы для нас пока — черный ящик, ларец за семью печатями. Сами знаете половицу: чужая душа — потемки, а тут речь идет о «душе» негуманоида...

— Понятно. Спасибо за консультацию.

Оставив озадаченного толстяка-эксперта в лаборатории, Ромашин лишь по дороге к метро вспомнил, что забыл спросить Маттера об Орилоухе: почему ученый приравнял маатан и орилоунов? Невооруженным глазом видно, что «черные люди» отличаются от неуловимых орилоунов, как журавль от крокодила. Что имел в виду эксперт?

— Послушайте, Игнат, — сказал негромко Лондон, останавливаясь перед дверью в свою квартиру; дверь утратила твердость, свернулась валиком вверх, хозяин пропустил гостя в прихожую. — Мне кажется, ваше участие в деле Шаламова не ограничивается рамками теперешнего служебного положения. Как эксперт отдела вы можете только консультировать оперативников, но ни в коем случае не решать проблемы сами.

Ромашин прошел в гостиную, огляделся, не пряча любопытства, как обычно.

Майкл Лондон жил в стандартном этажно-ступенчатом модульном доме типа «гроздь винограда» с прихотливым

расположением квартир-«виноградин»; квартира Лондона венчала «гроздь» на головокружительной высоте в триста метров и была открыта всем ветрам и горизонтам. Дом стоял на окраине Колорадо-Спрингс, в центре древнего экопарка, и с его «крыши» можно было целый день любоваться живописным пейзажем, включающим в себя реки, скальные ансамбли, величественные каньоны, прерии и дикие леса.

Квартира нового начальника отдела безопасности состояла из четырех комнат, жил он с женой и дочерью, уже взрослой самостоятельной особой, хотя самому ему пошел всего тридцать восьмой год.

Из «глубоких ниш» великолепных стереофотографий, которыми были увешаны стены гостиной, смотрели на гостя дикие звери: волки, медведь-гризли, барс, гиена, росомаха, тигры и львы. Причем все они стояли к фотографу анфас, а некоторые — рассерженные, с угрожающим оскалом — явно готовились к прыжку. Мастерство фотографа было очевидным: хищники казались живыми.

Лондон принес по бокалу прозрачного, янтарного напитка, протянул один Ромашину, отпил глоток.

— Нравится?

— Отменно! — пробормотал Игнат, пригубив. — Кто фотограф?

Хозяин сел в кресло, выдолбленное из целого пня секвойи, отпил напитка, ткнул себя пальцем в грудь.

— Увлекаюсь с детства.

— Инцидентов не было?

Лондон задрал рукав рубашки, обнажив мускулистую руку с несколькими беловатыми зажившими шрамами.

— Таких украшений у меня много. Но вы же знаете: охота пуще неволи. Так все-таки, Игнат, вы не ответили на вопрос. Почему вас так волнует судьба Шаламова?

Ромашин, не отвечая, выцедил напиток, поднял брови.

— Черт возьми, это же сбитень!¹

— Совершенно верно, сбитень, рецепт родителей жены. С удовольствием пьет вся семья. Итак?

Ромашин покрутил в пальцах бокал и поднял на хозяйина спокойные глаза:

— Он опасен, Майкл. Проанализируйте весь объем информации, случай с экипажем угнанного им спейсера, с Джумой Ханом, с Мальгиным, а главное, поговорите с ксенопсихологами, изучающими маатан. Шаламов — на-

¹ С б и т е н ь — древнерусский напиток из меда, мяты и хмеля.

половину «черный человек», психика его расщеплена, и этот процесс...

Лондон поднял ладонь, Ромашин замолчал.

— Я все это уже анализировал, Игнат, и не только я — крупнейшие эфаланитики отдела и погранслужбы, и наши мнения совпали: да, Шаламов может стать оборотнем, химерой, соединяющей в себе черты «черного человека» и землянина, но он не может стать нашим врагом — нет причин. Понимаете? Нет ни объективных, ни субъективных причин. Ведь даже настоящие «черные люди» не являются врагами людей.

Ромашин покачал головой.

— Вы не учитываете нюансы, Майкл. Конечно, Шаламов не враг нам, ни вообще, ни кому-нибудь конкретно, но... он не всегда способен контролировать свои поступки, как раньше, до катастрофы. Что бы ни утверждали врачи, психика его нарушена серьезно, восприятие им действительности не может быть адекватным, он уже в большей степени начинает мыслить категориями маатан, а много мы знаем о «черных» — что они считают для себя нормальным поведением? Может быть, для них смерть землянина — нормальное явление, исключительно полезное с точки зрения энтропийного равновесия. Именно поэтому Шаламов должен быть изолирован, хотя бы на время изучения его возможностей и попыток лечения.

Лондон улыбнулся, и Ромашин, как Мальгин когда-то, оценил эту улыбку, отражавшую вторую, скрытую во время официальных деловых разговоров и напряженной служебной деятельности натуру начальника отдела: мягкую, деликатную, великодушную и тактичную. Ромашин признался в душе, что по внутренним качествам в чем-то уступает этому человеку, не признающему за собой особых достоинств и не претендующему на исключительность. И вместе с тем мягкость Лондона хорошо сочеталась в нем с высокой требовательностью и упорством. Во всяком случае, убеждений своих он не менял и если уж решил что-то по-своему, то решил.

— Хотите еще сбитня? Предпочитаю его остальным фирменным напиткам, хотя люблю и кока-колу, и солинт. Хмель и мяту собирала дочь в прошлом году, а делает напиток жена, она у меня русская, Катя.

— А дочь как назвали?

— Акулина. Жена настояла. — Лондон вздохнул.

Ромашин засмеялся.

— Вы предлагали другое имя?

— Вообще-то я хотел сына, хотя уже знал, что будет дочь. Но поверите, все теплилась надежда, что медики ошибаются. Кстати, вы осведомлены, что предложил врач «Скорой» Джума Хан?

Ромашин замаялся на мгновение, а у Лондона собрались вокруг глаз веселые морщинки.

— Да.

— Результатов еще нет?

— Просчитаны обе Америки, Южная и Северная, Австралия и Африка, остались Европа и Азия. Вряд ли орилоунский трансгресс отыщется на территории Европы, слишком уж хорошо она изучена, остается Азия. Ждем. Что вы еще хотели у меня спросить?

Ромашин помолчал немного. Было воскресенье, выходной день. Лондон, конечно, удивился, когда Игнат попросил его встретиться, но виду не подал. Жена и дочь, очевидно, не обрадовались тому, что супруг и отец остается дома, но привыкли ко всему. Зря пришел сегодня, подумал Ромашин, мог бы потерпеть до понедельника, человек и так отдыхает редко...

— Майкл, вы верите в интуицию?

Лондон снова прищурился, изучающе глядя на гостя.

— Верю.

— Тогда установите наблюдение за женой Шаламова. У меня нехорошее предчувствие, что Даниил вот-вот появится на Земле.

Хозяин посмотрел на окно сквозь бокал красного стекла, встал и принес еще напитка. Сказал стоя:

— Игнат, вы на двадцать лет старше меня и намного опытней, я всегда уважал вас и прислушивался к вашему мнению, когда мы работали вместе — вы в службе Б, я в погранслужбе, — но не все то, что подходит вам, подходит мне. Извините. — Лондон с сожалением развел руками. — Я слеплен из другого теста и чту принципы, заложенные в меня с детства. К тому же вы сами, да и СЭКОН в первую голову, не дадите мне санкции на наблюдение. Нет причин.

Игнат полузакрыв глаза.

— Принцип у нас один: безопасность людей.

— Да, вы правы, и все же...

— Я понял.

— Извините еще раз, обидеть вас я не хотел, просто так думаю. Но мы сделаем все, что следует сделать в создавшемся положении. Обещаю советоваться с вами по каждому... — Начальник отдела не договорил, с панели

«домового» — домашнего координатора, декорированного под древнеафриканскую маску, кузнечиком прострекотал вызов.

— Включай, — скомандовал Лондон автомату.

Панель превратилась в окно виома, из которого выглянул дежурный североамериканского СПАС-центра:

— Майкл, вам «две семерки» по треку¹.

— Причина?

— Разве ваши мудрецы сообщат? Но я понял, что речь идет о какой-то жутко необычной находке.

Лондон оглянулся на Ромашина, тот встал.

— Орилоун?

— Похоже на то. Где именно, Джо?

— Русский север, полуостров Таймыр. Больше ничего не знаю.

— И на том спасибо. Идемте, Игнат. Кажется, интуиция вас не подвела. Да и моя меня тоже, иначе я не остался бы дома.

Обменявшись понимающими полуулыбками, они вышли из квартиры и поднялись к причалу дежурных машин, где Лондона всегда ждал скоростной куттер.

Глава 3

Сложена была Карой великолепно. В своем таитянском парео, загорелая до бронзового свечения, она казалась Мальгину Алкменой, дочерью царя Электриона, чья исключительная красота заставила даже Зевса обратить на нее внимание.

Плавала она бесшумно и надолго уходила в глубины заводи, словно поддразнивая хирурга, пугая его своей смелостью. Мальгин лежал на берегу, покусывая травинку, и думал о том, что наряд женщин не должен быть вызывающим, намек на тайну всегда интереснее и привлекательнее; полное откровение всегда интимно и редко не возбуждает самого примитивного желания, но Карой и в парео не вызывала у Мальгина вожделения, лишь восхищение и невольное легкое волнение.

Они позавтракали у костра вместе с отцом Клима, выпили по кружке вкусного чая, пахнущего дымком, малиной и чабрецом, потом Мальгин-старший отбыл на лодке

¹ Трек — тревожный канал; «две семерки» — вызов по тревоге общей степени, когда счет идет на секунды.

вниз по течению, скрылся за излучиной реки. Карой предложила искупаться и позагорать, и Мальгин, в душе забавляясь непосредственностью женщины, своей растерянностью и ожиданием неизвестных, но приятных событий, первым полез в воду.

Говорили они мало, ограничиваясь в основном междометиями и малозначащими замечаниями. Клим испытал мимолетное разочарование, когда вместо Купавы увидел на берегу Карой. Но теперь уже не жалел, что его одиночество — отец не в счет — получило пробоину.

— Что вы на меня так смотрите? — спросила девушка, выходя на песчаную отмель и стряхивая с волос капли воды.

Мальгин отвел взгляд от ее точеной загорелой груди с маленькими темными сосками и подвинулся на махровой простыни. Карой села, потом легла навзничь, зажмурясь и подставляя лицо солнцу.

— Господи, как хорошо!

Мальгин тихо засмеялся.

Карой открыла глаза.

— Что вы смеетесь?

— Просто так. Рад, что вы нашли меня... хотя час назад готов был убить на месте всякого, кто пожелал бы нарушить мой покой.

— Я это заметила. И все-таки вы не ответили на вопрос. Когда я выходила на берег, вы смотрели на меня, как...

— Бальзак.

— Нет.

— Македонский.

— Я не то хотела сказать, а вы, кстати, Клим Мальгин, и им останетесь, хотя что-то от Македонского в вас, пожалуй, есть. — Карой оценивающим взглядом окинула поджарую фигуру хирурга. — Нет-нет, не напрягайте мышцы, я уже поняла, чем вы похожи — шрамами на груди.

Мальгин снова засмеялся, с удовольствием.

— Благодарю за столь лестное сравнение, но есть еще одна вещь, которая объединяет меня с великим Александром: упрямство. Знаете, о чем я подумал, глядя на вас?

— Честно?

— Вполне. Вы — копия Алкмены, жены Амфитриона, красота которой опьянила Зевса до такой степени, что он три дня и три ночи...

— Не продолжайте. — Карой задумчиво разглядывала лицо Мальгина. — В результате их встречи родился Ге-

ракл, так? Я хорошо помню эти мифы, они интересны тем, что женщины в них равны мужчинам почти во всем. Поцелуйте меня...

Мальгин, замерев, долгое мгновение смотрел в глаза Карой, постоянно меняющие цвет от желто-рыжего до черного, наклонился и поцеловал ее в полуоткрытые, пухлые, необычайного рисунка губы. Отодвинулся.

— Еще, — прошептала она с закрытыми глазами.

Клим вздохнул, покачал головой, сказал коротко:

— Хан.

— Что? — Карой изумленно распахнула глаза.

— Джума узнает, — серьезно сказал он. — Вызовет на дуэль и убьет, я его знаю.

Она не ответила, снова закрывая глаза и отворачиваясь. Несколько минут прошло в молчании.

— Вы обиделись? — негромко сказал Мальгин, укладываясь рядом и тоже подставляя лицо солнцу; по сравнению с Карой он казался не загорелым.

— Знаете, что мне в вас нравится? — проговорила женщина. — Не поверите.

— Простота.

— Не гадайте, у вас это плохо получается, к тому же вы очень непростой человек, Мальгин, хотя и очень открытый. Вы интересный собеседник, прекрасный специалист, хороший организатор, смелый и решительный человек, и прочее, и прочее, но меня тянет к вам просто как к мужчине. И я не могу этому противиться. И не хочу. Не верите?

— Почему, верю, — сказал Мальгин, чувствуя легкий эйфорический звон в ушах, словно от избытка кислорода. — А как же Джума?

Карой резко привстала, повернулась к хирургу, как разъяренная тигрица, на Клима глянули бездонные черные омуты. Он опасливо отодвинулся.

— Извините, Карой, я не хотел... честное слово, больше не буду.

— С Джумой у меня все иначе, хотя вряд ли я смогу объяснить как. Помните у Блока? «Принимаю тебя, неудача, и удача — тебе мой привет...» Джума — моя неудача, и не надо было напоминать мне о нем, я думала о вас...

Мальгин не дал ей договорить, поцеловал еще раз и не отпускал, пока она не задохнулась. Пробормотал:

— Есть такой закон: с пола упасть нельзя. Лично я захожусь на полу, и падение мне не грозит. А вам?

– Мне тоже – В глазах Карой сквозь изумление, гнев, вопрос, растерянность и колебания пробился опасный блеск взаимопонимания.

– Тогда следуйте за мной. – И Мальгин пополз по траве к шалашу, сделанному из лещины и осоки. Эйфорический звон в ушах усилился, перекрывая нудный шепот внутреннего «контролера», думать не хотелось ни о чем и ни о ком, кроме лесной феи, принявшей облик Карой и глядящей ему вслед с радостью и недоверием. Тогда он встал, вернулся и подхватил ее на руки...

Карой улетела в полдень, вызвав по рации видеобраслета из ближайшего поселка загородный пинасс.

– Презираешь? – сказала она с пленительной улыбкой, вглядываясь в лицо Мальгина, стоя вплотную к нему.

– Нет. В противном случае пришлось бы презирать себя. Все непросто, и... не знаю, как назвать... вообще надо бы начать с анализа своих эмоций, но я и так себе верю... Пусть все идет как идет, не надо уточнений... Мне придется многое переосмыслить и кое-что решить... хотя я и рад этому.

– Решай, Мальгин. Мне тоже надо многое переоценить, и прежде всего в себе. Может случиться, что в результате наших переоценок мы больше не встретимся... Но если я позову, ты... придешь?

– Приду, – тяжело обронил Мальгин.

Женщина засмеялась, легонько поцеловала его в подбородок и нырнула в хрустальное нутро пинасса-такси. Аппарат бесшумно взмыл в небо и, тотчас превратившись в золотую точку, пропал.

Пойду спать, подумал Клим, почитаю немного – и спать...

Он стоял несколько минут лицом к небу, ни о чем особом не жалея, собрался было достать книгу и в это время заметил, что в небе снова засияла звездочка. Пинасс возвращался?.. Однако это оказался другой аппарат, не Карой.

Этот был оранжевый, класса «три крыла», и принадлежал спасательной службе. Из кабины на траву выбрался Джума Хан, подходя, помахал рукой. Мальгин почувствовал укол совести и неприятный холодок в груди: если бы Джума прилетел на минуту раньше, он застал бы Карой, хотя сам Клим и не был инициатором встречи. Что было бы, прилети врач десятью минутами раньше, говорить не приходилось.

— Привет, путешественник, — скупое улыбнулся Джума (по-ромашински, подумал Мальгин). — Что-то выглядишь ты бледновато, не по погоде. Не любишь загорать?

— Не успел да и гости отвлекают. Только что от меня улетела Карой.

Джума поднял брови, в глазах его мелькнула хмурая отчужденность.

— Карой? Это любопытно.

Они некоторое время смотрели друг на друга, проверяя впечатление и реакцию, но Мальгин закрылся «наглухо», и прочесть, что творится в его душе, Джуме не удалось.

— Не возражаешь, если я посижу с тобой полчаса? — Врач «Скорой» огляделся. — Благодать-то какая...

Клим надул два матраса и улегся в тени клена — одного из редких лиственных деревьев среди сосен и елей. Джума расстегнул рубашку и пристроился рядом.

— Как здоровье?

— Нормально. Я здесь уже третьи сутки отдыхаю и не думал, что это так приятно после покорения пространств. В суете и обыденности бытия как-то мало задумываешься над философскими проблемами, смыслом жизни, над своим местом в системе отношений в межчеловеческом пространстве. А ведь жизнь — это лишь пауза между рождением и смертью, антракт между двумя сценами, как сказал бы Ваня Заремба, завзятый театрал. Каждый заполняет эту паузу сам, в меру таланта и способностей, не рассчитывая терять, рассчитывая только приобретать. По молодости лет я все считал, что мои потери зависят не от меня, а только от внешних обстоятельств, а теперь вдруг понял: я, и только я, виноват в том, что терял. Хотя, в отличие от поэта, с потерями не согласен.

— Это хорошая формула, я, пожалуй, возьму ее на вооружение. Но ведь не всегда точно знаешь, что твои лучшие побуждения могут обернуться потерей. Например, будучи женатым человеком, я неожиданно вывел другую формулу: не целуйте спящих жен, они пугаются.

Мальгин подумал.

— Это наводит на размышления.

— Вот именно.

— Если жена пугается, она не уверена, кто ее поцеловал...

Джума засмеялся.

— Примерно так же рассуждал и я, и в результате — Карой ушла. Так что, как видишь, я далеко не идеал.

А вообще всерьез вести такие разговоры трудно, тем более с умным собеседником.

— Согласен. В каждом из нас сидит свой «черный человек», ждет своего часа, и бороться с ним порой просто нет сил.

— Тебе ли плакаться, мастер? По-моему, до сих пор ты справлялся со своим «черным человеком» успешно. Это Шаламову труднее, а нам с тобой не пристало жаловаться при наличии мощных сдерживающих систем. Я не узнаю тебя, Клим.

— Я сам себя не узнаю, — пробормотал Мальгин.

Где-то в лесу послышался шум, словно кто-то на бегу застучал по стволам сосен. Такой звук Мальгин слышал впервые, на ум пришло слово из лексикона Бажова: голк... По лесу гулял звонкий, светлый, деревянный голк...

— Дятел, — сказал Джума Хан, прислушиваясь. — Лупит по сухой сосне. Ты уже знаешь, что орилоунский трансгресс, о котором упоминал маатанин в разговоре с Шаламовым, в Антарктиде не найден?

— Мне говорил Ромашин. Решено вести поиски и в Северном Ледовитом океане. Но и там его вряд ли найдут.

— Сведения от самого Ромашина?

— Конечно. А твой?

— Из первых рук. Я уже не стажер отдела безопасности, а рядовой оперативник.

— Поздравляю, если только выбор твой обоснован. Как и Оскар Уайльд, я тоже люблю мужчин с будущим... и женщин с прошлым.

По лицу Джумы прошла тень. Он поколебался немного, потом все-таки спросил:

— Клим, можешь не отвечать, если вопрос покажется чересчур личным, но все ж: чем объясняется визит к тебе Карой?

— Скукой, — ответил Мальгин, наблюдая за гаммой чувств, отразившейся последовательно на лице собеседника: интерес, ожидание, недоверие, облегчение.

— А насчет поисков орилоунской машины, — продолжал Мальгин, — я посоветовал бы искать ее иначе: дать задание большому инку СПАС-центра покопаться в ПОБах¹, содержащих всю подробную картографию Земли вплоть до дна океанов и морей, и проанализировать формы рельефа, близкие к геометрии орилоунских зданий, причем не толь-

¹ ПОБы — проблемно-ориентированные банки данных.

ко живых, но и мертвых, то есть скелетов, как на Страже Горловины.

Джума неожиданно рассмеялся. Клим поднял брови, не понимая причины веселья. Бывший врач толкнул его в плечо:

— Не обижайся, просто мы с тобой действительно схожи по складу ума. Эту идею я уже предложил Лондону.

— Кому-кому?

— Это новый начальник отдела вместо Ромашина, работал в погранслужбе, потом заведовал Североамериканским филиалом Б. Мужик толковый. Говорят, он прямой потомок Джека Лондона, и хотя я в прямую генеалогию не верю, он действительно похож на Джека, почти как две капли воды.

Мальгин вспомнил слова Купавы и проговорил:

— Передавай ему привет. Джек Лондон — один из самых любимых моих писателей, его циклы рассказов, как северный, так и южный, можно перечитывать всю жизнь. Я благодарен ему за то, что он был, а судьбе за то, что она позволила начать изучение литературы с его «Конца сказки» и «Прибоя Канака».

Джума молча вскинул руку в прощальном жесте и полез в кабину.

— Подожди, — вспомнил Мальгин. — Ты-то с какой целью нашел меня в этой глуши?

Новоиспеченный безопасник придержал дверцу машины.

— Во-первых, я соскучился; во-вторых, Ромашин просил передать, что твоей расчетливости предстоит экзамен в самом ближайшем будущем.

— Поясни, не совсем уразумел.

— У слона расчетливость шесть тысяч орфографических вариантов, но смысл всего один. При появлении Шаламова ты должен рассчитывать каждый свой жест, и это время не за горами. Он вернется на Землю, одиночество — не его удел, потому что он все-таки не совсем «черный человек». И еще учти, что он способен трансформировать внешность.

Хан захлопнул дверцу пинасса, прошелестев обшивкой по кустам, и скрылся за верхушками деревьев.

День померк.

Джума улетел озадаченный, а может быть, и уязвленный — если понял значение визита Карой, неожиданного лишь для него; Мальгин-то его ждал, чего уж там греха таить, хотя ждал и другой встречи, которой он одновременно боялся, как удара в спину. Он боялся Купавы, по-

тому что не мог гарантировать собственной твердости и дружески ровного к ней отношения; он боялся ее, потому что давно простил, но не простил самому себе; он боялся, потому что любил ее до сих пор, хотя и казалось ему иногда, что это чувство слабеет, размывается, как рисунок акварелью под дождем. И не потому ли так легко ему было с Карой? Женщина была независима, свободна в решениях и поступках в той же степени, в какой он был несвободен. Господи, зачем же формулу: нет любви без препятствий — возводить в ранг абсолюта?..

Мальгин очнулся: из лодки на него вопросительно и странно смотрел незаметно подплывший отец.

— Ты что-то сказал, па?

— У тебя сегодня день приема гостей? Кто это был?

Заноза тревоги с этим вопросом вошла в сердце Клима и так там осталась, пока он умывался, собирал вещи и одевался.

— Па, я должен идти, извини. Есть неотложные дела. Не сердись, ладно?

— Жаль, — тихо, с грустью сказал старик. — Как я могу на тебя сердиться? Береги себя.

— Спасибо за два прекрасных дня, два вечера и две ночи. Я отдохнул так, как не отдыхал никогда в жизни. Мы еще порыбачим с тобой, обещаю.

Старик прижал его к себе, уколов небритым подбородком — он никогда не брился на природе, отращивал бороду, — пробормотал:

— Ты изменился, Клим...

Мальгин поцеловал его в темную от загара шею и пошел, не оглядываясь, к их туристскому пинассу.

Заремба вошел в кабинет в тот момент, когда Мальгин собирался выключить связь с Гиппократом: он успел узнать все институтские новости и раздумывал теперь над тем, за что браться в первую очередь.

— Привет директору, — сказал молодой нейроконструктор; руки, как всегда, в карманах, на лице непробиваемая безмятежность, в глазах любопытство. — А Богдан говорил, что ты выйдешь только в августе.

— А я еще не вышел, просто заглянул ради интереса. Гиппократ сообщил, что ты успешно сделал сложную операцию на *ganglion spinale*¹. Поздравляю.

¹ Спинномозговой узел — ганглий (*лат.*).

Заремба небрежно отмахнулся.

— Не стоит поздравлений, я могу делать и более сложно.

Мальгин засмеялся.

— Ты не меняешься. Как дела у Стобецкого?

— У него тоже ничего не меняется: работает, бурчит, каждую неделю ходит в театр с новой дамой. Лучше расскажи, где ты пропадал, — вдруг жадно сказал Заремба. — А то слухи ходят один страшней другого. Где Шаламов? Что там у вас произошло?

На миг в душе Мальгина шевельнулось дремлющее раздражение, он отвык от манеры поведения Зарембы, парень так, наверное, и не избавится от амикошонства, не научится тактичности самостоятельно, надо бы позаниматься с ним, хотя чувство такта, деликатность и галантность, очевидно, должны быть врожденными, генетически запрограммированными. А их планируемое приобретение в зрелом возрасте — процесс длительный и не всегда результативный...

— Какие слухи ты имеешь в виду? — спросил Мальгин, снимая эмкан и приглаживая волосы.

— Говорят, ты дрался с Шаламовым, но тот превратился в «черного человека» и удрал на Орилоух. А еще говорят, что ты стрелял в него...

— Кто говорит? — наливаясь яростью, сипло спросил Мальгин.

Заремба испуганно отступил, в замешательстве потрогал верхнюю губу.

— Да ребята из неврологического, Стоун, Роб, Жека...

— А они откуда знают такие подробности? Что у них за источник информации?

— Не знаю точно. — Заремба пожал плечами. — У Роба приятель в СПАС-центре, может, он?

— Имя приятеля не помнишь?

Молодой нейрохирург засмеялся, преодолевая внутренний трепет: он никогда не видел у товарища таких глаз — в них плавилась ненависть и угроза.

— Ты будто ведешь допрос... Имени приятеля Роба я не помню, спроси у него сам. Так ты расскажешь о своих приключениях?

— Расскажу. — Мальгин взял себя в руки; он уже понял, откуда ветер дует, информатором Роба, равно как и Купавы, мог быть только один человек — Марсель Гзаронваль, мстивший ему подобным образом. — Позже расскажу. Не обижайся, Иван, я еще не совсем здоров, и мне вредно волноваться.

Заремба торопливо закивал.

— Все понял, прошу прощения, Клим, но смотри — ты пообещал. Моя помощь не понадобится?

— В чем? — усмехнулся Мальгин через силу. — Спасибо за сочувствие, обойдусь. Таланов у себя?

Заремба как-то странно посмотрел на него.

— Тебе разве ничего не говорили?..

Мальгин молча взглянул на коллегу, и тот снова почувствовал себя неуютно.

— На Совете академии Таланов снял с себя обязанности директора и взял месяц отдыха. Мотивировал тем, что не предусмотрел последствий пробуждения Шаламова и тем самым подверг риску ни в чем не повинных людей.

Вставший было Мальгин снова сел.

— А Гиппократ этого мне почему-то не сообщил... странно... Что Богдан собирался делать?

— Сказал, что будет согласен с любым назначением, и Совет принял решение поменять вас местами. Так что ты теперь — без пяти минут директор. Ты разве не расслышал, как я тебя приветствовал?

— Думал, ты, как всегда, шутишь.

Мальгин медленно и глубоко вздохнул и так же медленно выдохнул: в голове тонко задергал-запульсировал сосудик, и тотчас же ожил «филер» на груди — его писк был слышен только хозяину.

Такой новостью можно свалить и здорового, подумал Клим, а я еще действительно не в форме. Бедный старикан, что ему пришлось пережить! Он ведь на самом деле всю жизнь будет считать себя виновником случившегося, и доказать обратное невозможно, уж такой он человек. Если уж вбил себе в голову какую-то идею — обухом не выбьешь. Кремьень... Дредноут!

Последнее слово Мальгин произнес вслух.

— Кто? — не понял Заремба.

Мальгин очнулся.

— Я, конечно. Не обращай внимания, это эвфемизм. Ты, пожалуйста, иди, Иван, мне надо побыть одному. Не говори, что я в институте, не хочу паломничества, хватит с меня и твоих расспросов.

Хирург подошел, похлопал его по плечу и вышел, несколько разочарованный тем, что не смог целиком удовлетворить своего любопытства. Однако быстро примирился с неудачей и тут же переключил внимание на новый интерес. Мальгин невольно позавидовал легкости его характера, сам он был слеплен из другого теста.

На груди снова зашелся писком «филер».

— Слышу, слышу, не нервничай, — буркнул хирург. — И без тебя ясно, что мне необходима консультация.

Он позвонил Купаве, не включая обратной связи, полюбовался на крошечное существо в колыбели, возле которой топтался робот-нянька с немыслимым набором игрушек, и вызвал отдел безопасности УАСС.

Глава 4

Уже после второго путешествия по «струнным» трассам, связывающим Орилоух с «живыми» станциями метро на других планетах, Шаламов ощутил потребность делиться с кем-нибудь своими открытиями. «Черный человек», которого он не отпускал, таская за собой в качестве гида, живого справочника и просто собеседника, замкнулся в себе и все реже отвечал на вопросы, а скафандровый микрокомп не годился для роли сопереживателя и товарища, его забота не распространялась на душу хозяина. И тогда снова вернулась мысль посетить Землю и забрать с собой Купаву. Это был бы самый благодарный слушатель и сопереживатель из всех возможных, включая даже ученых-ксенопсихологов, а уж что показать Купаве — Шаламов знал.

Первый прыжок с Орилоуха после схватки с чужим автоматом, из которой Даниил вышел победителем, впервые воспользовавшись «универсалом», занес его в иную галактику, на планету, где царствовала электрическая жизнь. Ничего в ней не поняв, Шаламов стартовал снова и оказался за пределами местного скопления галактик, в которое входили и Туманность Андромеды, и галактики в Волосах Вероники, и Галактика, давшая жизнь Солнцу.

Орилоун-метро, выбросивший спасателя с «черным человеком» на поводке, с первого взгляда был установлен на небольшом по космическим масштабам скалистом планетоиде, изъеденном порами, как головка сыра. На самом же деле планетоид оказался чудовищным скелетом жившего некогда существа! В поперечнике скелет-планетоид достигал шестисот шестидесяти шести километров! Сам Шаламов, наверное, никогда не догадался бы, что это такое, новость сообщил ему маатанин, взволнованный на короткое время. Потрясенный спасатель долго не мог прийти в себя от неожиданности, бродя по «внутренностям» монстра, но не верить «черному человеку» не мог,

маатане не были способны на ложь, да и на творческую фантазию тоже.

Исполин давно был мертв, сотни тысяч лет, но трансгресс-метро на нем работало исправно, как ни в чем не бывало, хотя от старости само превратилось в «скелет».

Не найдя на «труп» ничего достойного внимания, Шаламов отправился дальше и вышел на Орилоухе, в незнакомом районе. Снова нырнул в «струну» мгновенной транспортировки и вылез под водой неизвестно где...

Потом были десятки голубых, красных, желтых солнц, гигантов и карликов, с планетами и без них, вращающихся вокруг черных дыр и нейтронных звезд, в шаровых скоплениях, в эллиптических, спиральных и не имеющих определенной формы галактиках. Однажды Шаламов вышел из метро, выращенного в системе квазара, и в течение суток любовался грандиозной картиной горящего обломка праматерии, сохранившегося с момента Большого Взрыва Вселенной.

А потом идущий внутри Шаламова процесс распада психики достиг той стадии, когда включение памяти «черного человека» стало уже не раздражающим, а приятным фактором, хотя сам Даниил не понимал, что при этом состоянии озарения сопровождается устойчивым безразличием ко всему, что еще так недавно казалось интересным и волновало душу. Вспыхивающее восхищение быстро сменялось равнодушием, интерес к новым ощущениям гас, разгорался ненадолго и снова потухал; человеческая психика все еще боролась за власть внутри Шаламова, но силы были уже неравны — подсознание, принадлежащее маатанской психике, постепенно подчиняло сознание, и таявшему человеческому «я» все труднее было контролировать поступки хозяина. Спасти личность Шаламова могла только немедленная операция.

Вернулись головные боли, появилась тяга к обычной человеческой пище, несмотря на то что спасатель не был голоден, приспособив организм к прямому поглощению энергии, как это делали «черные люди».

Спустя неделю с начала путешествия Шаламов заметил, что за ним следует тот самый непонятный орилоунский автомат с «миллионом глаз», с которым он столкнулся еще на Страже Горловины, когда гнался за сбежавшим маатанином. На запросы «глазастый» фантом не отвечал, только смотрел, а когда Шаламов брался за пистолет — исчезал, словно понимая, к чему это может привести. Однако исчезал ненадолго, на час-два, чтобы потом выскользнуть из

ниоткуда, как стеклянная змея, и превратиться в зыбкое полупрозрачное облако со множеством живых, внимательных, вразнобой мигающих глаз.

На вопрос Шаламова: что это такое? — «черный человек» ответил коротким: «Было всегда», — но пояснять свой ответ не стал. В конце концов спасатель привык к необычному преследователю, будто к детали пейзажа, и перестал обращать на него внимание: «глазастый» был безвреден и представлял собой, скорее всего, автомат-наблюдатель.

Почувствовав, что ему становится хуже, Шаламов решил серьезно поговорить с маатанином: многое из того, что всплывало в сознании из хранившихся в памяти запасов маатанских знаний, оставалось непонятным, хотя спасатель уже знал главное: кто такие маатане, как возникла их «цивилизация», что такое Орилоух и для чего создан Страж Горловины. Но оставались «темными» знания, передаваемые маатанами из поколения в поколение и не используемые ими в повседневной жизни; вот они-то и будоражили остатки человеческого любопытства Даниила. Ему казалось, найди он ответ на все загадки — и его болезнь прекратится сама собой, или он сможет вообще вылечить себя сам, без помощи хирурга Мальгина и земных врачей, поэтому Шаламов наконец перестал метаться по неизвестно кем созданной сети мгновенного масс-транспорта и попытался разговорить молчаливого «черного человека», полного непонятной тоски и скорби.

Вышли они в угрюмом дождливом мире с низкими, зеленоватыми тучами, нависшими над серо-коричневыми, рябыми от дождя водоемами и голой скалистой почвой, черной и блестящей от пленки воды.

Джордж определил, что вода в этом мире насыщена целой смесью кислот от серной до плавиковой, и Шаламов вынужден был вернуться в сухой грот метро: глазастый орилоунский автомат остался висеть снаружи — видимо, погода ему нравилась.

Шаламов уже знал, что «черные люди» не имеют имен, хотя это и не мешало им различать друг друга, но для определенности называл «своего» маатанина Отшельником.

— Послушай, старик, — просигналил он мысленно, свободно переходя на маатанский. — Я, конечно, мог бы оставить тебя помирать, коль уж тебе приспичило, но все же войди в положение, мне тяжело носить в себе драгоценный груз, не зная, как и где его можно применить. Откуда пришли ваши хозяева, Вершители, как ты выражаешь-

ся, я понял, но зачем они оставили вас одних? Да и орилоунов тоже? Бросили за ненадобностью или рассчитывали вернуться? И почему тогда не вернулись? Ведь прошли уже тысячи лет, если не миллионы.

— Маатане давно перестать быть теми, кем их создали Вершители, и хозяев у них нет.

— Обиделся? А с виду камень камнем. Ладно, мне все равно непонятно, зачем эти самые Вершители прорвались в нашу Вселенную из своей, сотворили вас, орилоунов, колоссальную систему мгновенного перемещения, охватившую десятки галактик, и ушли. Кстати, ты на самом деле не знаешь, что это за «мешок с глазами» сопровождает нас?

— Так было всегда. Сначала появились они, потом Вершители. Сделать Орилоух. Орилоуны создать нас... мы искусственные существа.

— Ну, это я знаю. М-да, понятно... что ничего не понятно. Как хоть выглядят Вершители? Ты их видел?

— Они везде и нигде, они могут быть всем и ничем, от атома до звезды, они принимать любой облик...

— Ну-ну, не пересказывай только всю свою религию, я сыт ею по горло. Похоже, вы деградируете, Отшельник, вас хватило только на то, чтобы создать религию, а запасы знаний, добытые для вас Вершителями, вы умудрились запихнуть в себя и забыть про них. Зря я тебя таскаю за собой, плохой ты помощник, а гид и вовсе никудышный. Кто бы мог заглянуть мне в башку и выпустить на волю все, что там записано?..

Шаламов вздохнул. Его мутило, голова раскалывалась от боли, хотелось принять душ, выпить молока и лечь спать в чистую, благоухающую свежестью постель, хотя, с другой стороны, он отлично знал, что ни в чем таком не нуждается.

— М-да, вахлак ты, Отшельник, прости меня, Господи! Сколько в тебе запасено информации — а поговорить не о чем.

— Не видеть смысла, хоמו.

— Зато я вижу, дубина ты стоеросовая! Мне на Землю надо, хочу забрать с собой... свою половину, а ты не хочешь помочь.

— Что значит «свою половину»? Ты — не есть целое?

— Не поймешь. Она поможет мне, да и вдвоем веселей будет. Как туда добраться? Можно ли нащупать канал связи с метро на Земле?

— Попросить орилоуна, он доставит тебя, куда надо.

— А разве орилоунские метро соединены не случайным образом?

— Это не есть рационально. Каждый соединиться с каждым.

Шаламов присвистнул.

— Ну и дурака же я сваял! Надо было раньше сообразить. Что ж, лучше поздно, чем никогда. В таком случае поехали домой. И не возражай, не поможет. Побудешь гостем, покажу Землю, нашу жизнь. Ведь тебе все равно, где помирать?

— Снова хома упоминать этот странное понятие «помирать», хотя я и понимать, о чем идти речь. В лексиконе маатан нет такое понятие, и, если маатанин терять интерес к жизни или исчерпать лимит бытия, это не значит, что он хотеть собраться «помирать».

— Отшельник, не надо выкомурировать, нагнетать страсти вокруг маатанской смерти, ваша «философия» мне известна. Я мог бы вообще с тобой не церемониться, зная, кого спас у Горловины, а я, как видишь, еще довольно вежлив с тобой.

— Хома, твоя половина во мне заставить меня много переосмыслить, и я тоже не мочь поступать так, как поступить бы на мое место любой маатанин. Но все же ты не знать, как умирать маатанин. Это опасно для всего твои сопленники, не только для ты один. Еще ни один маатанин не умирать в эта Вселенная. При достижении предела бытия в нас просыпаться вторая целевая программа, и мы уходить в тот мир, откуда придти Вершители. Мой срок близок очень, весьма, сильно, я должен уходить, не задерживать меня. Да!

— Подождешь, — буркнул осоловевший Шаламов. — Отпущу, когда объяснишь все, что я храню в своем сейфе. — Спасатель шлепнул себя ладонью по затылку. — Кстати, почему ты полез в Горловину? Разве ваше собственное маатанское метро, этот ваш Хранитель Пути, не мог доставить тебя Вершителям? Или куда ты там собрался?

— Нет остаться только два, может быть, три живой орилоун, способностью к выводу в иную вселенную через «серую дыру», да и то они больные и мочь необратимо трансформировать уходящего.

— Посмотрим. Любопытно будет взглянуть на мир Вершителей, да и на них самих. Первым делом я спрошу, чего им у нас было надо. Пришли, покрутились, бросили своих слуг и ушли. Ну что, вперед? Кстати, наш «глазастый»

призрак-преследователь, кажется, отстал наконец. Послушай, Отшельник, а что, если я спрошу у него, он может?

Маатанин не ответил.

Пожав плечами, Шаламов, подбадривая себя, пропел дурным голосом: «Где над омутом синее тонкий лед, там часочек погошу я, кончив лет»¹, — и нырнул в открытую дверь чужого метро.

Боль внезапно отступила, сменилась волной возбуждения, и Шаламов, с трудом пробившись из внутренностей метро наружу сквозь забитый песком, грязью и льдом выход, даже засмеялся, увидев над головой темно-синий купол неба с полосой Млечного Пути.

— Слава Богу, дома! Слышишь, Отшельник? Красиво у нас, на Земле? Кажется, вылезли мы где-то в северных широтах, в зоне мерзлоты.

— Я плохо видеть, у вас сильно темнота.

— Извини, я забыл, что ты видишь в другом интервале спектра. У вас, на Маате, тоже не очень-то светло, с моей точки зрения. Теперь держись, я буду действовать по своему усмотрению. Рано или поздно нас, конечно, засекут, поэтому действовать надо быстро, не хочу я объяснений с властями. Одно хорошо, что ты есть не хочешь и на горшок не просишься, это великое преимущество маатан перед людьми.

Понял ли «черный человек» грубоватый юмор Шаламова, неизвестно, но возражать не стал. При свете звезд на фоне земного пейзажа — тундра, край озера, приземистая березовая роща неподалеку — маатанин выглядел настолько необычно, что Шаламов возблагодарил Его Величество Случай за прибытие в полночь. До утра они успеют найти транспорт и упрятать бесформенную глыбу вместе с ее «гнездом». «Черный человек», конечно, не ведьма на метле, но встреча с ним любому нормальному человеку может стоить сердечного приступа: что издали, что вблизи — нечистая сила, да и только!

Шаламов ухмыльнулся и, пристроив на теле маатанин свой скафандровый «динго», превратил того в двухметровый снежный ком. Затем утопил скафандр в озере, приметив место, с неведомым доселе наслаждением искупался сам, хотя вода была по человеческим меркам исключи-

¹ И Анненский.

тельно холодной, и принялся искать транспорт. Через полчаса дежурный куттер общетранспортной инспекции доставил его к станции метро на Таймыре. Внушив пилоту, что он отвозил влюбленную парочку, Шаламов отыскал кабину для «негабаритных» пассажиров и вышел в Брянке.

Купавы дома не оказалось.

Побродив по комнатам, Даниил сел на кровать и несколько минут размышлял, вспоминая ее поведение в последние дни перед его неудачным «кенгуру», жесты, улыбку и голос. Проснулась головная боль, а вместе с ней древние атавистические инстинкты ревности, обиды и пренебрежение нормами этики. Справиться с ними было нелегко да и не очень хотелось. В условиях постоянной внутренней борьбы двух психик и медленной, но растущей дезорганизации личности Шаламовым начинали командовать те стороны характера, о существовании которых он и не подозревал и которые остались в человеке от его общих предков по эволюционной лестнице — динозавров и хищных млекопитающих: индивидуализм, высокомерное сознание собственной исключительности, бессердечие и равнодушие. Правда, все эти черты пока еще сглаживались волей, сознанием и запасом лучших человеческих качеств, свойственных Шаламову в прежней жизни, врожденных и воспитанных, но моменты равновесия наступали все чаще и чаще, а сам Шаламов не способен был проанализировать свои мысли и поступки с точки зрения стороннего наблюдателя.

Мелькающие изредка сомнения в правильности принимаемых решений и мысль, что он что-то упускает из виду, что-то делает не так, таяли, как мираж, оставляя в душе саднящий след. И все же спасатель верил в свои силы, нося в себе знания, расшифровка которых позволила бы землянам решить проблему контакта не только с орилоунами и маатанами, но и с загадочными их прародителями, перекинувшими мост между двумя Вселенными еще в те времена, когда по Земле бродили мамонты...

Мальгин, подумал Шаламов с неприязнью... Купава может быть только у Мальгина... черт его побери! Он же ее до сих пор любит, это заметно невооруженным глазом. Но, с другой стороны, Клим исключительно щепетилен в вопросах чести, искренне считая меня своим другом. Не может он перемениться вдруг, не тот человек... «человек-да». М-да... А с третьей: меня уже могли списать с довольствия, погиб, мол, на Орилоухе, вот и развязали ему

руки. Да он из простой заботы о ближнем обязан был забрать Купаву к себе, к тому же и ребенок его...

Шаламов вскочил, снова сел, но успокоился только после того, как обдумал план дальнейших действий. Хотя во время последней своей встречи с Мальгиным он и был не очень вежлив, тем не менее, помня изречение Бернарда Шоу: «Берегись того, кто не ответил на твой удар», — должником себя не считал. Ты сам во всем виноват, Клим, подумал он, я не отбирал у тебя жену, она ушла сама... по неведомому даже мне зигзагу настроения. А если думаешь, что я этому был дико рад, то глубоко ошибаешься. Это только со стороны кажется, да и тебе самому, что мы остались друзьями, на самом деле мы враги. Жаль, что ты этого не понял раньше. И кстати, мне Купава нужней, она это поняла. Если бы она была необходима тебе, она бы не ушла.

Спасатель вызвал городское транспортное бюро по обслуживанию населения и заказал грузовой куттер. Хотя шел второй час ночи, инк бюро не удивился вызову и пообещал подогнать машину через пятнадцать минут.

— Вот и все, — сказал Даниил «черному человеку». — Скоро мы будем далеко отсюда, осталось уладить кое-какие дела. У меня предчувствие, что уйду я отсюда надолго. Юкиккирини¹, как говорят японцы.

— Мне жаль тебя, — ответил с необычной, прорвавшейся вдруг совсем человеческой тоской и горечью маатанин.

Глава 5

...Он бежал, задыхаясь, по странному и сложному лабиринту, сворачивая в бесчисленные коридоры с черными стенами и светящимся потолком, полные жутких теней и танцующих призраков, слепленных из струй лилового тумана. Сзади все явственней доносился тяжелый топот, сотрясавший лабиринт: кто-то черный, бесформенный, страшный, без лица и без ног, догонял и жег спину угрожающим взглядом. Как же он бежит без ног?! — мелькнула мысль, но тут же была задавлена темным, слепым ужасом, поднявшимся из глубины души. Мальгин уперся в тупик и повернулся к преследователю лицом. «Черный человек» тоже остановился и начал менять форму, превра-

¹ Навсегда, надолго.

щаться в невиданное существо, с туловищем тигра, орла, дракона и с человеческой головой...

Все исчезло. Мальгин шевельнулся и бессмысленным взором обвел комнату. Он лежал на кровати, мокрый от пота, одеяло валялось на полу, исчерченном голубыми полосами света. Тревога не проходила. Какие-то смутные ассоциации продолжали роиться в голове, чье-то лицо, бледное, странно знакомое и в то же время чужое маячило на стене, притягивало взор, будило неуверенность и страх.

Мальгин рывком поднялся. Это был просто лунный блик на стене, высветивший кружевной узор старинной картины. И все же тревожное ощущение чьего-то присутствия не проходило. Клим вспомнил слабый шорох в гостиной, который он принял за звук упавшего одеяла, бесшумно встал и выглянул из спальни.

Дымящиеся столбы лунного света пробивали гостиную насквозь, придавая ей нереальную призрачность воздушного замка. Никого. Все на своих местах. Тишина. И запах...

Обоняние у Мальгина было как у собаки, поэтому, приняв себя, он сразу выделил из спектра домашних запахов тонкий незнакомый аромат, чуждый этому дому. Так могла пахнуть лунная пыль... или марсианский лишайник...

Хирург включил свет, обошел все три комнаты, опустевшие после ухода Купавы. При ней в доме вечно торчали какие-то друзья и подруги, бросая свои и вещи хозяев где попало. Никого. М-да, не хватало только горячечных бредовых снов. Однако откуда в квартире этот слабый, но отчетливо чужой запах? Может быть, из сада? Ночные цветы?..

Мальгин выглянул в окно, постоял с минуту, прислушиваясь, потом выключил свет и вернулся в спальню. Левую ступню вдруг пронзил укол боли. Клим присел, пошарил рукой и поднял с пола миниатюрный значок, очень тяжелый, похожий на бокальчик с отбитой ножкой: диаметр чаши — около сантиметра, длина игловидной ножки — тоже около сантиметра, а цвет неопределенный, то ли стекла, то ли ракушечного перламутра, а весит, как будто сделан из осмия. Действительно, бокал в миниатюре, только внутри чаши застряла какая-то крошка...

Клим попытался вытряхнуть застрявший в бокальчике предмет, но не смог. Заинтересовавшись, поднес значок к глазам: точно такой же формы чаша, только чуть меньше,

а в той еще чаша, и еще... словно набор матрешек, штук шесть-семь одна в одной. Хмыкнув, Мальгин задумчиво подкинул непонятный значок на ладони, весивший не менее килограмма, принюхался — запах был тот самый, «лунный». Как же он попал сюда? Сам Клим принести его не мог, а гостей у него давно не было, пожалуй, с момента начала внезапных путешествий. Тогда кто его принес? И когда?

Заныло под ложечкой. Мальгин вдруг ясно и четко представил, как в квартиру проникает неизвестный, скорее всего Шаламов — он знает мысленный код замка, — и роняет на пол значок... а потом уходит, удостоверившись, что хирург Клим Мальгин спит один, без Купавы...

— Один, — вслух пробормотал Мальгин, голос был хриплым. — Один, без Купавы...

Эта мысль объясняла все: в доме действительно побывал Даниил, чтобы убедиться, что Купавы здесь нет.

Спокойно, приказал себе Мальгин, ничего еще не произошло, просто фантазия разыгралась, с чего бы Шаламову переться прямо ко мне, когда он мог бы сначала навестить свой собственный дом, не вяжется тут у тебя, мастер, перестань психовать... Но мысль уже рисовала такие картины, с которыми не справлялись ни логика, ни воля, и хирург, не выдержав, набрал номер Купавы.

Нить виома развернулась в плоскость, но глубины не приобрела: с той стороны связь не включили. Прошла минута, другая, третья, на вызов никто не отвечал. И тогда Мальгин испугался по-настоящему. Бросив взгляд на часы в стене — три двадцать три утра, — набрал телекс Ромашина и стал поспешно одеваться. Ромашин ответил, когда он застегивал рубашку.

— Клим? Что случилось?

Выглядел Игнат так, словно спать и не ложился.

— По-моему, у меня только что побывал Шаламов.

Бывший начальник отдела безопасности внимательно рассмотрел лицо Мальгина, отметил его нервозность, кашлянул.

— Что значит «по-моему»? Вы его видели?

— Нет, но... ощущение, что в квартире кто-то был... странный запах... и еще вот это. — Клим показал «значок».

— Что это?

— Похож на значок с отломанной булавкой, но какой-то необычный и весит около килограмма.

— Из ваших гостей никто не мог обронить?

— Я обнаружил бы его раньше. Повторяю, у меня ощущение, что был именно Шаламов. И еще меня тревожит... — Клим заколебался. — Купава не отвечает на вызовы, дома ее нет. — Заметив взгляд Ромашина, с усилием заставил себя успокоиться, сказал с усмешкой: — Все-таки неожиданное случается в жизни чаще, чем ожидаемое.

В глазах Ромашина мигнули колючие огоньки.

— Вряд ли эту формулу можно применить к данной ситуации. Давайте сделаем вот что: проверьте, дома ли Купава, может быть, у нее просто не работает связь, а я кое-кого предупрежу. Встретимся возле ее дома. Идет?

Клим кивнул, уколол руку «значком» и, спрятав его в карман, вызвал такси к дому.

Начало уже светать, когда он, преодолев три сотни километров на метро, а остальные десять на такси, позвонил в дверь квартиры Шаламова, подождал, позвонил снова и вошел, мысленно приказав двери открыться.

В квартире стойко держался тот же самый запах, что появился и в его собственном доме, ошибиться было невозможно, а сама квартира была прибрана и пуста. Купава исчезла. Исчезла и колыбель с антиграв-подвеской. Мальгин со звонким туманом в голове сел на несмятую кровать Купавы и сидел так до тех пор, пока в квартиру не вошел Ромашин. Он сразу все понял.

— А не могла она поехать к вашему отцу?

— Он сразу бы позвонил.

— И все же я, с вашего позволения, проверю. — Игнат негромко продиктовал распоряжение в каплю микрофона, свисавшую с мочки уха; на нем уже была рация компьютерной связи, подобная той, что носил недавно Мальгин. — Идемте со мной. С вами хочет познакомиться мой приемник.

— А не рано?

Ромашин молча ждал.

Клим еще раз кивнул и встал.

Они спустились вниз, сели в белый скоростной куттер пограничной службы, из которого выпрыгнули двое крепких ребят в кокосах. Шел шестой час утра, и солнце уже встало, вызолотив вершины берез недалекой роши.

В пути почти не разговаривали. Ромашин покрутил в пальцах тяжелый «значок», вопросительно посмотрел на соседа.

— Вы разрешите взять его на время?

Мальгин безмолвно пожал плечами, решая и в дальнейшем обходиться минимумом слов и жестов. Он все

искал ответ на вопрос, где могла находиться Купава. Друг ее новых он не знал, а из старых помнил только Наташу Верченко, проживавшую где-то в Днепропетровске. Но едва ли Купава ни с того ни с сего поедет к подруге, когда у нее есть люди ближе, сестра, например, под Курском, родители Дана в Бежице... Или она все-таки поехала к отцу? Зачем? Да и он сообщил бы...

— Не ломайте голову, Клим, — посоветовал проницательный Ромашин, — отыщется. К сожалению, мое предложение об установлении постоянного наблюдения за Купавой не прошло, СЭКОН добро не дал, поэтому я тоже не знаю, где она, однако по всем адресам, известным мне... и вам, уже пошли люди. Подождем.

Хирург не ответил. Тоска вползла в сердце струей холодного и зябкого тумана, и все время хотелось проснуться. Купава смотрела на него из памяти тревожно и с ожиданием, словно хотела о чем-то предупредить, и ничего с этим ощущением Клим поделать не мог. Правда, уже в здании СПАС-центра его усилия взять себя в руки наконец возымели действие, и в отдел безопасности он вошел, повторяя девиз Фихте: «Действовать! Действовать! — вот для чего мы существуем».

В знакомом кабинете, хозяином которого был недавно Ромашин, стоя, разговаривали двое: средних лет мужчина, широкий, но болезненно рыхлый на первый взгляд (Мальгин вспомнил, что таких мужчин скорый на эпитеты Шаламов обычно называл «гроб с музыкой»), и невысокий, но крутой, весь накаченный, большерукий молодой человек. Лицо у него было овальное, широкоскулое, с широко расставленными серыми глазами под выпуклыми дугами бровей и с тяжелым подбородком; волевое, умное, серьезное лицо, чем-то неуловимо схожее с лицом Ромашина. Во всем облике этого человека проглядывала спокойная надежность. Мальгин понял, что это и есть новый начальник отдела.

— Знакомьтесь, — сказал Ромашин, поздоровавшись. — Клим Мальгин, нейрохирург.

— Майкл Лондон, — подал широкую сильную ладонь начальник отдела. — Очень приятно.

Мальгин молча пожал руку.

— А это Герхард Маттер, ксенолог, привлечен нами для работы с объектами в Горловине.

— Извините, — шевельнул двумя подбородками Маттер, наклонил голову с громадной лысиной, — слышал о вас много, но никак не удавалось познакомиться. Захо-

дите в лабораторию, Клим, поговорим. Я сейчас вынужден вас покинуть, дефицит времени просто жесточайший. До встречи.

Он ушел.

Лондон поправил усик микрофона у губ, он тоже был включен в систему компьютерной связи, жестом указал на стулья:

— Располагайтесь, побеседуем, хотя Маттер прав: дефицит времени катастрофический. Клим, вы лучше знаете свою бывшую жену... простите...

— Ничего, — сказал Мальгин.

— Ее нет ни у вашего отца, ни у сестры, ни у подруг и друзей, известных нам. Куда она могла отправиться? Вполне вероятно, что панику мы затеяли зря, но Игнат опытней меня, и я доверяю его интуиции. К тому же выяснились новые обстоятельства. Пять часов назад обнаружена орилоунская станция метро.

Мальгин невольно вздрогнул, посмотрел на ничем не выдавшего свои чувства (уже знает?) Ромашина, перевел взгляд на Лондона, но от вопроса «где?» удержался. Начальник отдела снова поправил усик микрофона, кивнул.

— Ваша идея оправдалась, равно как и идея Джумы Хана, который первым ее предложил. Большой инк Геоинститута за несколько часов обнаружил три похожих образования, одно из них оказалось орилоунской транспортной машиной, вернее, ее «скелетом», таким же, как и «храмы» на Страже Горловины. Координаты: северная оконечность озера Таймыр.

— Таймыр? В тундре?

— «Скелет» прячется в слое вечной мерзлоты, видна только его «крыша», да и то лишь сверху, со спутников. По мнению ученых, орилоунские трансгресс-метро — бесконечно сложные объекты, чем больше их изучают, тем больше возникает проблем. Мало того, есть предположение, что эти машины, Страж Горловины и объекты Орилоуха созданы или выращены пришельцами не из нашей Вселенной. По косвенным данным и расчетам эфаналитиков, это мир, где размерность дробная, а число координат изменяется с течением двух, а то и трех времен. Это совершенно иная физика, более сложная, чем наша, и более сложная геометрия, таким образом открытие Шаламова — факт исключительного научного и социально-исторического значения! Вот как обстоят дела на самом деле. Теперь о насущных проблемах. Есть подозрение, что орилоунское метро все еще работает, хотя

и заплыло торфом, водой и песком, а главное, что в нем обнаружены следы, позволяющие предположить: не далее вчерашнего вечера на Землю прибыли гости.

— Гости? Разве их было много?

— Скорее всего двое. Один, очевидно, человек.

— Шаламов!

— Возможно. А второй... здесь есть неясности. Повторяю вопрос: куда могла уехать Купава, да еще с ребенком?

Мальгину стало жарко. Неужели Данька успел забрать Купаву и увезти ее с собой? — подумал он. Куда? Зачем?.. Вспомнил о Гзаронвале, но без колебаний решил: к нему я схожу сам. Парень, похоже, давно ищет возможность и способ переступить границу сложившихся отношений, видит себя на месте Дана. Неужели Купава не ощущает низменных глубин души этого «супермена»?

— Не знаю, — покачал головой Мальгин. — Я начинаю думать, что Шаламов успел раньше нас и забрал Купаву с собой. Она все же его... жена.

Лондон неожиданно улыбнулся, отчего его лицо преобразилось неузнаваемо. Прав Шатобриан, подумал Мальгин рассеянно, чем серьезней лицо, тем прекрасней улыбка. Правда, неизвестно, к чему относилась улыбка Майкла. Видимо, уровни информированности у него и у Ромашина одинаковы, и он тоже знает, что Купава ушла от него к Даниилу...

— Мы учитываем эту возможность, — сказал Лондон, погасив улыбку. — В этом случае Шаламову будет труднее остаться незамеченным, он потеряет свободу маневра и мобильность. Но прежде чем объявлять его розыск, необходимо выяснить главное — цель! Цель его действий, вектор устремлений, его желания. И тут нам без вашей помощи не обойтись. Судя по личному делу и послужному списку Шаламов был личностью неординарной, в его жизни большую роль играло... скажем так, странствие сердца.

— Что вы хотите сказать? — осторожно проговорил хирург.

— Даниил был подвержен эмоциям чуть больше, чем позволяла ему специфика работы, любил рисковать, любил острые ощущения, а его бесшабашность даже вошла в поговорку, недаром его прозвали «сверхрисконавтом» СПАС-центра. Существуют открыватели проблем и их закрыватели, так вот Шаламов — из первых. Разве нет?

Интересно, кто же тогда я, если следовать этой классификации, подумал Клим, — закрыватель, а вслух сказал:

— Пожалуй! О характере Дана я уже говорил с... э-э... с Игнатом.

Ромашин не пошевелился, будто речь шла не о нем.

— Я знаю. — Лондон больше не улыбался. Он был здорово похож на своего предшественника, не внешне — внутренне, манерой поведения, способностью к оценке вещей, и это обстоятельство сбивало Мальгина с мысли.

— Последний вопрос. Вы уверены в том, что, если Даниил будет доставлен в клинику, вы его вылечите?

В кабинете стало тихо, как в пустой комнате. Мальгин задержал дыхание; не ожидая этого вопроса, он не был готов к нему, хотя давно уже в глубине души пытался ответить на него сам. Но ответа для других, равно как и для себя, у него не было.

— Не знаю, — честно сказал он, помедлив; подумал: кажется, прошли времена, когда я на все вопросы такого рода мог ответить «да».

— Это плохо.

— Почему? Какое отношение результат лечения имеет к службе безопасности?

— Прямое: пропадает смысл нашей «охоты» за этим человеком.

Ромашин встрепенулся, хотел что-то сказать, Лондон посмотрел на него, но не прервал речь:

— Игнат не согласен с этим, но у меня другое мнение. У СЭКОНа тоже. Не думаю, что Шаламов способен нанести кому-нибудь вред, поэтому искать его следует только как пациента, нуждающегося в лечении. А если излечить его невозможно, какой смысл в операции поиска и захвата? Понимаете?

— Вполне. Вообще я придерживался такой точки зрения давно. Извините, Игнат. — Мальгин поглядел на невозмутимого Ромашина, тот слегка развел руками. — Но отыскать Даниила все же необходимо, не обязательно надо встречаться с ним, поговорить, мы не договорили в последний раз, а мне почему-то казалось, что ему плохо... Убежден, он скажет мне, чего хочет.

Ромашин с сомнением покачал головой.

— Клим, он мог убить вас...

— Не убил же? К тому же он мой друг... — Утверждение прозвучало неуверенно и беспомощно. Почувствовав это, Мальгин разозлился. — Не верю я в его полное интрапсихологическое перерождение, не верю! Задавить человеческое в человеке довольно просто, но лишь в том

случае, когда он этого хочет и если применить внешнее психотропное давление, а у Даниила случай особый.

Ромашин вздохнул, встретил взгляд Лондона и пожал плечами.

— Расщепление личности Шаламова — факт, не подлежащий сомнению, я уже говорил, и не учитывать его нельзя. Вы это прекрасно понимаете, Майкл.

— Ноу коммент, — развел руками начальник отдела.

— Обещайте мне, — медленно сказал Мальгин, вставая, — обещайте, что, как только вы обнаружите Даниила, предоставите мне возможность поговорить с ним первому.

Лондон тоже встал, не колеблясь протянул руку.

— Договорились.

Оставив Ромашина в отделе, Мальгин вышел в парк, окружавший здание СПАС-центра, и, машинально оглядая деревья, направился по склону холма к реке, раздумывая над всем, что услышал. Солнце уже стояло высоко и пригревало, день обещал быть жарким. Отец, наверное, свернул удочки и бродит по лесу, мимолетно подумал Клим, сожалея, что оставил старика одного. Что-то мешало ему, словно натирающий ногу мокасина или тесный ворот рубашки... нет, словно головной убор! Мальгин вспомнил о подарке Ромашина, потрогал дугу «защитника», спрятанного под волосами, и вдруг укол тревоги заставил его вздрогнуть и очнуться. Гзаронваль!.. С визитом к Гзаронвалю следовало поторопиться. Если Купавы нет и у него, значит, Шаламов действительно забрал жену с собой. Данька, Данька, баловень судьбы, что же ты еще затеял?..

Спасатель из группы Жостова жил, как ни странно, под Рязанью, в Спас-Клепиках, в коттедже, стилизованном под старинную русскую избу из толстых бревен, с двускатной крышей и резными наличниками. Ошеломленный Мальгин даже не предполагал, что родина Гзаронваля не Руан или Марсель, а Рязанщина, как и матери Клим, — оставил такси у закрытой калитки и огляделся.

Солнце стояло в зените и пекло как по заказу. Улица в оба конца была почти безлюдна, две шеренги похожих друг на друга коттеджей проглядывали сквозь кружевную резьбу листвы плодовых деревьев, возле некоторых домов стояли машины индивидуального пользования — от одноместных пинассов типа «гном» до многоместных скоростных драккаров класса «семь самураев». У дома Гзаронваля машина не стояла, хотя по характеру спасатель должен был

иметь какой-нибудь из престижных аппаратов подобного типа.

Мальгин прошелся вдоль штакетника, невысокого, символического забора из планок, калитка сама открылась перед ним, — автоматика в порядке, — и вошел в сад, окружавший коттедж. Яблони — антоновка, золотой налив, штрифель, груши, экзотичный дуриан (на широте Рязани он вряд ли плодоносит, это уже явный снобизм хозяина), малинник, смородина, заросли крупноплодной земляники — все, как полагается. Но где же хозяин?

Что-то зашуршало в малиннике, у Мальгина екнуло сердце. Из кустов выползло страшилище, похожее на крокодила и древних динозавров, глянуло на гостя стеклянными глазами, стрельнуло длинным розовым языком. Дракон Коммодо! М-да...

Мальгин покачал головой, усмехаясь в душе. Все-таки Гзаронваль верен себе даже в таких мелочах, привычка выделяться, хотя бы внешне, у него в крови. Правильно, выходит, Клим вычислил его сущность во время первой встречи. Надо ж — притащить на древнерусские равнины заморского дракона! И посадить дуриан! Что он с этим драконом делает зимой? Отвозит домой, на остров? Или эти гигантские ящерицы зимой спят? А экземпляр неплох, метра три с половиной от морды до кончика хвоста...

Клим потрепал медлительное пресмыкающееся по отставшей на затылке коже.

— Что, зверь, холодно и скучно? Где твой хозяин?

Дракон мигнул, снова показал язык и уполз на солнышек.

— Вы Сеню ищите? — раздался сзади женский голос.

Мальгин оглянулся. Из-за разросшихся кустов смородины на него смотрели две пары глаз, принадлежавших женщине средних лет с волосами, собранными на затылке в тяжелый узел, и мужчине на склоне жизни, одетому в белую майку и полосатые брюки. На их лицах читалось сдерживаемое любопытство.

Соседи, сообразил Мальгин. Только причем тут Сеня? Неужто я ошибся адресом, а этот дом — не Гзаронваля?

Добрый день, — поклонился хирург. — Я, кажется, немного промахнулся. Я ищу Марселя Гзаронваля.

Мужчина засмеялся, женщина тоже улыбнулась.

— Это его дом и есть, просто мы привыкли называть его крещеным именем.

Сейчас модно иметь по два имени, — пояснил сосед. Мальчишкой он был Семеном Руцким, а вырос —

стал Марселем Гзаронвалем. — В голосе соседа прозвучало осуждение. — Он и вообще-то был слишком заносчив...

— Пантюша, — с укором сказала женщина, краснея, — ну что ты говоришь? Вы его не слушайте, Сеня — мальчик неплохой, просто немножко любит порисоваться, знаете, как это бывает у молодежи? А второе имя взял не из прихоти, просто спас какого-то француза и поменялся с ним именем...

— Он тебе не то еще наплетет... — Мужчина фыркнул. — Спас!.. Знаем мы, кого и когда он спас... Неплохой... базло¹ он луженое, позер и хвастун, к тому же злопамятный...

— Пантелей!

Мужчина махнул рукой.

— Вот на баб он влияет здорово, этого у него не отнять, раз уж даже ты его хвалишь... Извините, вырвалось, но уж очень хорошо я его знаю. Ну что, Пантелей, Пантелей? Вспомни, как он буквально обляял бабушку Улю? А его «шутки» вроде ям и капканов в саду? А что он учудил в прошлом году с компанией друзей? А сколько слез ты из-за него пролила? Хоть одно обещание свое он выполнил?..

— Пантелеймон! — Женщина смутилась, но держалась твердо, хотя и краснела при каждом слове. — Не надо об этом, молодой человек может подумать, что мы со зла...

— Можно подумать, они там в своей конторе ничего этого не знают. Я еще много чего могу вспомнить, если понадобится.

Кажется, меня тоже приняли за другого, подумал Клим. Сюрприз за сюрпризом! Ай да Марсель Гзаронваль... Семен Рущкий! Кого же ты спас? Неужели было такое на самом деле? Ведь, судя по реакции соседей, зарекомендовал ты себя «хорошо». Оказывается, склонности твои имеют глубокие корни в детстве. Куда же смотрели родители, особенно отец? Кто тебя воспитывал? И что нашла в тебе Купава, кроме мужественного профиля? Какой же слепой она бывает! И как часто ее доверчивость, вера в лучшее в человеке подводит и ее саму, и друзей.

— Так где же хозяин? — спросил Мальгин.

— Вы третий, кто об этом спрашивает, — буркнул склонный к прямоте Пантелеймон.

— Утром прилетал какой-то мужчина, — извиняющимся тоном пояснила соседка Гзаронваля. — Суровый такой,

¹ Б а з л о — глотка, горло (слонецк.).

глаза такие у него... словно он видит все насквозь. Спрашивал про какую-то Купаву. Потом следом за ним пожаловал вежливый молодой человек. Теперь вы...

Шаламов! Первым, несомненно, был Даниил. А вторым — посыльный Лондона или Ромашина. Опоздал я со своими догадками. Впрочем, это не беда, главное, что Шаламов еще не нашел Купаву, а значит, есть шанс его опередить...

— Простите а Марсель... э-э, Сеня один уехал? Не знаете, куда? Он не говорил?

Соседи переглянулись.

— Один. — Пантелеймон махнул рукой вдоль улицы. — Оседлал своего «носорога» и умчался. Вообще-то он редко здесь бывает, да и то с компанией.

— Сказал что его ждут в раю, — добавила женщина, виновато и робко посмотрев на спутника. — Но что он имел в виду, извините, не знаю.

— И за то спасибо, — бодро сказал Мальгин. — Прошу прощения за беспокойство. Всего вам доброго.

— И вам того же! — дружно ответили соседи Гзаронвалля-Руцко го

У калитки Мальгин оглянулся. Все трое смотрели на него: Пантелеймон, задравши майку и почесывая бледный живот, его жена или, может, сестра и дракон с острова Коммодо.

В «раю», повторил про себя Мальгин, чувствуя в душе опустошающую горечь и бессилие. Ждут в «раю». Где он, этот «рай» по-гзаронвальски? Купава, ау!..

«Подожди, мастер, не суетись, — раздался вдруг внутри Мальгина трезвый голос. — Что тебе, собственно, надо? Чего ты так переживаешь за чужую жену? Ты же отрезал ее от себя, с кровью, болью и мукой, но отрезал! Какого ж рожна, спрашивается, тебе от нее надо? Пусть за нее беспокоятся те, кому это положено по службе».

«За нее больше некому беспокоиться, — возразил Мальгин-второй, — сестра не в счет, как и сам Шаламов, и его родичи».

«Есть отдел безопасности, это его работа. Брось свои сентиментальные замашки, игру в благородство, никого не порaziшь, никто не оценит. Вчера ты, кажется, думал о другой женщине».

«Если б все было так просто...»

«Не оправдывайся хотя бы перед собой. Карой пришла не к кому-нибудь, а к тебе, и о Джуме ты в тот момент не вспомнил. Вступил на дорогу — иди до конца».

«А шел бы ты сам!» — сказал Мальгин себе-первому с отвращением, оглядываясь на дом Гзаронваля. Ему показалось, что из окна посмотрел ему в спину кто-то угрюмый и неприязненно-враждебный.

Глава 6

В институт идти не хотелось. Вообще никуда не хотелось. Сообщение Зарембы о замене Таланова хотя и взволновало Мальгина, однако думал он сейчас о другом и планов своей дальнейшей судьбы в качестве директора не строил. Поскольку не знал, где искать Гзаронваля, а вместе с ним и Купаву (наверняка она в компании спасателя), то решил прогуляться на Таймыр, посмотреть на орилоунское метро.

Шел пятый час вечера по Москве и девятый — по долготе Таймыра, когда Мальгин вышел из кабины второго таймырского метро в Хатанге (первая станция располагалась в Норильске), ближайшего к океану и к озеру Таймыр, на северной оконечности которого был найден утопленный в землю орилоунский «скелет».

Пока Мальгин искал транспорт, способный доставить его в нужное место, стемнело. Такси так далеко за город не летало, а рейсовый неф уходил в десять по местному времени, так что предстояло провести в Хатанге целых полтора часа; но поскольку Мальгин не любил изнывать от безделья, то и решил погулять вокруг станции метро, не рассчитывая встретить кого-нибудь из знакомых.

Еще дома он несколько раз порывался позвонить Карой, то ли объяснить, то ли просто убедиться, что она есть и не желает его видеть, потом все же нашел в себе силы не звонить. Он не знал, что скажет ей при встрече, а мямлить: «Как дела? Как жизнь? Что собираешься делать вечером?» — не хотел. Каприз судьбы, толкнувший их навстречу друг другу, был непонятен, хотя в глубине души Мальгин чувствовал: всему виной не логика и трезвый расчет и не любовь, может быть, а желание уйти от одиночества, признаться в котором не могли себе ни он, ни Карой. И все же странно, что его снова потянуло к этой женщине, словно в доказательство известной истины: очарование разлуки скоротечно... как и очарование встречи, впрочем. Ведь давно все решено и взвешено: нет в мире второй Купавы... или есть?

«Зато совершенно точно есть Карой, — проговорил знакомый голос внутри Мальгина. — И брось притворяться, что можешь справиться со своим желанием увидеть ее снова. Это было бы, кстати, лучшим выходом из положения. Купава к тебе не вернется, даже если — не дай Бог, конечно, — что-то произойдет с Шаламовым, она просто мечется от одиночества, не найдя в себе достаточно сил для поддержки, а один ты — половина пары».

«Но Карой меня не любит, она же сама сказала об этом просто, прямо и открыто...»

«А ты точно знаешь, что такое женская любовь? Ее формула: правда хорошо, а счастье лучше...»

«Я не знал, что ты циник».

«Я — это ты, дорогой мой, но циничного я ничего не сказал, это народная мудрость. Не узнаю тебя, ты стал слишком раздражительным и легко выходишь из равновесия. Неблагополучие души — хуже, чем любая физическая болезнь. Может быть, тебе пора отдохнуть от дел, мастер? Полечиться?»

«Нет, я справлюсь».

«Что ж, хотелось бы верить...»

Клим очнулся и, озираясь, попытался определить, куда его занесли ноги.

По-видимому, он вышел не к центру города, а, наоборот, на окраину. Сзади за деревьями вставало облако света центральной части Хатанги, впереди в сгущающейся темноте вырастали редкие, мозаично светящиеся башни жилых кварталов, соединенные дорожками из хрусталита с зеленовато светящимся покрытием. Чуть вправо виднелась стена какого-то мрачного низкого здания, дорожка огибала его и исчезала за поворотом. Слева начинался пустырь или луг, за которым Мальгин разглядел какие-то неясно очерченные громады, увенчанные вертикальными алыми огнями или гроздьями алых искр. Заинтересовавшись, повернул в ту сторону.

Конечно, он шел по лугу, заросшему невысокой травой, пушицей, цветущей камнеломкой, княженикой и мхом, обошел несколько островков карликовой березы и наткнулся на невидимую в темноте узорчатую металлическую ограду в рост человека. Оглянувшись — не видит ли кто? — подпрыгнул и, помогая руками, перемахнул через ограду на другую сторону.

Тот же луг с теми же цветами и травой, но луговые ароматы здесь не преобладали: все перебивали запахи озона и металла, к которым примешивался тон-

кий, горьковатый аромат, напомнивший Мальгину космодром.

Первая темная громада высотой в четырехэтажный дом оказалась, как он уже понял, спасательным шлюпом с включенными габаритными огнями, подогнавшим свою форму под формулу «отдых-ожидание». Перед Мальгиным простиралась взлетно-посадочная площадка курьерских коггов. Возле каждой машины торчал «журавль» с «клювом» энергопитания, около некоторых хлопотали многорукие киберпогрузчики, но большинство шлюпов было погружено в сторожкий сон — ожидание тревоги. Лишь у тонкой спицы орбитального лифта на дальнем конце поля, где располагался вокзал и пост управления, то и дело сверкали молнии, с шипением стартовали и садились дежурные машины.

Вдруг Мальгину показалось, что над полем пролетел бесшумный косяк электрических птиц или рой светляков. Кольнуло в груди: хирургу почудилось что-то знакомое в этом «рое», отзвук былого происшествия заставил работать память, но «птицы» поднялись выше и затерялись в небе. Ощущение неуютной причастности к непонятному явлению усилилось. Мальгин был уверен, что уже видел где-то нечто подобное, однако память не торопилась выдать ему нужное воспоминание, не хватало зацепки.

Обойдя когг, Мальгин двинулся к зареву рабочей зоны и наткнулся на спешащего по дорожке человека.

— Чокко, ты?

— Нет, — ответил Мальгин.

— Кто это еще? — Вспыхнул фонарь. — Кто вы? Каким образом здесь оказались? Ба! Да никак это хирург Мальгин! Ну и сюрприз!

Человек осветил себя, и Клим узнал Жостова, начальника курьерской группы спасателей.

Черт возьми, это же их база! — сообразил хирург с удивлением. Как я не догадался раньше? Дан говорил, что база в Хатанге, а я забыл... Везет же!

— Здравствуйте, Прохор, — пробормотал он. — Я, кажется, случайно попал туда, куда надо. Вы не можете подбросить меня к северной оконечности озера Таймыр?

Жостов хмыкнул, выключил фонарь; темнота вокруг сгустилась.

— Вас искал Ромашин, спрашивал, не интересовались ли вы кем-нибудь из моих ребят.

— Когда?

— Когда спрашивал или когда интересовались? Если первое, то с час назад. Кстати, он тоже должен быть там, куда вы проситесь. Вообще-то у меня другой маршрут... да и не уверен я, можно ли вам на Таймыр, там у них развернулись какие-то непредвиденные события, зона объявлена «квадратом гарантированного риска»...

— Что за события? Нашли Шаламова?

— По-моему, нет, но... пограничники закрыли зону наглухо.

— Что же делать?

Жостов помолчал, изучая лицо хирурга, выступившее из темноты из-за включившегося освещения кормового люка ближайшего к ним когга. В кармане у начальника отряда пискнул вызов.

— Ладно, попробую помочь. Пойдемте, через минуту стартуем.

Жостов свернул к шлюпу, возле которого началась быстрая предстартовая суматоха: появились, как по мановению волшебной палочки, киберы, какие-то механизмы, люди.

— Понимаете, рейсовый неф на север отправляется в одиннадцатом часу, — забормотал Мальгин, обрадованный и смущенный одновременно, — и я решил прогуляться... а тут стемнело... увидел огни...

— Рейсовые маршруты на север Таймыра отменены, — не оборачиваясь, бросил Жостов, — так что считайте, вам повезло.

По старинной поговорке — везет дуракам или влюбленным, подумал Мальгин. Дураком я вроде бы не был, а быть влюбленным хочется взаимно... что весьма проблематично в создавшейся ситуации. Пока что я способен только разрушать взаимность...

Он споткнулся, подумал: не хватало еще, чтобы я себе что-нибудь сломал... И вдруг отчетливо понял, что видел над ВПП не стаю светящихся птиц, а... орилоунский автомат с «миллионом глаз»! Он дважды встречался с ним в Горловине, на планете-кубе и на Орилоухе. Но почему «глазастый» объявился здесь, на Земле? Что ему надо? За кем он наблюдает?..

Мальгин похолодел.

Как это — за кем? За Шаламовым, конечно! А это значит, что Дан и в самом деле на Земле... а может быть, и здесь близко, на Таймыре...

— Что остановились? — оглянулся Жостов, подходя к осветившейся при его приближении капсуле лифта. — Поторопитесь, у нас мало времени.

Мальгин очнулся и безмолвно последовал за руководителем группы спасателей-курьеров.

В рубке Жостов критически оглядел костюм хирурга и остановил пробегающего мимо парня с пышной шевелюрой.

— Чокко, принеси кокос на мой размер. — Повернулся к Мальгину. — Вам лучше переодеться, в цивильном вас туда не пропустят, а так будете как все.

Клим кивнул, все еще находясь под впечатлением своего открытия. Шаламов был где-то рядом, и существовал реальный шанс встретиться с ним. Хорошо, что «миллионглазый» орилоун попался на глаза в нужный момент, подумал хирург, теперь я буду готов к неожиданностям, а то совсем расслабился. Мне и в самом деле везет. Спасибо случаю, что столкнул меня с Жостовым, мужик он умный и деловой. Черта б с два я добрался без него к озеру...

Переодевшись в компенсационный костюм спасателя с эмблемой курьерского сектора на предплечье, Мальгин уселся в предложенное кресло в кабине десанта и затих. Кроме него, в кабине находилось четверо молодых людей, ведущих разговор о спорте; из динамиков интеркома доносились голоса членов экипажа, приглушенный говор двух десятков людей — экипажей других машин, тоненькие посвисты автоматов; перед мысленным взором хирурга проплывали сумрачные пейзажи Маата, лица тех, кто участвовал вместе с ним в десанте, напряженное лицо Джумы и красивое нежное лицо Карой, потом возник земной пейзаж с лесом и отцом в лодке, подзывающим к себе... Очнулся Мальгин от прикосновения.

— Ну и нервы у вас, — с одобрением сказал нависший над ним Жостов. — Ребята сказали, что вы уснули, едва сели в кресло. Мы почти на месте, пойдёмте, покажу вам объект.

В видеорубке когга, предназначенного для работы командира десанта, — пилот сидел отдельно в коконе псиуправления, — продолжалась эфирная переключка многих десятков людей, раздавались команды, писк, гудки, скороговорка и бормотание автоматов, резкие многотональные сигналы кодовых сообщений. Жостов поднес к голове дугу эмкана, и тотчас же стены и пол рубки растаяли, Мальгин оказался висящим в воздухе над ночной землей, вернее, над черным зеркалом озера. Прямо перед ним, километрах в десяти от шлюпа, выростала из земли колоссальная струя светящегося тумана или пыли, бьющая

в небо и тающая где-то на высоте двух десятков километров, хотя точно оценить высоты этого факела Мальгин, конечно, не мог.

— Что это? — спросил он тихо, уже догадываясь, что произошло.

— Ромашин тоже здесь, — ушел от прямого ответа Жостов. — Я высажу вас на берегу, недалеко от бункера управления СПАС-обоймой, а там сориентируетесь.

Мальгин молча пожал руку спасателю.

Через минуту упругий язык десантного лифта выплюнул его на плотный песок берегового откоса, и когг Жостова растаял в ночи, мигнув на прощание кормовыми огнями.

Мальгин вдохнул в себя воздух и закашлялся: не горький и не кислый, но резкий запах перехватил дыхание. Амбре, однако... Пыль! Так пахнет лунная пыль, подумал хирург, зажимая нос рукой. Значит, факел на горизонте — фонтан пыли. Не лунной, конечно, но, похоже, и не земной. Неужели Жостов не знал, что дышать в этом угаре практически нельзя? На него это не похоже.

Вглядываясь в бьющий в высоту факел, Мальгин двинулся к мигающему огнями десятиметровому диску драккара, который на данный момент представлял собой временный мобильный бункер управления ситуационной работой. Рядом то и дело садились и взлетали пинассы, куттеры и черепаховидные галеоны чистильщиков. Их уносило круговертью к недалекому факелу, но из ниоткуда возникали новые аппараты, садились, взлетали, уходили, как выстрел в темноту, оставляя штриховые очереди трасс мигающих габаритных огней.

Людей почти не было видно, лишь изредка из финишировавших машин выскакивали командиры групп с надвинутыми респираторами, одетые в такие же кокосы, что и Мальгин, и ныряли обратно, чтобы освободить место прибывающим машинам, принадлежащим чуть ли не всему спектру земных специальных служб и ведомств.

— А вы почему без респиратора? — окликнул Мальгина какой-то ражий детина с бородой, выбивающейся из-под маски. — Немедленно наденьте! Герои тут не нужны, а газ еще не исследован.

— Рад бы... — развел руками Клим, чувствуя, как в голове поплыл легкий звон.

— Присылают же растяп! — рывкнул детина и махнул рукой в сторону драккара. — Быстро внутрь, в тамбуре есть маскфилтры.

Мальгин не заставил себя ждать. Надев респиратор, вздохнул с облегчением, но голова прояснилась не сразу, видимо, в газе, затопившем окрестности озера, были компоненты, вызывающие нечто вроде кислородной эйфории. Побродив по кольцевому коридору, уступая место спешащим пограничникам в синей форме и безопасникам в серо-голубой, Мальгин набрел на десантный отсек и вошел.

Отсек был на удивление просторен и почти пуст. У висящей подковы пульта располагались в креслах операторы, еще трое стояли у виома с плавающими по всему объему визирными метками и вспыхивающими зелеными и красными цифрами. Виом показывал светящийся факел с кружившими вокруг мотыльками исследовательских и тревожных машин.

Входившие в зал люди подбегали к сидевшим у пульта, получали инструктаж и кассеты программ, убегали, снова возвращались. Один из стоявших у виома обернулся, и Клим узнал Ромашина; его респиратор висел на шее. Собеседниками Игната были Майкл Лондон и Калина Лютый, дружески кивнувший Мальгину. Лондон что-то сказал им, и бывший начальник отдела безопасности, не удивившись появлению хирурга, быстро подошел к нему.

— Уж полночь близится, а Германа все нет... но вот он появился... нежданно-негаданно. У вас случайно нет индивидуального метро? В зону сейчас попасть невозможно.

— Меня пропустили по блату. Что тут происходит?

— Потом поделитесь опытом проникновения в закрытые зоны. А происходит следующее: исследователи орилоунского метро попытались забраться в него поглубже, но в нем что-то сработало, и он начал генерировать джет.

— Что, простите?

— Термин астрофизиков: джет — высокоскоростная струя газа из области формирования молодых звезд. В общем, к «скелету» метро подойти нельзя, из него со скоростью двадцать километров в секунду бьет струя пыли и газа. К счастью, обошлось без жертв. Пытаемся локализовать, готовим «панцири» для похода в метро, может быть, сможем заткнуть глотку этому вулкану.

Мальгин молча смотрел на колоссальную струю серебристого свечения, перечеркнувшую небосвод.

— Кого вы ищете? — спросил Ромашин, тоже посмотрев на факел. — Шаламова здесь нет.

Клим встрепенулся.

— Я видел орилоуна...

— Что вы сказали?!

— Я видел ту странную штуку с глазами, которую встретил на Орилоухе и в Горловине. Помните? Полупрозрачное облако, а в нем миллион вполне человеческих глаз.

— Где?

— В Хатанге. — Мальгин рассказал, при каких обстоятельствах он оказался на стартодроме базы курьеров-спасателей.

Ромашин секунду смотрел на него, как на предвестника апокалипсиса, потом стремительно подошел к продолжавшим беседовать Лондону и Лютому. Их разговор длился полминуты, затем Лютый бросился из зала, Лондон сел за пульт, а Ромашин вернулся к хирургу.

— Задали вы нам задачу. Выходит, Шаламов притащил на Землю не только «черного человека», но и автомат с неизвестными нам функциями. Дело осложняется. Кстати, вы хорошо помните свой поход на Маат? Так вот «клиника», где вы встречались с «черным человеком», не имеет к медицине никакого отношения. Это нечто вроде информационно-энергетического центра. Вам это ни о чем не говорит?

Мальгин подумал, пожал плечами.

— Нет. Но если это энергоцентр, что там делали с матанином?

— Насколько я понял объяснения ксенологов, у «черного человека» что-то не в порядке с балансами энергии. У маатан вообще энергобаланс весьма странен, они больше получают, чем тратят, то есть представляют собой своеобразные живые аккумуляторы, а вот у нашего маатанина этот запрограммированный генами баланс нарушился, он стал излучать больше, чем получать. — Ромашин помолчал, посматривая то на пульт, то на безучастное лицо Мальгина, потом что-то вспомнил и достал из кармана значок, найденный Климом дома. — Узнаете?

— Мой значок?

— Если бы значок. Есть предположение, что это... материализованный обрывок «суперструны», связывающей некогда наш мир с иной вселенной!

Клим фыркнул. Ромашин остро взглянул ему в глаза.

— Что, не воспринимается? Моя реакция тоже была под стать вашей: как это можно материализовать «струну», по сути — пространственное измерение! Оказывается, можно. Не нам, конечно, природе. Время на границе

этого «значка» застыло, поэтому он кажется вещественно осязаемым. Самое удивительное в нем — его «конструктивное» исполнение. Видите, его внешняя форма — гиперboloид вращения на тонкой ножке, внутри — точно такой же гиперboloид, который крепится к внешнему ножкой, внутри того — еще один, и так до бесконечности! Так что гипотеза физиков правомерна.

— Не понял. — Мальгин наконец проявил интерес, слегка удивился, потом до него дошел смысл сказанного. — Как до бесконечности?!

— В прямом смысле этого слова. — Ромашин подкинул тяжелый «обрывок суперструны», довольный произведенным эффектом. — У русской матрешки пять-шесть сестер одна в другой, а у этой штуки ряд гиперboloидов-чашечек уходит в бесконечность. Специалисты с помощью нейтринных умножителей насчитали больше триллиона чашечек, одна меньше другой, но так и не дошли до конца, не хватило глубины микроскопов. То есть последняя «чашка» этого «значка» по размерам меньше не только атома, но и нуклона!¹

Мальгин перевел дыхание, он был ошеломлен.

— Из чего же тогда он сделан? Не платина, конечно, и не осмий?

— По цвету и массе действительно похоже, но не осмий, не металл вообще и никакое другое вещество. Физики предложили кучу объяснений: устойчивые конфигурации известных частиц типа нейтрино, глюоний², мезовещество, «вспененный вакуум» и черт знает что еще. По-моему, они сами плохо разбираются в своих гипотезах. Но реально дело обстоит так: неизвестно что, сделанное неизвестно из чего и неизвестно каким образом. Лично я склоняюсь к уже высказанному мнению: это «обрывок суперструны», соединявший наш мир с иным во времена Большого взрыва.

— Я могу забрать?

— Пока нет. — Ромашин спрятал «значок». — Это вещественное доказательство, говоря языком следствия, да и физики готовы за него продать душу не только мне, но и дьяволу. Лишь один специалист, изучавший эту «матрешку», автор гипотезы «обрывка суперструны», мыслит

¹ Н у к л о н — класс элементарных частиц, в который входят нейтрон и протон.

² Г л ю о н и й — частица, «склеивающая» кварки в элементарные частицы.

нестандартно. У него в запасе есть еще одна гипотеза: «значок» сделан во вселенной, где царствуют иные физические константы и законы, где время не одно, а несколько, и размерность координат там не целочисленная, а дробная. Что, кстати, хорошо коррелируется с гипотезами физиков, изучавших «скелеты» орилоунских метро в Горловине. И принес «значок» наш общий друг Даниил Шаламов.

— Вы на что-то намекаете?

— По возможности я стараюсь говорить прямо, без намеков. Просто хотел сказать, что Шаламов знает такое, что и не снилось нашим мудрецам. А главное, он знает маатан, которые знают остальное.

— Ну и что?

— Клим, он должен быть задержан. Видите, во что вылилось только одно его появление на Земле? Укротить этот фонтан пыли и газа будет очень нелегко. А кто знает, что может произойти еще? Обладая колоссальным запасом чужих знаний, атакующих подкорку, будучи энергетически независимым, имея расщепленную психику, Даниил способен... — Ромашин замолчал, увидев, как изменилось лицо собеседника.

— Как бы ни был болен Шаламов, — угрюмо выдавил из себя Мальгин, — он не способен на преднамеренное зло. Нет причин. Если только они не появятся, когда вы попытаетесь задержать его силой.

Глаза Ромашина стали грустными.

— Вы рассуждаете, как Майкл. — Он перевел взгляд на работающего у пульта Лондона. — По-моему, вы даже похожи, хотя по натуре он ближе к «человеку-нет», чем к «человеку-да».

Клим невольно улыбнулся, отрицательно качнул головой.

— Я давно перестал быть «человеком-да». Потому что понял: всегда и во всем быть уверенным — не достоинство, надо уметь говорить и «нет», особенно самому себе. А Лондон, как мне кажется, надежный человек.

— Значит, я был ненадежен? — Ромашин тоже улыбнулся.

— Нет, почему... — Мальгин смешался. — Я не сравниваю вас... во всяком случае, с таких позиций.

— Не оправдывайтесь. Все правильно. Мы с Майклом мыслим по-разному, но человек он действительно надежный, хотя, с моей точки зрения, ему надо бы иметь больше творческого воображения и способности рисковать.

Хотите еще новость? Вы видели на Страже Горловины вудволловые леса? Похожие на развалины? Случайное чудо природы, потому что они растения и животные одновременно. Так вот, судя по всему, они обладают интеллектом. Не человеческим и даже не маатанским, но интеллектом.

— Разумные леса? — Мальгин скептически покачал головой. — Это не ново. Имею в виду идею. Хотя возникает множество вопросов. Например, каким образом они познают мир? Эволюционируют? Общаются?

— Я тоже задал себе эти вопросы и не нашел ответов. Но вудволлы тем не менее существуют. Извините, я вынужден удалиться. Что вы намерены делать дальше?

Мальгин посмотрел на светящийся столб пыли, издали похожий на раздувшийся канал орбитального лифта, почувствовал вдруг неимоверную усталость и пробормотал:

— Пойду спать.

— Моего «защитника» еще не выбросили? У меня ощущение, что он может понадобиться вам с минуты на минуту.

Клим раздвинул волосы на виске, показал сетку и часть дуги «защитника», о котором он уже успел забыть. Ромашин кивнул.

— Не призываю вас чураться Шаламова, как черт лада-на, однако опасайтесь его. Он не знает пределов своей мощи... и неосторожности. Если хотите, ребята доставят вас в Норильск, туда проложена курьерская линия СПАС-центра.

— Спасибо, буду обязан.

— Вы так и не определили координат Купавы?

Мальгин молча отвернулся.

— Жаль. Найдете — дайте знать, вас соединят со мной по «спруту» немедленно. — Ромашин некоторое время смотрел на хирурга с каким-то неопределенным сожалением. — И все же вы не сказали, что привело вас на Таймыр, к орилоунскому метро. Надежда на встречу с Шаламовым? Любопытство?

— Игнат, подойдите, — позвал Ромашина Лондон.

И в этот момент Мальгин снова физически почувствовал на спине знакомое «дыхание притаившегося зверя», как и давеча у дома Гзаронваля: «зверь» посмотрел ему в спину и «тихо зарычал»... Хирург стремительно обернулся. Дверь медленно закрывалась за мелькнувшей спиной человека в синем кокосе. Мальгин выбежал в коридор, потом наружу, простучав каблуками по пандусу. Надви-

нул респиратор. Человек в синем комбинезоне уже садился в куттер, взмахнул рукой, и куттер тут же взмыл в небо.

— Что с вами? — окликнул Мальгина выглянувший Ромашин, реагирующий на все, что касалось хирурга, как настроенный на его эмоции камертон. Зажал нос пальцами, потом вспомнил о респираторе.

Мальгин проводил взглядом тонущие искры света под брюхом куттера, оглянулся и сказал почти равнодушно:

— Это был Даниил.

Глава 7

Такси несло его над засыпающим городом, как хрустальную вазу, осторожно, быстро и плавно. И мысли у Мальгина были такие же плавные, невесомые, не затрагивающие эмоциональных центров: о спорте — забросил тренировки и вышел из формы; о библиотеке — давно не брал в руки книгу, не «дышал запахом истории», переживая приступы ностальгии по прошлому; о работе — проблемы остались, а решать их придется другим, если он согласится на пост директора; вспыхивали на миг и другие мысли, но, не разбудив активность сознания, гасли, не оставляя следа...

После того как Мальгин сообщил Ромашину на Таймыре о том, что видел Шаламова, Игнат оперативно организовал поиск скрывающегося спасателя, но тот как в воду канул, хотя полуостров был перекрыт буквально за несколько минут по всем направлениям. Задержали два куттера местных служб и пинасс лесничего, но куттер Шаламова исчез, словно растворился в воздухе.

Мальгин участвовал в поиске пассивно: сидел в драккаре рядом с Ромашинным, пока машина пахала ночное небо над Таймыром, координируя работу тревожных групп — десантных обойм. Поиск закончился ничем, Ромашин остался таким же невозмутимым, как и Лондон, и не стал выяснять, видел ли Мальгин Шаламова на самом деле или ему это только показалось.

Высадили хирурга в Норильске недалеко от метро, во втором часу ночи по местному времени и в десятом — по московскому. Клим сел в такси, направляясь домой в состоянии глубокой протрации. Гзаронваль увез Купаву с дочкой в «рай» с только ему известными координатами, и после первых негативных реакций — гнева, растеряннос-

ти, ревнивого удивления и отчаяния — Мальгин вдруг подумал, что исчезновение Купавы может оказаться лучшим выходом из создавшегося положения. Шаламов тоже не знает, где она, а значит, договориться с ним, когда он один, проще, чем если бы он был с Купавой. И Клим расслабился...

Пинасс мягко опустился на крышу дома, откинул прозрачный колпак, мигнул глазом, ожидая команды. Клим очнулся и вдруг ему остро захотелось увидеть Карой. Не раздумывая, он назвал киб-водителю такси обратный маршрут, к метро, и, пока летел над Смоленском, вспоминал, где живет Карой Чоккой.

Ровно в восемь вечера метро выбросило его в Братиславе, на берег Дуная, а такси за десять минут доставило в пригородную зону, застроенную коттеджами, владельцы которых имели высокий индекс социальной значимости.

Коттедж Карой стоял в липовой роще: двухэтажный «финн», среднеевропейский вариант, с сауной, открытой верандой, эллингом для флайта и коралем для верховой езды. На белом пятачке для гостевых машин стоял голубой неф, а на веранде в компании Карой Мальгин увидел Джуму Хана.

Настроение резко упало, возбуждение схлынуло, но поворачивать назад было уже поздно, его заметили. Не выдавая своих чувств, Мальгин выпрыгнул из пинасса, не забыв отослать такси, и по густой траве прошел к веранде, издали помахав рукой в ответ на жест зоркого Хана.

Карой была удивлена так же, как и Джума, Мальгин перехватил ее взгляд, брошенный на врача СПАС-центра, и понял, что его здесь не ждали.

— Какими судьбами? — Хан встал навстречу, протягивая коричневую сильную руку. Одет он был в ослепительно белую рубашку, обтягивающую торс с рельефными мышцами, и белые брюки. Карой в белой блузке свободного покроя и белых шортах была похожа на него, как сестра-близнец.

Клим встретил пытливый взгляд бывшего хирурга «Скорой помощи» и сумел ответить на него открытым взглядом уверенного в себе человека; он уже взял себя в руки.

— Летел мимо, дай, думаю, загляну.

Хан засмеялся, сжимая ладонь Клима в полную силу. Мальгин ответил. Борьба, незаметная со стороны, длилась полминуты и закончилась ничьей.

— Садитесь, мастер. — Карой пододвинула плетеное кресло.

Джума опустил в кресло рядом с ней, пряча в глазах вызов и грусть. Он понял все еще до того, как понял сам Мальгин.

— Хочешь угадаю, откуда ты «летел мимо»? С Таймыра.

Мальгин усмехнулся, ткнул пальцем себя в грудь.

— По кокосу? Ты прав, я только что с Таймыра.

— Не только по кокосу — амбре.

— А-а... возможно. — Мальгин вспомнил незнакомый тревожащий запах газо-пылевого фонтана, бьющего из орилоунского метро. — Я к нему уже привык и не ощущаю.

— О чем речь, джентльмены? — вставила наконец слово недоумевающая Карой.

Джума покосился на ее ноги, потом, прищурясь, глянул на Мальгина.

— Но Таймыр лежит несколько в стороне от Европы, насколько я разбираюсь в географии.

Клим не успел ответить, Карой встала:

— Джентльмены, я переоденусь, и мы погуляем.

Вошла в дом. На веранде установилась тишина. Двое мужчин смотрели друг на друга, оценивая причины присутствия каждого в обществе Карой. Клим вспомнил стихи Велимира Хлебникова:

Вечер. Тени.

Сени. Лени.

Мы сидели, вечер пья.

В каждом глазе бег оленя.

В каждом взоре лет копыа...

«Лет копыа» Джумы был холоден и грустен, однако ни злобы, ни ненависти он с собой не нес.

Вечерние тени уже затуманили даль, заштриховали детали пейзажа и превратили близкий лес в таинственное обиталище троллей и гномов. В воздухе разлился аромат вечерних цветов, дурманящий и пряный. Вечер был полон ожидания, только у каждого из сидящих на веранде причины ожидания были разными. Мальгин думал о том, что шкура у него стала как у носорога, толстая, шершавая и непробиваемая, потому что почти никаких угрызений совести он не ощущал. Первое чувство неловкости прошло, и хотя он мог в любой момент подняться и уйти, помня удивление в глазах Карой и не боясь пока-

заться смешным, но все же что-то удерживало его на месте, не то желание объясниться, не то упрямство пополам с любопытством: чем все это закончится?

А ведь раньше я покраснел бы и ушел, сославшись на дела, и долго бы мучился потом, пытаюсь выглядеть человеком, не ведающим сомнений, подумал Клим, невольно развеселившись. Хан заметил в нем эту перемену, улыбнулся в ответ:

— Хочешь угадаю, о чем ты подумал?

— Стоит ли? Мы уже убедились, что мыслим одинаково. Я могу прямо и откровенно сказать, что привело меня сюда.

— Стоит ли? — в том же тоне ответил Джума. — Что бы тебя ни привело в этот дом, дружище, я не вправе требовать от тебя отчета. Единственное, о чем хочу предупредить: я буду бороться за нее. До конца. Я многое понял в последнее время, кстати, не без твоей помощи, и взял на вооружение твою формулу: с потерями не согласен.

— И уже есть результаты?

— Поэтому-то я здесь.

— И я тоже.

На веранду внезапно выскочил громадный пушистый, с рыжими полосами по черному кот. Зыркнул на Мальгина прозрачно-бирюзовыми глазами и подошел к Джуме, потерся о ногу.

— Привет, зверь, — сказал Хан, почесав кота за ухом.

— Хорошо! — невольно восхитился Мальгин. — Оцелот? Или каракал?

— Ни то, ни другое.

— Манул?

— Нет, селективная модификация, хотя яйцеклетка от каракала.

— Вид у него довольно устрашающий.

— Хищник без всяких скидок, всю охотится за птицами на лугу, за мышами и леммингами, но ластится, как ни в чем не бывало. Мне иногда кажется, что он понимает все, о чем мы говорим.

Кот обнюхал ноги Мальгина и ткнулся носом ему в бок с такой силой, что едва не опрокинул вместе со стулом. Мальгин с удовольствием погрузил пальцы в шерсть на загривке животного. Кот еще раз толкнул его, словно стараясь вывести из равновесия, зевнул, показывая розовую пасть.

— Гаргантюа, отстань! — На веранде появилась Карой, одетая в индейский костюм для верховой езды: джинсы

с бахромой, куртка и мягкие мокасины. Костюм этот давно вышел из моды, хотя время от времени и появлялся на ней, и Карой выглядела в нем великолепно. Умную женщину всегда можно узнать по ее непокорности модному стандарту, подумал Мальгин, любуясь фигурой женщины, она носит лишь то, что ей идет.

Кот с достоинством уклонился от руки хирурга, потерялся о ногу хозяйки и удалился в дом походкой баловня судьбы.

— Итак, джентльмены, прошу составить мне компанию. — Карой поглядела на мужчин с легким вызовом. — Лошади ждут.

Ни слова не говоря, оба встали. Женщина засмеялась и сбежала по ступенькам на газон.

Мальгину досталась караковая кобыла-трехлетка с великолепной сбруей, сделанной, очевидно, кустарем-профессионалом. Хан выбрал серую в яблоках, а Карой легко вскочила в седло ахалтекинца, потянувшегося к ней мягкими губами; было видно, что лошади ее знают и любят.

Умело подтянув подпругу, проверив уздечку и не обращая внимания на взгляды Карой и Джумы, Мальгин одним махом оказался в седле и первым выехал за ворота кораля.

— А вы, оказывается, мастер не только в нейрохирургии, — догнав его, с уважением сказала Карой, окидывая Клима взглядом, в котором сквозь удивление загорелся интерес, и пустила коня вскачь.

Пройдя бешеным аллюром с десятков километров, по лугам и перелескам, обгоняя друг друга, дурачась и смеясь, разгоряченные и опьяненные скачкой, они повернули назад, когда уже окончательно стемнело. К дому подъехали в половине одиннадцатого вечера, с удовольствием искупались в бассейне, брызгаясь и топя друг друга, как дети, сбросив груз тревог и забот дня, и снова расположились на освещенной веранде вокруг накрытого стола с напитками, бутербродами и горячим кофе.

За ужином ни разу не обмолвились и словом, только переглядывались, и этот разговор взглядами был красноречивее слов. Мальгин уже понял, что имеет такие же права на присутствие в доме, как и Джума, ну, может быть, чуть меньшие, но уходить не торопился, хотел убедиться в своих выводах и выяснить, что означает мерцающее в глазах Карой обещание и к кому оно обращено.

Джума выпил свой кофе первым, отодвинулся вместе с креслом, мельком посмотрел на часы.

— Пока вы пьете, я расскажу одну притчу о вечности. «Видишь за рекой гору? — сказал индийский мудрец. — Она состоит из чистого алмаза. Раз в тысячу лет на ее вершину прилетает ворон и точит клюв. Когда им будет источена вся гора, это и будет секунда вечности».

Наступило молчание. Мальгин промокнул губы и отодвинулся от стола тоже, Карой изогнула бровь.

— Я не поняла, Джу. Многозначительные заявления тебе не идут, поясни, что ты хотел сказать.

Хан рассмеялся с некоторой долей неискренности и встал.

— Это же очень просто, не так ли, мастер?

Карой перевела взгляд на Мальгина.

— Вы что, сговорились?

Мальгин кивнул.

— Конечно, сговорились. Хотя я тоже не врубился, как сказал бы мой друг Даниил.

С упоминанием имени Шаламова Хан перестал улыбаться и внутренне подобрался. Все понимая, держался он отлично, но Мальгину не нужен был переводчик с языка тоски и боли, он сам хорошо говорил на этом языке. Накатила волна отвращения к себе и желания бежать куда глаза глядят, чтобы не видеть вопроса в глазах Джумы и любопытства в глазах Карой; она все понимала не хуже мужчин.

— Кажется, я понял, — пробормотал Мальгин, всплывая из колодца самоанализа. — Никому из нас не суждено прожить даже секунду вечности, и поэтому важно оставить след, по которому потомки будут судить о нас... нет?

— Не потомки, — покачал головой Хан, принявший какое-то решение. — Современники. Знаете что, ребята, мне надо идти, важная встреча, а я пунктуален. Хотите, я на прощание вам кое-что сыграю? — Не дожидаясь ответа, Джума вошел в дом, и переглянувшиеся Карой и Клим вынуждены были последовать за ним.

В гостиной, обставленной в стиле «персидская сказка», к изумлению Мальгина, стоял музыкальный синтезатор «Терпсихора», которым пользовались все знаменитые вокально-инструментальные ансамбли и достать который было практически невозможно, так он был популярен. Странно, что такой стоит у Карой, подумал Мальгин, на нем могут работать только виртуозы...

Джума сел за панель синтезатора, привычно натянул эмкан и нацепил на запястья браслеты биосъемов. Замер на мгновение... и заиграл.

Мальгин ощупью нашел кресло, сел, вслушиваясь в каскады звуков сначала с недоверием, потом заворожено, затаив дыхание. Перед ним возникали видения бешеных горных рек, грохочущих водопадов, моря в шторм, смерчей в океане и на суше; они сменялись бездонными каньонами, мрачными пропастями, извергающими вулканические бомбы кратерами, озерами плюющей огнем лавы, цунами, снежными лавинами и селями; придвинулось вплотную солнце с протуберанцами, показались взрывающиеся звезды, галактики, квазары; запылала Вселенная!.. Но постепенно бурные земные и космические катаклизмы стали стихать, пока не остались перед глазами прозрачное окошко родника и тонкий ручеек, исчезающий в траве...

Мальгин очнулся, потрясенный до глубины души.

— Колдовство! — хрипло выговорил он, не в силах сказать больше ни слова.

Хан, сгорбившись, посидел за синтезатором несколько мгновений, сорвал эмкан, встал и, улыбнувшись своей обычной, всепонимающей, чуть ироничной улыбкой, как ни в чем не бывало, сказал:

— До связи, ценители.

Ушел, не взглянув на Карой. В комнате повисла неловкая пауза. Мальгин подумал: похоже, первый раунд он выиграл без боя. И, собравшись с силами, нарушил тишину первым:

— Я не знал, что он еще и музыкант экстра-класса...

— Не преувеличивайте, мастер, — тихо ответила задумчивая Карой. — Такое играет редко, лишь когда что-нибудь сгорает: вера, надежда или... — Она зябко передернула плечами. — Зачем ты пришел ко мне?

— Не знаю, — помедлив, признался Мальгин. — За тобой, наверное.

— Ты считаешь, что имеешь право?..

Клим поморщился.

— Извини, что перебиваю, но я ничего не считаю и выяснять отношения не хочу. Мне нужно было увидеть тебя — я увидел, вот и все... — Мальгин наткнулся на взгляд женщины и не договорил. — Впрочем, — сказал через силу, — вру. Я, кажется, люблю тебя...

Глаза Карой вспыхнули, засияли, хотя в них остались плавать хрупкие льдинки вопроса и сомнения.

— А как же Купава?

Мальгин, не ожидавший такого вопроса, замер, потом встал и пошел к двери. Карой догнала его у выхода на веранду, обняла сзади, прижалась к спине.

— Прости, мастер, я не хотела обидеть. Теперь ты понимаешь, как на меня действуют подобные вопросы? Мы квиты... Но я.. еще ничего не решила... Ты же знаешь, с тобой немногим по дороге. Не обижайся, ладно? Ты, наверно, думаешь, что я бесстыжая? Играю с обоими ради удовольствия?

— Нет, — глухо сказал Мальгин. Он устал и хотел теперь только одного — спать.

Карой прижалась к нему тесней, Клим не сразу слышал ее голос, она читала стихи:

Исполненный греха, без разума и воли,
Непрочен и тщеславен человек.
Куда ни погляди — одни утраты, боли
Ему терзают плоть и душу целый век.
Едва уйдут одни — на смену им иные,
Все в мире для него страдания сплошные:
Его друзья, враги, любимые, родные...¹

Потом добавила тихо:

— Особенно друзья и любимые... Ты не пожалеешь о том, что сказал мне сегодня?

Мальгин повернулся, и его ослепил влажно-фарфоровый блеск ее зубов между полуоткрытыми, ждущими губами.

— Нет, — каменно сказал он, целуя Карой. На поцелуй она не ответила...

Домой Мальгин добрался на «автопилоте», в полубреду-полусне. Сил хватило только на то, чтобы снять кокос и дотянуться до кровати.

Ему снился Джума Хан, читающий с надрывом стихи поэта восемнадцатого века Василия Третьяковского:

Люблю, драгая,
Тя, сам весь тая...

Потом Клим блуждал в каменных лабиринтах орилоунского метро, и слышался ему дивной красоты голос, чем-то смутно знакомый, заставляющий плакать злыми слезами бессилия и тоски...

Проснулся он рано утром от какой-то важной мысли. Полежал немного, пытаясь разлепить веки, и вспомнил сон. Дурман тревоги накатил и отозвался в теле спазмом желудка, заныли натертые от вчерашней скачки боками

¹ Анна Брэдстрит.

и спиной лошади места; в последний раз он сиделся на коня почти год назад, хорошо, что отец вовремя научил его не только сидеть в седле, но и сносно ездить...

Мальгин окончательно проснулся, прошлепал босиком по ворсу пола в гостиную и набрал код аппарата отца. Виом сработал на шестом сигнале.

— Извини, па, — пробормотал хирург. — Разбудил?

Отец запахнул на груди халат с изображением рязанского Кремля, посмотрел на часы: пять утра.

— В самый аккурат. Что-нибудь стряслось?

— Ты не знаешь, где Купава?

Мальгин-старший пригладил седой вихор на затылке.

— Меня уже спрашивали об этом твои коллеги... как ты их, безопасники, так ты их называешь.

— Ромашин? И что ты ответил?

— А я почему знаю? Она мне уже не невестка.

Клим помял лицо ладонями. Отец смотрел на него, хмурясь.

— Не хотел говорить, но коль уж ты сам позвонил... у меня, по-моему, был Даниил.

— Да что ты говоришь?! Когда? Где он?

— Я не совсем уверен, что это был он... во всяком случае, физиономия у него другая, но манера поведения... Он представился безопасником из ромашинского отдела, а я потом вспомнил, что ты говорил, будто Ромашин ушел... вот и заработало сомнение.

— Понятно. — Голос сел, и Мальгин откашлялся. — Ты ему ничего не сказал?

— Что я мог ему сказать? Я не знаю, где твоя... его Купава. Тебе-то она зачем понадобилась?

— Извини, па, я потом еще позвоню. — Клим протянул руку, собираясь выключить виом. Отец сделал жест: подожди.

— Может быть, это? В прошлом году ты вместе с ней и Данькой отдыхал где-то на Сахалине...

— На Симушире! — Сердце отозвалось падением и взлетом. Мальгин вспомнил, что долину Шаншири на Симушире Купава называла «раем». Вот, значит, куда рвался Гзаронваль!

— Спасибо, па! — Мальгин поднял руку в прощальном жесте, образовав кольцо из пальцев, и побежал одеваться. Через несколько минут он уже мчался в такси к метро над еще спящим городом, обгоняя редкие утренние машины, не замечая, что за ним в отдалении следует белый куттер с номером «сто».

Глава 8

До Симушира он добрался за полдень по местному времени, уговорив пилота грузового галиона доставить его на остров от метро Петропавловска-Камчатского. Чтобы поймать такси на Симушире, надо обладать терпением и временем, а поскольку ни того, ни другого у Мальгина в запасе не было, он просто-напросто увел со стоянки у вокзала чей-то пинасс, на панели которого мигал красный транспарант «занято».

Не обращая внимания на удивленный оклик пассажиров пинасса, стоявших неподалеку, Клим закрыл дверцу и взлетел, отключая автопилот. От одной мысли, что он сейчас увидит сытое, презрительно-равнодушное лицо Гзаронваля с выражением превосходства в глазах, у Мальгина светло скулы, однако он заставил себя думать только о Купаве и о том, что будет, если Шаламов найдет ее первым.

Панорама Симушира легла под ним зелено-коричневым ковром, замыкаясь бухтой Броутона с одной стороны и седой далью океана — с другой. Озеро Шаншири располагалось в семи километрах от вокзала орбитального лифта и станции местного воздушного транспорта, на северной оконечности острова, заполняя боковой кратер древнего вулкана. Его крутые берега заросли низкорослыми соснами-пиниями, багульником, можжевельником и высокой, по пояс, травой; сверху в этой зеленой кипени ничего заметить было нельзя, но Мальгин уверенно повел пинасс к восточному краю озера и не ошибся: под шатром сосновых крон на берегу заросшего ерика он увидел две (все-таки две!) палатки, одну — оранжевую, просторную, с компьютерным и хозяйственным обеспечением типа «Колыбель-комфорт», и вторую, серебристую, разворачивающуюся автоматически за несколько секунд, — типа «Спартанец». Рядом стоял синий шестиместный куттер. На скале, нависающей над обрывом озера, покрытой мхом и прогреваемой солнцем, лежала с книгой на матрасе Купава, рядом висела яркая детская колыбелька. Гзаронваля нигде видно не было.

Мальгин посадил машину, некоторое время сидел, ни о чем не думая, просто глядел на женщину, одетую в такое же парео, что и Карой два дня назад, потом с усилием выбрался из кабины. Купава, отложив книгу, молча смотрела, как он приближается.

— Привет. — Мальгин сел на замшелый валун, посмотрел на солнце, расстегнул рубашку. — А где этот красавец... Марсель?

— Клим! — удивленно и обрадовано, словно только что узнала его, нараспев сказала Купава. — Как ты нас нашел? Ты один?

— Один, — буркнул хирург. — Нашел по следу. Где Марсель?

— Занимается подводной охотой, он взял с собой лайтинг, лодку, ружье, обещал вернуться к обеду.

— И кто же из вас был инициатором этой идиллии?

— Марсель. Он сказал, что ты... — Купава запнулась.

Мальгин остался спокойным, только внутри живота болезненно напрягся какой-то мускул.

— Договаривай, не бойся, не укушу.

— Он сказал... мне надо держаться от тебя подальше, потому что... его предупреждал Дан... Ты правду мне сказал?

— Когда и что именно?

— Ну... что ты не... бросил Дана специально...

Мальгин покачал головой: помнишь?..

Я лишнего и в мыслях не позволю,
когда живу от первого лица.
Но часто вырывается на волю
второе «я» в облике подлеца¹.

— Не узнаю тебя. Ты же всегда имела вкус и обладала чувством меры, по-моему, врожденным, и вдруг такой нонсенс. Неужели ты не видишь, что Марсель... — Клим хотел сказать «подонок», но удержался, — лжет! Неужели ты так слепа?

Купава нахмурилась.

— Я так и думала, что ты это скажешь. Марс правильно предупреждал. Ты же его совершенно не знаешь.

— Да знаю! — махнул рукой Мальгин. — Это ты не знаешь и не хочешь знать, отгородившись от мира стеной стереотипа. А он обыкновенный шантажист, который давно метит занять мое... то есть место Дана, а не видеть этого, благосклонно принимать его ухаживания — значит совсем...

— Я поняла. — Ее тон стал еще более холодным. — Если ты прилетел, чтобы сказать мне гадость...

— Да! — твердо сказал Мальгин. — Именно поэтому я и прилетел. Больше всего меня поражает мысль, что ты веришь ему и не веришь мне, хотя я никогда не давал тебе повода обвинить меня во лжи или подлости. Но это твое дело, веришь — верь, ты действительно изменилась, и да-

¹ В. Высоцкий.

леко не в лучшую сторону, не обольщайся. Видимо, влияние этого «супермена» в конце концов сказывается даже на такой самостоятельной личности, как твой супруг, если он тоже его не разглядел. Но известно, что поддается чужому влиянию тот, кто хочет поддаться, а тебе — это понятно — очень хотелось бы убедиться в том, что я, «железный» Мальгин, «человек-да», не такой уж идеал, хотелось бы как-то подстраховать свое решение уйти от меня, вот и появляется Гзаронваль-Руцкий, удобное оправдание своей прогрессирующей... — Мальгин остановился, так как женщина закрыла лицо ладонями; говорил он без горечи, спокойно и даже удивился этому (неужели перегорел?). — Извини, если я излишне резок, но такого тебе больше никто не скажет, тем более твой Марсель. Я не в обиде, что заслужил, то заслужил, но друзей все-таки надо выбирать, Пава. Ты как-то сказала, что я сильный и все вынесу. Да, я сильный, хотя слабостей у меня — хоть отбавляй. Вот тебя же я не смог удержать? А пришел затем, чтобы просить: появится Дан — позвони мне, обязательно. Это больше нужно ему, чем мне. Позвони. Обещаешь?

— Я здесь, — раздался сзади знакомый, с хрипотцой голос. — Хотелось бы знать, зачем я тебе опять понадобился?

Купава отняла ладони от лица, глаза ее расширились. Мальгин рывком обернулся.

Возле его пинасса стоял белый куттер с номером «сто», из которого выпрыгнул Шаламов и раскачивающейся походкой направился к сидящим. В наступившей тишине вдруг заплакал в колыбели проснувшийся ребенок, заставив всех вздрогнуть.

Шаламов, загорелый до черноты, буквально обуглившийся под лучами неведомых солнц, одетый в синий кокос, подошел к автоматически качавшейся колыбели, наклонился, вглядываясь в захлебывающееся плачем существо.

— Спасибо за торжественную встречу, карапуз. М-да... А Марсель прав, ребенок — вылитый ты, Клим.

У Мальгина родилось знакомое ощущение, будто внутри Шаламова шевельнулся дремлющий тигрощер, поднял голову и обнажил клыки в предупреждающем беззвучном рычании. От напряжения заныли мышцы ног. В голове бесшумно раскрылся тугий веер необычных ощущений, лег на затылок, придав чувствам хирурга приятную тяжесть — сработал «защитник».

— Дан! — сдавленным голосом произнесла Купава, протягивая руки навстречу Шаламову. — Ты жив!..

— Жив, жив. — По лицу спасателя тенью пронеслось отражение грызущей голову боли, и оно снова стало гладким и равнодушным, без обычной, присущей ему мимики, отражавшей движения души и готовность к иронии и шутке. Шаламов шагнул к жене, взял ее за руки, наклонился: в ставших огромными и черными глазах женщины стояли слезы. — Я за тобой, Пава.

Брови Купавы в недоумении поднялись.

— Ты... что ты сказал? Как за мной?

— Ты мне нужна там, в космосе. На Земле мне нечего делать, а там — непочатый край неизведанных гармоний и красот, не пожалеешь. Собирайся, у нас нет времени.

— Но как же... — Купава, не ожидавшая такого предложения, беспомощно посмотрела на сидевшего неподвижно Мальгина, оглянулась на колыбель. — С ней?

Шаламов разогнулся, искоса посмотрел на Клима.

— Отвернись, мастер, ни солнце, ни смерть нельзя разглядывать в упор, как говорил древний мудрец¹. Раньше ты был деликатней.

Мальгин встал, все время чувствуя ворочавшегося внутри спасателя, чем-то недовольного или страдающего «звеля», пошел к обрыву, оставив за спиной чету Шаламовых, но все еще продолжал слышать их разговор.

— Ты же болен, болен, — быстро, глотая окончания слов, говорила Купава. — Ну почему ты не хочешь лечиться? Клим все сделает, и потом мы улетим, куда захочешь... а дочь куда я дену? Как я в твоём космосе буду с ней? Что я там буду делать? Кто ее воспитает? Пойми же, это глупо...

— Мне трудно одному, ты поможешь мне, а с дочерью ничего не случится, тем более что ее можно оставить здесь, хотя бы на время, Клим присмотрит, отец как-никак... — отвечал Шаламов скороговоркой, и в голосе его появились нетерпеливые нотки. — Почему ты уехала из дома сюда? Клим посоветовал?

— Нет, Марсель. Он говорил, что ты погиб...

— Чушь! Я теперь бессмертен. Белены объелся твой Марсель? Где он? Я с ним поговорю, что это ему вздумалось объявлять меня погибшим? Трогательная забота, ничего не скажешь!

— Он на озере, ныряет с подводным комплектом.

¹ Ф. де Ларошфуко.

— Черт, времени нет совсем! Все время висят на хвосте... Ну, так ты идешь?

— Нет, Дан... не знаю... ну как ты можешь требовать? Зачем тебе уходить с Земли, разве здесь плохо? Послушай, я тебя умоляю, пусть Клим посмотрит тебя, ты же совсем больной, я тебя не узнаю. Я боюсь тебя!.. — Купава заплакала.

— О женщина!

Мальгин обернулся. Шаламов, морщась, смотрел на жену, потом поднял взгляд на хирурга.

— Как часто женщина, вдохновляющая нас на великие дела, мешает нам их исполнить¹. Ты же не сможешь ничего сделать, мастер, это выше твоих сил. Ведь так?

— Не знаю, — тяжело ответил Мальгин.

— Вот видишь. Помоги уговорить ее, ведь она не хочет уходить из-за тебя, я чую.

— Дан, что ты говоришь! — жалобно запротестовала Купава сквозь слезы.

Оба посмотрели на нее. Мальгин, стараясь говорить проникновенно и убедительно, сказал:

— Я уже давно не имею права совета, Дан, а для нее и вовсе не авторитет... как ты уже смог убедиться. Для нее авторитет — Марсель, может, он тебе поможет? Но извини, я тоже не вижу смысла в твоём призыве. Подумай хорошенько, куда ты зовешь Купаву. Ей нужен спокойный образ жизни, уверенность в завтрашнем дне, возможность воспитывать ребенка, а не опасные приключения в космосе. Не доверяешь медицине — Бог с тобой, это твоё личное горе, но не вовлекай в авантюру жену, риск ей противопоказан.

Лицо Шаламова исказилось. Мальгину показалось, что на него приготовился прыгнуть громадный зверь, удивительным образом соединившийся с фигурой спасателя. Одновременно под черепом родилось ощущение выросшей твердой скорлупы, отгородившей мозг от всего мира. Облик «зверя» побледнел, хотя и не исчез. Вспомнилось шекспировское: «Не стой между драконом и яростью его...» И тут Мальгин неожиданно увидел над лесом странное полупрозрачное облако, опускающееся с неба. Вгляделся и не поверил глазам: это был орилоунский фантом с «миллионem глаз»!

Шаламов оглянулся, следуя за застывшим взглядом хирурга.

¹ А. Дюма-сын.

— Смотри-ка! Отыскал-таки, дьявол глазастый! Слышишь, Отшельник?

Из грузового люка куттера выполз «черный человек», осторожно, почти по-человечески, пробуя псевдоногой почву. У Мальгина не было пси-рации, и ответа маатанина он не услышал, но и без того он был буквально ошарашен появлением новых действующих лиц.

Шаламов выслушал ответ «черного человека», отмахнулся. В отличие от маатанина, он дублировал свои мысли звуковой речью:

— Не дури, ничего с тобой не случится, потерпишь... Что значит — не можешь? Эти песни я слышу давно... ну и что? Держал же... ну, хорошо, хорошо, мы скоро... — Даниил снова поморщился, схватившись рукой за голову, ему действительно было плохо.

— Дан, — сказала Купава, вставая. — Я тебя заклинаю! Пусть Клим хотя бы посмотрит тебя как врач.

Шаламов окинул Мальгина горящим взглядом.

— Каким образом он посмотрит меня без своей аппаратуры?

— Напрямую, — хрипло сказал Мальгин. — У тебя есть еще одна пси-рация? Одна есть точно, ты же общаешься с «черным».

— Найду. И что дальше?

— Прямой синхроконтат. Я подключусь к твоему... мозгу напрямую, мне приходилось проделывать подобные контакты во время дежурства на «скорой помощи».

— А не боишься? Я ведь наполовину «черный».

Мальгин усмехнулся.

— А ты в свою очередь не боишься?

«Зверь» внутри Шаламова «обнажил клыки» и посмотрел на хирурга ледяными глазами.

— Хорошо, — сказал Даниил. — Даю тебе три минуты сроку, а потом мы с ней уйдем. Собирайся пока, Пава. — Не обращая внимания на испуганный жест жены, он направился к своему куттеру. Мальгин погладил Купаву по плечу.

— Все будет хорошо.

Купава не ответила, беззвучно глотая слезы. Ребенок перестал плакать, словно внимал словам Мальгина.

Орилоун с глазами превратился в «блин» и завис над «черным человеком», делающим осторожные попытки «пощупать» попавшееся на пути дерево «руками». Ему тоже было плохо. Добравшись до Купавы, смотревшей на него во все глаза, он вдруг принялся ее утешать! Вслух!

Коверкая слова, запинаясь, меняя регистр речи, хотя речевого аппарата, подобного человеческому, у него не было.

Мальгин пришел в изумление настолько, что забыл о своем положении. О Купаве и говорить нечего. Даже Шаламов был удивлен, хотя его удивление носило специфический характер.

— Еще один соперник! — фыркнул он, морщась. — Надо же, разговаривать выучился! Далеко пойдешь, аккумулятор.

«Черный человек» замолчал, потом пополз обратно к шлюпу, бросив последнее, жалобное:

— Прощальность...

Мальгин опомнился.

Подготовка к пси-контакту заняла всего две минуты. Шаламов сел в кресло пилота, Мальгин в соседнее, настраивая волю, нервные резервы, душевные силы на сопротивление первому натиску чужой пси-информации. Он почти справился со своим отчаянием, рожденным неизвестностью финала создавшейся ситуации, и старался не думать ни о чем, кроме предстоящего сеанса. Корону «защитника», которую вручил ему Ромашин, он снял, вызвав понимающую усмешку Даниила. Было видно, что держится Шаламов из последних сил, хотя и старается не показывать этого. Временами его облик начинал плыть, Даниил становился не похожим на себя, чужим, вмещающим в себя десятки других типажей, и тогда «дремлющий тигроштер» в нем ощущался сильнее.

— Готов, мастер? — спросил Шаламов гортанно; в голосе спасателя отчетливо слышался органно-металлический клекот.

— Да! — ответил Мальгин.

Держись, «черный»! — подумал он со взявшейся откуда-то веселой злостью и доломал отчаяние о колена. А в следующее мгновение на его голову обрушился весь внутренний мир-космос, вселенная Шаламова, измученного борьбой двух психик, человеческой и маатанской...

Первый взрыв эмоциональных переживаний Даниила Мальгин выдержал, хотя и с трудом удерживаясь на грани сознания: помог опыт, воля и страстное желание сделать то, что до него не делал никто. Погружение в «маатанское» подсознание Шаламова, властно довлеющее над большей частью его внутреннего пространства, было

очень трудным и болезненным. «Черный человек» психики сопротивлялся вторжению извне и «выталкивал» Мальгина, с яростью пытаясь подчинить его себе.

Мальгин шел по цепи чужих знаний и ассоциаций медленно, пресекая попытки появления собственного «я», сочувствия запертому в тесноте шаламовской психики «черному человеку» и постепенно приближая «скальпель» деформации биотоков к узлам информации, как бы готовя ее постепенный спуск по «информационным ступенькам» в свою память, и в какой-то момент остро пожалел, что Шаламов не в хирургической камере, где можно было бы вывести из его организма основные «шлаки» чужой информации, пользуясь благоприятным моментом.

Клим уже разобрался в хаосе вспыхивающих психических состояний Шаламова, был готов к предельной концентрации воли и психических сил — подавить центры чужой памяти и без вмешательства гипноаппаратуры, но в следующий миг ему показалось, что на голову рухнула скала!..

Очнулся он спустя несколько секунд. В голове гудело, сверкало, звенело, перед глазами мельтешили какие-то призрачные лица, геометрические фигуры и цветные пятна — «следы» памяти Шаламова, в ушах шумел прибор странных звуков — не реальных, а мысленных, потому что Мальгин одновременно осознавал, что вокруг стоит тишина. Он повернул голову: Шаламова в кабине не было, его эмкан валялся на сиденье. Голову пронзила острая, как заноза, тревога. Мальгин встал, его шатнуло, в глазах поплыло, но он заставил себя выбраться из кабины. Открывшаяся картина запечатлелась в памяти предельно ярко и четко: Купава, зажавшая рот рукой и протягивающая другую в сторону Даниила; сам Шаламов, пригнувшийся, неестественно растопырившийся, оглядывающийся на недалекие кусты; «черный человек» с орилоунским «глазастым» фантомом; Ромашин в необычном блестящем шлеме и телескопических очках, выглядывающий из-за кустов, и Марсель Гзаронваль, наполовину вылезший из-за обрыва с подводным ружьем в руках.

В ушах Мальгина бесшумно лопнула пленка глухоты, и он наконец услышал жуткую тишину непредвиденной им драмы. Шлем на голове Ромашина был прицельно-расчетным устройством «василиска», а ружье в руках Гзаронваля говорило само за себя.

— Не стреляйте! — крикнул Мальгин, не слыша своего голоса.

Ромашин включил «василиск», гипнолуч накрыл Шаламова и Купаву. В то же мгновение Шаламов ответил на удар, и даже на расстоянии в три десятка шагов Мальгин почувствовал силу ответного пси-удара, обрушившегося на Игната: это было уже не «рычание дремлющего зверя», а смертельно опасный прыжок «рассвирепевшего хищника!» Купава и Ромашин упали почти одновременно, хотя Клим и не понял в первый момент, из-за чего упала женщина. Зато он первым отреагировал на жест Гзаронваля, поднявшего ружье:

— Дан!..

Шаламов остался стоять в прежней позе, вполборота к нему, словно не слышал окрика, и тогда Мальгин, чувствуя себя так, словно внутри него рвутся мышцы и сухожилия, в три прыжка достиг Гзаронваля и ударил его по руке. Тяжелая металлическая стрела подводного ружья на длинном лине с треском вошла под камень у ног Шаламова. Тот медленно завалился навзничь, прямой, как монумент, будто стрела обладала силой убивать, не прикасаясь.

— Дан!

О, черт! Почему он упал? Стрела же в него не попала...

В голове вдруг вспыхнул свет, раздалось чьи-то слова:

— Я ведь — огонь, и холод, и... обман... Я — радугой пронизанный... уман...

Кто это сказал?!

Оцепенело Мальгин смотрел, как одетый в плавки Гзаронваль деловито сматывает литье ружья и снова поднимает его к плечу, прицеливается...

Зачем? Что он делает?..

— Стой! — шепотом проговорил он.

— Не мешай, слабак, а то очнется, — ответил Гзаронваль спокойно. — Неужели не понимаешь? Ромашин убил в нем человека, а очнется монстр.

— Не смей! — На негнущихся ногах Клим загородил Шаламова.

— Уйди, неудачник! — Стрела ружья угрожающе уперлась в грудь хирурга. — Натворил дел, а другие — расхлебывай. Ну?! — Голос курьера-спасателя был все так же спокоен и равнодушен, он верил в то, что говорил, и это дикое, циничное в данном положении спокойствие возбудило в душе Клима вулкан ненависти и жажду убийства. Прыгнув к Гзаронвалю, он выбил у него из рук ружье и, хотя спасатель мгновенно встал в стойку и приготовился к защите — осознанно, без удивления, он так жил, уверенный

в том, что имеет право на исключительность, — с первого же удара уложил его на камни, дав выход ярости и неприличному, никогда не испытанному раньше чувству мести. Остановился, опустошенный, оглядывая страшную картину места боя.

В разных позах на земле лежали четверо: Шаламов, Ромашин, Гзаронваль и Купава, но из них только Купава лежала относительно спокойно, мгновенно уснув от удара гипнолуча «василиска», да еще дочь Дарья в люльке.

И Мальгин вдруг с ужасом понял, что никогда не был и не будет свободен и всегда будет зависеть от взгляда, слова и жеста этой женщины, а его встречи с Карой — всего лишь слабый протест души, попытка обрести смысл жизни и выйти из заколдованного круга несчастливого бытия, куда он запер все свои мечты и чувства после ухода жены. Какие же силы потребуются ему, чтобы и после этих событий остаться для всех «человеком-да»? Где найти эти силы и кто поможет ему? Не Карой, и не Купава... и не Джума Хан... Снова одиночество? Если можешь, отче, чашу эту мимо пронести...

Мальгин постоял немного на подгибающихся ногах рядом с Шаламовым, глядя на его разгладившееся, спокойное лицо, неуловимо схожее и с лицом Прохора Жостова, и Висенте Оросо, и Ромашина, и многих других людей, кто был знаком со спасателем. Вспомнил о куттере. Еще можно было попытаться спасти Шаламова, как и Ромашина. Мозг начнет умирать минут через двадцать, и за это время можно было доставить их обоих к метро...

Клим поплелся к куттеру, будто во сне раздвигая руками воздух, ставший плотным, как вода. И тут над лесом сверкнули бесшумные молнии скоростных машин, с неба на берег озера посыпались пинассы и нефы безопасников с мигающими лампами предупреждения. Хирург остановился, рыхлый, как бы набитый ватой, опустошенный до предела, до нежелания жить.

Из севших машин выскакивали люди в белых кокосах — полная аварийная обойма — тридцать одна душа. К Мальгину подбежал Лондон.

— Черт возьми, что здесь произошло, Клим? Неужели Ромашин был прав? Опоздали?

— Извините, Майкл, — пробормотал Мальгин, прислушиваясь к себе; внутри него вдруг проклюнулось странное ощущение безмерной пустоты, в которой начали вспыхивать искры звезд, сначала редкие, тут же гаснущие, а потом по нарастающей — роями и облаками. И каждая

«звезда» превращалась в строчку информации, в понятие, которых Мальгин до этого не знал, — в нем заговорила память Шаламова!

— Что с вами? — донесся сквозь глухой «шум» колоссального поля информации голос Лондона.

— Господи! — прошептал Мальгин, поднимая глаза на поддерживающего его под локоть начальника отдела безопасности. — Помогите мне... — Клим шагнул к оплывшему телу «черного человека», уперся в него плечом. — Помогите втащить его в куттер, быстрее!

— Зачем?!

— Я знаю, что это такое! Маатане не разумные существа в полном смысле этого слова, они действительно аккумуляторы, причем не только информации, но и энергии. Правы были эксперты... Миллиарды лет назад их хозяева пришли из иной вселенной по «струне» первичных «серых дыр», соорудили Орилоух и Стража Горловины... Страж — это центральный узел перехода обратно в тот мир, хотя к настоящему времени он почти «зарос»... Все это не суть важно. Помогайте!

Лондон очнулся и дал неслышимую команду: трое оперативников бросились к ним на помощь, приволокли универсальный антиграв для транспортировки негабаритных грузов, взгромоздили на него тушу маатанина и впахнули в чрево куттера. Остановились, глядя на Мальгина.

Хирург, запыхавшись, повернулся к Лондону.

— Майкл, эта машина поднимет меня только километров на двадцать, дальше нужен драккар или десантный когг, без экипажа. Пусть встретит меня по пеленгу на выходе из стратосферы. Спасайте Ромашина, еще успеете.

Лондон остановил его.

— Что вы хотите делать?

— «Черного» надо немедленно убрать подальше от Земли, тысячи лет он аккумулировал энергию, и теперь внутри него — адова пропасть! В идеале было бы хорошо отправить его в Горловину... он туда и направлялся, вез готовую к употреблению продукцию... вместе с собой, но Дан вытащил его обратно, не ведая, что вытаскивает опаснейшую из бомб...

— Я думаю, что вы не правы, он знал, кого возил с собой.

— И последнее... — Мальгин не имел желания спорить, чувствуя головокружение. — На тот случай, если я не успею... маатанские проникатели — это нечто вроде передвижных «роддомов», предохраняющих «черных» от спон-

танного энергоизвержения, поосторожнее с ними, если встретите. Я пошел. До встречи, Майкл.

— Стойте. — Лондон отстранил Мальгина твердой рукой. — Это уже не ваше дело. — Сел в кабину. — Всем продолжать работу в прежнем темпе. Ромашина и Шаламова — в клинику! Калина — «три девятки» в эфир.

Бластер бесшумно вошел в паз, куттер свечой рванул в небо. За ним тенью скользнул «миллионноглазый» орилоунский «призрак». Мальгин, опустив руки, смотрел им вслед, постарев сразу на сто лет. Взмолился в душе: Господи, если ты человек, не дай им взорваться! Не карай невинных, ни слабых, ни сильных, а с недобрыми мы справимся сами! Подожди немного...

Кто-то тронул его за плечо, раз, другой... Клим повернул голову — рядом стоял Джума.

— Очнись, мастер. Кажется, наша работа еще не завершена. — Хан смотрел за спину хирургу. Мальгин оглянулся.

Шаламов пытался встать, царапая землю руками, не обращая внимания на обступивших его людей. Встал! Оперативники попятились.

Внезапно Мальгину показалось, что воздух вокруг странно загустел, завибрировал, навалилось жуткое ощущение нависшей над всеми горы! В ушах поплыл звон гигантской, готовой лопнуть струны.

Шаламов повернулся к ним, и на Мальгина сквозь маску человеческого лица взглянула иная вселенная!..

Часть пятая

ТРЕТИЙ

Глава I

Удар ускорения был так силен, что Лондон едва не потерял сознание.

Еще никогда в жизни ему не приходилось гнать машину в таком темпе: куттер за двадцать секунд набрал скорость более тысячи километров в час!

В ушах проклюнулся шум заработавшей линии связи «спрута»: бормотание инспекторов транспорта, освобождавших на пути куттера все эшелоны и трассы, переключки спасательных обойм, зуммеры скоростных передач инков всей системы СПАС, обрабатывающих поступившую задачу. Сквозь этот шум пробился четкий и спокойный баритон:

— «Три девятки» развернуты. Рандеву с десантным шлюпом через три минуты сорок две секунды на высоте двадцать один шестьсот. Вас примут на автомате, не вмешивайтесь. После стыковки выпрыгивайте в люк, вас выловит вторая машина. Не забудьте надеть маску.

— Хорошо, — мысленно ответил Лондон, обливаясь потом от нахлынувшей слабости.

Инк-координатор куттера понял его состояние и сбавил ускорение, дышать стало легче.

— Оператору тревоги СПАС-главный, — всплыл из множества звуков в ушах еще один голос. — Спейсер «Мичиган» готов к перехвату машины в Приземелье. Цель на радарном поле.

— Отставить! — прошептал Лондон, от волнения дублируя голосом мыслесвязь. — Перехват будет осуществлен в режиме «теннисист» силами отдела безопасности. Подготовьте клируэй¹ к солнцу по данным «трека», очистите канал от общественного транспорта.

¹ К л и р у э й — скоростная трасса.

CP

— Выполняю.

Лондон с трудом повернул голову, чтобы посмотреть на маатанина — люк в грузовой отсек куттера был открыт, но от напряжения в глазах поплыли огненные круги, и разглядеть, что делает «черный человек», не удалось.

— Это величайшая из бомб! — проявились в памяти слова Клима Мальгина. Ледяной озноб пробежал по спине, по лицу стекали капли горячего пота. Я сейчас представляю собой спай термоэлемента, почти спокойно подумал Лондон, и через меня, наверное, течет ток... Хорошо, что службой наработан опыт внезапности, все точно знают, что делать, и не путаются под ногами даже при появлении таких невероятнейших *casus improbus*¹... И спасибо Шаламову, что взял куттер формулы «три эс»², в другой машине я бы не выдержал такого набора скорости...

— Выходим в расчетную сферу рандеву, — доложил инк. — Торможение до двадцати единиц в импульсе. Может быть, я вас катапультирую раньше?

— Выдержу, — пробормотал Лондон, собираясь в комок. — Кому повешенному быть, тот не утонет.

И вдруг перед глазами разгорелось облачко алых искр, хотя на самом деле это был фантом пси-связи. Из облачка вытекли три ручейка света, которые превратились в дрожющие строчки английского языка:

— Человек, уходи! Я не в состоянии контролировать балансы энергии «эго», через несколько секунд произойдет спонтанный разряд. Ваш друг прав: в настоящий момент я — бомба. Уходи!

— погоди! — взмолился Лондон, пытаюсь встать. — Прдержись чуть-чуть, осталось совсем немного, минута-две, и тебя заберет джамп-шлюп...

— Мое бытие — нуль, прощай, человек...

Лондон встал — при шести «же» ускорения! — сполз на пол кабины, пытаюсь сквозь кровавый туман разглядеть люк в грузовой отсек, и в этот миг в кабине возникло и окутало человека переливчатое облако, наполненное странной икрой: в каждой икринке — глаз!

Орилоунский «призрак»! — подумал без удивления Лондон, продолжая ползти к люку, нащупал края, приподнялся, и ему показалось, что маатанин плюнул в него струей черного пламени...

¹ Непредвиденный случай (*лат.*).

² От англ. *speed, saving, comfort* — скорость, экономичность, комфорт.

Мальгин выключил проектор и некоторое время сидел с эмканом на голове, вспоминая спокойное и уверенное лицо Майкла Лондона, потом снял легкую дужку эмкана — аппарата пси-управления, подержал над столом и отпустил. Дуга превратилась в бутон цветка, втянулась в блестящую гладкую поверхность, в глубине которой разгорались и гасли строки сообщений внутриинститутской информсети.

Итак, совершенно очевидно, что если бы не орилоунский «глазастый» фантом, «черный человек» взорвался бы по-настоящему и загадил атмосферу, как тысяча Чернобылей, вместе взятых! Мальгин невольно поежился. Спаси и помилуй!.. Но энергетического взрыва не произошло. То ли «глазастый» поглотил всю энергию маатанина, то ли направил ее куда-то по запредельной «струне» в иное пространство, то ли закапсулировал в себе неизвестным образом. Зато он не успел предотвратить другой взрыв — информационный, и разряд пришелся на бедную голову Майкла Лондона, бывшего начальника отдела безопасности, человека решительного и смелого. Как говорится, рок обреченного найдет. А в результате мы теперь имеем не одного, а двух нелюдей, Шаламова и Лондона, две нечеловеческие вселенные, с которыми необходимо заново устанавливать связь. Впрочем...

Мальгин выключил аппаратуру кабинета и вызвал Зарембу.

Впрочем, имеем мы всего лишь одного монстра — Лондона, и где сейчас второй — Дан Шаламов — неизвестно.

Бывший курьер-спасатель ушел от них еще тогда, почти четыре месяца назад, после схватки на Симушире, когда Ромашин разрядил в него гипнотизатор «василиск», усыпив человека, но разбудив Шаламова — «черного человека», который, с легкостью пройдя сквозь заслоны обоймы безопасности, оседлал галион и ушел...

— Где же ты, Дан? — прошептал Мальгин, глядя перед собой и не видя вошедшего Зарембу. — Что же ты бросил Купаву, спасатель?

— Я?! — изумился молодой нейрохирург.

Мальгин очнулся.

— Извини, я разговаривал сам с собой. Проходи. У меня к тебе просьба... — Мальгин задумался, уходя в себя, в измученную сомнениями душу. — Никто не знает, что на Симушире я пытался подключиться к мозгу Шаламова напрямую... — Хирург усмехнулся, увидев круглые от изумле-

ния глаза Зарембы. — Да-да, через обыкновенный эмкан, и мне, по-моему, это удалось. А сейчас я все больше убеждаюсь в том, что во мне «закопаны» некие «черные клады» — знания, которые в одиночку мне не расшифровать, — след памяти Шаламова.

Глаза молодого хирурга сделались еще больше, но реакция его была такой, какую и предполагал Мальгин. Таланов бы сказал: «Ты с ума сошел! Представляешь последствия?!», а Заремба произнес шепотом:

— Ну ты даешь, мастер! Вот здорово! Представляешь, что мы можем узнать?!

Мальгин невольно засмеялся и сразу посерьезнел.

— Представляю, анархист. Вот поэтому я и обращаюсь к тебе за помощью. Я нащупал метод считывания и дешифровки моего «темного знания», а ты мне поможешь. Но никому ни слова! До тех пор пока не появятся результаты.

— Но ведь это, наверное, опасно... я имею в виду недозируемый стаз криптогнозы в сферу сознания. Могут быть нежелательные последствия.

— Еще первобытные жрецы умели открывать и закрывать без ущерба для психики подсознание, почему же не сможем мы, вооруженные их опытом и современной техникой? В общем, пока молчок. Могу я на тебя положиться?

— Буду нем как рыба!

— Договорились. Вечером пройдем первый цикл эфанализа, я подготовлю Гиппократ, а ты пока полистай информатуру по палеомедицине. Встречаемся в девять вечера в боксе Стобецкого.

— Слушаюсь, шеф!

Заремба вытянулся, четко повернулся, щелкнув кабелями, и вышел, заинтересованный и обрадованный доверием старшего товарища и предстоящей интересной работой. Он оставался самим собой при любых обстоятельствах: метался, постоянно испытывая здоровую неудовлетворенность, не сомневался в правильности своих поступков, жил по собственным программам и отличался кипучей активностью и хронической невоспитанностью. И все же нейрохирург из него вылуплялся талантливый.

— Лучшего не найду, — вслух подумал Мальгин.

Он уже собирался уходить, когда киб кабинета сообщил о чьем-то запросе.

— Включай, — через силу кивнул Клим; разговаривать ни с кем не хотелось.

Виом напротив воспроизвел пяточок домашней обстановки и молодую девушку, почти девочку, чем-то похожую на Купаву, однако напоминавшую также и Карой, и мать Мальгина в молодости, и кого-то еще. Но схожесть ее с Купавой была очевидна: тот же овал лица, огромные серо-голубые, с зеленоватым оттенком, глаза, брови вразлет и необычная складка губ, придававшая лицу неповторимую прелесть печального очарования... Сердце дрогнуло, и сразу же навалилась тоска и желание увидеть Купаву. Мальгин с трудом удержался от соблазна выключить виом.

— Доброе утро, — произнесла незнакомка певуче, на русском языке, но с уловимым акцентом. — Меня зовут Акилина или, если хотите, Акулина, я дочь Лондона.

Мальгин захлопнул рот, «включая» привычное самообладание. До этого дня он не видел дочери Майкла, хотя и знал, что она существует. Но девчонка была красива, а главное, похожа на Купаву, что и подняло в душе хирурга бурю чувств.

— Слушаю вас.

— Извините за вторжение, я знаю, как вы заняты. У отца никаких изменений?

Мальгин помолчал, переживая приступ иссушающего душу бессилия:

— Все то же: без сознания.

Он не стал говорить ей, что у Лондона идет тот же процесс, что и у Шаламова когда-то, хотя и медленнее, и помешать этому земная медицина не смогла.

— Могу я поговорить с вами не по видео?

«Зачем?» — подумал Клим, но вслух сказал:

Можете. Завтра утром, в восемь тридцать у меня в институте, не более получаса.

Девушка молча кивнула, принимая ответ хирурга как должное, и выключила связь, повесив в воздухе короткое и странное «аве».

— В его устах звучало «завтра», как на устах иных «вчера», — глубокомысленно пробормотал Мальгин строфу из стихотворения Пастернака. Отголосок смутной боли, который вошел в сердце и заставил душу вырастить руку и пошарить вокруг в поисках резонанса, стих. Все стало на свои места. Была Купава, существовала Карой... и Джума Хан, и Даниил Шаламов. И красивая девочка по имени Акилина... нет, действительно, лучше Акулина, Акуля: пухлые губы, брови — как крылья, тонкая талия... птица, готовая к полету. Интересно, сколько ей лет? Судя по впечатлениям Ромашина, который встречался с семьей

Лондонов не раз, ей не более семнадцати. По сути ребенок. Впрочем, как и во все времена, девушки формируются раньше парней.

Мальгин поймал себя на том, что думает не о деле, и рассердился.

Что с тобой, мастер? Что за вздор лезет тебе в голову? Не пора ли наконец прекратить препарировать душу скальпелем диких сомнений, поклоняться идолу хандры и ждать неизвестно чего?..

А выходя из кабинета, он нос к носу столкнулся с Игнатом Ромашиным, экспертом аналитического центра Управления безопасности.

Бывший начальник отдела безопасности выглядел, как всегда, уравновешенно-приветливым и внимательным, словно не пережил момент небытия, когда его на Симушире накрыл ответный пси-удар Шаламова. Но именно поэтому он был дорог Мальгину, и его появление всегда благоприятно действовало на психику.

— Похоже, я не вовремя, — проговорил Ромашин, отступая.

— И да и нет, — заулыбался Мальгин и сделал приглашающий жест. — Входите.

— Вы куда направляетесь, если не секрет?

— Домой, кое-что надо обдумать и сделать, а мой «домовой» — помощник неплохой, разве чуть-чуть хуже Гипократа.

— Тогда я вас провожу, поговорим по пути. Кстати, как состояние Лондона?

— Положение остается сложным, хотя процесс преобразования нервной системы почти прекратился.

Они направились к лифту, потом нашли такси, доставившее их к станции метро.

— Мне звонила дочь Лондона, — сказал Мальгин, набирая в кабине метро код Смоленска. — Вы ее знаете?

— Чисто внешне. Судя по репликам Майкла, очень самостоятельная особа... с великолепными данными. А? — Ромашин приподнял бровь.

— Согласен, — кивнул Мальгин без улыбки. — Она хочет увидиться со мной, поговорить о чем-то. О чем? Об отце она может узнать и без меня. Я оценил ее возраст в семнадцать лет, не ошибся? Хотя это не имеет никакого значения.

— Ошиблись всего на год, ей шестнадцать.

Автомат метро быстро прошепелявил: «Внимание! Смоленская станция «Десна-три». В глазах потемнело, привыч-

но перехватило дыхание, и они вышли в зал станции метро «Десна-три», ближайшей от дома хирурга.

Через пятнадцать минут Мальгин открыл дверь квартиры и впустил Ромашина, вошедшего с некоторым колебанием.

— Спешу, — пояснил тот в ответ на взгляд хозяина.

— Надеюсь, не настолько, чтобы не зайти. Кофе, чай, медовый напиток?

— Сбитень? Не откажусь. Сами готовите?

— Рецепт прабабушки Ули, ему лет сто.

— В таком случае задержусь на пару минут, только позвоню кое-кому.

Пока Мальгин готовил сбитень (пьют его горячим, сразу после приготовления), Игнат познакомился с его «домовым» и поговорил с кем-то, Клим расслышал только короткое «позже» и произнесенное несколько раз «нет».

Расположившись в креслах напротив друг друга, они принялись прихлебывать пахнувший мятой, горячий, в меру сладкий, чуть горьковатый напиток.

— Отменно! — похвалил гость кулинарные способности хозяина. — В последний раз я пивал сбитень у Лондона, но у него он с кислинкой, а у вас с горчинкой, что, на мой взгляд, вкуснее.

— Что Америка против Европы! — небрежно махнул рукой Мальгин, и оба рассмеялись. Потом Клим внимательно посмотрел на Ромашина. — Вашу манеру я знаю, без причины не заявили бы.

— Вы правы. И хитрить не собираюсь, потому что и я вас знаю достаточно, вы любите сразу брать быка за рога. Кстати, у американцев насчет этого есть своя формула: никогда не жуйте пилюлю, которую вас заставляют проглотить.

Мальгин кивнул.

— Правило Старджона, один из законов Мэрфи. Итак, не будем жевать.

— Я хотел предложить вам на пару поискать Шаламова. У меня появились некоторые идеи. Этим мы, между прочим, могли бы помочь и Лондону, — добавил Ромашин, угадав ответ в глазах Клим, и хирург воздержался от категоричного «нет». Задумался.

Посидели, налив еще по бокалу золотистого, с оранжевыми искрами, напитка. «Домовой» по мысленному приказу хозяина включил музыку, и комнату заполнили тихие гитарные переборы, сквозь которые пробился хрустальный ручеек свирели.

Ромашин ощупал лицо хирурга взглядом серых цепких глаз, едва заметно улыбнулся.

— Решаете, не слишком ли отдает авантюрой? Риск, естественно, неизбежен, однако выигрыш очевиден.

Знал бы ты, дорогой Игнат, мое отношение к риску, подумал Мальгин, невольно развеселившись. Я авантюрист не меньшего класса.

Бывший начальник отдела безопасности, а теперь эксперт отдела, член Совета старейшин — синклита, как его называли, подметил изменение в настроении Клима, но понял его по-своему:

— Я слежу за вами вот уже три с лишним месяца, мне кажется, вы... как бы помягче выразиться... закалились, что ли, закалились, как говорят спортсмены. Хотите, процитирую? Нужно, как то свойственно сильному, отдавать предпочтение вопросам, которые в наши дни никто не осмеливается ставить; необходимо мужество, чтобы вступать в область запретного... Продолжать?

— И семикратный опыт одиночества, — глухо проговорил Мальгин. — И новые уши для новой музыки. И новые глаза — способные разглядеть наиотдаленнейшее¹...

— И семикратный опыт одиночества, — повторил Ромашин, понимая глядя на Клима; черт ли, дьявол или ангел? — он все знал о хирурге. — Итак?

— Я задумался по другому поводу, а не из-за недостатка решительности.

— Кажется, я догадываюсь: хотите покопаться в себе, попытаться прочесть след, оставленный памятью Шаламова?

— Откуда вы?..

— Парасвязь, — серьезно сказал Ромашин. — Между мною и вами установлен телепатический мостик... впрочем, шучу. К сожалению, я не интрасенс. Просто у меня есть выход на вашего Гиппократ, а он не делает секрета из ваших личных поисков. Я согласен подождать. Если после эксперимента с вами ничего не... простите, оговорился. После эксперимента я свяжусь с вами.

— Каркнул ворон: «Nevermor!..»²

— Что?!

— Это я про себя... Согласен.

Ромашин поставил бокал на плавающий рядом поднос и встал.

¹ З. Фрейд.

² Э. По. «Ворон».

— До связи.

Мальгин проводил его до двери, пожал твердую руку и вдруг вспомнил:

— Одну минуту, Игнат. Не могли бы вы помочь мне с кое-какой информацией? Не из медицинской области.

— Что вас интересует конкретно?

— Например, что творится на Таймыре, на Маате, в Горловине. Хочется знать, кто ведет поиск Даниила, где, какими методами...

— Я обеспечу вам доступ к линии «трека» УАСС, а понадобится — и к инкам отдела безопасности. Код выхода — три нуля семерка плюс мой личный номер эксперта.

Ушел.

Мальгин закрыл дверь и задумчиво побродил по гостиной, убрал бокалы, затем выключил музыку и включил видео — канал вечерних новостей. А из головы не шла фраза: «И семикратный опыт одиночества...» Очень хотелось поговорить с кем-нибудь не о деле, не о медицине — по сути ни о чем, но Джума Хан был далеко, за пределами Солнечной системы, а Карой не поняла бы колебаний хирурга. Он и сам с трудом их понимал. Но каков Ромашин! Змей-искуситель. Вернее, авантюрист-искуситель чистых кровей, все-то у него рассчитано на пять ходов вперед, все-то он знает, все анализирует... А готов ли ты к тому, чтобы «ставить вопросы, которые в наши дни не осмеливается ставить никто?» — спросил сам себя Мальгин. Например, что тебе стоит взять и нанести визит семье Шаламова? Зачем откладывать разговор с Купавой, если и без того ясно, что речь пойдет о перспективах поиска мужа? Другое дело — что сказать в ответ...

И Мальгин отправился переодеваться.

Глава 2

Купава, как и прежде, жила не в Брянске у Шаламова, а в своем модульном доме формулы «гроздь винограда» на окраине Рязани, по сути в центре древнего экопарка. Квартира венчала «гроздь» на высоте триста метров и смотрела на все четыре стороны света. Вид отсюда, из «пузыря» лифтовой кабины, открывался великолепный, и Мальгин несколько минут любовался пейзажами лесов, полей и перелесков середины сентября, начала осени...

Мальгин не задумывался, почему он так уверен, что Купава дома, но интуиция его — истоки уверенности — не подвела, женщина была дома. И снова лицо ее, недоверчиво-изумленное, ошеломляющее странной, противоречивой гаммой особого милого трагизма — в уголках губ ли, изломе бровей, загадочности взгляда? — заставило хирурга вздрогнуть и ощутить волну огня и холода, тоски, и старой боли, и невольного ожидания каких-то открытий... которые не заставили себя ждать!

Его сразу насторожило отсутствующее выражение лица Купавы и затуманенные глаза. А потом он услышал музыку, и по тому, как вдруг сладко закружилась голова, понял, в чем дело: это была наркомызыка. Купава крутила наркокклипы!

Отстранив женщину, он прошел в гостиную, озаряемую сполохами цветоселектора, вытащил из проектора блок иглокассет и с хрустом наступил на него каблуком. Но голова прояснилась не сразу, а на языке долго оставался приторный вкус какой-то гнили. Мальгин в свое время профессионально интересовался воздействием наркомызыка, «раскачивающей» биоритмы деятельности мозга, обостряющей восприятие электромагнитных колебаний низкой частоты, и знал, что нужно делать, чтобы снять стресс выключения.

Подхватив слабо сопротивлявшуюся Купаву на руки, он затащил ее в ванную, пустил горячую воду и, сорвав с нее халат, сунул под струю душа. Через минуту сменил воду на холодную, затем снова на горячую, и последние две минуты буквально исхлестал ледяными струями тело Купавы. Растер ее докрасна махровым полотенцем, пока она не запротестовала, едва слышно выдохнув:

— Я сама.

Пройдя на кухню, знакомую до тихого бешенства, Клим вскипятил молока, нашел в аптечке возбуждающее (кто-то побеспокоился заранее), растворил таблетку в чашке и отнес в гостиную, где Купава устроилась с ногами на диване в форме спящего льва.

Кивком поблагодарив его, она принялась прихлебывать из чашки, дуя на молоко. Мальгин смотрел, как она по-детски выпячивает губы, ослабевшая, бледная, сонная, круги под глазами, и в душе рвались бомбы и гранаты, отряды шли на отряды, и кто-то погибал каждую секунду, и крепла уверенность, что напрасно он бежал от себя, его будущее — перед ним, и росло чувство вины перед Карой, которая ждала его решения, делая вид, что ничего не решила сама..

Купава успела переодеться в шорты и полупрозрачную майку, по которой бродили, смешиваясь, цветные и тоже полупрозрачные пятна. Пышные волосы она сколола сзади гребнем в форме рыбьего хвоста, и взору открывались ее маленькие розовые уши с замысловатой формы сережками из серебристого металла, с вкраплениями черного блестящего камня. Кольцо на пальце и браслет из того же материала, подаренные ей Даниилом, дополняли гарнитур, хотя, по мнению гостя, и не соответствовали ряду.

— Что разглядываешь? — подняла она взгляд на хирурга, стоявшего напротив, руки в карманах; попыталась приободриться, а может, уже сказывалось действие лекарства. — Давно не видел?

— Все, что угодно, но это! — Мальгин глубоко вздохнул, сдерживая клокотавшую в душе ярость. — Наслаждение должно быть результатом, побочным эффектом достижения цели, а не целью, иначе оно обесценивается. Ты в состоянии это понять? Кто надоумил тебя воспользоваться наркочипами? Ты не знаешь разве, что в одиночку слушать их опасно — можно не выйти из транса?

Купава усмехнулась, отчего присущий ее лицу особый милый трагизм исчез, сменившись гримасой высокомерия и скрытого злорадства.

— Билл сейчас придет, так что я не одна... и лучше бы тебе уйти раньше.

Мальгин покачал головой, понимая, что сейчас вряд ли достучится до ее логики и здравого смысла, но все же сказал:

— Помнишь, ты спросила, простил ли я тебя? Я тогда ответил, что простил. Да, я готов простить все, что ты сделала мне, но никогда не прощу того, что ты делаешь себе! И дочери. Кстати, где она?

Купава смахнула пот со лба, опустила взгляд.

— Какое это имеет значение? У матери. Что тебе еще хочется узнать? Спрашивай и уходи. — Она с трудом встала и пошла в ванную. Зашелестели струи душа.

Мальгин прошелся по комнате, разглядывая обстановку и оценивая, что изменилось с момента последнего его появления здесь. Остановился у стенки красивого гарнитура под старину, с двумя стеклянными фонарями-уступами серванта. На прозрачных полках «фонарей» среди обычных безделушек, посуды, сувениров из разных стран лежали странные предметы, которых Клим никогда пре-

жде не видел. Заинтересовавшись, открыл дверцу и взял с полки круглый и плоский диск, похожий на голыш, окатанный морем. Голыш оказался неожиданно тяжелым и был слеплен из мелких черных кристалликов. Время от времени внутри него вспыхивала искра света и разбегалась тающим световым кольцом к его краям. Камнем голыш быть не мог, но и металла с таким удельным весом Клим не знал. Он перевернул голыш и вздрогнул: диск исчез! Не веря глазам, хирург посмотрел на пол — не закатился ли куда? Но голыш как сквозь землю провалился, растаял в воздухе как мираж.

Ошеломленный хирург не сразу обратил внимание на тихий вскрип, идущий словно из-за стены, затем прислушался и с растущим изумлением понял, что «плачет» второй необычный предмет из коллекции на полке — нечто похожее на дышащую черную свечу. Стоило посмотреть на нее пристальнее, как всхлипывание и тоненькое завывание усиливались, а сама она начинала корчиться, оплывать и вытягивать вверх неяркое желтое пламя, будто чувствовала взгляд и старалась обратить на себя внимание, и замирала, когда Клим отворачивался.

Третьим предметом был шар, слепленный из редкого светлого тумана, внутри которого то плыли звезды, спирали и эллипсоиды галактик, то вихрились огненные смерчи взрывов, то метались какие-то живые тени с просверкивающими из мрака глазами-бусинами.

Что-то звякнуло о стекло, Клим снова вздрогнул, разглядывая появившийся ниоткуда, из воздуха, голыш с искрой внутри. М-да! Странная вещичка, если не сказать больше, можно даже подумать, неземная. Как и две другие, впрочем. Интересно, откуда они здесь, где их достала Купава? Или вопрос лучше поставить по-другому: кто ей их подарил?

В прихожей что-то вдруг зашуршало, скрипнуло, с грохотом упал какой-то предмет, похоже — лыжи, раздались быстрые шаги и в гостиную ворвался высокий, загорелый до черноты, мускулистый парень, одетый более чем странно: в обтягивающие ноги брюки-сетку — ни дать ни взять — рыболовная сеть! — сквозь которые виднелись узкие желтые плавки, и в нечто напоминающее металлическую кирасу с дырами на груди, а также высокие ботинки а-ля «коммандос». В руке, запястье которой обхватывали штук семь разноцветных браслетов, он держал блок видеокассет. Замер на пороге, уставившись на Мальгина, улыбка сбежала с его губ.

— Пава, ты не одна? Смотри, что я принес: «Жизнь после смерти» Парнавы. Кто это? Родственник? Друг предка? — говорил вошедший по-английски.

Из ванной вышла Купава, распустив мокрые волосы по плечам, с иронией посмотрела на Мальгина.

— Это мой бывший муж, друг Дана.

— А здесь он что делает? Ты его пригласила? — Юноша говорил очень быстро, был бесцеремонен и нетерпелив и не понравился Мальгину сразу. Глаза парня, посаженные слишком близко по канонам классических пропорций, черные и блестящие, таили в себе заряд неизвестных эмоций и отражали характер бескомпромиссный и решительный. Впрочем, подумал Клим флегматически, я могу и ошибаться.

— Это Билли, — представила нового гостя хозяйка, — Вильям Шуман, друг Марса и мой друг, заканчивает факультет археонавтики Тверского института истории и культуры.

Гость осклабился и шаркнул ногой.

— Добавь: прямой потомок великого композитора, спортсмен, художник, артист, лауреат многих премий...

— Не стоит, Билли, — нахмурилась Купава, вдруг по-розовев, — не ерничай. Подожди меня в моей комнате, я скоро освобожусь.

Шуман рассмеялся и, поигрывая мышцами, подошел к Мальгину.

— Вот, значит, как выглядит знаменитый нейрохирург Клим Мальгин, угробивший друга. Соперник Марса. Ничего, с виду он даже... герой!

Ни по роду деятельности, ни в системе бытовых отношений да и в рамках воспитания Мальгин никогда не сталкивался с подобными людьми, не считая Марсея Гзаронваля, но жизнь уже научила его, как реагировать на их действия. Если шутовство и ерничество не заходили далеко, не задевали честь мундира, не переходили в злопыхательство и насмешку, это забавляло, в ином же случае надо было уметь давать отпор. Такие люди уважали только силу.

— Не понимаю только, какого дьявола ему здесь... — фразы Шуман не закончил.

Клим молча скрутил ему руку за спину, так что тот пискнул от боли, отобрал блок кассет и повел, согнувшись, к выходу. Открыв входную дверь, так же молча придал парню ускорение, проследил за траекторией полета и аккуратно закрыл дверь. Вернулся в гостиную.

Купава хмурилась и улыбалась одновременно, однако разговор повела резко:

— А ты горазд драться, мастер. Изменился. Раньше мог убедить словом, теперь же не брезгуешь и кулаком. Аль ослабел?

— Извини, — пожал плечами Мальгин, пряча принесенные Шуманом кассеты в карман. — Иной раз кулак намного убедительнее слова, особенно для некоторых твоих друзей. — В голосе его вдруг лязгнул металл. — Если он или кто-то другой предложат тебе ви-нарко, я из них дух вышибу! Передашь? Не забудь, пожалуйста, и ты меня знаешь: сказал — сделаю. Одно меня удивляет: как это ты, талантливый психоскульптор, красивая, умная женщина, связалась с дилайтменами?¹ Чего тебе не хватает?

— Тебе не понять. — Губы Купавы задрожали, но глаза вспыхнули угрозой и злостью. — Они делают все, что я захочу, и мне это нравится! И не ходи больше сюда, слышишь? Ты чужой! Мне, Дану, дочери. Чужой! И пусть совесть твоя будет чиста: я сама способна постоять за себя, выбрать друзей, подруг, занятия и круг интересов.

Видимо, Мальгин побледнел, потому что зрачки Купавы расширились, она отступила на шаг, не спуская с него огромных глаз. Прошептала:

— Уходи, Клим, прошу тебя, у нас давно уже разные дороги.

Внутри Мальгина что-то погасло. Он постоял немного, пытаясь избавиться от гулкого эха слова «чужой» в пустой голове, и побрел к дверям. Оглянулся, вбирая взглядом съезжившуюся, как от удара, фигурку женщины.

— Людям, не слушающим советов, нельзя помочь. Я никогда не желал тебе зла, ты прекрасно это знаешь, поэтому и бесишься, когда я задеваю твоих друзей... которые на самом деле далеко не друзья, а враги. Когда-нибудь ты убедишься в этом, дай Бог, чтобы это случилось не поздно. Но не надейся, что я оставлю тебя в покое... по крайней мере до тех пор, пока не отыщется Даниил.

— А зачем его искать? — криво улыбнулась Купава. — Он сам...

— Что? — быстро спросил Мальгин. — Что сам?

— Сам отыщется, — нашлась женщина, явно чего-то не договаривая. Но у Клима не осталось сил это выяснять. Купава вдруг оживилась, уходя от неприятной темы.

¹ Д и л а й т м е н — от слова *delight* — наслаждение (англ.).

— А что ты так печешься обо мне, мастер? Что ты мещешься между мной и этой... Карой, кажется? Так ее зовут? Что это за дрейф влюбленности?

Гзаронваль, его подача, сказал кто-то равнодушно в глубинах души Мальгина. А он мог узнать от кого угодно, от того же Джумы. Ну и тварь же ты, бывший курьер-спасатель, «друг» Дана! Неужели урок не пошел впрок?

— Кто она? — продолжала Купава с издевательской теплотой в голосе, наслаждаясь его молчанием. — Случайная подруга, жена, любительница острых ощущений, путана или, как и я когда-то, просто среда, необходимая, но никаких конкретных действий не предпринимающая? Знаешь, как зрители на концерте? Признайся, я ведь была неплохой зрительницей, не так ли?

— Не так, — тяжело, словно ворочая камни, выговорил Мальгин, унимая поднявшуюся в душе ненависть к наушникам, нашептывающим Купаве гнусные вещи. — Я виноват лишь в том, что не оглянулся на тебя, прокладывая дорогу для двоих.

— А может быть, то была дорога для одного? — тихо проговорила Купава, на миг превращаясь в ту, единственную, которую он когда-то любил.

Когда-то? А сейчас?..

— До встречи, — сказал он, удерживая рванувшееся сердце обеими руками, переживая который раз горечь невозполнимой утраты. — Я еще приду.

Добираясь домой, он вспоминал свои разговоры с Ромашинным, и спорил сам с собой, и ругался, и стонал в бессилии, понимая, что связан обязательствами по рукам и ногам. И разорвать эти цепи он не имел права до тех пор, пока не выяснится судьба Шаламова, а стало быть, и судьба остальных людей, так или иначе связанных с ним.

Давно ли он был человеком-да? И остался ли им? Да и стоит ли быть им всегда и везде? Говорил же древний философ: человеку нужна смесь мужества и слабости, уныния и самоуверенности¹. Дело только в пропорции...

Утром Клим просмотрел кассеты, отобранные у друга Купавы, выбросил их в утилизатор, после обычного полчасового тренинга позавтракал и был приятно удивлен, когда «домовой» доложил ему о какой-то кодовой программе, поступившей в комп ночью.

¹ Вовенарг.

— Включай, — приказал хирург, надевая обычный рабочий костюм: серую, с голубыми погончиками и бахромой, рубашку и такие же брюки.

— Дежурный-шесть по «треку» слушает, — раздался приятный мужской голос, принадлежавший, несомненно, инку.

— Информацию по Таймыру можете выдать?

— Уточните район и что имеется в виду конкретно.

— Район, э-э... северный берег озера Таймыр.

— Понял, квадрат гарантированного риска, объект — орилоунская машина мгновенного масс-транспорта. С какого времени и какие сведения вы хотели бы получить?

Молодец Игнат, подумал Мальгин, похоже, подключил-таки меня к «треку» безопасников.

— Охарактеризуйте ситуацию и дайте картинку нынешнего состояния.

Виом, мигнув, развернул пейзаж северного побережья озера Таймыр, в песках и торфяных глубинах которого был обнаружен «скелет» орилоуна — неземного варианта метро, обладающего сверх того еще и неизвестными функциями. Снимок был сделан утром, и косые лучи солнца рельефно высвечивали свежий котлован и в нем странную черно-серую конструкцию, напоминавшую старинный рассохшийся многоэтажный дом без внешних стен. «Скелет» дома еще не был выкопан полностью, в котловане скопилось целое войско строительной и аварийно-спасательной техники, но людей почти не было видно. Сверху «скелет» был накрыт колпаком из материала, похожего на полированную медь, с тремя толстыми гофрированными шлангами-отводами, исчезавшими в трех висящих один над другим белых шарах диаметром в сто метров каждый.

— Орилоун продолжает дымить, — сказал комментатор кадра. — В основном это газы: азот, метан, гелий, водород, аммиак, а также пыль: органика, силикаты, фторборородные соединения, окислы легких металлов. Отсос поэтому разделен. Удастся ли устранить причину гейзера — неизвестно.

Затем пошел текст экспозе¹, Мальгин читал его минут десять, пропуская то, что казалось неинтересным.

Первые факты о странном поведении озера Грома — как прозвали издавна озеро Таймыр коренные жители полуострова, энцы, появились еще триста лет назад, в девят-

¹ Э к с п о з е — краткое сообщение (правительства), в данном случае — сообщение с выборкой основных фактов.

надцатом веке, хотя и выяснилось это в последующем столетии — двадцатом, когда на Земле была создана континентальная служба по выявлению и изучению аномальных явлений природы. Тогда эти факты упорно пытались увязать с концепцией «пришельцев» из НЛО, и озеро исследовалось лишь архаическими методами, визуально, без применения технических средств. В двадцать первом веке Таймыр стал заповедной зоной, доступ к его природе любителям путешествий сократился, и, несмотря на отступление озера, орилоун так и не был обнаружен, хотя вполне возможно, что по его крыше прошел не один человек. Ну, а после его обнаружения, когда в него полезли исследователи, сработал какой-то механизм переброса материи из того мира, с которым орилоун был связан «суперструной» мгновенного перемещения.

Конечно, в связи с укрощением пыле-газового факела исследовательские работы были приостановлены, хотя безопасники и проникали в глубь орилоуна на десятки метров, пытаясь найти «дыру гейзера», однако не нашли. И все же добытых крох информации оказалось достаточно для вывода: фонтан газа бил... из глубин атмосферы Нептуна, восьмой планеты Солнечной системы! А это означало, что один из орилоунов находился на этой огромной синей планете с толщиной атмосферы в несколько тысяч километров!

— Да-а! — только и смог произнести Мальгин, ошеломленный и заинтригованный результатами исследований.

Сообщение закончилось.

Сильно разволновавшись, Клим забыл о своем желании узнать кое-что и о судьбе Шаламова, но фантазия его уже заработала, и он, наспех позавтракав, привычным маршрутом помчался в институт, над которым днем и ночью горело название: «Институт травматической нейрохирургии мозга».

После отставки Таланова институтом управлял Готард Стобецкий, нашедший в себе силы сохранить с Мальгиным прежние отношения. План работы отделения нейропроблем, которым заведовал Клим, остался прежним, а сам хирург участвовал в наиболее сложных операциях не чаще одного раза в месяц, когда требовалось его мастерство и опыт.

В кабинете хирурга встретил возбужденный Заремба.

— Не передумал?

— Нет — Клим сел за стол, привычно вырастил из его твердой на вид поверхности эмкан и бегло пролистал но-

вести за сутки. Новых пациентов не поступало, нужды в его услугах хирурга экстра-класса не было, состояние Лондона оставалось прежним: кома с редкими всплесками «псевдосознания».

— Я проштудировал все, что отыскилось в банках¹ Евромедиа, — продолжал Заремба, жестикулируя, — и, кроме того, нашел труды по палеомедицине. Действительно, любопытное чтиво. Итак, когда начнем?

— Какой ты приткий. Завтра. — Мальгин вызвал инка-дежурного по отделению и выслушал его рапорт о решаемых коллективом задачах. — Но мне будет необходима консультация биоматематика.

— Нет ничего проще, — пожал плечами молодой нейрохирург, — у меня друг — математик, каких поискать, работает в ксенобиологическом центре Даль-разведки. Знаешь, что он учудил? Составил программу тренировки мышц-антагонистов своего тела и вырастил себе мускульный каркас, не занимаясь спортом! Теперь это не человек, а гора мышц, страшно смотреть! Годится?

— Не знаю, посмотрим. Свяжись с ним, пусть позволит, если согласен поучаствовать в эксперименте. Но разговор должен быть конфиденциальным.

— Он парень не из болтливых, увидишь. Когда подойти?

— После обеда.

Заремба поднял вверх кулак и удалился вприпрыжку, полный энергии и жажды деятельности. Мальгин закрыл за ним дверь на замок, чтобы не мешали случайные посетители, и принялся решать задачу — как практически вывести свои «черные знания» из кладов подсознания в сферу оперативной памяти.

Проработал спокойно всего час, а потом пошли звонки внутренних перекрестных совещаний, встречи со Стобецким и заведующими другими отделениями, переговоры с инками родственных институтов, осмотры пациентов и другая рутинная динамика рабочего дня. Лишь к обеду Мальгин вспомнил о своем желании узнать, не появились ли новые данные о Шаламове.

Позвонив домой, хирург вывел консорт-линию «домового» на стол в кабинете и снова набрал код «трека» отдела безопасности.

До этого момента он знал историю второго исчезновения бывшего курьера-спасателя в общих чертах, теперь же ему сообщили и подробности.

¹ Имеются в виду банки информации.

После схватки на Симушире, в результате которой Игнат Ромашин выстрелом из «василиска» усыпил Шаламова-человека, в спасателе проснулся «черный человек» и начал действовать в соответствии со своими понятиями о добре и зле, о правилах поведения и средствах для достижения цели.

Сначала он пси-выпадом уложил Мальгина и Джуму Хана, пытавшихся наладить с ним контакт, затем всю команду Лондона (парни были опытные и о стрельбе думали в последнюю очередь), сел в галион безопасников и взлетел.

Его пыталась остановить над островом обойма подстраховки, но дело закончилось тараном и падением куттера с экипажем в море. Шаламов же вынырнул у метро в Хатанге, где его не ждали, потом на базе УАСС «Радимич» — инцидент у метро привел к «огневому контакту» и ранению трех человек. Гибели людей, к счастью, удалось избежать. Шаламов захватил вакуум-плотный — способный долгое время работать в пространстве — неф и стартовал по грузовой линии метро на Тритон, спутник Нептуна. Куда он направился дальше, определить не удалось, Тритон еще не обслуживался бригадой наблюдения за пространством, располагались на нем лишь редкие посты погранслужбы да пять поселков исследователей.

Поиски нефа с Шаламовым на борту длились почти месяц, но ни к чему не привели: спасатель исчез. Почему его потянуло на Тритон, выяснить не удалось, хотя и существовала гипотеза, по которой на Тритоне располагался еще один орилоун. Однако искать «метро по-орилоунски» на поверхности спутника Нептуна было нецелесообразно, для этого пришлось бы привлечь едва ли не весь космофлот Системы, и поиски прекратили.

Не появился Шаламов в поле зрения пограничников ни на Маате, ни на Орилоухе, ни у Стража Горловины, канув в космос, как в омут.

— Так что, теперь его не ищут? — уточнил Мальгин.

— Практически нет, — ответил инк «трека». — Погранпосты у Маата и Орилоуха предупреждены о его появлении, но тревог пока не было.

— А пост у Стража Горловины?

— Дела со Стражем обстоят сложнее. «Серая дыра» нарастает, по выражению ученых, и вход в нее стал почти недоступен. Через несколько дней из Горловины будут эвакуированы последние отряды исследователей, оставаться там слишком рискованно.

Мальгин кивнул и выключил канал. Посидел с минутой, переваривая услышанное. Подумал: здесь есть какая-то связь — между тем, что Шаламов угнал на Тритон машину, и тем, что пыле-газовый фонтан бьет из атмосферы Нептуна. Либо Дан знал об орилоуне на Тритоне, либо пошел дальше — на Нептун, зная точные координаты орилоунского метро на планете. Интересно, не это ли имел в виду Ромашин, предлагая мне участие в поиске Дана?..

Обед Клим поглотил в одиночестве и размышлениях, а ровно в два часа дня Заремба ввел в кабинет огромного детину в спортивном комби на голову выше Клима и в два раза шире. Мускулатуру гость имел действительно впечатляющую, хотя ходил удивительно мягко и тихо. Он вообще двигался очень экономно, а в кресле сидел почти не шевелясь. Только поглядывал исподлобья: твердое, широкоскулое лицо, большие, но тоже по-мужски красивые, твердые губы, серо-голубые глаза, тяжелый подбородок. Про таких говорят — амбал, подумал Мальгин отрешенно. Великолепная лепнина! Только мимики не хватает, уж больно суров.

Парня звали Аристархом Железовским, шел ему двадцать седьмой год. У него было еще одно достоинство — голос. Когда он заговорил, Мальгин даже вздрогнул: такого глубокого и тяжелого баса он в жизни своей еще не слышал.

— Годится? — весело спросил Заремба, когда они познакомились.

— Посмотрим, — пробормотал несколько потрясенный Клим, оставаясь тем не менее верным своим принципам: хотя его внутреннее «я» оценило незнакомца с первого взгляда, выводы он привык делать на основании большего объема впечатлений.

Железовский ни разу не пошевелился и не прервал его, пока хирург вводил присутствующих в курс дела, и лишь когда Клим закончил, математик спросил:

Что от меня потребуется конкретно?

Хорошо, что он не поинтересовался этикой эксперимента, вздохнул про себя Мальгин с облегчением, разрешения-то у СЭКОНа я спрашивать не собираюсь.

— Ваша задача, — произнес он вслух, — дать логико-смысловой прогноз опыта и математическую модель. Сможете?

Железовский помолчал

— Все зависит от объема информации.

— Тогда сегодня вечером приходите сюда, мы включимся в обратную связь: Гиппократ — вы — я, получите все, чем обладает институт.

— В девять, — после паузы уточнил математик и встал. — Раньше не смогу.

— Извините, э-э... — сказал Мальгин ему в спину с некоторым сомнением. — Надеюсь, я не нарушил ваших планов. Может быть, вам стоит подумать?..

— Мне интересно, — оглянулся человек-гора, и Мальгин увидел на его губах улыбку, открытую, дружелюбную, чуть смущенную.

— Годится? — прошептал Заремба, когда математик вышел.

Мальгин молча хлопнул его по подставленной ладони.

Акулина Лондон заявила в институт ровно в восемь, демонстрируя неслыханную для девушек своего возраста пунктуальность. Одета она была в чешуйчатый костюм — блузка и короткая юбка, — играющий зеленым огнем, и в такие же туфли на высоком каблуке, удлинявшие и без того длинные и стройные ноги. В ушах девушки сверкали алые капли сережек, ожерелье из таких же капель струилось на груди, как цепь из тлеющих углей.

Вырядилась! — с мимолетной неприязнью подумал Мальгин, тут же меняя свое мнение при взгляде на лицо Акулины: контраст свежести, красоты, молодости и печали буквально потрясал! И все же могла бы надеть что-либо попроще... или я слишком придираюсь? На ее месте Купава вряд ли оделась бы так... вызывающе.

— Идемте. — Мальгин встал из-за стола, стараясь незаметно поправить рубашку на спине. — Отец лежит в клиническом отделении этажом ниже.

— Вы не поздоровались, — укоризненно проговорила Акулина.

— Извините. — Клима бросило в жар, но он тут же парировал: — Засмотрелся на ваши ноги.

Девушка озадаченно посмотрела на туфли, потом поняла, порозовев.

— Надо было, наверное, одеться иначе?

Мальгин молча открыл дверь, сердясь неизвестно на кого, первым шагнул за порог и нос к носу столкнулся с незнакомым, дочерна загорелым парнем.

— Добрый вечер, — пробормотал тот, отступая; одет он был в спортивный костюм.

— Привет, — буркнул Клим, оглядываясь.

— Клайд? — удивилась Акулина, переходя на английский. — Что ты тут делаешь?

— Гуляю, — огрызнулся парень, быстро приходя в себя. — Может быть, мне нужна консультация. Может быть, я хочу сделать операцию на мозге, чтобы стать таким же умным, как твой па.

Глаза у Акулины сузились, ничего хорошего не предвещая.

— Ты только затем и явился, чтобы сморозить глупость? Ты что — следишь за мной?

— Ничуть не бывало, — запротестовал Клайд со смехом. — А насчет глупости я уже говорил: хочу, чтобы...

— Клайд!

— Не придирайтесь к нему, — сказал Мальгин, оставаясь спокойным, вполне понимая чувства молодого человека. — Чем сосуд наполнен, то из него и льется. — Он обошел Клайда и направился к лифту, оглянулся. — Идемте. Оба.

Сзади произошел короткий невнятный диалог, шум (парень пытался обнять подругу), возглас Акулины: «Получил? И не смей больше хамить!» Шепот Клайда: «И пошутить уже нельзя...»

В лифте парень тем не менее выглядел уверенно и ничуть не был смущен. Мальгин поймал взгляд Акулины и понял, что она в гневе. Держись, малыш, посочувствовал он Клайду, хоть ты и самоуверен донельзя, но и она — не мягкая глина.

В бывшем боксе Стобецкого дежурил вездесущий Заремба. Удобно устроившись в «беседке» управления, он работал в обратной связи с Гиппократом — судя по выцвету огней, на полусфере пси-вириала. Заметив вошедших, воззрился на них в немом удивлении, затем оценил достоинства Акулины и уже не сводил с нее глаз.

— Что за юница? — шепотом спросил он у подошедшего Мальгина.

— Дочь Лондона, — сухо ответил хирург, вытянул из полусферы вириала дугу эмкана и оглянулся на топтавшуюся у порога пару. — Проходите, садитесь.

«Беседка» растянула прозрачно-кисейные стены, из ее пола выросли три «бутона» кресел и световая нить виома, развернувшаяся в объем изображения с внутренностями реанимационной камеры: в зеленоватом сумраке, опутанный шлангами, с десятками мигающих глазков по всему телу, полулежал Майкл Лондон.

Акулина, прижав кулачки к груди, тихо вскрикнула:

— Папа!

— Изменений нет, — выслушал Клим пси-шепот Гиппократ. — Реакции отсутствуют, процессы обмена идут, но вяло. Парасимпатика практически на нуле. Последняя «фаза хозяина» была девять часов назад.

Мальгин снял эмкан, сказал тихо:

— Состояние прежнее, он жив... аппаратно. И все-таки надежда есть.

— Спасибо, — прошептала Акулина. — Я слышала, что у вас уже были такие больные... Шаламов, да? А отец не станет таким же?

Клим повернул голову и посмотрел ей в глаза. Девушка прочитала ответ.

— Я поняла... никаких гарантий... и все же мы надеемся... я и мама... мы любим его! Вы спасете отца? Только не говорите «нет»!

Мальгин покачал головой, с трудом отводя взгляд. Этого ты могла бы и не произносить, девочка, сказать «нет» проще всего, но и «да» говорить без надежды на успех я не умею. С Шаламовым я тогда ошибся, недооценил рост его второго «я», а с Лондоном такой ошибки не допущу.

— Я поняла, — повторила Акулина полушепотом; глаза ее были глубоки, черны и полны влаги, но слезы она сдержала.

Ушла она вместе с притихшим другом через несколько минут, посмотрев, как автоматика меняет на теле отца аппараты поддержки жизни.

Заремба шумно вздохнул, просидев безмолвно — что само по себе уже было чудом! — все это время.

— Ну и девица! Американка, а по выговору не скажешь. И на отца она, по-моему, не похожа.

— У нее мать русская... Кстати, почему ты здесь? Разве у Билла-старшего своих клиницистов не хватает?

— А мне интересно работать с Лондоном. Проблемщик я или кожура от банана? — Заремба поднял бесхитростные глаза. — Да и Стобецкий не возражает.

— Ну тогда сиди. — Мальгин встал и вышел, не оглядываясь.

На душе было пасмурно и неудобно, не покидало беспокойство за Купаву, хотелось повидать дочь, поговорить с отцом, еще с кем-нибудь, кто мог бы хоть как-то успокоить его, а откуда-то наплывали ощущения смутной тревоги и — диссонансом — жажда чудес...

Глава 3

Джума Хан стоял на вершине колоссальной трехгранной пирамиды и задумчиво смотрел «вниз», на одну из граней, края которой терялись в дымке атмосферы за пределом видимости. В центре грани лежала ощутимо тяжелая, выпуклая лужа бликующего расплавленного стекла, отороченная ослепительно белой пушистой пеной. Казалось, пена эта светится сама или скрывает внутри прожилки необычных светильников. Грань пирамиды не была ровной, ее избороздил узор трещин, рытвин, ям, холмов и длинных каменистых гряд, но на расстоянии этот узор размывался, прятался под утолщавшейся постепенно желто-зеленой дымкой, и грань превращалась в гладкий бильярдный стол размерами в несколько тысяч километров...

Конечно, это была не пирамида: Джума стоял на одной из вершин гигантского куба под названием Страж Горловины, планеты, расположенной в устье «серой дыры», которую открыл Даниил Шаламов во время своего шумевшего спасательного рейда. И «лужа стекла» в центре грани планеты-куба была на самом деле одним из шести ее океанов, а белая пена — пеленой облаков. Зрелище было необычным, завораживающим, удивительным, и редко кто из посещающих вершины куба — их называли Углами с прибавлением цифры от единицы до четырех, чтобы хоть как-то различать в отчетах (Джума стоял на вершине «Угла-3»), — не замирал в благоговении перед непостижимой фантазией и мощью Природы, создавшей этот феномен. Впрочем, кое-кто из ученых всерьез утверждал, что планета-куб была создана искусственно...

— Хорошо смотришься, — раздался в наушниках чей-то веселый голос.

Джума оглянулся не сразу, с трудом возвращаясь к реальности. К нему приближался похожий на йети, одетый, как и он сам, в мохнатый, ослепительно белый скафандр, Андрей Бегич, пограничник из дружины Торопова, обслуживающей весь район исследований. За его спиной в сотне метров стоял драккар, из которого выпрыгивали косматые «снежные люди» — пограничники. Было странно смотреть на эту сцену: казалось, драккар вот-вот заскользит вниз «по склону» и разобьется где-то «внизу» о «гору стекла», хотя на самом деле стоял он довольно прочно, повинувшись закону тяготения.

— Издали ты похож на памятник первопроходцу, — продолжал Бегич, подходя ближе, и хлопнул ладонью в

перчатке по подставленной ладони; передняя часть его конусовидного шлема была прозрачна, открывая веселое, с румянцем во всю щеку лицо. — Стоишь и не двигаешься. — Он обошел закругляющуюся вершину «Угла» и посмотрел вниз по очереди на каждую грань куба. — А впечатляет, черт возьми! Прямо оторопь берет, а? Хочется сесть на коня и, как ликоковский Одинокий всадник, поскакать сразу на все стороны света, хотя их здесь всего три. Или шесть, по числу граней? — Бегич хмыкнул, почесал затылок широкого — по плечи — шлема. — Во ребус, а?

Джума улыбнулся.

— Еще не привык?

— Если бы привык, ушел бы из службы. — Бегич был молод, инициативен и горяч, поэтому начальству приходилось часто сдерживать его порывы и направлять энергию в нужное русло. — Любуемся в последний раз, а? Жаль.

— Жаль, — согласился Джума. — Страж действительно одно из чудес света!

— Даль-разведка, похоже, открыла еще один интересный объект — Сферу Дайсона, слышал? После того как свернем работу здесь, попрошусь в отряд туда. Кстати, что интересно: внутри самой Сферы нашли три планеты, и на всех трех обнаружены вудволловые леса. Точно такие же, что и здесь, на островах Стража. Представляешь связь?

Джума покачал головой.

— Не представляю. А что, ты думаешь, между Сферой и Стражем есть связь?

— Не я думаю — ученые. Но ты сам посуди: кто мог создать Сферу, как и Стража, кроме таинственных Вершителей, создавших в свое время Орилоух?

— Андрей, — окликнули пограничника товарищи, — время.

— Иду. — Бегич кинул взгляд вверх. — Ни солнца, ни луны, а светло, как днем! Вот к этому уж точно трудно привыкнуть. Так ты затем и прилетел сюда, чтобы насмотреться? Запиши на видео, и дело с концом.

— А вы по чью душу? — Джума кивнул на драккар погранслужбы с зелеными полосками по корпусу. Его машина стояла в нескольких километрах отсюда на другой грани куба и была почти не видна.

— Обеспечиваем контроль экологической чистоты. До связи.

Бегич запрыгал вниз, к своим: сила тяжести на вершине «Угла» составляла две трети земной, и легкость в теле буквально окрыляла.

Пограничники установили возле драккара какие-то контейнеры, закрепив их с помощью липучек, и улетели. Но Джума недолго оставался один, пребывая почти в сомнамбулическом состоянии, — в наушниках раздался голос Имама, инка хановского драккара:

— По «треку» три семерки!

— Дуй сюда, — среагировал Джума, приходя в себя. — Что случилось?

Из хаоса теней на одной из граней куба, у «подножия пирамиды», вырвалась блестящая капля, в считанные секунды увеличилась в размерах в десятки раз и превратилась в семиметровый конус драккара. Бесшумно погасив скорость в одно мгновение, конус опустился рядом, открыл люк, высунул язык лифта. Джума прыгнул на язык и через две секунды был уже в рубке, упал в разверстое кокон-кресло.

За это время Имам успел сообщить ему, в чем дело: в Горловине объявился странный объект, по размерам и массе близкий к земным спейсерам и маатанским проникателям.

Объект шел, «мигая», — то появлялся, как твердое тело, на тысячную долю секунды, то растягивался в зыбкую полоску света и исчезал, чтобы через две-три секунды вынырнуть дальше на сто тысяч километров по вектору движения. Направлялся он прямо в лоб Стражу Горловины и миновать планету, судя по намерениям, не мог.

Кресло запеленало Джуму системой коммуникаций, и на голову ему вылился ушат звуков волны «спрута»: чьи-то команды, запросы, переговоры служб, шумы эфира.

— Время подхода к Стражу — семь минут двадцать секунд, — сообщил Сократ, координатор всей системы «спрута» в Горловине. — По состоянию дежурных средств спейсерный перехват невозможен.

Точные координаты точки столкновения рассчитаны? — вклинился в связь Калина Лютый, командир отряда безопасников, в котором числился и Джума Хан.

— С точностью до двухсот километров.

— Точнее нельзя?

— Чего захотел, — проворчал Имам на ухо Джуме, не выходя в эфир. — Задачу с нелинейно изменяющимся ковром условий могут решать только большие инки типа Умник.

— А что вы так всполошились, Калина? — донесся вызов командора пограничников Торопова. — Скорей всего это транспорт маатан, идет по своим делам. С чего вы решили, что он будет таранить Стража?

— «Срам», — отозвался Лютый лаконично, подразумеваемая известный пункт инструкции. — Всем, кто меня слышит: объект идет к Стражу со стороны «Угла-3», есть машины в этом районе?

— Четырнадцатый, гриф Хан, — ответил Имам на полсекунды раньше, чем это сделал сам Джума.

— Шестой, гриф Гордон.

И с заминкой:

— Второй погранотряда, кобра¹ Бегич.

— Обеспечьте эвакуацию зоны, координаты и площадь сообщит Сократ.

— Получил, — тут же доложил Имам.

— Давай, — мысленно скомандовал Джума. — Только доведи целым.

— Тело доведу, а за душу не ручаюсь, — пошутил координатор.

И Джума отдался во власть инка, глядя, как планета-куб перестала уменьшаться, сделала кульбит и понеслась навстречу. Думал он в этот момент о самых разных вещах — это говорило о закаленной психике и уравновешенной нервной системе — в том числе: что можно сделать за шесть минут, если объект не отвернет?.. Где сейчас Мальгин, ищущий себя?.. Что делает Карой, а главное, с кем?.. Интересно, помогут пограничники или будут снова цепляться за амбиции?..

Видимо, Торопов решил не вставать в позу и дал разрешение на совместную операцию, потому что драккар Бегича вынырнул в квадрате гарантированного риска одновременно с машиной Джумы.

Но спасти или эвакуировать им никого не пришлось: в этой зоне площадью в тридцать с лишним тысяч квадратных километров, к счастью, располагалась лишь одна научная станция «Ребро-12» с персоналом в двадцать шесть душ, и все эти души по сигналу тревоги уже успели забраться в галион и дать драпака — по образному выражению Бегича. А затем прибывшие к предполагаемому месту столкновения пограничники и безопасники стали

¹ Жаргон тревожных служб: г р и ф — главный исполнитель, работающий по факту происшедшего события. К о б р а — командир обоймы риска.

свидетелями странного явления: объект, о котором предупреждал Сократ, вынырнул из «струны» всего в нескольких километрах от одного из ребер «Угла-3» — черный, пористый на вид, похожий на чугунную чушку, — «размазался» в темную полосу, словно начиная новый прыжок, и, не дотянув каких-то двух-трех десятков метров до закруглявшейся поверхности ребра... исчез! Ни удара, ни взрыва, ни рикошета — ничего!

Спустя минуту притихший до этого эфир взорвался хором восклицаний, возгласов недоумения и удивления, скороговоркой постов наблюдения за пространством и докладами автоматов.

— Может быть, он вынырнул дальше по ходу? — спросил Джума на своей волне.

— Не появился, — помолчав, отозвался Лютый, — его бы увидели. Всем свободным от вахт отбой, дежурным вернуться к своим обязанностям.

Джума пожал плечами и, поскольку обязанностей у него в данный момент не было никаких, мысленно произнес только одно слово: домой.

Имам без вопросов направил машину к базе — спейсеру «Конунг», дрейфующему в двухстах тысячах километров от планеты-куба.

— Что это было? — спросил Джума, заявившись в зал управления, называемый по традиции рубкой. Зал был невелик — треугольник со стороной в пять метров, и почти весь его объем занимали три кокон-кресла экипажа, каждое кресло — перед своей стеной ручного вириала.

— Маатанский динозавролет, — ответил дежуривший в это время командир спейсера, он же драйвер-прима, Хольгер Сваллинг, поворачивая кресло, чтобы видеть вошедшего. Его самого видно в коконе не было, так что казалось — разговаривает странное существо, не то огромный гусеничный кокон, не то раковина какого-то неземного моллюска.

— Я посижу рядом?

Сваллинг, видимо, удивился, несмотря на всю свою природную северную флегму: верхняя «опухоль раковины» отогнулась, и на безопасника уставилась голова командира спейсера. Слово удовлетворившись осмотром, голова кивнула, и «опухоль» встала на место.

— Посидеть можешь, — раздался голос Хольгера, — но некоего Джуму Хана, по-моему, ждут в дежурке. У тебя что, рация не работает?

«Дежуркой» назывался зал контроля сил безопасности, где постоянно дежурили работники обоймы Лютого и пограничники.

Джума озабоченно взялся за ухо и обнаружил, что клипса рации отсутствует. То-то стало тихо, подумал он. Интересно, где я его оставил? Неужели так задумался, что не заметил?

Вспыхивающую алой искрой каплю рации он отыскал в рукаве скафандра, и это наконец заставило его встряхнуться. Рутинность бытия в Горловине, несмотря на ее тайны и захватывающие дух пейзажи, все же оставалась рутинной, и, может быть, прав был Торопов, утверждая, что погранслужба вполне справилась бы с обеспечением безопасности исследователей. Все-таки у отдела безопасности УАСС была своя специфика работы и не стоило дублировать пограничников только лишь ради соблюдения «срама».

Стены «дежурки» отсутствовали, «распахнутые» в космос, поэтому иллюзия дрейфа в световом тумане площадки зала с пятью коконами кресел была полной. Собственно космосом или пустотой эту субстанцию за бортом спейсера назвать было трудно; Горловина излучала слабый свет, забивавший свечение звезд извне, и лишь по центру ее двухмиллионнокилометрового конуса можно было разглядеть паутинку какого-то звездного скопления. А так с виду — туман и туман, ровный, бесплотный, вызывающий впечатление небывалой глубины. Страх Горловины висел в этом тумане ощутимо тяжелой глыбой обработанного человеческими руками камня, пронизанного по центру янтарно-прозрачным шаром.

— Что остановился? — раздался из ряда обычных — гостевых — кресел голос Лютого. — Тебя тут ждут.

— Не могу поверить, что эта планета творилась естественным путем, — пробормотал Джума, пересекая зал и приветствуя дежурных в креслах поднятой рукой. — Любит же шутить природа.

— И тем не менее родилась она в пространстве, где фигурой равновесия был именно куб, а не шар, — проговорил собеседник Лютого, в котором Джума узнал лидера исследовательской дружины Анатолия Новикова. — Страж — не из нашей Вселенной, это уже почти трюизм¹. Природа творила его в условиях Пуанкаре-геометрии², а

¹ Т р ю и з м — общеизвестная, избитая истина.

² Обладает необычными свойствами, например: прямая в ней перпендикулярна себе самой.

уж потом планету приспособили те, кто использовал ее в качестве форпоста Границы, для поддержания открытого входа в «серую дыру».

— Орилоуны? — проговорил Джума, переводя взгляд на третьего молчаливого слушателя.

— Нет, — покачал головой Новиков, плотный, с выдающимся лбом и голубыми глазами медиума. — Орилоуны, похоже, сами были созданы... или выращены, если хотите, они — Хранители Пути, по терминологии маатан, то есть хранители древнейшей во Вселенной сети метро, не более. Я говорил о Вершителях. Жаль, что «серая дыра» закрывается, Страж уже не в силах ее удержать.

— Это Дмитрий Столбов, инспектор кримрозыска, — прервал Новикова Лютый, посмотрев на Джуму, и добавил: — Сыщик.

— Извините, дела, — тут же поднялся все понимающий Новиков и выкатился из зала.

— Садитесь ближе, — кивнул на кресло черноглазый, черноволосый и черноусый Столбов. — Появилась потребность задать вам несколько вопросов, не возражаете?

— О Шаламове? — помолчав, спросил Джума. — Или о Мальгине?

— Ну, я тоже пойду, — встал Калина. — Потом поделишься личными впечатлениями о маатанском «динозавролете».

Безопасник кивнул.

Столбов никак не прореагировал на вопрос Хана, только уселся поудобней, самообладания ему было не занимать.

— О Мальгине. Он контактировал с Шаламовым в режиме «один на один»..

— Без аппаратуры, — угрюмо сказал Джума. — Вернее, без соответствующей медицинской аппаратуры, через обычные эмканы, пси-рации.

— И все же пси-контакт у них был, вы не можете этого отрицать. После него у Мальгина едва хватило сил на...

— Не отрицаю, — нехотя согласился бывший врач «Скорой». — У него был нервный срыв, довольно мощный, почти шок... но он очень сильный человек и быстро вылечился.

— Он не вылечился, — тихо проговорил Столбов. — Какая-то часть информации Шаламова передалась ему... и теперь он хочет перекачать это «темное знание» из глубин подсознательной психики в сферу сознания.

— Откуда вы это?.. — начал Джума, недоверчиво глядя на инспектора.

— Так получилось, — ответил тот равнодушно, — не о том речь. Вы давно его знаете, как, по-вашему, он может в результате эксперимента... — Столбов помедлил, — стать похожим на Шаламова?

— Вы хотели спросить, — прищурился Джума, — не станет ли он опасен для окружающих, так?

Инспектор улыбнулся — губами, глаза остались непроницаемыми.

— В принципе — да, хотя я не придерживаюсь версии, что он станет опаснее Даниила Шаламова. С моей точки зрения, даже Шаламов не есть средоточие какого-то зла, а тем более заранее спланированного, он жертва обстоятельств, не более того. Но в то же время эта стихия может... э-э...

— Я понял, — кивнул Джума, — но могу рискнуть с заявлением: Клим Мальгин никогда не станет опасен кому бы то ни было. Повторяю, это очень сильный, волевой, целенаправленный человек, сломать его невозможно. — Последние слова Хан произнес с внутренним вздохом. По правде говоря, его оценка Мальгина отнюдь не была завышена, что постоянно снижало настроение и будило атавистические страсти — ревность и зависть. С другой стороны, Джуме были известны и колебания хирурга, особенно в сфере личной жизни, однако это обстоятельство не давало повода говорить о нем иначе.

— Хорошо, — сказал внимательный Столбов, он тоже многое понял из того, чего не досказал безопасник. — В таком случае у нас просьба: помогите ему, побудьте рядом во время... э-э... опыта. Ваше присутствие как бывшего коллеги — куда большая гарантия, нежели присутствие всего отдела безопасности.

— Значит, я отзываюсь на Землю? А как же эвакуация исследовательского контингента из Горловины?

— Лютый дал добро на ваш... отдых, гм-гм... Он в курсе проблемы.

— Здесь мне работать интереснее, конечно... однако, если надо, я готов. Когда нужно быть на Земле?

Столбов встал, худой, высокий, несколько сутулый из-за чрезмерно развитых мышц спины.

— Сегодня.

В зале прогудел гудок, и тут же дежурный сообщил:

— У границ Горловины обнаружен объект, подобный предшествующему. Идет, «мигая», направление то же — на Стража Горловины.

Джума вскочил, не обращая внимания на собеседника, подбежал к центральному кокону, хотя мог бы и не

делать лишних движений: в его помощи не нуждались. Рядом возник Лютый, выдернул из раковины вириала параллельный эмкан.

— Сократ, расчет выхода объекта! Картинку на виом.

Ответ инка никто не услышал, он предназначался только начальнику ЧП-вахты, зато «пейзаж» в виоме изменился: туман поредел, в нем появились темные провалы, и на фоне одного из провалов вспыхнуло и погасло облачко света. Снова мигнуло — поближе, потом еще ближе, и наконец люди разглядели: из черноты вынырнул в ореоле оранжевого свечения уродливый «огурец», расплылся в полосу багрового света, исчез...

— К перехвату готов! — доложил инк пограничного спейсера.

— Отставить! — отрезал Лютый. — Проследить вектор, эвакуировать людей... на всякий случай, хотя, думаю, столкновения не будет.

Последующие несколько минут прошли в тревожном ожидании, а возле Стража — в лихорадочной спешке эвакуации исследовательской базы. Но предсказание Калины сбылось: объект — маатанский проникатель — «испарился» прямо над группой островов в океане, не долетев до их поверхности всего сотни метров.

Джума расслабился. Лютый сбросил эмкан, посмотрел на безопасника, потер лоб мощной дланью.

— Второй. Последний ли? Что их тянет сюда? Впрочем, на риторические вопросы следуют такие же ответы. Сыщик все выяснил? Что ему от тебя надо? Закончишь на Земле — сразу сюда, место в обойме сохраню.

Джума молча протянул руку.

Глава 4

В голубом полумраке лицо сидевшего напротив человека показалось Ромашину исполненным таинственной силы и мудрости, но стоило собеседнику шевельнуться, как сразу становилось ясно, что напротив — женщина. С короткой прической, одетая в белый кокос¹, гибкая, похожая на подростка, манерой поведения смахивающая на мужчину, но женщина. Комиссар безопасности УАСС

¹ К о к о с — компенсационный костюм, удобный, красивый и многофункциональный комбинезон для работников спасательной службы.

Власта Боянова, заменившая на посту начальника отдела Майкла Лондона.

— Вы просите невозможного, Игнат, — проговорила она мягко, но в этой мягкости крылась сдержанная власть и непреклонность.

— «Серая дыра» скоро закроется, — пригорюнился Ромашин, — и тогда мы потеряем последнюю возможность не только найти Шаламова, но и проникнуть в другую вселенную.

Боянова помолчала.

Голубой отсвет на панелях кабинета, на столе, на лицах собеседников, помутнел: светился объем виома, показывающего одну из самых загадочных планет Солнечной системы — Нептун. Станция, с которой велась передача, уходила в тень голубого гиганта.

— Почему вы уверены, что Шаламов ушел в «серую дыру»?

Теперь задумался Ромашин

— Не знаю, уверен и все, интуиция. Ему больше некуда идти, ведь он — не человек... благодаря мне. И я обязан его найти.

Женщина покачала головой, погасила виом и переключила плоскость поляризации стен кабинета. Стены стали прозрачными, однако света в комнате не прибавилось: снаружи царил поздний вечер, солнце уже зашло. Теперь Игнат видел лишь профиль хозяйки кабинета, обманчиво бесплотный и нежный. Но голос ее не стал мягче:

— Ваша вина очевидна, хотя я и не склонна обвинять вас во всех грехах. И все же разрешить поход в «дыру» не могу. Риск не просто велик, он не просчитан, и ни у кого нет уверенности..

— Если я не вернусь, то это коснется меня одного, я ведь пойду добровольно.

— Заявление эгоиста. А родных и друзей у вас нет? Но речь не о том. В результате похода вполне может случиться нечто непредвиденное — вроде колоссального взрыва или обращения «серой дыры» в «черную». Я уж и не говорю, что Горловина может просто захлопнуться, похоронив все исследовательские базы под мембраной перехода. Вы знаете, чем закончился посыл в «дыру» драккара без экипажа, с инком, имевшим жесткое условие «глянуть одним глазом» и вернуться?

Ромашин знал

Ученые рассчитали оптимальную траекторию полета беспилотного шлюпа внутрь Горловины и запустили драк

кар, напичканный «по горло» всевозможной научной аппаратурой, предусмотрев все необходимые меры безопасности. Два часа они принимали поступающую с борта драккара информацию, хотя он исчез из поля зрения уже через сорок минут, а потом инк шлюпа по имени Арджуна сообщил, что достиг «мембраны закона компактификации», и замолчал.

Наблюдатели за пространством не зарегистрировали ни вспышки света или гамма-излучения, ни радиовсплеска, ни магнитного эха, но спустя минуту стало известно, что площадь торца конуса Горловины скачком сократилась вдвое, следствием чего был катастрофический выброс полусотни зондов за пределы конуса — ни один из них не уцелел. Люди, к счастью, не пострадали.

Драккар вернулся (что уже было удивительно!) через трое с лишним суток, вернее, его заметили после истечения этого срока, сам он не подавал признаков жизни. С виду он был цел и невредим, но, когда автоматы вскрыли корпус шлюпа в изолированном отсеке спейсера, изумлению ученых не было предела: внутри драккара царил вакуум! Абсолютный вакуум: ни частиц, ни каких-либо полей, ни излучения. Все, чем бы заполнен шлюп, его оборудование, каркас, реактор, двигатель, а также инк Арджуна, исчезли...

— А что будет, если туда, в Запределье, пойдете вы? — сказала Боянова. — Или вы привыкли действовать по старой русской поговорке: смелость города берет?

Ромашин молчал.

— Извините, я не хотела вас обидеть.

— Ничего, поделом мне. Когда вы начинаете эвакуацию исследовательской базы в Горловине?

— Она уже начата. Последняя станция будет свернута через месяц, останутся одни инки. — Боянова что-то решала про себя, колеблясь. — Может быть, я предваряю тему скорого совещания по «серой дыре»... но меня тревожит поведение маатанских транспортов. Проникатели «черных людей» начинают таранить Стража Горловины, исчезая при этом без всяких последствий. За прошедшие сутки проникли в Горловину семь «динозавролетов», масса каждого — около триллиона тонн.

— Ого! — сказал Ромашин негромко.

Боянова посмотрела сквозь него.

— Вот именно, если учесть эквивалентность массы и энергии. Что скажете?

— Пока ничего, дайте полный интенционал. Кстати, как ведут себя «черные люди» на Маате?

— Вы хорошо схватываете суть. Наблюдатели докладывают, что на Маате заметно активизировалась деятельность орилоунов, а «черные люди», похоже, формируют флот.

— Вот и ответ, — сказал Ромашин спокойно. — Они знают единственный узел перенесения древних трасс, обмена с другими вселенными — «серую дыру» со Стражем Горловины, и если «дыра» начинает зарастать, закрываться, это не может их не встревожить. Они — пришли оттуда, вернее, их творцы — Вершители — пришли оттуда, из Запределья, а теперь они начинают возвращаться. Это эвакуация, Власта, эвакуация по-маатански.

— Зачем им уходить туда? Всем сразу? Ведь они нормально жили здесь миллиарды лет.

— Не знаю. Может быть, прошел их срок, закончилось время сбора энергии и информации, может быть, их позвали, не знаю. Но если они попрут в Горловину все сразу...

— Я поняла. — Боянова включила свет и вырастила из стола эмкан. — В таком случае перестрашуемся. Извините, буду работать.

Ромашин тихонько вышел, обдумывая собственную гипотезу и все еще находясь под впечатлением своей проницательности.

Спустя час после ухода эксперта в кабинете Бояновой собрались пять человек: инспектор криминального розыска Дмитрий Столбов, заместитель комиссара по Внеземелью Алекс Шевчук, председатель СЭКОНа Казимир Ландсберг, командор погранслужбы Милослав Торопов и начальник земного сектора службы безопасности Рене Борда.

— Сначала о деле Мальгина, — начала Боянова, на красивом лице которой лежала печать решительности и воли.

— А разве уже есть дело? — спросил иронично настроенный Ландсберг, обводя всех светло-голубыми глазами, в которых таились искры насмешливости.

— Может быть, это слишком громко сказано, однако наш дорогой нейрохирург контактировал с Шаламовым на пси-уровне, поэтому исключить появление нежелательных последствий мы не имеем права.

— Поведение обычное, — проговорил толстяк Борда, похожий на грустного бульдога, — отклонений в психике не замечено. Контакты практически в пределах своего профессионального круга плюс отец плюс эксперт син-

клита — Совета старейшин Ромашин. В настоящее время готовится к эксперименту по чтению в своей собственной глубокой памяти какого-то «темного знания».

— О чем идет речь? — осведомился прозрачноглазый, русоголовый и русобородый Шевчук.

— Поясню, — сказала Боянова. — Мальгин участвовал в финале операции по захвату Шаламова и пытался лечить его, а может, просто успокоить в прямой пси-связи. Кое-какая информация, которой владел Шаламов, передалась и нейрохирургу.

— То есть, по сути, он тоже «черный человек»?

— По сути он человек, причем с очень сильной волей и самоконтролем, но запасов его «черных» знаний не ведет никто.

— Джума Хан согласился ассистировать ему, — добавил Столбов флегматически, — так что подстраховка неплохая.

— Хорошо, перейдем непосредственно к теме, ради которой мы и собрались: дело Шаламова. Начинайте вы, Алекс.

Шевчук, похожий на потомка старинного рода русских князей, кивнул.

— Мы проверили два пути Шаламова в Горловину — через Маат и Орилоух, оба отпадают. Даниил не появлялся ни в системе Маата, ни на Орилоухе. Остается проанализировать еще два пути: через только что открытый космический объект под названием Сфера Дайсона и через систему Нептуна.

— Не понял логики, — проговорил хмуро внимательный, хладнокровный в деле, но нервный в повседневной жизни Торопов. — Как известно, Шаламов ушел именно в систему Нептуна, на одну из ее лун — Тритон. Зачем же искать его у Маата или на Орилоухе?

— Естественно, мы сначала обследовали Нептун и его свиту, поиски не прекращены и до сих пор, я имею в виду — поиски орилоуна, к которому только и мог стремиться Шаламов. Кстати, объект примерно с такими параметрами обнаружен на дне атмосферы Нептуна, готовится экспедиция. Что касается поисков Шаламова на Маате, то... обнаружены свидетели, показания которых дают нам основания утверждать, что Шаламов ушел с Тритона по сети внутрисистемного метро. Отсюда — Маат...

— Они что же, видели, как Даниил входил в метро? Или использовал грузовую систему? — не сдавался Торопов. — У вас имеются данные, которые неизвестны погранслужбе? Ведь мы работали и работаем вместе.

Командор посмотрел на Шевчука, поглаживающего бородку, потом на Власту. Женщина тонко улыбнулась.

— Не надо амбиций, Милослав. Ведь вы прекрасно понимаете, что две шпаги в одних ножнах не живут. Погранслужба — сектор Даль-разведки, служба безопасности — епархия УАСС. У нас разные цели и задачи.

— Цель у нас одна, — все так же бесстрастно произнес Торопов, — безопасность человеческих коллективов.

Боянова покачала головой:

— Мы входим в систему защиты человека и человечества с разным историческим и социальным багажом. Но не будем дискутировать, не место и не время. Я понимаю, вас задели конфликты между нашими и вашими представителями в Горловине, но это уже вина конкретных людей, а не самих служб. К этому вопросу мы еще вернемся. Итак, Горловина. Мы, люди, сможем остановить ее сжатие в «струну»?

— Нет, — покачал головой Шевчук. — Скудость знаний о структурных механизмах регуляции «серой дыры» Стражем Горловины, об уровнях ее организованности и энергетике не дает ученым возможности даже рассчитать последствия «схлопывания», говорить же о каком-то управлении этим процессом вообще не приходится: в Горловине реализуются законы не нашей физики и метрики, не евклидовой во всяком случае. Чего стоит, например, такой эффект, как фединг¹ ТФ-связи. Даже метро начинает давать сбой!

— «Серая дыра» умирает от старости, — заметил председатель СЭКОНа, — это один из самых древних объектов нашей Вселенной, если вообще не самый древний. К тому же процесс ее «схлопывания» полностью соответствует теории катастроф². — Ландсберг был физиком и совмещал профессию по интересам с профессией по социальной необходимости, и неизвестно, что ему нравится больше.

— Возможно, — сказал Торопов. — Похоже, наш уважаемый эксперт Ромашин прав: маатане начинают глобальную эвакуацию. Надо поторопиться со своей.

¹ Ф е д и н г — ослабление или прекращение радиоприема на больших расстояниях в результате изменений условий распространения радиоволн; в данном случае речь идет о связи на «судорогах пространства».

² Всегда возможно такое плавное и обратимое изменение независимых переменных, при котором в окрестности данной точки система терпит одну из элементарных катастроф (перегиб, пик, гиперузел).

— А если они так взволновались, то в нашей Галактике, а может быть, и во всем метагалактическом домене, который мы ничтоже сумняшеся назвали Вселенной, нет больше сохранившихся с начала Большого Взрыва «серых дыр».

Молчание в кабинете длилось несколько минут. Потом Боянова надела эмкан связи с Умником, инком отдела, остальные сделали то же самое: предстояло сформулировать решение и распределить конкретные задачи.

— Лирика закончена, коллеги.

— Наверное, не совсем, — проговорил Шевчук с ноткой сомнения. — По сообщению наблюдателей с «Эдипа-2», час назад орилоун на Маате, их единственная станция метро, исчез. А может быть, и взорвался. На том месте наличествует приличная воронка, и над ней до сих пор в колоссальном столбе светится воздух.

Снова кабинетом завладела тишина. Боянова повела короткий мысленный диалог с Умником, покачала головой.

— Есть такое сообщение, попало в разряд несрочных. И что это означает, Алекс?

— Не знаю.

Торопов поморщился.

— Если уж безопасность не знает...

Шевчук вдруг медленно встал, глядя перед собой отсутствующим взором.

— На Орилоухе ведь тоже стали взрываться старые орилоуны...

— Ну и что? Не вижу связи.

— Таймыр...

— Что?!

— Орилоун на Таймыре. А если и он попытается?..

— «Три семерки» в эфир! — проговорила Боянова в ответ.

Ромашин задумчиво смотрел на озеро сверху, сквозь прозрачный борт пинасса, потом перевел взгляд на громадный котлован, в котором красовался очищенный от торфа, глины, песка и грязи Таймырский орилоун. Котлован постоянно заплывал подпочвенными водами, вернее, коричневой жижей, и техника откачки работала всюю. Людей в котловане на самом орилоуне видно не было: отдел безопасности сыграл тревогу, и район озера был объявлен зоной непрогнозируемого риска. Исследователи заперлись по бункерам, изучая орилоуна дистанционно, с помощью автоматов.

— Софии храм передо мной блистал, чаруя всей громадой драгоценной¹, — продекламировал спутник Ромашина, оставаясь сонно-невозмутимым.

Игнат покосился на его глыбистые плечи, хмыкнул.

— На храм он похож только издали, а вблизи это разрушающийся от старости замок, вернее, старинный многоэтажный панельный дом. Как вам его форма?

— Чтобы описать сие сооружение, я бы отдал червонный без досады², — снова негромко произнес сосед, демонстрируя хорошую начитанность и память. Говорил он таким гулким, внутренним, чуть ли не «подземным» басом, что Ромашину казалось, будто у него от этого голоса резонируют кости черепа.

Спутником эксперта был Аристарх Железовский, биоматематик из ксеноцентра Даль-разведки, согласившийся помочь Ромашину решить личную проблему. То, что эта проблема называлась «поиск Шаламова», математик еще не знал.

Колоритная фигура, подумал Ромашин мимолетно. Несколько рисуется, да и мышц нарастил больше, чем требуется, однако в рекомендациях Грехова и Доброгова сомневаться не приходится. Обычно ученые затрудняются отвечать, почему их интересует та или иная проблема. Что заинтересовало Аристарха? Ответит ли он, если спросить напрямик? Что ж, посмотрим его в деле... если не откажется. Впрочем, не отказал же он Мальгину...

Железовский вдруг ухмыльнулся — улыбка преобразила его скульптурное, каменно-неподвижное лицо в лицо доброго великана из детской сказки, — бросил взгляд на Ромашина, и тому показалось, что в голове его кто-то прошептал: «Не волнуйтесь, не откажусь».

Игнат мотнул головой, наваждение прошло. Но сомнения остались. Он готов был поклясться, что Железовский передал ему свою мысль без всякой пси-рации.

— Этот орилоун — реализация эллиптической функции Якоби в многомерном континууме, — сказал Железовский, доставая бинокль. — Но много дислокационных нарушений. Могу посчитать, сколько он продержится до схлопывания.

— Что? — поразился Ромашин. — Вы можете... какого схлопывания?

¹ Дж. Г. Байрон.

² Сервантес.

— Я работаю в ксенологическом центре, — снова слегка улыбнулся Железовский, — и знаю все об орилоунах, «черных людях»... о Горловине. О Данииле Шаламове. И чтобы не возникало вопросов в будущем: я работаю с вами по Даниилу до тех пор, пока это мне интересно.

— Откуда вы... откуда вы взяли, что работать придется по Шаламову?

Математик прижал окуляры бинокля к глазам и превратился в статую Геракла, выбирающего цель для охоты. Все позы Аристарха были настолько скульптурными, что на ум невольно шли сравнения из древних сказаний и легенд о богах и героях.

— Интуиция, — ответил наконец Железовский своим потрясающим басом, в котором прозвучали нотки насмешливости и превосходства. — Подойдите к нему поближе.

— Не пустят, — очнулся от транса Ромашин, но команду автопилота дал.

Пинасс плавно заскользил к громаде орилоуна, и тотчас же впереди возникло в воздухе алое светящееся кольцо, перечеркнутое таким же крестом. Их просили остановиться. Затем по рации пришел запрос: кто и по какому поводу пытается проникнуть в зону риска?

— Эксперт синклита УАСС Ромашин, — вздохнул Игнат, отворачиваясь. — Интерес сугубо личный. Я поброжу здесь вокруг немного, а чтобы не мешал, включите машину в поисково-опознавательную сеть.

Пинасс пошел по кругу.

Железовский достал из сумки, с которой заявился к Ромашину, видеокамеру и несколько минут снимал орилоуна с колпаком газоконденсатора и шарами пылесборника, а также пейзаж вокруг, потом откинулся на спинку кресла и застыл неподвижно.

— Этот орилоун мертв, иначе давно прекратил бы фонтанировать газом. Что вы хотели поручить мне, какой расчет? Или прогноз? Учтите, эфналитик я еще слабый.

— Не прогноз, а действительно поисковый расчет. Я даю вам всю информацию по этому орилоуну, данные по анализу пыли и газа, а вы должны будете рассчитать, с максимально возможной точностью, район Нептуна, из атмосферы которого поступает сюда струя газа и пыли. Ученые как будто бы сделали подобные расчеты, но я им почему-то не очень доверяю. Расчетам, разумеется.

Железовский не пошевелился, вглядываясь куда-то в даль, не сделал ни одной попытки пошутить или возразить.

— Попробую, — сказал он, помолчав, — это действительно неординарная задача. Вы хотите найти орилоуна на Нептуне?

— Или на Тритоне. Шаламов ушел в систему Нептуна, его видели и стационарщики на Тритоне, и динамисты у колец планеты. Если бы я мог исследовать выходы орилоунской сети метро, я не бродил бы вслепую, но орилоуна на Маате уже нет, а на Орилоух и в Горловину мне, наверное, уже не попасть. Да и этот орилоун, сами говорите, мертв, работает, как мембрана: сюда пропускает, а обратно нет. Недаром Шаламов не стал пробиваться к нему.

Солнце зашло, сумерки завладели землей внизу, и краски сразу потускнели. Из красивой асимметричной «этажерки» орилоун превратился в разваливающийся многоэтажный барак с покрытыми плесенью стенами. Но через минуту над котлованом зажгли мощные осветители, и орилоун снова засверкал белизной и муаровой вязью «настенной росписи».

— Знать бы, оживет ли в Шаламове человек, — пробормотал Ромашин словно про себя. — Можно было бы просчитать его появление. Или все человеческое в нем подавлено?

— Вряд ли, — пробасил внезапно Железовский, умевший быть проницательным в нужный момент. — «Наши тела состоят из пепла давно угасших звезд»¹, помните? Люди — представители вторичной, если не энной, волны разума, а «черные люди» — представители уже исчезнувшей ветви существ — нечто среднее между живым и неживым, между разумом и сложным инстинктом. Правда, человеческие оценки этого разума, равно как и инстинкта, в данном случае не годятся.

Ромашин с интересом посмотрел на математика, мысленно приказал киб-пилоту: в Хатангу, к метро. Пинасс взял курс на юго-запад, набрал скорость.

— Вы знакомы с информацией по «черным людям»?

— Я в группе по их исследованию.

Кажется, даже для работника моего уровня могут быть приятные сюрпризы, подумал Игнат. Аристарх настоящий подарок судьбы. Или экспромты подобного рода кем-то готовятся?

— Вы не договорили.

— Человек от маатанина отличается настолько, что никакая целевая перестройка нервной системы не способна превратить первого во второго.

¹ Дж. Джинс.

— Но зачем тогда чужая генная память начинает перестраивать человеческое тело, если не способна сделать полноценного маатанина?

— Эволюция «черных людей» шла иным путем, нежели земная: от большого числа органов с небольшим числом степеней свободы. Динамические системы типа человека — у него около восьмисот мышц! — не могут управляться из единого центра, должна быть иерархия уровней управления, а у «черных» нет иерархии. Маатанин — сам себе мозг, сердце, генератор движения плюс комплекс мышц, вырабатываемых из любой части тела.

Ромашин задумался, глядя на уносящееся назад и вниз пятно света. Кивнул своим размышлениям.

— Значит, Шаламов вернется?

Железовский удивленно посмотрел на него, повернувшись так, что на груди шевельнулись чудовищные мускулы.

— Я этого не говорил. Да и кто это может знать?

Игнат засмеялся:

— Не переигрывайте, Аристарх, я и так уже понял, что вы интрасенс¹. У вас это с детства или проявилось в юности?

— С восемнадцати лет. — Железовский порозовел и отвернулся, рассердившись неизвестно на кого.

Разговор прервался.

Через четверть часа на горизонте возник световой ша-тер Хатанги, пинасс пошел на снижение, подчиняясь общетранспортному регулятору этого края.

— Когда вас потревожить?

— Я сам найду вас, — сказал математик, просидев в каменной неподвижности все это время. — Расчет не займет много времени, но главное — полнота данных.

— Все, что у меня есть, я дам по своей консорт-линии, остальное — ваша забота. Один вопрос, прежде чем мы расстанемся: не рискует ли Мальгин стать таким же, как Шаламов? Не слишком ли он самоуверен?

Железовский пристально взгляделся в него: Игнату показалось, что под черепом у него потянуло прохладой.

— Клим — интрасенс с очень хорошей пси-базой, он просто еще не знает об этом, поэтому ничего ему не грозит.

¹ И н т р а с е н с — человек, обладающий врожденными экстрасенсорными способностями в отличие от экзосенса — получившего таковые в результате внешних воздействий.

— Человек-да, — пробормотал Ромашин.

Математик дождался, пока раскроется колпак кабины, и легко, без усилия выпрыгнув на покрытие финиш-поля, прогудел:

— До завтра.

Ну и везет же мне на компанию, подумал Игнат с некоторым сомнением, глядя на его мощную спину. И тотчас же в голове струйкой воды из крана пролилась фраза: волков бояться — в лес не ходить...

Глава 5

Горловина — вход в «серую дыру» — представляла собой двенадцатимерный конус и со всех сторон выглядела одинаково — «мыльно-кисейным пузырем» диаметром сто километров. Однако изнутри благодаря эффектам многомерной метрики диаметр основания конуса был эквивалентен двум с лишним миллионам километров — если верить приборам. И лишь попав в конус, можно было не только увидеть, но и ощутить, что этот объект действительно конус, хотя и сложнее своего трехмерного аналога.

Спейсер «Конунг» уходил из Горловины последним, после того как был эвакуирован на Землю весь научный десант.

Страж Горловины медленно уплывал в слабо фосфоресцирующую даль — невообразимо огромная «игральная кость» неведомого великана, идеальный куб размером с планету земного типа. На его ребрах и углах, как и на островах всех шести океанов, остались только инки, знающие, что они остаются здесь навсегда, молча принимающие судьбу, уготованную им людьми. И «серой дырой». Они записывали изменения параметров среды и передавали их по «струнам» связи за пределы «серой дыры», где дрейфовали до сотни земных кораблей, жадно ловящих поступающую информацию.

По всему пространству Горловины метались потоки маатанских проникателей, ухитряясь не сталкиваться между собой и находить свой коридор входа в «серую дыру», но большинство из них стремилось к планетекубу. Зрелище было потрясающее, феерическое: очереди в сто—двести «пуль», размером три-пять километров каждая, мчались к Стражу со всех сторон, пробивали атмосферу, чаще всего над океанами, и бесшумно и стремительно исчезали у самой поверхности островов, будто

ныряли в бездну. И лишь один раз за шестеро суток непрерывного обстрела произошло настоящее столкновение (то ли стрелок промахнулся, то ли не сработала техника «кубиан»): на всей скорости порядка ста километров в секунду ведущая гороподобная громадина врезалась прямо в остров!

Взрыв испарил три четверти острова, образовав кратер диаметром в двенадцать и глубиной в четыре километра! Страж Горловины вздрогнул и завибрировал, как хороший резонатор, поднимая на всех шести океанах янтарно-желтые, с ослепительно белыми пенными гребнями волны; казалось, океаны вскипели! Но резонансные колебания куба тут же затихли, океаны перестали «кипеть», раскаленный гейзер взрыва осел, поредел и растаял. Таинственные колоссальные механизмы Стража, поддерживающие его жизнедеятельность, быстро навели порядок в собственном доме, хотя и не стали залечивать рану, нанесенную «динозавролетом» маатан.

Удивительное дело: ни один из последующих кораблей-пуль злополучной «очереди» не врезался в планету, все они мгновенно отвернули в сторону, несмотря на кажущуюся неповоротливость и громадные размеры и вес, и вся «очередь» помчалась прочь от Стража, в глубину «серой дыры», будто испугавшись содеянного, пока не затерялась в светлом мареве конуса. Это был всего второй караван маатанских кораблей, ушедших непосредственно в «дыру», остальные шли к Стражу или, побродив по Горловине, исчезали в неизвестном направлении. Видимо, прямой переход через «мембрану закона компактификации» (по терминологии земных ученых) был чреват какими-то нежелательными последствиями и для самих «черных людей», а не только для земных автоматов.

На запросы и целевые программы контакта маатане по-прежнему не реагировали, лихорадочно спасаясь бегством в неизведанные глубины «серой дыры».

На борту «Конунга», в рубке, в залах контроля и десанта, царила тишина, изредка нарушаемая только тихими репликами экипажа. Передачи по сети «спрута» почти совсем прекратились, с выводом флота за пределы Горловины сеть распалась, и Сократ стал просто корабельным инком спейсера, а не координатором экспедиции.

— Вероятность положительного контроля упала до нуля двух, — сообщил он бесстрастно, как судья-информатор на футбольном поле. — «Серая дыра» показывает «дно», пора уходить.

Перед четырьмя людьми в зале контроля, сидящими в кокон-креслах, вместо удаляющейся в светлую бездну желто-оранжевой капли Стража протаяла серая клякса, стала расти. В ее центре появилась черная точка, испустила черное кольцо, которое стало увеличиваться в диаметре. За ним появилось еще кольцо, и еще — словно круги по воде от брошенного камня.

— Мембрана закона компактификации в наглядном изображении, — снова раздался голос Сократа. — Начались необратимые искажения метрики здешнего пространства, рекомендую немедленно уходить.

— Старт! — коротко отозвался Хольгер Сваллинг, не дожидаясь реакции командира безопасников. Лютый промолчал.

Серая с черным трясина, грозящая затянуть спейсер, мигнула и пропала. Короткая темнота, глубокий — как бы изнутри — удар по голове, мягкий, но не болезненный, и перед глазами уже иная картина: великолепный пейзаж Галактики под ногами, слабые россыпи звезд над головой, тонкие паутинки далеких скоплений галактик сзади и прозрачный, стеклянный с виду, шар впереди, по которому ползут радужные пятна.

— Точь-в-точь мыльный пузырь! — проговорил кто-то негромко.

Хор голосов в эфире приветствовал появление спейсера среди остальных кораблей флота. Все ждали, чем закончится схлопывание «серой дыры».

— Видекартинка изнутри поступает? — спросил Лютый.

— С искажениями, — ответил Сократ.

— Выведи прямую КПР.

Снова перед глазами людей появилось изображение внутреннего пространства Горловины с тысячами стремительных черных трасс, в упор расстреливающих форпост Границы — планету-куб. Но теперь и сами «очереди», и Страж Горловины не были видны четко, их мяла, корежила, искажала какая-то сила, отчего у всех внешних наблюдателей вскоре закружилась голова.

«Дно» Горловины еще больше увеличилось и стреляло теперь во все стороны змеящимися черными зигзагами — словно потухшими молниями. Зрелище поражало необычностью и масштабами невиданного никем и никогда из людей катаклизма, странными цветовыми сочетаниями и разгулом неведомых стихий, и всем, кто это видел, стало жаль мечущихся по Горловине «черных людей». Их оставалось еще очень и очень много — около трех миллионов

транспортов, и все они уже не успевали пересечь границу «дыры», уйти в Запределье...

Сжатие «серой дыры» произошло внезапно.

Сначала для тех, кто это видел, исчезло изображение Горловины изнутри, а затем для внешних наблюдателей «мыльный пузырь» удивительного объекта вдруг бесшумно лопнул и словно миллион черных шипов вонзился в пространство, вызывая ответный ливень ослепительных искр. Каждая такая искра по размерам превосходила расстояние от Луны до Земли.

Судорога пространства затронула и земной флот, вздыбив его на гравитационной волне. Но все успокоилось, как и началось, в одно мгновение. На месте «мыльного пузыря» Горловины с трудом можно было теперь разглядеть странную белесую паутинку, нереальную и призрачную. «Серая дыра» заросла, и с этих пор видеть можно было только ее «след» или «тень», в научной информаторе бытовали оба термина. Этот «след» сохранялся бесконечно долго, не исчезая, как луч звезды в космосе, время на срезе «серой дыры» застыло, заставляя светиться сам вакуум, но «след» этот уже никуда не вел.

— Пошли зонды, — предупредил кто-то из исследователей, продолжавших свою работу. — На радарах все чисто.

— Неужели «черные люди» погибли? — спросил Сваллинг. — Я думал, их выкинет обратно, за пределы Горловины.

— Их и выкинуло, — ответил лидер исследователей. — Вспомните черные «молнии» и следом искры. Их выкинуло, но с обратным знаком — в виде образований из минус-материи. Искры — это их аннигиляция.

Наступило красноречивое молчание.

— Каюк «дыре», — донесся голос драйвера-секунды «Конунга». — Что дальше?

— Амба «дыре», — согласился Лютый, ощущая в груди пустоту и странное сожаление, будто расстался с чем-то родным и волнующим. — Теперь домой.

— В Галактике обнаружено всего три следа «серых дыр», этот четвертый, — сказал сосед Лютого, раскрывая свой кокон. — Надо бы порыскать там, может, поблизости отыщутся орилоуны. Слышал гипотезу?

— Какую? — Лютый тоже превратил кокон в обычное кресло.

— «Черные люди» предназначены для сбора информации, и сидят они практически в каждой звездной систе-

ме, в которой развивался или должен был развиваться разум. В том числе и в Солнечной системе. И сеть их метро объединяет всю Галактику... если не Вселенную вообще.

— Для меня это уже не новость. Один орилоун найден на Таймыре, второй в системе Нептуна.

— Речь не о том. Есть шанс найти вход в систему орилоунского метро.

— Хорошая мысль, но запоздалая... — Лютый не договорил, как замороженный уставившись на виом, воспроизводящий панораму космоса в направлении на «серую дыру». Мимо камер спейсера неторопливо двигалась огромная переливчатая гроздь воздушных шариков, и из каждого, помаргивания, с любопытством взирал на мир не человеческий, а скорее птичий глаз...

Глава 6

Отец выглядел, как и всегда, хмуровато-сосредоточенным и чем-то недовольным, но уголки губ таили улыбку, а морщинки у глаз — лукавство и готовность к шутке. Одет он был в зеленую егерскую куртку, брюки и высокие сапоги, древний головной убор под названием «берет» довершал убор.

Мальгин отыскал отца в Брянском заповеднике, на берегу Десны, неподалеку от старинного русского городища Вщиж, где Мальгин-старший поставил шалаш рыбака.

— У нас тут мга¹, — пояснил он сыну в ответ на его взгляд, — довольно прохладно. Однако рыба ловится. Не приедешь?

— В другой раз, — пообещал Мальгин, не зная, зачем ему понадобилось разыскивать отца. А потом вдруг взял и рассказал все. И почувствовал облегчение. Наверное, надо было высказаться кому-то, даже просто так, не спрашивая совета, а отец всегда был хорошим собеседником, потому что умел слушать.

Старик понял мимику сына и улыбнулся, превращаясь в хитрого и доброго гнома из детской сказки. Хотя в этом наряде он смахивает больше на лешего, подумал Мальгин с ответной улыбкой.

— Жизнь — непрерывная цепь принимаемых решений, — проворчал старик, снимая берет и вытирая лысину влажной ладонью. — Я вижу, ты уже принял решение, а

¹ М г а — изморось, холодный сырой туман.

ошибаешься или нет — не мне судить. Все равно ведь сделаешь по-своему. Я живу просто, по пословице: чего не знаешь, туда и не тянет, — ты так не сможешь. Уверен, что все предусмотрел?

— Да, — сказал Мальгин, подумав.

— Тогда ступай, куда наметил. Потом позвонишь, а может, приедешь, как в прошлый раз, на Пру. Я тут набрел на куманику, сварил морс, ты такого еще не пивал.

— Наверное, вкусно.

— Не отведав, вкуса не узнаешь. Как там Купава, Дарья?

Мальгин, не ожидавший вопроса, вздрогнул, отвернулся.

— Нормально.

Отец перестал улыбаться, в глазах его на миг проглянула тоска.

— Жена друга... ну это я еще понимаю, но ведь Дарья — твоя дочь, а не Данькина. — Старик хотел еще что-то сказать резкое, но сдержался. — Когда ты был у нее в последний раз?

— Недавно... вчера.

— Дочь видел?

— Она у матери... у ее матери, Купава так сказала.

— Почему же не проведал? Не боишься потерять окончательно?

— Что потеряно единожды, нельзя потерять второй раз, — пробормотал Клим, поднимая взгляд и тут же опуская. — Мне что, драться с ней, если она не хочет, чтобы я приходил?

— Драться не стоит, однако голова у тебя для чего на плечи посажена? Эмкан носить? Думай.

— Я позвоню. — Клим зябко передернул плечами: стало вдруг холодно.

— Ну-ну, — буркнул отец и выключил связь, не прощаясь.

Мальгин посидел перед световой нитью виома, прислушиваясь к себе: показалось, что кто-то окликнул его, издалека, из невообразимой дали... мистика! Выключил виом и побежал в душ, представляя, как бросился бы сейчас с обрыва в реку, будь он с отцом... и чтобы рядом была Купава...

В институт он заявился в половине восьмого утра, когда в здании начинали появляться первые энтузиасты — «жаворонки», встающие с солнцем. Правда, сентябрьское солнце только-только показалось над горизонтом.

Полчаса ушло на переговоры с Гиппократом и Пироговым — хирургическим инком, с которым Клим работал постоянно, а также на подготовку операционной; потом пришел Заремба.

— В генофонде человека используется всего три процента записей в ДНК, — заявил он с ходу, проходя к операционной камере, у которой стоял Мальгин. — Интрасенсы берут у природы чуть больше — до десяти процентов. А тебе мы сделаем все сто, будешь первым супером. Ну что, начинаем?

— Не гони лошадей, — остудил коллегу Клим, несколько отвыкший от манеры поведения молодого нейрохирурга. — Где твой хваленый математик?

— Сейчас явится, любит точность.

— Он сделал, что я просил?

— Это человек слова, почти как ты, сказал — сделает. Если ты человек-да, то он — человекогора-да. Так я подключаюсь к машине? — И Заремба, не дожидаясь ответа Мальгина, залез в кокон-кресло хирурга-ассистента. Он должен был быть ведомым хирургом, ведущим был сам Клим, хотя операцию планировалось провести на его мозге.

Ровно в девять пришел Железовский, одетый в ослепительно белый кокос, который немного скрадывал его мускульный рельеф.

— Доброе утро. — Математик подал Климу три булавки кристаллозаписи. — Здесь прогноз и динамически-информационная модель ситуации. Работа нашего Большого Мыслителя, так что ваш Гиппократ должен проглотить, не подавившись. Вероятность благоприятного исхода ноль пятьдесят семь, не мало?

— Маловато, конечно, — раздался вдруг сзади чей-то уверенный, гортанный голос, и в операционный бокс вошел энергичный жизнерадостный Джума Хан, одетый по самой последней моде: при движении драконы и ящеры на его рубашке и брюках становились трехмерными и очень натурально разевали огненные зубастые пасти. — Я, ка-жись, вовремя.

Мальгин с радостным недоверием пожал протянутую руку и, не удержавшись, сунул палец в пасть одного из драконов. Дракон цапнул его за палец, неощутимо, конечно, однако руку Клим отдернул. Повернул вошедшего лицом к оглянувшимся Зарембе и Железовскому.

— Это Джума Хан, бывший врач «Скорой», сейчас гриф безопасности.

— Знакомы уже, — буркнул Заремба, — но руку Джуме пожал.

Тот с уважением окинул взглядом фигуру математика, посмотрел на Мальгина.

— Возьмешь ассистентом? Думаю, навыков контрольно-хирурга я еще не утратил.

— Ты что же, знаешь, чем я буду заниматься?

Хан посерьезнел.

— Конечно, знаю, иначе не успел бы к началу эксперимента. Кроме того, я работал в эм-синхро Европы по этому вопросу и специально готовился для спарринга.

Медики переглянулись. Лишь Железовский остался невозмутимым, превратившись в статую.

— Безопасность? — догадался Мальгин.

— Они отработывают «срам». — Джума пожал плечами. — Их можно понять. Кстати, Карой просила тебя позвонить ей до операции.

Хирург молча направился к операционной камере, снимая рубашку. Торс его был перевит мышцами, даже в сравнении с Железовским он проигрывал мало. Джума и сам был развит неплохо, однако смотрел на спину Мальгина с чувством зависти.

— Садись, — сказал Клим через плечо, — будешь ассистент-дублером Ивана, он — ведомый. Заодно и побреешь.

— Ты собираешься брить голову? Зачем?

— Клим, не порть шевелюру, — вмешался Заремба. — Пирогов подтвердил, что бритье головы не обязательно, аппаратура возьмет тебя и так.

— Включайте подготовку: мытье, бритье, наложение сетки и прочее. — Мальгин остался непреклонен. — Я хочу исключить малейшую возможность искажения картины.

И Джума с Зарембой проглотили вертевшиеся на языке возражения.

— Усаживайтесь, подгоняйте кресла и КПР.

Трое без лишних слов заняли места у камеры, запеленались в кресла, закрыли глаза. Информация из камеры и от инков поступала им напрямую в мозг через дисциплинатор и контуры пси-развертки. Мальгин полулегал в кресло, специально подготовленное таким образом, чтобы пациент мог видеть все операционное поле и корректировать работу хирургического инка, который командовал тончайшими магнитными и лазерными сканерами, энцефалоскопами, аппаратами считывания и записи информации, контроля давления, сердечного ритма и другим оборудованием.

— Брейте быстрей, — сказал Клим.

— Потерпи, сейчас сделаем из тебя бильярдный шар, — проворчал Джума. — Только зря ты это делаешь.

Через четверть часа голова хирурга отражала свет, как полированное дерево.

— Красавец! — восхищенно сказал Заремба. — Был бы женщиной — целыми днями...

Но Мальгин не дал им времени на шутки.

— Поехали!

— Ни пуха! — суеверно перекрестился Джума.

— К черту!

И Мальгину показалось, что кто-то огромный и сильный, но добрый и мягкий осторожно вынул его мозг из черепа и поместил под струю текущей воды.

Сканер воспроизвел перед ним трехметровую проекцию мозга. Каждый участок имел свой цвет: зеленый — левое полушарие, желтый — правое, серый — мозжечок, белый — промежуточный мозг и так далее, и в каждой области коры и глубинных структур выделялись черные и красные зерна — «черные клады», не имевшие выхода в сферу сознания. Что они хранили, какие знания, какими последствиями грозило их вскрытие, медицина пока не знала.

— Параллельный перенос готов, — просочился в уши пси-шепот Зарембы; он имел в виду готовность аппаратуры записи, подключаемой в случае непредвиденных осложнений и берущей на себя выход чужой информации.

Рядом с проекцией мозга возникло его схематическое объемное изображение с расписанными векторами нейрохирургического вмешательства — модель операции, рассчитанная Железовским.

Стрелка под номером «один» запульсировала, раздался пси-голос Пирогова:

— Энцефалон — cerebrum — теленцефалон, программа «бэта», прогноз три к одному, гипотетическое подключение родовой памяти и маатанского «введения»: основные рефлексy.

Шум в голове усилился: «поток воды» набирал скорость. Со зрением стало твориться что-то странное: форма предметов начала плыть, цветовосприятие изменилось, изображение перед глазами задрожало, принялось мигать. Где-то послышались голоса, возгласы, смех, гулы и свисты... На фоне черной плоской доски, появившейся «перед глазами» — отражение поля связи — всплыли строки:

Стал мигать обвал сознания;
Вот, казалось, озарятся
Даже те углы рассудка,
Где теперь светло, как днем.

Пастернак, подумал без удивления Мальгин, как нечто
ординарное восприняв выходы-причуды собственной па-
мяти.

Снова послышался смех и вслед за тем голос Зарембы,
тихий, но отчетливый:

— Все в порядке, мастер, это заговорила твоя первая
сигнальная. Набит ты стихами и ненужными пережива-
ниями изрядно.

— Не отвлекайся, Иван, — долетел недовольный воз-
глас Джумы, — это слой культуры... которой тебе пока
еще не хватает. Дыхание, альфа-ритм, кардиограмма — в
норме.

— Есть выход! — вклинился в разговор Пирогов.

Мальгину вдруг показалось, что у него шесть рук и по
крайней мере две головы. Ноги он перестал чувствовать
совсем, сознание раздвоилось: он ощущал себя лежащим
в операционном кресле и одновременно висящим в пус-
тоте, в невесомости!

Тело отвердело, покрылось кристаллической чешуей, а
вместо сердца зашевелилась и принялась пульсировать
раскаленная добела масса — «солнечная материя» в упру-
гой оболочке, грозящей вот-вот лопнуть. Дыхание стало
ненужным, мысли вспыхивали в темных подвалах «обоих»
голов сверкающими полотнищами реклам. Мальгин поте-
рял ощущение времени, он «листал» справочник маатан-
ской жизни, ничему не удивляясь и в то же время с
безмерным удивлением. Звуки, приходящие извне, обре-
ли вкус и цвет, изображения предметов и картин — плот-
ность, вес и запах, сложнейшие гаммы запахов...

— Отсечка дыхания! — пробился в пустоту двух голов
тей-то колючий красный голос. — Остановка сердца!
Включаю водитель...

— Синестезия¹, — вторил первому второй голос, фиоле-
товый с синим. — Дели каналы приема, Иван. Состояние
трансляции.

— Информтоксикоз, — гудко врезался в сознание еще
один голос, оранжевый, с металлическим привкусом. —
Отсоединяю связь с комиссуральными волокнами, пошел
блок.

¹ С и н е с т е з и я — смешение чувств.

Мальгин с огромной высоты упал на землю, но мягко, без особых болезненных ощущений, и оказался в кресле. Зрение прояснилось. В голове продолжало шуметь и всхлипывать и, как заноза, торчало ощущение заползшего туда жука.

— Может быть, остановим? — спросил Джума; гортанные интонации в голосе его усилились.

— Пару минут отдохну и продолжим, — отрезал Мальгин, пытаясь выковырнуть из головы застрявшего «жука».

Гиппократ и Пирогов перебросились между собой какими-то репликами, но скорость их разговора лежала далеко за пределами человеческих реакций.

— «Черные клады» — это преобразованные нейронные ансамбли, — сказал Пирогов уже в нормальном темпе. — Чистый стаз криптогнозы в сферу сознания невозможен, только эмиссионный перевод в глубокую память. Вызов информации оттуда будет зависеть лишь от волевых возможностей перципиента.

Мальгин смотрел на изображение своего мозга, пульсирующее огнями, и считал черные и алые зерна — их набралось около двух десятков, а было прощупано лишь одно из них.

— Не буди лихо, пока оно тихо, — пробормотал хирург.

— Что? — просочился вопрос Зарембы. — Что ты сказал?

— Поехали дальше.

И опять сквозь голову с шумом «полился поток воды», несший внутри себя «пузыри» странных ощущений.

Повторилась метаморфоза со зрением, чувства смешались, контролировать операцию снова стало невозможно, приходилось опираться лишь на рекомендации Пирогова и реплики хирургов. Молчал только Железковский, контролирующий совпадение хода операции с рассчитанной им моделью. А потом голову пронзила такая боль, что Мальгин едва не закричал, с трудом удержав готовый сорваться с языка приказ прекратить операцию.

Пирогов и Гиппократ, правда, уловили его желание, но Клим успел послать им яростное «вперед»!

Перед глазами появился отец, покачал головой, что-то говоря, но что именно — Мальгин не расслышал. Отца сменила мама, укоризненно грозя ему пальцем. И ее голоса Клим не услышал, в ушах стоял стоголосый стон пси-реки, рвущейся сквозь плотину мозга... Мелькнул в стороне Таланов, бежал навстречу Заремба — руки в кар-

манах, Джума держал на руках плачущую Карой и отворачивал лицо, но все равно видно, что лицо у него измученное и несчастное. Что-то кричал Ромашин, сидя верхом на глыбе «черного человека», Майкл Лондон — наполовину тигр, наполовину человек — готовился к прыжку, и во все небо улыбался загадочно, с превосходством в глазах, Даниил Шаламов...

Очнулся Мальгин от наступившей звонкой тишины и ощущения безмерной пустоты в голове.

— Нейровегетативная стабилизация, — прошелестел чей-то бесплотный голос (Гиппократ? Пирогова?). — Двигательный покой. Нарушений в программе нет. Мнемозапас девяносто девять.

— Как ты себя чувствуешь? — сквозь толщу безразличия прорывался возглас Джумы.

Нормально, мысленно ответил Мальгин. Долго еще?

— Вскрыли половину. — Это уже Заремба. — Кое-что не удалось перенести чисто, отсюда болевые нейронаводки, анестезия справляется не сразу. Потерпишь?

— Можем остановить вообще, — предложил Джума.

— Нет, — отрезал Мальгин. — Не останавливайтесь, чтоб не случилось. Дальше самого себя я не убегу, а с моими реакциями аппаратура справится, она даже шизофреников выдерживает.

В третий раз невидимый, но отчетливо слышимый водный поток хлынул сквозь мозг, растворяя в себе мысли, путая чувства, заполняя огромный объем головы пеной неизведанных эмоций и непередаваемых на человеческий язык понятий... А затем Мальгин, оставаясь в сознании, с отчетливым всплеском нырнул в серый омут глухоты и полного отсутствия каких-либо чувств. Вереницей стали проплывать мимо (слева? справа? внизу? вверх?) бесплотные призраки невиданных прежде фигур, но определить их форму Клим не мог, просто не знал, что эти многомерные фигуры — не плод его воображения, а отраженные подсознанием информационные блоки и цепи.

Ощущение «погружения в омут» не пропадало, хирурга засасывало куда-то глубоко «вниз», в преисподнюю, ощущаемую, как вязкий колышущийся мрак. Что-то черное, огромное, без рук и ног, ворочалось там и открывало пасть, собираясь поглотить человека целиком. Однако ужаса Клим не чувствовал. Затопленный безразличием ко всему, в том числе и к себе, он просто ждал, чем все кончится.

Лишь однажды извне прорвались какие-то далекие раздражающие вопли, звонки, ужасный болезненный шум, и

тут же все стихло. Кругом царили тишина и покой, да наплывала, становясь гуще, серая вязкая жижа, сквозь которую просматривалось мрачное черное дно этого мира.

Тону, выплыла откуда-то вялая мысль, написанная белым дымом на сером фоне. Дым свернулся в струйку и растворился в мутной серости. Второе слово было уже полупрозрачным, Мальгин с трудом разобрал его: Купава... Третье было совсем прозрачным — не имя и не название предмета или явления, странное слово, ласковое, хрупкое... но удержать его в сознании Клим уже не смог...

И вдруг снова где-то далеко-далеко, на краю света, приоткрылась дверца в иной мир, раздались дивные, волшебные, чарующие звуки, потрясающе чистые и прекрасные, всколыхнувшие серую муть и вонзившиеся в сердце сладкой томящей болью...

Музыка, проговорил кто-то внутри Мальгина. Слово почему-то волновало и звало куда-то, сама музыка уже пропала но ощущение неудобства осталось. Рядом кто-то стоял... и смотрел на него... кто-то знакомый и добрый... протягивал руки и звал, без голоса, а звал...

— Что? — спросил Мальгин, не ощущая ни губ, ни языка.

И услышал наконец:

— Пора вставать, сынок.

Он открыл глаза.

Деревенская изба, белый потолок, русская печь с лежанкой, в углу — иконка. Он лежит на кровати, маленький, в белой рубашонке, а над ним склонилось сморщенное, морщинки — лучиками, улыбающееся доброе лицо.

— Отямился, родимый? Вот и хорошо, пройдет онава¹, не рюмзай, побежишь к друзьям...

— Бабушка, — прошептал, давясь слезами, Мальгин. — Я заболел, да?

Серая муть, глухой шум, чьи-то птичьи голоса:

— Пошел, пошел! Иван — активируй назион...

— Многовекторное сканирование!

— Корпус каллозум — ноль...

— Энцефалон — ноль...

— Церебрум — слабые импульсы, пульс нитевидный...

— Давление сорок на десять...

— Пошел, пошел, дальше — вегетативная симпатика, парасимпатика — аппаратно, периферия — эгостеника...

Новый наплыв.

¹ Слабость, утомление (*древнерус.*).

Он сидит на траве и ревет, рука по локоть красная, в сыпи. И голос над головой, певучий, ласковый:

— Острекался, баловень? Говорила — там крапива, а ты все сам норовишь проверить. Ну ладно, мы ее, лихоманку, сейчас полечим.

Удар, клубы пыли кругом, серое с желтым, и белые просверки, как сполохи далекой грозы, и те же птичьи голоса:

— Фибрилляция... сердечно-сосудистая заработала...

— Гипервентиляция!

— Стереотаксический контакт — зеленый ноль...

— Таламус, ретикулярная, восходящие — норма... легкие, почки, селезенка — пока аппаратно...

— Вылезет, парень сильный. Аристарх, убери отрицательные гармоники, он все время скатывается... гипофиз, апифиз, щитовидка — норма...

Еще наплыв.

Пруд. Мелкий дождь. Сыро, холодно, тоскливо... И голос сзади:

— Вот он где, тохтуй¹ наш привередливый. Что квелый такой? Ну, поссорились, а прав ли был? А если и прав, мужчина ты или михлюй² ушастый? Досыть хмуриться, прошла падорога — пройдет и назола³...

Боль!

Тягучая, дергающая, саднящая боль... в голове, в животе, в сердце, во всем теле... И глухой шум, и грохот скатывающихся в бездну камней, и он — висящий над бездной. Откуда-то из мглы протянулись вдруг сильные руки, подержали, отнесли от пропасти, уложили на траву...

— Оклемался! — Голос громкий, радостный и знакомый.

— Джума! — заикаясь, выговорил Мальгин. — Я жив?

— Порядок! — ответили ему со смехом.

Что случилось? — хотел он спросить, но не успел: наступила темнота.

Глава 7

— Как самочувствие?

Этот вопрос преследовал Мальгина каждые полчаса в течение суток после операции, вошедшей во Внеземной информационный банк медицинских сведений под назва-

¹ Т о х т у й — баран, у которого только что появились рога.

² М и х л ю й — зевака, разиня.

³ П а д о р о г а — непогода, н а з о л а — печаль, тоска (*древнерус.*).

нием «Выявление черных кладов — закодированных генных записей в мозгу человека»; звонили коллеги по работе, друзья, знакомые, родственники, неизвестно каким образом узнавшие о рискованном эксперименте. Дважды звонили Ромашин и отец, потом Карой, и лишь Купава не позвонила ни разу. Скорее всего она ни о чем не знала, как и ее добровольный информатор Марсель Гзаронваль, он же Семен Руцкий, перешедший из отряда курьеров-спасателей на работу в один из районных центров службы сервиса.

Мальгин должен был находиться под наблюдением врачей в институте еще как минимум трое суток — по рекомендации Гиппократа, но уже через сутки не выдержал и буквально сбежал домой. Его мотивировки «прекрасного самочувствия» не возымели бы никакого действия, если бы не поддержка хирургического инка, не выявившего послеоперационных патологий, и директора института Стобецкого. И лишь последний знал, что его собственное решение основано на согласии службы безопасности, контролирующей пациента своими средствами.

Клим и вправду чувствовал себя сносно. Ушли головные и фантомальные боли — беспричинные, от срабатывания перенапряженных нервных узлов, шум в ушах прекратился, вялость и сонливость улетучились, и лишь мышечная слабость напоминала о буре, бушевавшей недавно в голове, поднявшей на ноги все иммунно-защитные резервы организма.

Ничего сверх обычного восприятия окружающего мира Мальгин не ощущал и даже почувствовал легкое разочарование, когда попытался ночью «напрячь» центры новых знаний и у него ничего не получилось. Но потом вспомнилось: «чтение темного знания возможно только при огромном напряжении воли», — и хирург успокоился. Время огромного напряжения еще не пришло, да и кто знает, что это такое и как проявляется?

Домой его провожали Заремба и Джума Хан. Железковский ушел из института сразу после операции, довольный результатом и полным соответствием своей модели с ходом эксперимента. Уходя, он кинул загадочную фразу (ее привел Джума): «Что ж, еще одним стало больше...» Что он хотел этим сказать, догадаться было трудно.

— Знаешь, на кого ты похож? — сказал безопасник, уложив Клима в спальню под надзор переносного медкомбайна. — Вылитый Фантомас. Но тебе эта прическа

идет из-за высокого лба Лежи теперь, привыкай. Кормить мы тебя будем сами, точно по времени, ты понимаешь, о е. Вот это пойло будешь пить, как минимум, три раза в день. — Хан поставил у изголовья кровати графин с темно-рубиновым зельем. — Это общеукрепляющий бальзам, целый комплекс трав и снадобий. Вообще-то первое время я бы у тебя пожил, а?

— Или я, — вставил Заремба, изучающий жилище хозяйина. — А это кто? Кого-то она мне напоминает.

Мальгин перевел взгляд: Иван разглядывал стереографию Купавы в детстве, здесь ей было двенадцать лет.

— Это моя... Няяда.

— Сестра, что ли? Ты о ней не рассказывал.

— Няяды — нимфы родников и ручьев, феи печали, — улыбнулся Джума, глядя на Мальгина прищуренными глазами. — Но надо признаться, ты нас удивил, мастер.

— Чем? — тихо спросил Клим, прислушиваясь к тонкому замирающему звону в голове: словно кто-то нежно тронул струну гитары.

— Да уж, было дело, — согласился Заремба, оживляясь. — Лежишь в полной отключке, глаза под лоб, и вдруг начинаешь давать указания Пирогову — куда направлять лучи сканера. Мы обалдели! Да и еще моменты были интересные.

— Какие? — Внутри что-то болезненно напряглось, на колонке медкомбайна вспыхнули алые огоньки: инк аппарата зафиксировал ухудшение состояния пациента.

— Потом, потом об этом, — быстро сказал Джума. — На, выпей.

Мальгин послушно выцедил стакан почти черного, с рубиновым просверком, напиток, уперся требовательным взглядом в Зарембу:

— Выкладывай.

Молодой нейрохирург помялся, поглядывая на недовольного Хана.

— Да, в общем-то ничего такого... один раз показалось, что ты нас всех внимательно рассматриваешь... с закрытыми глазами. Ну и тому подобное. Тебе все Гиппократ расскажет, попозже, когда окрепнешь. Главное, что нам еле удалось тебя вытащить из Запределья... — Иван осекся, виновато поглядев на Джуму.

— Вот как? — Мальгин тоже посмотрел на врача. — И как вам это удалось? Я действительно одно время чувствовал, что меня затягивает серая трясина.

— Трясина полного покоя, — буркнул Джума.

— Ни один раздражитель не действовал, и тогда он, — Заремба кивнул (а Хана, — откуда-то притащил в операционную малый синтезатор «Паганини» и начал играть. Ты и выкарабкался.

— Музыка, — прошептал Клим, вспоминая волшебные звуки. — Я так и подумал — музыка. Выходит, я твой должник, Джу...

— Сочтемся. — Джума Хан легонько похлопал Мальгина по руке. — К счастью, мои музыкальные пассажи затронули твою родовую память и потащили цепочку положительных ассоциаций, иначе процесс восстановления твоего «я» затянулся бы. Отдыхай, я приду вечером.

Спасибо, хотел сказать Мальгин, но передумал: Джума не нуждался в одобрениях, а благодарность чувствовал и так.

Он засыпал и просыпался каждые полчаса и снова засыпал под мелодию дождя, и длилось это состояние почти до вечера, когда наконец удалось справиться с сонливостью и расслабленными мышцами. Приходил ли кто-нибудь к нему, Клим не помнил, а выяснять у «домового» не стал. Душа остановилась у глубокого провала в неизведанные глубины психики и жаждала покоя, и даже мысли о Купаве и обо всем, что было с ней связано, не создавали привычного фона тоски и безнадежности.

Сначала Мальгин удивился такому безразличию, потом подумал о нейролептанальгетическом барьере, который ему обязаны были поставить хирурги, и успокоился. Состояние покоя пройдет, а с тоской бороться нет смысла: он до сих пор барахтается в болоте собственных оценок происходящего и нравственных норм, внушенных ему с детства, и не знает, что делать. Купаву не вернуть. Да и в особой опеке она не нуждается. Должна же она соображать, куда могут завести ее попытки ловить кайф с помощью наркомызыки. Хотя... кто знает, поймет ли, друзья у нее не из клана заботливых помощников. Вот за дочкой надо присмотреть. Ребенок-то мой, — вслух проговорил Мальгин, разглядывая себя в зеркале. С другой стороны, еще жив Даниил, и чтобы разобраться в ситуации, необходимо его присутствие. Надо помочь Ромашину в его реабилитирующем поиске, это снимет груз вины с обоих. Что касается Купавы, то... может быть, есть смысл запретить себе думать о ней, включив свои новые «блоки»?

Мальгин усмехнулся, покачал головой

В кого ты превратился, «человек-да»? Неужто так и будешь теперь жить с синдромом раздвоенности и нерешительности? Не пора ли вернуть прежнюю формулу характера — воля, плюс твердость дух, плюс убежденность в своей правоте?

Не пора ли сосредоточиться именно на этом?

Он напрягся и сосредоточился, в голове тихо лопнула гитарная струна, серый ливень хлестнул, казалось, из окна сквозь голову, родив необычные ощущения, и все стихло. Перед глазами заколебались предметы домашней обстановки, сердце болезненно сжалось. Хирург ухватился за раму кровати, закрыл глаза, расслабился.

Спокойно, парень, напрягаться тебе еще рано, слаб. Давай-ка думать о приятном, например, об ужине... или лучше о чистой родниковой воде, о реке, лесе, грибной охоте наконец... Отпустило? Ну и слава Богу!

Из спальни засвистел медкомбайн.

— Слышу, слышу, эскулап, — с досадой отозвался Клим, осторожно отрываясь от стены. Прошлепал в спальню, выпил стакан рубинового бальзама и направился в душ. Купался долго, то с тихим наслаждением, с подвыванием, то с воплями и хлопаньем по спине и бокам, а когда вытерся и прошептал в халате к «домовому», собираясь послушать новости, в гостиную вошла Карой.

С минуту они молча смотрели друг на друга, потом у Мальгина снова сработал какой-то музыкальный, «струнный» переключатель, в голове прошумел теплый ветер, и хирург уловил слабый пси-шепот в сопровождении волны грустных и одновременно вызывающе-дерзких настроений. Шепота он не разобрал, а «пакет» настроений исходил от Карой, с любопытством разглядывающей его голый череп. Где-то глубоко в колодеце памяти на черном фоне мелькнул тающий мираж лица — кто знает, чьего? — и Мальгин очнулся.

— Привет.

— Я думала, что ошиблась квартирой, — проговорила женщина низким голосом вместо приветствия. — А знаешь, тебя безволосие не портит — лоб настолько высок, что скрадывает отсутствие волос.

— Спасибо, — хмыкнул Клим, размышляя: показалось ему или нет, что он «подслушал» мысли Карой, вернее, увидел ее эмоциональный портрет.

— Меня прислал Джума, — продолжала гостья, морща носик и оглядываясь в нетерпении: разбираясь в своих

новых ощущениях, Клим забыл предложить ей сесть. — Но я думала, что вы, мастер, лежите и нуждаетесь в лечении и уходе.

— Нуждаюсь, — поспешно сказал Мальгин и сделал утомленный вид. — Особенно в массаже. Я, пожалуй, лягу под присмотр компа.

Карой рассмеялась.

— Малая подвижность, компьютеризация, а также избыток лекарств уже завели человечество в тупик, тебе этого мало? Можно, я сяду?

— О, биг пардон! — Клим дал «домовому» мысленную команду, и в гостиной выросли низкие кресла и столик.

— Мой любимый размер, — сказала Карой с иронией, пробуя кресло. — Любишь комфорт?

— А кто его не любит? — Хирург отдал еще одно распоряжение, и в комнату вплыл поднос, на котором стояли бокалы золотистого стекла, бутылка «Киндзмараули», тарелочки с тостами и коробка конфет.

— Надо же, мой любимый набор, — с той же интонацией протянула гостя.

Клим внимательно присмотрелся к ней, и снова где-то глубоко-глубоко, казалось, внутри позвоночника, тихо щелкнул переключатель, хирурга обдало волной несвойственных ему мгновенных переживаний, а в ушах прошуршал степной ветер и принес еле слышимый неразборчивый шепот, в котором угадывались слова: Джума... несмысленно... не понять... одиноко...

Мальгин наполнил бокалы, пытаясь держать себя в руках, ничему не удивляться и выглядеть естественным и галантным. Он уже сообразил, что начал воспринимать эмоции и пси-сферу собеседника, как и в случае с Джумой, но было ли это результатом эксперимента, утверждать не брался.

— Комфорт любят все, — повторил он, поднимая бокал, — даже спортсмены и туристы, а не только старики и женщины. За тебя?

— За тебя. — Карой пригубила вино. — Насчет комфорта у меня свое мнение. Слишком памятны примеры, которыми нас нафаршировывали по методу Карнеги на первом курсе университета. Ты тоже должен помнить: в двадцатом веке комфортные условия, вместо обычного сосания груди, начали создавать ребенку сразу же в послеродовой период, а обернулось это болезнями для большинства детей и в конце концов физиологической незрелостью как наследственным признаком.

Мальгин покачал головой.

— Нам такую информацию не давали. Но пример действительно сильный. У тебя с этим было что-то связано?

— Вы, как всегда, проницательны, мастер. Моя ветвь по материнской линии начиналась от прапрапрабабушки, которая практически не могла ходить. Вся эта ветвь словно была проклята: болезни, болезни, пороки сердца, аллергия, хроническая слабость, малый рост...

Карой залпом выпила бокал, успокаиваясь, провела ладонью по лицу. Клим налил еще, проговорил, осторожно подбирая слова:

— Но ты, похоже, сломала эту закономерность.

— Повезло с отцом. Давай о другом. — Женщина откинула прядь волос за ухо, обнажая сверкающую каплю серьги. Капля набухла светом и сорвалась на пол, обозначив падение высверкивающей трассой. Серьга в ухе снова налилась алым сиянием и, спустя несколько секунд, уронила на пол очередь тающих огоньков.

— Нравится?

— Очень! — Мальгин был искренен. — А Джуме?

«Джума... странное имя... хороший парень... но вряд ли...» — прошипело в голове хирурга в сопровождении знакомого «ветра» и грустного вздоха, в то время как губы Карой оставались в покое.

— Джу хороший парень, — повторил Мальгин автоматически и увидел, как брови Карой взлетели вверх.

— Что?!

— Ничего, мысли вслух. — Губы пересохли, и Клим смочил их вином, не слыша, как медкомбайн в спальне заливается протестующим звонком.

Глаза Карой потемнели, с изумлением она справилась быстро и теперь смотрела на хирурга испытующе и недоверчиво.

— Вы никак читаете мои мысли, мастер. Неужели это — результат операции?

— Скорее всего — нет. Одну минуту, мне надо узнать, чего он хочет.

Мальгин поспешил в спальню, выслушал нотацию медицинского инка, выпил стакан бальзама и вернулся в гостиную.

— Пей без меня, мне, оказывается, еще нельзя, иначе угрожают смирительной рубашкой.

Женщина осталась серьезной.

— Если мои предположения верны, то...

— То что?

— Не знаю... надо подумать. Ведь ты еще ничего не решил, мастер?

Мальгин нахмурился.

— Не отвечай, — качнула она головой, — я вижу. И понимаю. Купава одна, с дочерью, Шаламов исчез... Я все понимаю. Я тоже ничего не решила, хотя всегда славилась решительностью. Что-то изменилось во мне, в тебе тоже — до операции, а теперь еще и прямая пси-связь... телепатия, как говорили раньше. Ты будешь знать обо мне все, а я о тебе... обычная слабая женщина, не интрасенс. Мне надо подумать, Клим. Может быть, ты становишься супером, как сказал Ваня Заремба?

— Это плохо?

— Не знаю. Спасибо за вино. Тебе действительно не нужна сейчас моя помощь?

— Помощь? То есть?

— Ну, умыть тебя, накормить, сделать массаж, — рассердилась Карой.

— Если честно, то нет, — кротко сказал Мальгин. — Хотя от массажа я бы не отказался.

— Это тебе сделает инк. Прощай, мастер. Извини, если я...

— Это не проявляется все время, — сказал Клим ей в спину, — не беги так поспешно. Я еще сам не разобрался, как и почему срабатывает мой... мое гипервидение. Не пугайся.

— Я не трусиха, и все же ты меня поразил, Клим. Я приду позже, выздоравливай... черный человек-да.

Вышла.

А Мальгин остался стоять, оглушенный, будто на голову рухнул потолок. В таком состоянии его и застал Железковский.

Человек-глыба молча подошел и положил свои огромные длани — руками их назвать язык не поворачивался — на затылок и лоб хирурга, и тому показалось, что под черепом приятно потянуло прохладным сквознячком. Аристарх кивнул сам себе и бесшумно сел в кресло Карой, принялся.

— Духи «Витэ». От Джумы Хана тоже пахнет этими духами. Это была его жена?

— Испугалась и убежала, — слабо улыбнулся Мальгин. — Хотя, честно говоря, я испугался не меньше. До сих пор не верится...

— Все нормально, интрасенс, когда-то это должно было произойти.

— Как я выгляжу без волос?

— Очаровательно. Похож на Юла Бриннера, актера, играющего в старых ковбойских фильмах. Кстати, волосы можешь вырастить себе сам за два сеанса, это нетрудно.

— Я подумаю. Все утверждают, что такая прическа мне идет.

Мальгин налил вина в чистый бокал, поднял свой и сказал, кивнув на дверь в спальню:

— Черт с ним, пусть вопит.

Математик понимающе кивнул.

— С ним управиться легко, а вот с «минами» внутри труднее. Я пришел помочь тебе, — Аристарх не обратил внимания на протестующий жест хозяина, — разобраться в себе. Чем скорее научишься контролировать свое «экстра-я», тем легче будет справляться с синдромом «черного человека». И не смущайся, мне тоже помогли в свое время.

Клим проглотил вино, не чувствуя вкуса.

— А разве мое... моя телепатия — не результат прорыва подсознания, вернее, маатанского знания?

— Во-первых, не маатанского, а шаламовского, что, кстати, намного упрощает дело, во-вторых, не телепатия, а экстра-видение, что не одно и то же, и, в-третьих, ты интрасенс, то есть экстрасенс от рождения, только реализуешь свои способности с опозданием.

Железовский вдруг набычился, поглядев на Мальгина как-то остро и оценивающе, и тому показалось, что он видит перед собой полупрозрачную фигуру «черного человека». В затылке родилось ощущение вонзившейся иглы, рядом с фантомом, рожденным пси-передачей Железовского — Клим это понял, — появилась еще одна такая же фигура, но с человеческой головой, и все исчезло в красной вспышке боли...

Очнулся Мальгин в постели. Озабоченный Аристарх сидел рядом и переговаривался с кем-то по виому, а заметив движение больного, наклонился над ним:

— Извини, мастер, это я виноват.

— Нет, — сквозь зубы сказал Мальгин. — Похоже, я нечаянно разбудил один из «кладов». Мне надо прежде всего научиться при этом терпеть боль и не терять сознания.

— Я вызвал Джуму и лечащую группу, пусть посмотрит. Вечером составлю программу оптим-тренинга, а с завтрашнего дня начнем выявлять твои резервы, сегодня ты еще не в форме.

Мальгин с благодарностью сжал руку Аристарха и увидел, как у «железного» Железовского порозовели щеки. И у Клима стало удивительно легко на душе, словно они безмолвно сказали друг другу: будем друзьями.

У выхода из спальни Аристарх обернулся.

— Забыл передать тебе привет от Ромашина. Он рад, что ты со мной одного поля ягода.

Исчез. Ни шороха, ни звука. Однако неосознанно включившимся внутренним видением Мальгин легко определил, как человек-глыба миновал гостиную, переднюю, вышел на лифтовую площадку и лишь потом исчез, послав короткое, как толчок сердца, слово-ощущение: будь!..

— Он в порядке, — сказал Джума сдержанно.

Сидевшие напротив переглянулись.

— Немного подробней, — проговорила женщина.

— Он интрасенс. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но экстраспособности его врожденные, ничего общего с «темным знанием» не имеют, просто прорезались поздно.

Боянова снова посмотрела на соседа, растянула губы в улыбке.

— Кажется, ваши страхи не имеют почвы, Казимир?

— Хотелось бы верить, — улыбнулся в ответ председатель СЭКОНа. — До сих пор кошки на душе скребут, что мы разрешили ему этот плохо спрогнозированный эксперимент. В дальнейшем, вероятно после детального анализа, комиссия подготовит предложение для ВКС о моратории на подобные эксперименты. Даниил Шаламов, потом Майкл Лондон, теперь Мальгин...

— С Шаламовым и Лондоном все было иначе, — возразил Джума.

— Но связь прямая. Впрочем, я поспешил с заявлением. Итак, вы считаете, что этот ваш Мальгин... м-м, как бы это сказать... не опасен?

— Я ему верю, — ответил Джума, помедлив; разговор ему не нравился. — Во-первых, нет полной уверенности, что нам удалось подобрать ключи к «чернымкладам» памяти Мальгина. Во-вторых, он очень сильный человек, волевой и жесткий, он способен контролировать себя в любой ситуации.

— Вы можете дать стопроцентную гарантию?

— Могу, — не очень твердо сказал Джума.

Ландсберг пожал плечами и откинулся на спинку кресла.

— Хорошо, мы поняли, — проговорила Боянова. — Надеюсь, чрезвычайных мер по Мальгину принимать не придется. Спасибо за участие в эксперименте, другарь Хан, вы понимаете — подстраховка была необходима. Побудьте с ним рядом еще некоторое время, пока он...

— Честно говоря, прямой необходимости в этом нет, да и ребята ждут в обойме, но пару дней на Земле я еще побуду.

— Вы знаете, что «серая дыра» закрылась?

— Знаю. Очень жаль. До свидания.

Джума Хан вышел.

По кабинету маревом поплыла тишина.

— «Серая дыра» заросла, однако хлопот не убавилось, — нарушила молчание комиссар отдела, словно говорила сама с собой. — А главное, что остались нерешенными не только научные, но и социальные, внешние и внутренние, проблемы. Шаламов не найден. Лондон в том же положении, что и Шаламов. Мальгин тоже под подозрением. Контакт с маатанами не установлен и теперь вряд ли когда будет установлен. Орилоух остается загадкой, причем загадкой довольно опасной...

— Будет вам, Власта, — негромко сказал Ландсберг. — Вы не все перечисленные проблемы несете на своих плечах, с вами работает и Даль-разведка, и погранслужба, и ксенологи, и социозтики, и мы. Но я вас понял: требуется наше разрешение на какие-то рискованные действия?

Боянова отодвинулась.

— Иногда мне кажется, что вы интрасенс, Казимир. Да, мне нужно добиться согласия СЭКОНа на рейды к Маату, Орилоуху и в Сферу Дайсона.

— Если бы с подобным заявлением в комиссию обратилась Даль-разведка, я бы не удивился. Но что делать службе безопасности на этих планетах и объектах?

Боянова включила проектор, и перед сидящими открылась сияющая бездна, на фоне которой висел желто-лиловый шарик планеты. Если приглядеться, можно было увидеть, что светлый, с перламутровыми переливами фон изображения состоит из мириад зерен, испускающих нежное сияние.

— Сфера Дайсона изнутри, — пояснила Боянова. — Как вы уже знаете, и Маат, и Орилоух являются искусственно созданными мирами и населены странными расами существ, которых трудно назвать разумными, да и вообще

живыми. Имеется множество классификаций разумной жизни, но все они сходятся в определении небιологических цивилизаций. Так вот, жизнь обеих планет относится именно к этому типу, и, хотим мы этого или не хотим, выяснять — опасны ли с ней контакты или нет, придется нам. К тому же от Даль-разведки поступил запрос на определение степени риска при непосредственном, прямом изучении этих объектов. Кстати, по заявлениям ксенологов, наблюдающих за ними, Маат практически пуст, «черные люди» покинули его, спеша уйти в «серую дыру», а Орилоух намного снизил трансформационную активность.

— Это не довод, вернее, не самый сильный аргумент. Ваш запрос официальный?

— Вполне. Весь интенционал по данной проблеме готов уйти в ваш банк по первому требованию.

— Хорошо. — Ландсберг встал, поклонился. — Комиссия сообщит вам свое решение не позднее чем через три дня.

Комнату заливал интенсивный синий свет, так что казалось, будто находишься под водным слоем в метр толщиной. Все остальные цвета поблекли, и предметы в комнате выглядели плоскими и неузнаваемыми. А испускал синее сияние виом во всю стену, в центре которого с тяжеловесной на вид медлительностью вращался шар планеты.

Нептун, подумал Железовский, отыскивая взглядом хозяина.

— Проходите, — раздался голос Ромашина, — размещайтесь.

Математик сел рядом.

На боку Нептуна выплыло овальное фиолетово-черное пятно, и Ромашин остановил кадр.

— Самое загадочное явление прошлых столетий — роторный циклон-эффект под названием Большое темное пятно. И, как оказалось, — самое заурядное явление для мощных турбулентных атмосфер.

— И все же в данном случае это явление не совсем обычное, — пророкотал Железовский. — Дело в том, что с вероятностью в шестьдесят пять процентов орилоун, извергнувший через своего собрата на Землю струю газа, сидит именно в центре Большого пятна.

Ромашин вскинул изумленные глаза.

Железовский едва заметно улыбнулся.

— Мне почему-то кажется, что вы разочарованы.

— Нет, но слишком уже тривиальное решение. Единственный объект на лице планеты, сразу приковывающий внимание, оказывается и местом обитания орилоуна... А если ваш прогноз ошибочен?

— В таком случае орилоун может сидеть в любой точке на твердой поверхности Нептуна, искать его бессмысленно. Но, с другой стороны, вы сами ответили на свой вопрос. Если для людей Большое пятно — интересный объект, почему же и для орилоунов ему не быть таковым? У меня вопрос иного плана: зачем вам этот орилоун?

— То есть как? — опешил Ромашин. — Разве я не говорил?

— Но ведь «серая дыра» закрылась.

— Ну и что? Сеть орилоунского метро сохранилась, а Шаламов не стал настолько «черным», чтобы вообще покинуть нашу Вселенную, как это сделали маатане. Он наверняка скитается сейчас по Галактике, а то и другим галактикам, где сохранились живые орилоуны, и шанс найти его не исчез.

Железовский помолчал, рассматривая темное пятно на боку планеты — гигантский циклонический вихрь размером с Землю, сохраняющий форму вот уже несколько сот лет.

— Я не разделяю вашего оптимизма, но рассчитать варианты поведения Даниила невозможно, и ваше предположение тоже имеет право на существование. Кстати, вы знаете, почему закрылась «серая дыра»? Вернее, почему закрылась так рано? По моим подсчетам, она просто не выдержала экологической нагрузки с нашей стороны. До появления в Горловине людей процесс зарастания шел медленно, «дыра» могла продержаться еще несколько тысяч лет, но потом...

— Я понял. Что ж, экологическая инспекция не всегда способна вовремя оценить опасность человеческого любопытства. Значит, Большое темное пятно? Насколько я осведомлен, в этот район Нептуна сбрасывается уже не один десант, поэтому я не первопроходец, а идти следом всегда легче. Пойдете со мной?

— Пойду. Если докажете СЭКОНу целесообразность рейда. Но все же давайте подождем полной реабилитации Мальгина, он уточнит мой расчет.

— Операция прошла успешно?

— Более чем. В нем проклюнулся интрасенс, что послужит дополнительной гарантией против появления син-

дрома «черного человека». Клим уже начал потихоньку разбираться в себе, входит во вкус, а главное — научился контролировать состояние инсайта¹, связанное с «черными кладами».

— Силен мужик! — сказал Ромашин искренне. — Вы с ним непременно подружитесь.

— Уже.

— Ну и славно. Втроем мы справимся.

— Еще один неприятный вопрос, можно?

— Валяй.

— Что, если мы не найдем Шаламова? Я имею в виду здесь... дома, в нашем галактическом домене.

— Есть одна идея... — нехотя проговорил Ромашин. — Может быть, это заумь... конкретно с ней возиться недосуг, да и специалисты нужны классные. Позже я поделюсь ею. Итак, готовим бросок на дно Нептуна?

Синий мир планеты с исполинским зрачком Большого темного пятна стал приближаться, пока весь объем виома не заняла непроницаемая черная мгла, скрывающая за собой не одну тайну планеты.

Глава 8

Золотой луч утреннего солнца проник в комнату и остановился на щеке. Мальгин проснулся, некоторое время лежал с закрытыми глазами, ловя кожей ласковое тепло, потом рывком встал и распахнул окно.

Несмотря на бабье лето, температура воздуха в утренние часы на широте Смоленска и Брянска не превышала десяти градусов тепла, но Мальгин не боялся даже сорокаградусного мороза. Чистый прохладный воздух, наполненный тысячами запахов, от грибных до поздно цветущих трав и цветов, хлынул в легкие и мгновенно очистил голову от остатков сна.

Отец возился в саду с другой стороны дома, Мальгин видел его внутренним зрением сквозь кустарник, стену и деревья. Клим позвал его мысленно, уловил ответное удивление и удовлетворенно засмеялся. Все шло нормально, хотелось жить, двигаться, бороться с опасностью и творить чудеса. Последствия уроков Железовского сказывались каждый день, и были они в большинстве случаев приятными, но все же открывающиеся горизонты безоб-

¹ И н с а й т — состояние озарения.

лачными не казались. Культ хандры Мальгин разрушил, привел в систему кое-какие свои внутренние проблемы, но с раздвоенностью в душе справиться пока не мог. Главный узел проблем, связанный с именами Купавы, Карой, Шаламова, не решался. Ни математически, ни логически, ни эмоционально.

Мальгин бесшумно спрыгнул в сад, обежал стороной огород с хозблоком, миновал озеро и по тропинке припустил в лес, через поле, через высохшее, пружинящее под ногами болото, оставляя в стороне еще один коттедж хутора и далекие многоквартирные высотные «сотовые» дома окраины Жуковки. На этот раз налетел на палаточный лагерь нихилей — потомков хиппи в десятом колене, перепугал какого-то грибника, подумав, что напугал бы того еще больше, если бы не отрастил волосы. Добежал до родника, напился с колен и повернул обратно.

Отец все еще бродил по саду, что-то окапывал, заботливо убирал садовый мусор, готовил мудреный инвентарь к зиме. Мальгин понаблюдал за ним исподтишка, потом начал делать зарядку — комплекс ши-кай. Отец нашел его в тот момент, когда он делал стойку на локтях: обошел кругом, похмыкал, хлопнул по животу. Клим упал на спину и расслабился, улыбаясь.

— Когда-нибудь сломаешь себе шею, — проворчал Мальгин-старший с притворным недовольством.

— Не сломаю. — Клим сплел ноги, обхватил их руками и в образовавшееся кольцо просунул голову. — Как ты думаешь, какое количество поз может принять человек?

Отец задумался, погладил подбородок, пожал плечами.

— Ну двадцать... может быть, тридцать. Нет?

— Шива демонстрировал восемьдесят четыре тысячи поз, направленных на поддержание здоровья и достижение высшей степени сознания. Насчет высшей степени ничего сказать не могу, видимо, для меня это пока недостижимо, однако я могу продемонстрировать около десяти тысяч поз. Остальные семьдесят тысяч тоже было бы несложно реализовать, но для этого необходимо время, а его-то мне как раз и не хватает.

Мальгин включил свое новое чувство видения комплекса биополей, излучаемых человеком, одно из многих в сфере гиперчувств, и отец, в некоторой растерянности почесывающий затылок, разделился на три полупрозрачные, входящие одна в другую, фигуры.

Внутреннее видение позволяло теперь хирургу видеть ауру собеседника — его биоизлучение, пси-поле и набор

испарений, зримо разделять черты характера, почти свободно оценивать его душу. Каждый человек как бы разделялся на несколько «призраков» разного цвета: чем сложнее был внутренний мир человека, тем больше «призраков» в нем умещалось. Негативные стороны характера окрашивали фантом во все оттенки фиолетового, коричневого и в черный цвет, положительные черты вызывали к жизни голубые, розовые, золотистые тона, переходные формы типа ум — хитрость добавляли зеленых и синих тонов, и лишь равнодушие всегда вызывало ощущение сырости и окрашивало «двойника» в серый цвет.

«Призраки» отца были текучи, почти прозрачны и отбрасывали оранжевые, розовые, голубые и золотые блики. Внутри одной из фигур клубился сизо-синий туман, и Мальгин знал, что это такое: потускневшая, но неизбывная тоска по жене.

— Все! — Клим «развязался» и вскочил. — Побежали в душ.

— Я уже купался. Будешь готов — кликнешь, позавтракаем и покалякаем.

На завтрак отец приготовил салат из овощей, жареные грибы, мясо по-мушкетерски и топленое молоко.

Поговорили о видах на урожай на будущий год, о соседях, о родственниках, зовущих погостить. Отец с неодобрением отозвался о таборе нихилей, на что Мальгин возразил: раз общество имеет возможность терпеть подобные неформальные структуры и содержать их, давая прожиточный минимум, то какие могут быть претензии? Другое дело — формирование в молодежной среде групп социально опасных, типа дилайтмецов, любовников, хочущников, с их культом абсолютного лидера, «клубов острых ощущений» или «эскадронов жизни».

Отец не стал углубляться в теорию минимально необходимой морали и сетовать на сложность взаимоотношений в мире, просто он пытался создать сыну атмосферу нормального расслабляющего отдыха, и Клим только улыбался в душе, видя потуги старика отвлечь его от горьких дум.

— Досыть, — сказал Мальгин, погладив живот, в ответ на попытку отца налить еще стакан молока. Эксперимент открыл канал родовой памяти, и на ум постоянно приходили странные, ласковые, пахнущие дымом костра и парным молоком древнерусские слова. Многие из них обозначали понятия, давно ушедшие из жизни, многие потеряли значение и смысл, но не утратили запаха ста-

рины и ласкали гортань, как глоток хрустально-чистой родниковой воды.

Отца все время подмывало спросить сына про Купаву, но он продержался целых три дня, пока все же не спросил. Мальгин вспомнил ее компанию, и душа снова наполнилась горечью бессилия: Купава плохо разбиралась в людях, и среди ее приятелей нередко встречались эгоисты, сластолюбцы и «сильные личности» вроде Марсея Гзаронваля. Интересно, Вильям Шуман из их числа или он «чистый наслаждатель»? Впрочем, какое это имеет значение?

— Все в порядке, па, — ответил Клим. — У нее не все хорошо, но никаких осложнений. Дарья у мамы, я ее навещал... Купаву то есть. Что будет дальше, не знаю.

— Ты не пробовал вернуть ее?

— Как? — слабо улыбнулся Мальгин. — К тому же не все ясно с Шаламовым. Если он жив, есть надежда вернуть ему человеческое «я». И это меня останавливает в первую очередь. Нет, па, возврата к прошлому нет, ты же понимаешь.

— Что ж ты так всю жизнь бобылем и проживешь?

Клим засмеялся, перегнулся через стол, облапил старика.

— Ты же вот живешь, и ничего. Бог не мужик: бабу отымет, девку даст. Подожди немного, все образуется.

— Хочешь заварю тебе туман-травы? На сердце легче станет.

— Как говорили латиняне: *amor non est medicabilis herbis* — любовь травами не лечится. Па, мне ли этого не знать? Нужна более мощная фармакопия. Ну все, я убежал, буду к обеду, причем, возможно, не один.

И, переодевшись в спортивный костюм, Мальгин поспешил из дома, не отвечая на пытливые взоры родителя.

Обычно он забирался в самые глухие уголки леса, подальше от людских глаз, и тренировал тело, новые органы чувств до тех пор, пока не приходила усталость. Старика после его возвращений в первое время изумлял аппетит сына, но потом Мальгин-старший привык и готовил на четверых сам, не доверяя кухне. Кулинаром он был отменным.

На этот раз Мальгин решил впервые «копнуть» один из «черных кладов», считая, что достаточно подготовил себя к открытиям, да и время не ждало: положение Майкла Лондона оставалось сложным, а его поведение в слу-

чае повторения синдрома «черного человека» никто предсказать не мог.

Ориентировался в лесу Клим свободно, ни облачные покровы, ни ночь, ни непогода не мешали ему точно знать свое местонахождение. Выбрав густую еловую поросль, в которой его трудно было обнаружить даже вблизи, Клим присел на ствол упавшей от старости ели и привычно сосредоточился на перцепции — способности воспринимать омоложение своего тела в пространстве. Пришло ощущение впаянности в мир. Подумалось, что такое ощущение могло быть у муравья, попавшего в смолу. В округе в пределах нескольких километров не было ни одной живой души, не считая птиц, белок и мелких грызунов. Поймав отголоски чьих-то радио- и видеопередач, Мальгин удовлетворенно улыбнулся и, закрыв глаза, сказал сам себе:

— Давай-ка поработаем в гиперохвате, шарабан...

Алый свет хлынул отовсюду в глазные яблоки, затопил все вокруг. Черные тени замелькали, зашевелились в этой алой бездне, словно горел костер наоборот. Кавалькада призраков проскакала сквозь голову, и еще не утих топот копыт их лошадей, как где-то внутри ставшей огромной, как гора, головы проросли удивительные геометрические структуры — не то леса, не то города, не то цветы...

Мозг человека на бессознательном уровне способен обрабатывать около миллиарда бит информации в секунду, на сознательном — всего сто, но несмотря на то, что Клим мог работать на уровне сознания в двадцать — сорок раз быстрее, удержать хлынувший из «черного клада» поток сведений он не сумел.

Алый свет в глазах очень быстро зарос черной паутиной, потускнел и померк. Фиолетовые сумерки заполнили мозг, стусевали появившиеся было проблески понимания того, что прошло понятийный отбор. В глазные яблоки вонзились горячие иглы боли; боль от этих уколов волной распространилась по голове, телу, достигла кончиков пальцев, легких и сердца. Затем наступила полная темнота...

Где-то далеко-далеко на краю Вселенной горел в ночи костер, плясали языки пламени, было тепло, не дымно, уютно, и кто-то ждал его у костра, вглядываясь в темноту и прижав руки к груди.

— Купава? — прошептал Мальгин в три приема.

— Непава...непава...непава... — вернулось шелчущее эхо.

— Ка-рой?..

— Нерой...нерой...нерой...

— Кто... ты?

И тогда донесся тягучий, басистый и тонкий одновременно, вибрирующий, с бархатистыми раскатами голос:

— Я память твоя...

— Паять...паять...паять... — послушно повторило эхо.

Он стоял на холме бесплотным привидением, не отбрасывающим тени, а по дороге, обегаящей холм, пыльной, протоптанной сотнями ног, шел отряд ратников в калантырях, бармицах¹, кольчужных штанах, со щитами через спину, с островерхими шлемами. Вооружены ратники были мечами, копьями, луками и боевыми цепями, и вел их воин в блестящих доспехах, с непокрытой головой, обритой наголо — только на правой стороне виднелся длинный локон. Он был среднего роста, но широкоплеч, строен, в одном ухе сверкала золотая серьга с двумя жемчужинами и рубином, а на лице с длинными усами поражали глаза: чисто-голубые, пронзительные, полные суровой решимости.

— Святослав! — гулко проговорила память. — Идет на Итиль. В его дружине — твой прапрадед Мал...

Холм исчез. Из серой мглы проступили очертания старинной крепости, стены которой пестрели выбоинами, дырами, были закопчены и дымились. Но крепость еще не пала, ряды ее защитников строго, молча ждали атаки.

— Рязань, — звонко, колокольню отозвалось в голове. — Твой прапрадед Лука защищал ее всю жизнь.

Исчезла и крепость. Прошли перед мысленным взором Мальгина дружина Владимира Мономаха и Дмитрия Донского, полки Ивана III и Грозного, Петра Великого, Суворова, Кутузова, отряды солдат Гражданской и Великой Отечественной войн, и шли за их спинами Правда, Честь, Любовь и Вера, и в каждом из отрядов находились предки хирурга: Михайла, Борислав, Егорий, Мальга...

Очнулся Клим от холодного прикосновения к руке. Изпод еловой лапы выглядывал еж и изредка тыкался носом в ладонь, словно пытался пробудить человека от его странного сна.

— Спасибо за заботу, — прошептал Мальгин, поднимая лицо. — Я в порядке.

¹ К а л а н т ы р ь — доспех из крупных металлических пластин, б а р м и ц а — кольчатые доспехи на плечи, грудь и лопатки.

Он лежал на боку вдоль ствола ели. Сел. Ежик исчез, прошуршав по толстой шубе из упавших еловых и сосновых иголок.

Клим прислушался к себе и понял, что его попытка прочитать хотя бы малую часть записанного мозгом «темного знания» удалась: в памяти медленно проявилась запись шаламовского «запасника», объясняющая историю появления «черных людей» на Маате. В записи было много лакун, пропусков, белых пятен, непонятных шумовых мест, и все же это была победа. Можно было продолжать процесс чтения чужой информации, прошедшей психологический отсев Шаламова и собственного подсознания, без риска глубоких шоковых состояний, ибо Мальгин нашел «громоотвод» — родовую память. Любой неконтролируемый разряд «черного клада» вызывал отключение мозга и уход его хозяина в глубины родовой памяти, помогающей быстрее адаптироваться и приходиться в себя.

Хирург не выдержал, прокричал по-ястребиному и прыгнул в близкий ручей прямо в костюме. Напившись чистой воды, выбрался из ручья и разогрел кожу до пятидесяти градусов, чтобы побыстрее обсохнуть. Затем выбрал направление и, паря, как горячий камень, облитый водой, через полчаса выбежал к сторожке лесовода, откуда он мог позвонить в любую точку земного шара. Здесь и нашел его Заремба, прибывший по вызову из Спасска, где по просьбе Климa жил у какой-то родственницы с комплектом медицинской аппаратуры — для негласного обследования Мальгина.

Молодой хирург был возбужден и не скрывал этого. Опутав Климa датчиками, он записал параметры его жизнедеятельности на кристалл и принялся жадно расспрашивать подопытного, что он чувствует, смог ли расшевелить память и что вспомнил конкретно. Удовлетворить его любопытство было практически невозможно, и Мальгину пришлось умерить ненасытную жажду коллеги грубовато: остановись, таранта, я от тебя устаю больше, чем от всего остального населения.

На этот раз Заремба не обиделся. Шумный, самоуверенный, искренне считающий себя талантливым исследователем и хирургом (что, в общем-то, соответствовало истине), свой в любой аудитории, не стеснявшийся ни признанных авторитетов, ни мудрых старцев, ни Бога, ни дьявола, он жил торопливо, весело и увлеченно, а увлекался он постоянно и был счастлив, насколько мог быть счастлив человек с таким легким, незлобным характером.

ром. Иван был единственным, кто не разделялся на цветных фантомов биохарактерологического спектра, когда Мальгин включил свое инфровидение, он был прост, как летний ливень, хотя простота его была не следствием глупости, а следствием воспитания. Мальгин иногда ловил себя на том, что завидует Ивану, сам он не мог и дня прожить, не уходя в самоанализ, не мучаясь, не ища постоянно точку равновесия между «да» и «нет».

— Стобецкий просил позвонить, — сказал Заремба, доставая из сумки банку шипучки. — Хочешь? Земляничная.

Одет он был в костюм в стиле «кантри», говорящий о его приверженности моде. Костюм был сделан из недавно созданного материала зиркорна, обладающего памятью формы. Хранить костюм можно было в виде небольшого рулончика с магнитной защелкой: стоило выключить защелку, и костюм мгновенно приобретал заданную форму. Уже и кофты стали шить из зиркорна, хотя пока не для спецслужб.

— Я завтра выйду, — сказал Мальгин, костюм которого тоже был из зиркорна. — Ничего не изменилось?

Заремба покачал головой, ткнув пальцем в серьгу рации.

— Постоянная связь: все по-прежнему. У Лондона прогрессирующий синдром терминатора, то же, что было и у Шаламова, но в замедленном темпе. Качественный скачок трансформации может произойти не раньше, чем через месяц.

— Как бы не прозевать точку перелома. Не слишком ли мы самонадеянны? Гейне говорил, что каждый человек есть вселенная, которая с ним рождается и с ним умирает, а Шаламов и Лондон — это аж по две вселенные!

— И еще ты, — бросил Заремба с усмешкой.

На Мальгина вдруг накатило черное и злое, свет в глазах померк, и хотя он почти сразу же овладел собой, по лицу Ивана понял, что скрыть свои переживания не смог.

— Извини. Я что-то сказал, нет?

— Ничего, — прыгающими губами выговорил побледневший Заремба. — Мне, наверное, показалось...

— Что? Говори!

— Честное слово, я не... понимаешь, из тебя словно зарычал... или выпрыгнул...

— Кто? Не тяни душу! Надо же мне знать, как управлять собой во время «черных затмений».

— Кажется, на меня прыгнул не то барс, не то леопард... пятнистый такой, с клыками... Жуть, честно гово-

ря! Но ведь ты же не виноват, Клим? Оно сидит в тебе и ждет выхода... Ты же не хотел? Ничего, справимся.

— Ох и мастак ты успокаивать пациента, — с трудом улыбнулся Мальгин, чувствуя уходящую дрожь: он испугался не меньше Ивана, а заодно понял, что не все будет просто в его нынешней жизни, и кроме «тихий» знаний память хранит и «мины» чужих реакций на мир, неадекватных понятиям человеческой морали и нравственности. Успеть бы вовремя научиться подавлять эти реакции...

— Звонила Купава, — после недолгого молчания сказал Заремба. Он хотел что-то предложить Климу, но не решался.

— Вот как? — Мальгин постарался задавить поднявшееся в душе волнение. — Что ей было нужно?

— Искала тебя. Одевается она, надо признаться, весьма экстравагантно, хотя и со вкусом. Видел бы ты ее серьги!

Мальгин наконец понял, что его мучило в последнее время, что он пытался вспомнить и не мог. В горле сразу пересохло, в голове опять словно лопнул сосудик боли.

— Что за серьги?!

— Они то появляются, то исчезают, то становятся огромными радужными шарами, то черными каплями, то начинают дымиться, то сверкают искрами. Я таких еще не видел! Ты что? — Иван все же уловил перемену в его настроении.

Держи себя в руках, приказал внутреннему «я» Мальгин, а вслух проговорил:

— У меня, кажется, есть любопытная информация для Ромашина... и для отдела безопасности.

Заремба превратился в глаза и в слух.

— Где Ромашин, не знаешь? — продолжал задумчиво Клим, забавляясь реакцией Ивана и одновременно думая о своем.

— Он ушел с Железовским на Нептун, по-моему, хочет найти орилоуна, через которого Шаламов смылся из Системы. Да скажешь ты наконец, в чем дело?

— На Нептун?! — Ошеломленный, переспросил Мальгин. — Искать орилоуна? О черт! Поехали.

Куда?

— Надо успеть отговорить их от этого шага, орилоун на Нептуне давно и безнадежно мертв.

— Откуда ты?..

Мальгин, не слушая, увлек за собой хирурга и погнал такси-пинасс в Спасск, где располагалась ближайшая станция метро. Отец не обидится, подумал он мимолетно, старик все понимает. Но, может, к ужину я и успею...

— Ты что-то насчет Ромашина говорил, — напомнил быстро пришедший в себя Заремба. — Зачем он тебе нужен-то?

— Шаламов был здесь.

— Что?! Где здесь?

— На Земле. И вероятно, у Купавы. Я был у нее... недавно и видел кое-что интересное. Серьги — подарок Даниила. Она прямо сказала мне, а я, телелюй, не понял, думал, это еще до его похода в Горловину. Почему же она не ушла с ним? — Мальгин пристально посмотрел на Ивана, не видя его.

— Разлюбил, — брякнул тот, шмыгнув носом. — А может быть, он сам не захотел... или находится до сих пор на Земле, а? Почему бы и нет?

Почему бы и нет? — повторил про себя Мальгин, и ему показалось, что кто-то странно знакомый и одновременно чужой окликнул его из невероятной дали: белый всплеск на сером фоне... толчок в сердце... тихий звон лопнувшей струны...

Мистика дальнего зова, обманываешь ты или говоришь правду? Кто меня зовет? Купава? Карой? Даниил? Или просто напомнил о себе патруль памяти сердца?..

— Кто?! — беззвучно позвал Мальгин, пытаясь унять вспыхнувшую головную боль.

Никто не ответил.

Клим вздохнул, расслабляясь, искоса поглядел на раскрасневшуюся физиономию спутника: фантазия Ивана, видимо, работала вовсю.

— Что ты хотел мне предложить?

— Да ты понимаешь... — Заремба вдруг застеснялся. — Ради чистоты анализа надо бы тебе поносить на себе пару «филеров», хотя бы дня два-три.

Только ради анализа? Не стесняйся, я уже понял, к чему ты клонишь. Ты прав, надо записывать физиопараметры во время «выпрыгивания» из меня «барса» Это интересно не только тебе, это поможет и мне установить полный контроль над собой.

Заремба просиял.

На горизонте показалась бликующая вершина гигантской пирамиды — культурный центр Спасска, и такси спирально ввинтилось в его зеркально-стеклянное нутро.

Глава 9

Нептун казался громадной черной бездной на фоне мелкого бисера Млечного Пути. Солнце пряталось за планетой, и сейчас она была повернута к наблюдателю «спиной», пряча в глубокой черноте ночи свои загадки и тайны.

Ромашин покосился на соседнее кокон-кресло, скрывающее в своем нутре Железовского. Тот с момента старта с Тритона не проронил ни слова.

В тесной рубке драккара располагались всего три кресла, третье занимал пилот аппарата, драйвер-прима Паат Хузангай. Драккар имел название «Индевор», а его инк носил имя Вояджер.

Поскольку драккар разрабатывался как корабль исследовательского десанта, он и оборудован был соответственно: кресла представляли собой автономные защитные комплексы с пси-управлением и энергетическим и материальным ресурсом, позволяющим его обитателям при появлении непредвиденных обстоятельств прожить около месяца. При необходимости шлюп мог взять на борт исследовательский отряд в количестве двадцати душ. Десантники в этом случае ждали своего часа в отсеке десанта, каждый в своем коконе ЗСК — защитном скафандровом комплексе, приспособленном к работе в любых экстремальных условиях. Скафандры эти мало чем напоминали человеческие фигуры, вернее, совсем не напоминали, и на жаргоне косменов их называли «заскоками». В настоящий момент на борту драккара, кроме Железовского, Ромашина и пилота, живых душ не было, вместо человеческого десанта аппарат был загружен роботами с широким спектром исследовательских операций.

— Такое впечатление, будто впереди абсолютная пустота, — проговорил Ромашин. — Даже вакуум вокруг так не воспринимается.

Железовский промолчал, а пилот хмыкнул и сказал:

— По-китайски пустота — куншу, по-японски — кусо или кукё, но лично мне нравится древнегреческое кенон. А вам?

— Не вижу разницы, хотя привык больше к обычному — вакуум.

Пилота нашел Железовский, буркнув, что это драйвер от Бога. Ромашин не возражал. Он сразу понял, что Паат Хузангай тоже интрасенс, иначе инспектор погранслужбы на Тритоне не выпустил бы драккар в самостоятельный

поиск. Правда, вовсе без объяснения уйти к Нептуну не удалось.

— Вы же не специалисты, — сказал озадаченный пограничник, когда Ромашин и Железовский предстали пред его очами и выложили сертификат особых полномочий с требованием содействия по подготовке глубокого зондирования Нептуна.

— Мы хорошо изучили условия полета, — возразил Ромашин, — и в наши планы не входят ни стопроцентный риск, ни тем более самоубийство. Воспринимайте это как обычный исследовательский рейд с несколько специфичными целями. Обещаем записать все, что увидим и услышим, и передать специалистам.

Пограничник был опытный работник, привыкающий не удивляться самым неожиданным просьбам, знавший цену риску, поэтому он, ни слова не говоря, позвонил в управление и, лишь получив согласование, предоставил гостям свободу маневра. Затем он лично проверил экипировку драккара и только потом дал добро на взлет, предупредив бригаду спасателей о новичках.

Ромашин мысленно оглянулся, и автомат послушно выдал ему обзор кормовой полусферы.

Драккар удалился от Тритона уже на пятьдесят с лишним тысяч километров, но и на этом расстоянии спутник Нептуна производил впечатление: округлая каменистая глыба диаметром в две тысячи километров, испещренная бороздами древних жидкоазотных потоков, кратерами, разломами, покрытая кружевной изморозью — словно пятнистой коростой, издали напоминающей лишайник. Азотная атмосфера планеты была неплотной, и сквозь нее хорошо различались обширные туманные плато и океаны жидкой грязи.

Город исследователей Тритона — Пайонир располагался в экваториальной области планеты, рядом с кальдерой огромного ледяного вулкана, испускающего «лаву» — ледяные потоки — и похожего издали на цветок, но сам город был уже не виден.

Судя по тому, как мяч Тритона стал сжиматься и уходить вниз, драккар заметно ускорил движение, миновал один за другим три соседних спутника — Протей, Ларису и Галатею, затем настал черед пылевых колец. Всего колец у Нептуна было пять, но сейчас видны были только три. Последним из видимых спутников промелькнула мимо Наяда, пятидесятикилометровый кусок камня с вкраплениям льда. Остальные три луны: Деспина, Таласса и Нереида — скрывались за горбом Нептуна.

В глаза брызнуло чистым синим светом: край «бездонной черной ямы» прямо по курсу обозначался размытой синей полуокружностью; Нептун поворачивался к шлюпу боком, освещенным солнцем.

В наушниках прошумел короткий прибор — это дал знать о себе немощный радиационный пояс планеты, имевший по земным меркам незначительное магнитное поле. Затем прошумел второй прибор — человеческих голосов, многотональных сигналов и звоночков. Это отреагировала на появление драккара служба наблюдения за пространством, проведя несколько мгновенных диалогов: с инком «Индевора», с погранслужбой и с координатором исследований системы Нептуна, а так как аппарат благодаря стараниям Ромашина был вписан в график резервных рабочих рейдов, возражений на дальнейшее движение драккара к Нептуну не последовало.

Ромашин вздохнул про себя с облегчением и расслабился: можно не думать о цели полета еще добрых сорок минут.

Нептун был открыт немецким астрономом Галле в тысяча восемьсот сорок шестом году по расчетам, сделанным англичанином Адамсом и французом Леверье. Почти полтора столетия гигантская пухлая планета была сплошной загадкой для земных ученых, и лишь в августе тысяча девятьсот восемьдесят девятого года к ней подлетела межпланетная автоматическая станция «Вояджер-2», приоткрывшая наконец завесу тайны.

С тех пор к Нептуну было послано более двадцати экспедиций, а с введением в строй внутрисолнечной системы метро сама планета и ее спутники начали изучаться стационарно. К моменту старта «Индевора» с поверхности Тритона исследователи совершили более ста попыток достичь дна толстой атмосферы гигантской планеты, но лишь семь из них закончились успешно. Правда, многие ученые сомневались, что дно было достигнуто, потому что глубины погружений автоматических и управляемых людьми аппаратов были разными — от семи до десяти тысяч километров. Существовала еще одна гипотеза, что Нептун не имеет кристаллического твердого ядра, а представляет собой шар из жидкого и твердого водорода.

Драккар летает уже над полярным районом Нептуна, постепенно приближаясь к Большому темному пятну — гигантскому штормовому завихрению размером с земной шар. Синий цвет в рубке сгустился; казалось, аппарат движется в толще воды, освещенной сверху. Такой цвет объ-

яснялся наличием в атмосфере планеты молекулярного метана. Появились легкие перистые облака из замерзшего метана, тени от которых были видны на глубинах до ста километров в нижних слоях газовой оболочки. Более темные струи и вихри, движущиеся со скоростью до семисот километров в час, обозначили мощные струйные течения в атмосфере гиганта, а волокна и завихрения всех оттенков голубого цвета — струи мелких ледяных кристаллов метано-водяной смеси — служили границей температурного перепада: выше проходила область с температурой минус двести двадцать градусов по Цельсию, ниже — с температурой минус сто девяносто. Где-то там, в синей бездне, на глубине двух тысяч километров лежала еще одна граница температурного перепада, ниже которой температура скачком возрастала до минус ста пятидесяти градусов. Эти границы, отделяющие слой от слоя, были и генераторами ветров, охватывающих всю планету.

Драккар, волоча за собой горошину тени, наплыл на край зловещего темно-фиолетового пятна, вблизи не такого четкого, как издали, но тем не менее пугающе геометричного, будто сделанного искусственно во взбаламученной атмосфере Нептуна. С этой высоты движение вихря уже становилось заметным, и Ромашин внезапно прочувствовал волнение; не страх — возбуждение перед броском в неизвестность и трепет от мысли — какого масштаба явление им предстояло преодолеть.

— Интересно, черт возьми, — проговорил он. — Почему Вершители выбрали местом установки орилоуна именно Нептун?

— Не только Нептун, — отозвался молчавший доселе Железовский. — Но и Землю, и, наверное, Марс, и Венеру, и другие планеты. Солнечная система — уникальное явление в Галактике, где жизнь могла появиться на любой из планет; я имею в виду разумную жизнь. Есть гипотеза, что орилоуны устанавливались везде, где мог зародиться разум. А так как система орилоунского метро создавалась не только для самих Вершителей, но и для «черных людей», а может, и еще для кого-то, кого мы не знаем, то на каждом объекте с орилоунскими Хранителями Пути должны сидеть и маатане. Кстати, вы знаете, что перед финальными событиями в «серой дыре» в Системе был замечен маатанский транспорт?

— Не шутите? — ответил озадаченный Ромашин. — Каким-то образом это событие прошло мимо меня.

— Он посетил Юпитер, Сатурн и Нептун.

— Наделал тут шуму, — рассмеялся пилот. — Разогнал зондовиков над этой дыркой, — Хузангай имел в виду Большое пятно, — нырнул в эпицентр, через два часа вынырнул обратно и ушел на «струну». Что он там делал — одному Богу известно.

Не только ему одному, подумал Ромашин и цокнул языком — на него вдруг снизошло озарение.

— Аристарх, а ведь это косвенное подтверждение правильности вашего расчета!

— Знаю, — равнодушно сказал математик.

— Как вы думаете, зачем маатанам понадобился этот орилоун? Вернее, орилоуны в Солнечной системе?

— Скорее всего они забрали отсюда последних наблюдателей. Это значит, что все посещенные орилоуны мертвы и не способны быть Хранителями Пути, то есть станциями метро.

— А это, в свою очередь, означает, что Шаламов ушел из Системы другим путем.

Железовский промолчал.

«Индевор» завис на грани света и тьмы, колеблясь, нырять ему в черноту или не нырять.

— Программа введена, — весело предупредил пилот. — Вы готовы? Начинаем спуск. Вы знаете, как прозвали этот район Нептуна? Big black spot¹. Но если у меня есть фарт, а он у меня имеется, — пролезем!

— И все же мы должны проверить этот след, — пробормотал Ромашин, понимая, что довод неубедителен и идти вниз, на дно Большого темного пятна, где стоял когда-то последний мертвый олилоун, нет смысла.

— Мне говорили про вас, что вы флибустьер, Игнат, — рассмеялся вдруг Железовский; гулкий бас его заполнил, казалось, весь драккар. — Неужто дрогнули? Шаламов мог уйти и отсюда, пробился же он сквозь мертвого орилоуна на Землю, так что проверять след надо до конца. Ответьте только на один вопрос: какова истинная цель вашего поиска? Зачем вы ищете Даниила?

Ромашин не ждал такого вопроса и ответил не сразу.

— Я ищу Шаламова с надеждой на его... возвращение. Я в долгу перед ним, и совесть моя неспокойна. Его надо вернуть и вылечить.

— Вы верите, что он излечим?

¹ Большое черное место (англ.); участок дороги, на котором часты аварии и катастрофы.

— Пожалуй... больше да, чем нет. А еще я верю Мальгину. Он единственный, кто поможет Даниилу вернуть человеческое «я».

Железовский хмыкнул.

— Мальгин? Что ж, может быть. Но у меня другое предложение: что, если попросить самих Вершителей вылечить Шаламова? А заодно и Лондона.

Ромашин не сразу нашелся, что ответить, он был орошен.

— Ну вы и авантюрист!.. — проговорил он наконец. — Похлеще меня! Представляете, какая это задача?

— Мало того, я рассчитал варианты их поиска. Вернемся — обсудим.

И вновь Ромашин не нашелся, что сказать, пораженный смелостью, даром предвидения и раскованностью мышления молодого математика. Старею, подумал он с грустью. Раньше мне такая идея пришла бы первому. Ай да Аристарх! До чего же приятна твоя лапидарность.

— Я жду, коллеги, — нетерпеливо окликнул пассажиров Хузангай. — Вы что, не видите, как мустанг бьет копытом землю?

— Только доведи нас обратно, — пробасил насмешливо Железовский, явно чтобы поддержать Ромашина. Он был молод и совсем скрывать свои чувства еще не научился.

— Или я не специалист по выживанию? — так же насмешливо воскликнул пилот. — Что-нибудь доведу.

Ромашин улыбнулся, подумал: довелось бы вам побывать в переделках, в каких побывал я! — и сказал громко:

— Что сделано, то свято. Вперед!

Оставляя за собой цепочку маяков, гарантирующих прием и передачу аварийного сигнала на базу, «Индевор» углубился в недра атмосферы Нептуна точно по оси Большого темного пятна, в зону «глаза тайфуна», где должен был царить штиль. Правда, штилем погодные условия в этом «глазе» назвать можно было лишь по нептунианским масштабам, а не по земным.

Громадную область центра Большого пятна размером с земной материк то и дело сотрясали перепады давления и микропередвижки оси; микро — опять же по нептунианским меркам, на самом же деле ось «гуляла» и «кланялась» с амплитудой в сотни километров, и гром ударов от этих

подвижек носился по «глазу тайфуна», как грохот невиданного сражения.

Драккар опустился уже на глубину более семи тысяч километров, но его локаторы все еще не достали дна — твердой поверхности планеты. Защита машины пока справлялась с выпадами стихии, рост давления и температуры был ей нипочем, а энергетические возможности обеспечивали свободу маневра, и все же пружина внешних воздействий все сжималась и сжималась и вскоре достигла предельных значений нагрузки на корпус.

— Давление двести тысяч атмосфер, — доложил экипажу Вояджер; в голосе инка отчетливо слышалась озабоченность. — Температура минус тридцать три.

— Резерв? — спросил Ромашин, вглядываясь в верчение серых пятен и черных струй вокруг драккара.

— До миллиона — по давлению, до трех тысяч плюс — по температуре.

— Тогда продолжаем спуск.

Пилот и Железовский промолчали: один работал в паре с инком, управляя полетом, второй предпочитал обходиться минимумом слов.

Драккар пронзил очередную атмопаузу — границу, отделяющую слой от слоя, — Нептун окутанный мощной слоистой атмосферой, напоминал русскую матрешку, — и попал в нисходящее воздушное течение. Удар вертикального воздушного потока был так силен, что инерционные гасители с трудом сохранили хрупкий человеческий груз от уничтожения. Затем начались болтанка, вибрация и бешеное вращение машины сразу вокруг трех осей. Ориентироваться в обстановке и до этого момента было трудно, а после и вовсе стало невозможным, во всяком случае, Ромашин мгновенно потерял ориентацию и не знал, где верх, где низ, падают они или поднимаются. Но пилот недаром заслужил похвалу Железовского — он знал свое дело досконально.

Уже через минуту вращение аппарата замедлилось, прекратилась болтанка, появилось ощущение движения, а не сверхскоростного маневрирования. Внизу, куда падал шлюп, протаяла нежно-голубая дыра, словно сквозь тучи выглянул уголок чистого земного неба.

— Глубина погружения восемь триста, — доложил Вояджер. — Давление семьсот тысяч, температура плюс десять. Вижу твердое дно, расстояние колеблется от тысячи до двух тысяч сорока. По-видимому, это гигантская гора... или конус вулкана, уточню чуть позже.

Но гора и в самом деле оказалась вулканом с кратером, в котором свободно уместились бы земные Памир и Гималаи! Вокруг этого вулкана и крутился устойчивый на протяжении многих сотен лет тайфун Большое темное пятно.

Последнюю тысячу километров до дна кратера «Индевор» преодолел без труда, над кратером действительно царил почти полный штиль. Но промахнись драккар на сто километров в любую сторону — он был бы тут же выброшен в вихревую зону тайфуна, начинавшуюся над склонами вулкана, состоящего из твердого водорода.

Земные ученые давно разгадали тайну тайфуна: вихрь водородно-гелиевой атмосферы был рожден выдавленным из недр нептунианского ядра «фурункулом» из кристаллически твердого водорода, со склонов которого били гигантские фонтаны молекулярного водорода. Конус вулкана вырос до высоты в тысячу километров, а дальше наступило равновесие: испарялось ровно столько водорода, насколько успевала выдавливаться твердая водородная «магма», и процесс испарения, вернее фазового превращения твердого водорода в газообразный, поддерживал вихрь тайфуна. Ромашин, как и его спутники, знал механизм работы Большого темного пятна, но вблизи видел его впервые. Зрелище впечатляло.

— Жуть! — искренне сказал он. — Наверное, это самый большой вулкан в Системе, хотя и весьма странный. Почему не дымит центральный кратер?

— В кратере — озеро жидкого водорода, — отозвался инк. — Но это не самый большой вулкан Системы, на Юпитере в центре Большого красного пятна — явления полностью идентичны — вулкан на тысячу километров выше и втрое шире.

— Послушайте-ка, — предложил пилот, включая внешние звукоприемники.

Волны гула, басовитые вибрирующие отголоски, взвизги и густой рокот заполнили рубку драккара. Гигантские силы рождали и соответствующие стихии звуки, человеку здесь нечего было делать. Пилот подождал немного и убрал громкость. «Индевор» продолжал опускаться в кратер, заполненный жидким, как ртуть, голубым свечением. Когда до поверхности этого колоссального озера, по которому ходили волны, собираясь в удивительные интерференционные картины, оставалось около сотни километров, пилот остановил шлюп.

— Ну и где же ваш орилоун, коллеги? В поле зрения только океан водорода и свистопляска газовых и пылевых струй вокруг.

— Может быть, на дне озера? — предположил Ромашин.

— Глубина этого озера около полутора сотен километров, нырять туда я не стану.

— Нет, он должен находиться где-то на уровне испарения, — возразил Железовский, — иначе из орилоуна на Земле ударил бы фонтан жидкого водорода, а не газообразного.

— Плюс аммиак, плюс метан, гелии, инертные газы и силикатная пыль.

— Но орилоуны обычно устанавливались на твердых грунтах, а не подвешивались в атмосфере. Может, его забрал маатанский транспорт?

— Тогда прекратился бы и поток газа на Землю,

— Мистика какая-то! Или... вполне вероятно, что мы ошиблись в расчетах, и орилоун стоит в другом месте.

— Вы хотели сказать — я ошибся, — ровным голосом произнес математик. — Допускаю, хотя и не верю. И все же давайте поищем его в пределах кратера, больше ему быть негде, на склонах вулкана он стоять не может, слишком огромные силы высвобождаются там.

Пилот молча тронул шлюп с места. До тех пор пока позволяли запасы энергии, он в действия пассажиров вмешиваться не желал.

Они нашли орилоуна, совершив семь витков по разворачивающейся спирали вокруг центра кратера, когда в их распоряжении оставались считанные минуты. Никто из них сначала даже не понял, что выросло перед видеокамерами из стены туманной голубизны. Это была странная кружевная тень, напоминающая паутину с толстыми узлами соединений. Однако «паутина» вскоре превратилась в десятикилометровую объемную конструкцию, похожую то ли на соты, то ли на крупнопористую каменную плиту. О «храме» речь не шла, этот орилоун давно превратился в «скелет», да и освещение, не дающее теней, скрадывало его цвет, размеры и форму. И все же это был Хранитель Пути, выращенный на Нептуне Вершителями с неизвестной целью.

Люди разглядывали бы его долго, если бы не крик пилота:

— А это еще что такое?!

Из сияющей глубины под «Индевором» вытягивалось вверх какое-то длинное полупрозрачное и одновременно пушистое шупальце. Оценить его размеры сразу люди не смогли, но когда оно уперлось в «плиту» орилоуна, сразу стало видно, что толщина шупальца превосходит размеры многих земных гор, а длина достигает двух сотен километров.

— Что это? — повторил пилот.

— По-моему, жизнь, — хладнокровно ответил Железовский. — Включи локацию на инфра, под нами стадо этих тварей.

В голубом мареве, скрывающем в себе и недалекий бушующий океан жидкого водорода, и дикую коловерт атмосферных струй за пределами чаши кратера, появились темные проталины, поляны, полыньи, соединились в клочковатую пелену и превратились в колоссального объема провал, в котором закопошились десятки багрово светящихся «червей». Это и в самом деле было стадо гигантских животных, самое маленькое из которых шутя могло проглотить драккар и не заметить этого.

«Червь», с любопытством обнюхавший орилоуна, убрался обратно, не заметив земного кораблика, и все стадо ринулось куда-то в сторону шевелящегося хаоса у близкой стены кратера.

— Подъем! — опомнился пилот. — Ресурс на исходе.

— Не спеши, торопыга, — пробасил Железовский. — Подойди поближе к орилоуну, запустим в него хотя бы пару «черепаш».

Хузангай ответил мгновенным рывком аппарата к орилоуну, через минуту закрывшему собой весь обзор. Две мигающих алым полусферы выпрыгнули перед глазами и унеслись в недра исполина, изъеденного кавернами и порами, как головка сыра.

— Вряд ли они вернуться, — буркнул пилот.

— Вернуться должна одна, вторая сработает, как мина. Пора уже прекратить подачу газа отсюда на Землю. Кстати, это реальное обоснование нашего нырка на дно Нептуна. Оставь здесь на всякий случай еще и зонд-иглу; если «черепаша» вылезет — зонд передаст информацию наверх.

— Ну и левиафан! — выдохнул пилот. — Неужели эта штука живая?

— Была живая, остался скелет. Не делай круглые глаза, не удивился же ты тем «червям», а ведь они покрупнее орилоуна.

— Разница в содержании... вернее, в психологическом наполнении. «Черви» — просто живые существа, не более того, а ваш орилоун полон тайн... мертвых тайн!

В сотне километров от земной машины появилась темная масса, похожая на спрута, высветила два десятка «фонарей» и с низким ворчанием уползла в беснующийся мрак.

— Жизнь! — с неожиданным восхищением сказал Хузангай. — Сколько до нас целенаправленно искали ее, а мы обнаружили случайно.

— Не там искали, — безучастно отозвался Железовский. — Скорее всего на Нептуне она возможна только в таких котлах, как этот кратер. Миллионы лет назад кратеров было больше, но разум так и не появился, и теперь это последний очаг. Агония.

— Ты так уверенно говоришь, будто на тебя снизошло откровение.

Математик не ответил.

— Вот почему здесь были оставлены орилоун и «черный человек», — задумчиво проговорил Ромашин. — Они ждали появления разума.

— Нас, наверное, уже ищут, — напомнил пилот, — а я не хочу терять реноме человека слова. Да и энергозапас на исходе. Как хотите, но я включаю подъем.

— Включай, — вздохнул Ромашин.

Назад они поднимались бесконечных девять с половиной часов, вынырнув из мути нептунианской атмосферы в десяти тысячах километров от центра Большого темного пятна.

Глава 10

На Тритоне их ожидал Мальгин.

Как ни устал Ромашин, он все же заметил быстрый перегляд Мальгина и Железовского — оба уже наладили психокontakt и могли обмениваться кое-какой информацией без слов.

— Что произошло? — спросил Игнат, когда они возвращались из ангара среднетоннажного транспорта под купол жилого городка исследователей на Тритоне.

— Вы зря рисковали, — сказал Мальгин; выглядел он бодро, лишь в глазах пряталась грустинка. — Шаламов ушел из Системы другим путем.

— Мы это поняли, только опустившись в преисподнюю. Орилоун давно мертв, а переброс газовой смеси из

атмосферы Нептуна на Землю можно объяснить «коротким замыканием» метро. Мы оставили там зонд с программой подрыва реактора, через пару дней орилоун взорвется, и его собрата на Земле можно будет изучать спокойно.

— Поздно. — Клим кивнул, оглядываясь на замедливших шаги товарищей. — Что-то сработало там внутри, и он взорвался сам. Эффект неполного перехода на «струну». Зрелище было весьма впечатляющее. Представьте себе два тонких огненных выброса — вверх и вниз, первый достиг орбиты Луны, сбив по пути гидрометконтроль, а второй высверлил в тундре аккуратную дырку глубиной в двадцать два километра.

— Жертвы?

— К несчастью, есть, один человек, оператор лифта. Но я не из-за этого искал вас.

Пинасс вонзился в зеленый круг — около финишного автомата в стене здания, где располагался координационный отдел Даль-разведки в системе Нептуна, и через минуту лифт доставил всех троих в зал оперативного управления.

— Пойду разберусь, — сказал Железовский, кивая в сторону небольшой группы людей в синих и белых кокосах — руководство базы. — Через десять минут будем дома.

— Я с тобой, — покачал головой Ромашин. — Заваривал кашу я, мне и отвечать.

Они подошли к ожидающим их людям, а Мальгин направился к поясу кресел перед обзорным виомом, открывающим вид на скалистую равнину Тритона с островками тумана и жемчужно-палевый серп Нептуна над ней.

Железовский и Ромашин вернулись через четверть часа. Исчерпывающую информацию о полете в глубины атмосферы Нептуна уже выдал всем заинтересованным лицам инк десантного корабля, и речь шла только о мотивах поступка: все-таки без подготовки исследователя на подобные фортели, как выразился Игнат, не отваживались, да в этом и не было нужды.

— Сошло, — сказал Железовский в ответ на взгляд Мальгина. — Мы привезли много интересных записей, никто не в обиде, кроме спасателей, они были готовы ринуться вниз по первому зову.

Мальгин понимающе усмехнулся. Оглянувшись на виом с пейзажем Тритона, все трое поспешили к метро, даже не переодевшись, автоматически подчиняясь выбору Ромашина. И вышли из метро в Ржеве, где он жил.

Молча добрались до его дома, приняли душ и уселись в гостиной с бокалами густого, как мед, напитка.

— Хмельной взвар, — сказал Ромашин. — Сорок трав плюс несколько капель рома. — Поднял взгляд на Мальгина. — Итак, зачем ты искал нас?

— Шаламов был на Земле. И может быть, не один раз.

Двое, хотя и по разным причинам, казалось, не прореагировали на это сообщение, и Клим рассказал им о посещении Купавы и о тех мелочах, что он увидел у нее дома.

Помолчали, прихлебывая дурманящий, терпкий, вкусный напиток.

— Ты уже пробовал открыть сейф? — Железовский имел в виду зоны памяти с маатанской информацией; в принципе он уже знал об этом, обменявшись с хирургом сведениями, и спрашивал для Ромашина.

— Пробовал, — ответил коротко Мальгин, не собираясь продолжать.

Ромашин понял его, но остался спокоен. У него был характер Атоса, героя многих романов Дюма, умеющего драться с обстоятельствами, думать, слушать, рисковать, любить и дружить, и это неизменно вызывало ответную симпатию всех тех, кто общался с бывшим начальником отдела безопасности.

— Значит, Шаламов знает вход в систему орилоунского метро, и этот вход находится где-то недалеко. Так? Где?

— В Системе нет живых орилоунов, — сказал Мальгин. — Но у меня родилась идея: мы, люди, тоже довольно понастроили станций метро по Галактике, и где-то наши системы пересеклись.

— Отличная идея, — показал большой палец Аристарх. — Пожалуй, я поработаю над ней, если не возражаете.

— Идея неплохая, — согласился Ромашин не без сожаления, — но вряд ли даже вам, Аристарх, математику условно талантливому, удастся быстро отыскать узел пересечения, даже если он существует. Да и что это может быть? Станция метро? Сама «струна»? Особый район в космосе или на какой-то планете? Ведь это не Орилоух и не Маат, нет? Может быть, недавно открытая Сфера Дайсона?

— Я поработаю, — гулко пророкотал математик на таких низких регистрах, что по квартире прокатилось эхо, а бокалы отозвались тонким звоном.

— У меня другое предложение. — Ромашин поставил свой бокал на столик, оглядел гостей, остановил взгляд

на Мальгине. — Помните, Клим? Вы отдали мне «значок», потерянный Шаламовым, в виде бокальчика, в котором сидит еще один, и еще, и так до бесконечности.

— Еще бы не помнить. Вы говорили, что это...

— «Обрывок» реликтовой «суперструны». Так оно и есть, ученые колдуют с ним и многое уже выяснили. Что, если попробовать вскрыть его? То есть открыть вход в «струну», создать Горловину вроде той, что заросла недавно в Щите?

— Как? — в один голос воскликнули Мальгин и Железовский. Бокал в руке последнего вдруг разлетелся на стеклянные брызги.

— А уж об этом подумайте вы, — усмехнулся Ромашин, с уважением глядя на кулак Аристарха. — Оба. Только не бейте посуду. — Один — как математик, второй — как обладатель маатанских знаний. Хороша задачка?

— Вы гений, Игнат! — сквозь обычную флегму у Железовского прорвались восхищение и какой-то детский восторг, хотя он тут же умерил свой пыл и снова превратился в статую, олицетворяющую спокойствие.

— Я знаю, — скромно потупил глаза Ромашин.

Мальгин от души рассмеялся. Здесь он был своим среди своих.

Посидев у эксперта еще с полчаса, хирург и математик распрощались с ним и пешком добрались до метро. Уже окончательно стемнело. Железовский подал руку — она светилась в темноте, и свечение пульсировало в такт сердцу. Мальгин подал свою: его ладонь светилась тоже.

Зал заливали потоки света: палевого — от пушисто-волокнистого шара Маата, и зеленовато-желтого — от ослепительного диска 102 Щита, звезды, вокруг которой вращалась планета, — и поэтому люди в зале отбрасывали по две тени.

Станция «Эдип-2» никогда не подходила к Маату так близко, ни во времена первых контактерских экспедиций, ни позже, когда выяснилось, что «черные люди» не хотят говорить с землянами. Даже во время знаменитой операции отдела безопасности по захвату беглого спейсера с Шаламовым на борту «Эдип-2» не рискнула подойти к Маату ближе, чем на миллион километров. Теперь же, после повального бегства «черных людей» в «серую дыру», Маат практически «обезлюдел», и начальник станции отважился приблизиться, переводя ее на круговую орбиту с

высотой в четыреста километров, тем более что служба безопасности сама была заинтересована в этом шаге.

— Как Мальгин? — негромко спросила Боянова, по тонкому сосредоточенному лицу которой бродили тени размышлений. Вызванный ею инспектор криминального розыска Столбов стоял чуть сзади и не спешил с докладом.

— Пока нормально, — ответил он наконец, помолчав. — Клим сам вполне успешно справляется с «миной» в голове, да и помощники у него отменные. Сегодня выяснилось, что он выдвинул версию неоднократного посещения Шаламовым Земли уже после его второго бегства.

— Версия имеет основания?

— Косвенные. Мальгин был у своей бывшей жены, Купавы, и видел у нее предметы с необычными свойствами, ну и предположил, что их мог оставить только беглый Шаламов.

— Что за предметы? — заинтересовалась Боянова, отводя взгляд от глыбы Маата, за облачным покровом которого исчезли три «пакмака» с обоймами риска.

— Достоверно известны только два из них: «исчезающий голыш» и неуловимая «магическая сфера». «Голыш» представляет собой плоский диск с закругленными краями, диаметром в шесть сантиметров и толщиной в один из зернистого серо-черного и одновременно прозрачного материала, очень тяжелого, тяжелее свинца. На одной стороне «голыша» мигает огонек, разгорается, пускает кольцо света и гаснет. Если «голыш» лежит огоньком вверх, его можно пощупать, взвесить, подбросить, уронить, но стоит диск перевернуть другой стороной — он исчезнет. И появляется огоньком вверх через несколько минут на том же месте.

Боянова прищурила глаз, но ничего не сказала, выслушивая донесение координатора экспедиции по психосвязи.

— Похоже на занятную игрушку, но кто знает... «Магическая сфера» — это действительно сфера размером с человеческую голову из чего-то, что напоминает опалесцирующий туман. Никакой твердой оболочкой этот туман не ограничен, сферу очень трудно взять в руки, она неуловимая и скользкая, но, когда это удастся, ее можно переставить с места на место, потому что она ничего не весит, но можно и оставить висящей в воздухе. Внутри нее иногда появляются интересные картины: звездные россыпи, рису-

нок которых не поддается узнаванию, планетные системы или просто планеты, галактики, их скопления и даже чьи-то космические корабли.

— Чьи-то?

— Да, адресат их постройки неизвестен, корабли таких форм человечество не создавало и с разумными существами, сотворившими их, не контактировало.

— Может быть, это техника маатан? Или орилоунов?

Инспектор пожал плечами.

— Любопытно. — Комиссар безопасности была заинтригована. — Вещицы действительно представляют интерес. Купава показала их вам сама!

— Мне она в визите отказала, предметы описал Мальгин, намекнув, что есть еще и другие. Он спрашивал у Купавы, видела ли она Шаламова, и та ответила «нет».

Боянова наморщила лоб.

— И все же это след, если, конечно, Мальгин не ошибается, и эти предметы — не детские игрушки.

— Мы попробуем подойти к Купаве через комиссию морали и этики, думаю. ее инженерам она не откажет. Но я склонен верить оценке Мальгина, он интрасенс и способен отличить игрушку от объекта с нетривиальными свойствами.

— Не полагайтесь полностью на свои эмпатии. Мальгин может ошибаться, как и любой смертный, и не забывайте, что внутри у него сидит «черный человек», который когда-нибудь, образно говоря, попытается выйти.

Столбов промолчал.

Комиссар кивнула ему, отпуская, и подошла к небольшой группе людей, стоящих перед виомом, который показывал изображение с видеокамер ведущего «пакмака». Виом в настоящий момент был заполнен фиолетово-зеленой мутью с прожилками желтого свечения.

— Маат — вторая планета с атмосферой, у которой коэффициент непрерывного поглощения не зависит от частоты, — сказал крупноголовый, бородатый, но лысый голстяк, оглядываясь на Боянову. Поэтому атмосфера на планете похожа на сплошное море дыма. Или тумана. Отклонение от нормы, не правда ли, комиссар?

Правда, сухо ответила Боянова. Герхард Маттер, ведущий ксенолог Института внеземных культур, был прекрасным специалистом, но Власта его недолюбливала за апломб и неряшливость.

— Разделяюсь, сообщил командир десанта. — Перехожу на инфранипазон.

На черном квадрате экрана базового локатора три белых пятнышка «пакмаков» разделились каждое на пять макаронин, а главный виом вдруг протаял в глубину, и люди увидели поверхность Маата с высоты десять километров.

Угрюмая буро-сиреневая равнина с черными пятнами озер, зеленоватыми прожилками рек, малиновыми вершинами редких холмов была зажата с трех сторон горами с мерцающими неживым фиолетово-голубым светом вершинами, а с четвертой — справа по ходу движения — упиралась в город «черных людей».

— В радиусе пятисот горизонт чист, — сообщил инк-координатор десанта. — Ноль психозоя. Никаких потоков энергии, указывающих на прямую локацию машин, не отмечаю.

— Идем веером, — скупое доложил командир десанта. — В черте города источников энергии нет.

То, что люди называли маатанским городом, приблизилось: угрюмые, фиолетово-красные, усеянные черными дырами громады самых невероятных форм покрыли ровное и гладкое, как металлическое зеркало, поле. Высота зданий была примерно одинаковой и достигала сотни метров, а форма их подчинялась какому-то одному закону, но все же каждое здание имело индивидуальность, как имеет свою геометрию любое дерево в земном лесу.

— Такое впечатление, будто эти великаны — растения, — подал голос председатель СЭКОНа. Он, как и Боянова, находился в зале в качестве третьего «угла» качества ответственности.

Комиссар покачала головой.

— Мне лично эти растения напоминают...

— Конечно, маатанские проникатели! — воскликнул Маттер. — Это наверняка родственники космических кораблей «черных людей». Вы это хотели сказать, Власта?

— Вы невероятно догадливы, Герхард, — сжала губы женщина.

Ксенолог понял иронию, но его это не задело.

Не я, ребята на «Эдипе» давно отметили сходство. Кстати, «здания» города действительно выращены и действительно представляют собой готовый космический флот. Судя по их размерам, этому городу всего около тысячи лет. Есть города со зданиями высотой в пять-шесть метров, малыши, так сказать, а самые старые города высотой в три-пять километров имеют возраст миллионы лет.

— Уже нет, — сказал кто-то из группы ученых.

— Что?

— Городов с таким возрастом уже нет — все «здания» сбежали с «черными людьми» в «серую дыру».

— Да-да, конечно, я просто привел пример. Этот город — один из самых молодых на Маате, до кондиции звездного флота ему еще расти и расти. А его жители успели найти транспорт и удрать в «дыру», хотя должны были, по идее, еще долго накачивать себя энергией и информацией. Кстати, бегство в «серую дыру» указывает на их эвристическую ограниченность — консервы и есть консервы, пусть и наделенные интеллектом.

Один из десантных шлюпов опустился на блестящую площадь в окружении пяти зданий и выплюнул очередь разведчиков. Тотчас же ряд оперативных виомов переключился на передачи с видеокамер каждого. Боянова задержала взгляд на центральном виоме: здание напоминало сросшиеся вместе клубни картофеля, увеличенные до гротеска. Разведчик подлетел к огромной многолучевой дыре входа и включил прожектор.

Луч высветил длинный коричнево-черный коридор с оплывшими, как стеариновая свеча, стенами. В них то и дело встречались глубокие ниши или более узкие проходы, уводящие в глухую черноту. Коридор сделал две петли, прогнулся вверх и вскоре вывел разведчика в небольшую пещеру с ворсистыми синим полом и потолком и перепончатыми стенами. Дальняя стена пещеры была гладкой и отливала серебром, как огромный экран, а напротив располагалось странное сооружение, похожее на гнездо аиста. Над «гнездом» из потолка свешивалось несколько кактусообразных выростов, налитых серым безжизненным свечением.

— Рубка управления, — сказал Маттер, словно был гидом экскурсии. — Наросты сверху — световоды, энерговоды и линии связи. «Гнездо» — кресло маатанина и его личный транспорт одновременно. А вот что такое «экран», мы не знаем, есть несколько гипотез на эту тему. Первая — локатор. Вторая — нечто вроде экрана связи с сородичами, но я лично придерживаюсь третьей: «экран» — это пеленгатор «сверхструн». Поясняю мысль. — Ксенолог увлекся и уже не обращал внимания, слушают его или нет. — У «черных людей», как известно, нет глаз, подобных человеческим, как нет и любых иных. Друг друга они «видят» по всплескам магнитного поля и гравитационного излучения, общаются же в пси-диапазоне,

так что ни о какой связи «по экрану» речь не идет, да и локаторы им не нужны, вернее, локаторы с выходом на экран. Зато известно, что они остро реагировали на появление природных «сверхструн», полагая, что это каналы их давних хозяев — Вершителей...

— Не очень-то убедительно, — проворчал кто-то из ученых станции, не выдержав. — У маатан была своеобразная религия, связанная со «сверхструнами», но делать выводы из этого факта...

— Успокойтесь, коллеги, — вмешалась Боянова. — Все это чрезвычайно интересно, спору нет, но всему свое время.

Разговоры умолкли.

Разведчик поплутал по недрам маатанского здания-космолета и выбрался наружу, как и остальные его товарищи. Шлюп забрал их одного за другим и устремился в небо.

— Оставляю «пчел», пусть потрудятся, обыщут весь город, — донесся голос командира десанта. — Но «черных» здесь нет, мы обнаружили бы их сразу. Иду в экваториальный пояс, к старым городам, тройку Хубулавы направляю к полюсам. Эфир чист, все спокойно.

— Ну вот, а вы волновались, — обернулась к Ландсбергу Боянова. — Маат пуст, можно спокойно начинать его изучение контактными способом.

— Я и сейчас волнуюсь, — признался председатель СЭКОНа. — Вдруг мы чего-нибудь не учли?

— В обоймах десанта — рисконавты-профессионалы, за них можете не беспокоиться. Итак, остался Орилоух? — Комиссар отдела безопасности подозвала взглядом заместителя. — Алекс, вы пробудете здесь до тех пор, пока не убедитесь в полной безопасности будущего научного десанта. При малейшей угрозе отряду — уходите с планеты, бег не красен, но здоров. Орилоухом займусь я сама, если не возражаете.

Плотный кряжистый Шевчук погладил бородку и сказал только одно слово:

— Вдругорядь.

Орилоух казался не планетой, то есть сферой диаметром в четырнадцать тысяч километров, а кипенно-белым, с перламутровым отливом облаком водяного пара. При более тщательном изучении его поверхности у наблюдателя появлялось убеждение, что вся планета покрыта льдом и снегом. Но на Орилоухе никогда не было ни льда, ни

снега, ни водяного пара. «Ледяные айсберги» на самом деле были молодыми орилоунами, и ледяными они казались только с высоких орбит, а с расстояния в несколько километров «айсберги» поражали воображение красотой плавных переходов геометрических фигур и создавали потрясающий эстетический эффект. Правда, молодыми эти орилоуны можно было назвать только относительно, возраст самого юного из них превышал несколько десятков тысяч лет, а старые орилоуны, скопления скелетов которых просматривались в полярных областях планеты, возрастом могли посоперничать с самим Орилоухом, имеют шестимиллиардную историю.

— Орилоуны тоже выращены? — спросила Боянова, закутанная кокон-креслом десантного драккара; она не командовала десантом, но осуществляла общее руководство экспедиций.

— Смотри что подразумевать под словом «выращены», — откликнулся по пси-связи Калина Лютый, который и был командиром десанта. — Если рост маатанских проникателей в принципе схож с ростом земных деревьев, то процесс выращивания орилоунов близок к процессу выращивания кристаллов из перенасыщенного раствора, хотя и управляемому по сложным законам. Земная наука только подходит к теориям таких процессов.

— Но земная наука хотя бы определила, живые они существа или нет?

— Граница между существами, живыми и неживыми, довольно размыта, — донесся голос Полевого, ведущего ксенолога в системе Орилоуха, оставшегося на спейсере. — Точных формулировок отличия не существует до сих пор, а в данном случае наши оценки тем более условны, вернее антропны: мы судим по себе, по жизни на Земле. Орилоуны — суть овеществленные сложнейшие математические формулы, но они же — и существа, наделенные интеллектом, далеким от всего человеческого, и живые механизмы мгновенной транспортировки материи, и регуляторы общей гомеостатической системы планеты, и прямые потомки Хранителей Пути, о целях которых можно только гадать.

— И черт знает что еще, — добавил меланхоличный Лютый. — Внимание ведомым: на высоте восемь разделяемся и расходимся веером в пределах визуального контакта.

— Мы в зоне полевых возмущений, — напомнил координатор десанта. — Вполне вероятно, что нас ведут на лучах гравилораторов.

– Разговорам конец, отработка «срама» полного профиля.

В эфире установилась глубокая тишина, изредка нарушаемая только сообщениями инков и репликами пилотов.

Драккар с комиссаром безопасности повернул к глубокой впадине с выпуклым зеркалом какой-то сизой жидкости. Озеро было овальным и заросло по берегам частоколом глянцево-серых, с голубым отливом жердей метров по сто высотой. В центре самой густой заросли стоял одинокий орилоун.

Он был невероятно, сказочно красив!

Храм не храм, но колоссальные сооружения с прихотливой вязью переходящих друг в друга форм, подчиняющихся какой-то высшей геометрии и порождающих эстетический эффект законченности, функциональной точности и красоты.

– Какой красавец! – донесся голос Ландсберга, также оставшегося на борту спейсера; он видел все, что видели десантники. – Кто-нибудь анализировал, почему орилоуны так действуют на нас, людей? Ведь они абсолютно далеки от законов эстетики, которыми руководствуемся мы.

– Видимо, существуют какие-то более общие, универсальные вселенские законы гармонии и красоты, – вмешался кто-то из ученых, изучавших жизнь Орилоуха в составе комплексной экспедиции, которая работала в системе и до появления безопасников. – Этим законам следует все живое во Вселенной. Мы – часть мироздания и так же подчиняемся ее законам, зачастую не осознавая этого.

– Не разрушайте волшебство скальпелем рационализма, – проговорила Боянова и неожиданно даже для себя самой продекламировала:

Но приглядиись, что там внутри.
Таинственны монастыри,
Еще таинственнее кельи...¹

После этих слов в эфире установилась тишина, все оценили сказанное комиссаром, хотя многие знающие ее и удивились приступу лиризма.

– Внимание, с юго-востока приближается объект икс, – предупредил координатор. – Масса – пять сто, размеры – триста на семьсот и на сорок. Идентифицируется как «куколка».

¹ Г. Мелвилл.

Под «куколкой» подразумевался зародыш орилоуна, промежуточная стадия его роста, способная к самостоятельному передвижению как в атмосфере планеты, так и за ее пределами. Размеры и формы «куколок» различались в очень широких пределах, люди насчитали до десяти тысяч модификаций, но суть их была одна. Правда, целей трансформации «почек» орилоунов, также имевших определенный спектр форм, в «куколок» люди пока не знали.

— Инклюзив² «Эй»! — скомандовал Лютый. — Власть, они довольно миролюбивы, но лучше подождать, пока он уберется. Я хотел сбросить десант на орилоуна.

— Пустите зонд, — посоветовала Боянова.

Драккар выстрелил пулей зонда, который вонзился в одно из окон «храма» и прервал передачу.

— Вообще-то странно, — бросил кто-то из командиров шлюпов. — Это «зона духов», где пейзаж всегда кипел, день и ночь. А сейчас тишина...

— На этот счет существует гипотеза: старые орилоуны излучают в пси-диапазоне, а вместе они создают такой мощный пси-фон, что волновые пакеты макротел начинают отщепляться от их гравитационных полей, в результате чего тела приобретают волновые свойства, «размазываются» по некоторому объему, форма их искажается и плывет. А сейчас фон пси-поля на Орилоухе из-за бегства старых орилоунов на пять-шесть порядков ниже, чем был, и пейзажи успокоились.

— Но есть и другие гипотезы, объясняющие сей факт, — меланхолически заметил Полевой.

— Например?

— Ядро Ориулона не твердое, а представляет собой сферу, вернее, область из иного вакуума, вакуума не нашей Вселенной, со своими физическими константами, живущего по другим законам, вот метрика нашего пространства вокруг ядра и трансформируется, взаимодействуя с чужой. Все эти гипотезы требуют доказательств, прямых экспериментов, и мы надеемся, безопасность их нам предоставит.

— Безопасность сама по себе ничего не может предоставить, она способна лишь оценить степень опасности планеты, — сказал веско Ландсберг. — Решать же, исследовать Ориулох напрямую или нет, будет СЭКОН.

² И н к л ю з и в — команда, побуждающая к совместному действию; одна из разработанных УАСС форм оперативных и тактических действий, императивов.

Разговор прервался. Спорить с президентом комиссии, способной наложить мораторий на любое исследование, никто не хотел.

— А как вели себя орилоуны во время исхода «черных людей» в Горловину? — поинтересовалась Боянова.

— Почти все старые орилоуны взорвались, взбаламутив едва ли не всю атмосферу, это вот только перед вашим прилетом воздух более или менее очистился. Орилоуны среднего возраста до последнего стартовали с планеты в неизвестных направлениях, удалось засечь траекторию лишь трех из сотни тысяч: в сторону альфы Волка. Молодые орилоуны и все их промежуточные формы остались, но резко снизили активность.

— В чем это выражается?

— Во всем. Сократилось количество летающих, уменьшилась плотность излучений, в атмосфере связь орилоунов упала на три-четыре порядка, трансформации ландшафтов почти прекратились.

— В общем, наблюдается полная корреляция бегства маатан и реакция жизни Орилоуха.

— Мы более осторожны в выводах, — проговорил лидер исследователей, — но, видимо, объективная реальность такова, как вы сформулировали. Впрочем, это не удивительно. Неведомые Вершители, воплощая свои замыслы, сделали когда-то функциональную разбивку создаваемых роботов. Маат создан для выращивания «черных людей» в Горловине «серых дыр», узлов пересечения древних трасс обмена с другими вселенными.

— Зачем же они поместили Маат и Орилоух так далеко друг от друга?

— Вероятно, для Вершителей не существовало проблемы преодоления колоссальных пространств. Жаль, что мы не успели как следует изучить «серую дыру», контакт с Вершителями был реален.

— Весьма спорное утверждение, — запротестовал кто-то из молодых ученых; голос был звонкий, энергичный. — Эра Вершителей наверняка уже закончилась, иначе они давно появились бы здесь, а деятельность маатан и орилоунов — это агония запрограммированных роботов, не более того.

— Брэк, — прервал начавшийся было спор Лютый. — Десанту на выход.

— Роботы... — задумчиво повторила Боянова. — Странные роботы, надо признаться. Вряд ли мы имеем право ограничивать чужую жизнь рамками стереотипных опре-

делений. Хранители Пути... — Комиссар с чувством жалости разглядывала сверкающий «храм» орилоуна, одиноко высившегося среди зарослей «сорняков». — Какой Путь они хранили? Вернее, чей? И куда он вел?..

Видеокамеры драккара выловили в желтом небе черную точку приближавшейся «куколки», приблизили ее. Больше всего «куколка» походила на громадного безголового и безногого птеродактиля с перепончатыми крыльями. Размах крыльев составлял семьсот метров, но страху эта гипертрофированная «птица» не нагоняла, скорее наоборот — что жалкое было в ее облике и потерянное — в полете.

— Да! — сказал Лютый. — Они утратили смысл жизни, отсюда впечатление обреченности. Я думаю, Орилоух с этих пор не опасен для исследователей, обычный пограничный мир с прогнозируемой степенью риска.

Никто командиру десанта не возразил, даже щепетильный в вопросах прерогатив Ландсберг.

На спейсер драккар вернулся через три часа.

— Вы продолжаете меня поражать, Власта, — сказал Бояновой председатель СЭКОНа, когда они остались вдвоем в ее каюте. Комиссар переделалась и выглядела строгой девочкой с копной черных волос.

— Чем же на этот раз? — рассеянно откликнулась Боянова, поняв смысл взгляда собеседника.

В каюте царил полумрак, окно виома в стене было пугающе бездонным, и в нем виднелся серп Олироуха, сияющий нежным опаловым светом.

— Вы любите смаковать опасность, а для руководителя такого ранга это недопустимо. Зачем вы напросились в десант?

Женщина очнулась от созерцания планеты, с улыбкой взглянула на Ландсберга.

— Ну что вы, Казимир, совсем наоборот. Космос — не главная опасность для человечества и не главная забота для отдела безопасности. Как ни странно, при стремительной экспансии космических исследований и широком выходе человека в Галактику проблемы его безопасности занимают всего десять процентов работы отдела. Проблемой номер один была и остается проблема досуга молодежи. Пресыщение благами цивилизации, рост потребительской психологии, кажущаяся вседозволенность порождают лень, апатию, равнодушие и более страшные вещи, о которых вы и понятия не имеете.

— Почему же не имею? Во все времена определенный процент человечества из-за генетических отклонений, бо-

лезненных задатков или чрезмерной силы влечений всегда оставался асоциальным...

— Да, конечно, и в наш век опасных больных хватает, и все они под нашей опекой, но я имею в виду другое: общество всегда порождало неформальные движения в среде молодежи. а в последнее время эта тенденция многократно усилилась, появились опасные социальные течения, внутри которых родились особо извращенные формы.

— Дилайтмены?

— Дилайтмены в том числе, их еще называют любownikами, хочущниками, боликами и так далее. И если бы все они руководствовались лишь принципом получения максимума удовольствия, то это было бы еще полбеды, но многие основали свою философию на базе агрессивных и безудержных сексуальных влечений, религиозных догм, на мазохизме, смаковании риска и страха, и вот это действительно страшно!

Боянова замолчала, вспоминая что-то, передернула плечами.

— Особенно ужасны религиозный фанатизм и неонацистские союзы, жизнь человека для них — пустой звук, и почти сто процентов их состава — молодежь в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти лет.

— Может быть, ребята просто самоутверждаются? В любом коллективе одни его члены пытаются самоутвердиться и завоевать власть над другими. Это универсальная характеристика человечества.

— Я согласна, но надо учитывать методы, какими достигаются подобные цели. Не унижение других, не подавление воли и психики, не физическое уничтожение инакомыслящих наконец! Вот это и есть основное содержание нашей работы: профилактика асоциального поведения групп и одиночек и пресечение преступлений. А вы говорите, я рискую в космосе. Да здесь, в пограничной полосе между изученным и неизведанным, я отдыхаю. — Боянова, улыбаясь, смотрела на озадаченного Ландсберга, и во взгляде ее лукавство и насмешка соседствовали с волей и грустью.

— Кажется, я понял, — помолчав, сказал председатель СЭКОНа. — Нам тоже приходится иной раз заниматься делами со скрытой спецификой. Например, кто-то лет шестьдесят назад завез на Марс семена амброзии, и вы видели, что там сейчас творится? Амброзия мутировала, покрыла уже треть Марса, и человек оказался бессилён в борьбе с ней!

— Я не знала! — удивленно произнесла Боянова. — Но ваша-то комиссия тут при чем?

— Нам теперь приходится оценивать экологическую чистоту средств уничтожения амброзии, а сделать это не просто.

Комиссар покачала головой и задумалась. Лицо ее разгладилось, морщинки, придающие лицу жесткое выражение строгости и решительности, исчезли, и Ландсберг с удивлением обнаружил, что Власта Боянова просто красивая женщина.

Глава 11

Состояние инсайта пришло, как всегда, неожиданно: багровая пелена застлала глаза, в голове с тонким ледяным звоном лопнула «почка» боли, проколола все тело насквозь и чей-то незнакомый гортанный голос застрял в костях черепа:

— Глубь... владение микрокосмом «я»... память включ...

Очнулся Мальгин от удара: партнер не понял его состояния и продолжал вести бой.

— Стоп! — Клим поднял руку ладонью вперед и помотал тяжелой головой, освобождаясь от пелены в глазах. — На сегодня достаточно.

Партнер — голографический мираж с полным сенсомоторным эффектом — поклонился и исчез. Тренер-инк высветил на шишке головы желто-зеленую гамму и ворчливо заметил:

— Сегодня ты был невнимателен, соотношение пропущенных и нанесенных уколов шесть к одному.

— Я хирург, а не профессионал рукопашного боя, — пожал плечами Мальгин, приходя к выводу, что регулировать спонтанные инсайты-озарения, когда в результате каких-то неосознаваемых процессов проявляется новая порция чужой информации, он пока не в состоянии. Зато достоянием сознания становятся удивительные вещи!

— Но я тебя еще достану, — закончил Клим, отправляясь в душ.

Когда он вышел из душевой, вытирая мокрые волосы, отросшие, но еще короткие, в гостиной его ждала Карой.

Некоторое время они смотрели друг на друга: женщина — нерешительно и с непонятным ожиданием и Мальгин — с забившимся сердцем, затем Карой улыбнулась:

— Мне не следовало приходить сюда, но я не смогла себя перебороть. И я не знаю, что это такое, и не хочу заглядывать в будущее, и не советуюсь с прошлым, а в настоящем я... — Женщина изумленно округлила глаза, когда Мальгин вдруг оказался рядом и молча подхватил ее на руки.

Он успел ощутить ее эмоции и проникнуть в мысленный мир еще до того, как она начала говорить. Несмотря на красоту, видимое благополучие, твердый характер и умение добиваться цели, Карой была одинока и не знала, как это одиночество преодолеть. Зато она знала, была уверена, что и Мальгин также одинок.

В голове пискнул задавленный волей голос рассудка.

«Чего ты хочешь?» — спросил Мальгин сам себя, целуя женщину. У него кружилась голова.

«Берегись необдуманных поступков, потом будешь жалеть».

«Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься».

«Не разрушай душевного комфорта, создавать его снова и снова — печальная участь. И остерегайся также приступов своей любви! Слишком скоро протягивает одинокий руку тому, кто ему встречается».

«Если ты заговорил голосом Заратустры, то позволь напомнить его слова: «Одинокий, ты ищешь дорогу к самому себе! И твоя дорога идет впереди тебя самого и твоих семи демонов». Достаточно? Пусть будет все, что будет. И убирайся к черту!»

Голос рассудка отступил в тень сердца. Мальгин сам был удивлен, что ему удалось справиться с рассудком так легко, но тут же забыл об этом.

— Ты с ума сошел! — с трудом проговорила Карой непослушными губами, пунцовыми от долгого поцелуя. — Ты не так меня понял...

— Все я понял как надо, — не согласился Мальгин, отступая с приятной ношей в спальню. — Я теперь прямой кандидат в «черного человека», поэтому могу позволить себе все, что взбредет в голову. И сопротивляться мне опасно.

Он снова обнял Карой, несмотря на ее робкое сопротивление, поймал ее горячие вздрагивающие губы.

— Ты с ума сошел! — выдохнула она снова еле слышно несколько минут спустя.

Мальгин не ответил, снимая с нее похожее на слой травы платье. Но мысленно они раздели друг друга еще раньше...

Два часа пролетели как одно мгновение, и запомнить их не было никакой возможности. Любовь стара как мир, но ее переживания вечно новы и неповторимы.

Кто-то звонил ему несколько раз, и «домовой» честно отвечал всем, что хозяин спит. Впрочем, может быть, это и в самом деле был волшебный сон, обнаживший не только тела, но и души? Раскрепостивший сознание, перепутавший чувства, возведший наслаждение в ранг абсолюта, сбросивший оковы обыденности и вознесший их на Олимп короткого, как вздох, счастья обладания?

Не размыкая объятий, они пили клюквенный морс, потом дурманящий напиток под названием «Старорусский», вкусный «Букет Молдовы», травяной бальзам, березовый сок и не могли напиться. И лишь когда «домовой» в который раз ответил кому-то, что хозяин отдыхает, Мальгин понес женщину в душ.

Выйдя из душа, они завернулись в халаты и, поглядывая друг на друга, с наслаждением выпили по пиале обжигающего горло душистого чая, ароматизированного гавайскими цветами и плодами маракуи и киви. Карой вдруг смутилась, поймав его взгляд, порозовела, но глаз не отвела.

— Клим...

— Я знаю, — кивнул он с улыбкой. — Мы были вместе, но дороги наши еще не слились. И сольются ли, ты не знаешь.

— Не осуждай меня, мастер. Мы нужны друг другу, ты не сможешь это отрицать, и все же между нами иные судьбы. Впрочем, — взгляд женщины стал твердым, — я лгу. Не знаю, люблю ли я тебя, Клим, но все теперь зависит только от тебя. Стоит тебе позвать...

— И это я понял. — В голосе хирурга прозвучала вдруг глубокая тоска. — Прости меня.

— За что? — Карой покачала в руке пиалу. — Не произноси случайных слов. Я пришла сама, прекрасно понимая, что будет.

Кровь на мгновение прилила к щекам Мальгина. Карой заметила это, улыбнулась.

— А ты изменился, мастер... не знаю, правда, кого благодарить за это. «Черного человека», Шаламова? Но такой ты мне гораздо ближе, чем прежний человек-да.

— Я давно уже не человек-да, — пробормотал Мальгин, успокаивая дыхание. — Хотя еще не успел опуститься до человека-нет.

— По-моему, ты нашел-таки золотую середину между «да» и «нет». Так странно наблюдать твои колебания... Что же за женщина твоя бывшая жена, что не разглядела, какие запасы нежности в тебе похоронены?

— А ты не боишься меня? — спросил вдруг Мальгин, переводя разговор в другую плоскость. — Во-первых, я интрасенс, а во-вторых, во мне сидит «черный человек».

— И не один, — засмеялась Карой, повеселев. — Джума уже предупредил меня и... нет, не боюсь. Но если ты будешь видеть во мне только женщину, мне будет трудно уважать тебя, мастер... хотя, может быть, я сама виновата. — Она встала, сбросила халат, грациозно изогнулась и ушла в спальню одеваться.

Мальгин усмехнулся. Зашемило сердце, снова пришло ощущение чьего-то дальнего зова. Тоска навалилась тяжелым грузом, и он все еще боролся с ней. Когда Карой вышла из спальни, уверенная в себе, красивая, сильная. Подошла к нему близко, поцеловала в подбородок, погладила волосы на затылке.

— До связи, мастер.

Ушла.

И Клим почувствовал облегчение; не от того, что она ушла, а от того, что отпала нужда оправдываться как перед ней, так и перед самим собой. Угрызений совести он тоже не чувствовал, хотя и подумал о Купаве, привычно сравнивая ее с другими. И как и прежде, она все еще стояла выше всех, хотя тоска по ней немного притупилась. Удерживать ее рядом он не имел права, а выбросить из сердца до сих пор не смог, хотя оба изменились настолько, что стали другими людьми. Да и разве мог он еще полгода назад, желая одну женщину, тосковать по другой?

Клим покачал головой, отвечая сам себе, и быстро оделся в голубой полуспортивный осенний костюм. Он чувствовал себя не совсем хорошо, наслаждаться жизнью мешал какой-то душевный дискомфорт, но разбираться в себе абсолютно не хотелось.

Еще неизвестно, достоинства это или нет — душевная твердость, суровый ригоризм и каменные основы пуританства, пришла трезвая мысль. Обладая ими, человек вряд ли способен быть счастливым, в жизни одной мудрости мало.

Успокоенный последним рассуждением, Мальгин шагнул за порог, точно зная, что будет делать в последующие несколько часов.

Заремба спорил со Стобецким, одновременно успевая вести диалог с Гиппократом, Мальгин услышал его последнюю фразу:

— ...потому что мы проблемщики, а не лекари вульгарис.

— Что за шум, а драки нет? — спросил Клим, подходя к директору института и пожимая ему руку. Врачи дежурной смены ответили на его жест приветствия поднятыми ладонями.

В реанимационной на этот момент находились два пациента: Майкл Лондон и молодой парень, спортсмен, едва не погибший в горах и доставленный в институт с травмой черепа.

— Как был твой Иван неслухом, так и остался, — проворчал Стобецкий с неодобрением; с Мальгиным он всегда говорил на равных, бремя директорской власти не успело наложить на него свой отпечаток.

— А что случилось? — Мальгин сел в свое кресло, нацепил на голову эмкан и бегло ознакомился с накопившимися за сутки новостями.

— У Лондона была «фаза хозяина» ночью, так Иван меня даже не поставил в известность! Не слишком ли большую свободу ты ему дал? Корифей! Он, видите ли, проблемщик, а мы всего-навсего лекаришки!

Мальгин усмехнулся, покосившись на оскорбленную физиономию Зарембы; остальные дежурные прятали улыбки, они знали, что молодой нейрохирург действительно довольно низко оценивал способности директора как нейроспециалиста.

— Иван, почему не соблюдаешь кодекс и субординацию?

— Я не обязан по каждому пустяковому поводу беспокоить специалистов высокого ранга, не задействованных в ПР-группе, — огрызнулся Заремба.

Стобецкий открыл было рот, но посмотрел на остальных врачей смены, пожевал губами и ограничился коротким:

— Зайдете после сдачи, поговорим. — Повернулся к Мальгину: — Что у тебя? Я имею в виду твое состояние.

— Нормально, — рассеянно ответил Клим. — Несколько повысился темп метаболизма, в основном по кислороду, и как следствие — возросла потребность в еде, причем в калорийной. Так что я теперь ем шесть-семь раз в день. — Хирург улыбнулся, уловив общий фон эмоций

Стобецкого. — Ничего особенного, как видишь. Я практически здоров.

— Прочитал криптогнозу «черного»?

— Кое-что, не все, по большей части материал для ксенологов и космологов.

— А почему тобой интересуется безопасность?

Мальгин оторвался от мысленного разговора с Гиппократом, взгляд его стал острым.

— Что? Они были у тебя? Кто именно?

— Некто Столбов, р зыскник. Выяснял, не отмечалось ли у тебя негативных последствий операции. — Стобецкий метнул неприязненный взгляд на Зарембу. Он был обижен тем, что Мальгин доверил такое дело «мальчишке». — Кроме того, изучал твою родословную на предмет выявления патологий.

— Не нашел?

Директор нахмурился, помолчал, глядя на ставшую прозрачной стену куба реанимационной камеры, внутри которой находился Лондон.

— Веселого тут мало. Его надо или немедленно оперировать...

— Или что?

— Мы дождемся рождения второго «черного человека».

— Ты же знаешь, что оперировать мы не можем, слишком велик объем чужой информации. Сложилась пограничная ситуация, причем трагическая, высветившая пределы нашего знания, а в Запределье мы еще не работали. Пакет внедренной чужой информации перестроил не только структуру мозга Шаламова и Лондона, но и их мировоззрение, способы восприятия мира, целесмысловые позы, отношение к людям и к жизни. Возврат их к роду homo sapiens вряд ли возможен, пора смириться с этой мыслью.

Стобецкий помрачнел еще больше.

— Раньше ты говорил иначе.

— Раньше я не знал того, что знаю сейчас.

Директор с неопределенной миной оглядел Мальгина, хотел что-то сказать, но передумал. Мысль его была проста: не потому ли ты отстаиваешь точку зрения невмешательства, что сам стал третьим перестроенным «черным человеком»?

— И все же стоило бы попытаться.

— Да, наверное, — легко согласился Мальгин. — Но задай себе один вопрос: станут ли они от этого, от попытки вернуть им стандартный антропоцентризм, счастливее?

Стобецкий не нашелся что ответить и покинул реанимационную с изрядной долей душевных колебаний.

— Он на тебя смотрел так, будто пятерых живьем проглотил, а шестым поперхнулся, — развеселился Заремба.

— Хватит нести околесицу, проблемщик, — отрезал Мальгин. — Вы друг друга стоите: голое фанфаронство плюс амбиции. Но Готард старше тебя на четверть века, учитывай это обстоятельство в перепалках с ним. К тому же он прав: Лондон сейчас по сути — куколка, и что из него вылупится, никто не знает, в том числе и ты. Корифей.

— Кроме «черного человека», ничего другого не вылупится. — Заремба перестал улыбаться и опасно посмотрел на хирурга, единственного из всего персонала института, кого он побаивался и уважал.

— А если нет? Известно, что «черные люди» аккумулировали информацию многих цивилизаций, и нет гарантий, что Майкл не подхватил какую-нибудь «инфекцию», способную превратить его в монстра.

— Шаламов же не превратился!

— Еще неизвестно.

— А по-моему, Готард просто помнит историю с его предшественником, Талановым, и не хочет рисковать креслом.

— Он боится за репутацию института, это больше, чем любой эгоистический расчет. Конец разговорам, работаем в контроле.

Последующие три часа Мальгин разбирался с Лондоном, анализируя все тончайшие нюансы его состояния, с растущим изумлением и суеверным страхом осознав, что бывший начальник отдела безопасности по сути превратился в существо, которое уже трудно было назвать человеком!

Находясь почти все время без сознания, Лондон тем не менее умудрился перевести неосознаваемые потоки изменения организма в целенаправленный процесс трансформации, и теперь он имел органы чувств, которые эволюция никогда не предусматривала в человеке. Так, у него выросли заслонки в ушах, а сами ушные раковины усложнились, и Лондон теперь мог слышать ультразвуки и звуки сверхнизкой частоты. Кроме того, он улучшил себе аппарат обоняния, «встроил» датчики магнитного и гравитационного полей и увеличил втрое объем сердца и легких, изменив последние таким образом, что мог дышать теперь почти любой смесью газов. Но главное, Мальгин

обнаружил еще несколько специфических нейронных узлов, функции которых выяснить было невозможно.

— Шайтан! — пробормотал Клим, закончив исследование, и поглядел на не знающего усталости Зарембу. — Еще вчера этого не было!

— Куколка готова превратиться в «бабочку», — весело проговорил молодой нейрохирург, блестя глазами; огонь любопытства и жажды знаний сжигал его изнутри и не давал покоя. — Кстати, я вчера еще заметил рост нейрообразований, а оформились они действительно за ночь. Больше всего меня интересует вопрос: зачем он вырастил себе мостик между корой, подкоркой и мозжечком? Зачем ему прямая связь между генструктурами приматов, низших млекопитающих и пресмыкающихся?

Мальгин открыл рот, собираясь ответить, и вдруг услышал чей-то странный, вибрирующий, металлический голос:

— Для того, коллеги, чтобы прогнозировать будущее.

— Что? — растерялся Заремба. — Что ты сказал?

— Это не я, — медленно проговорил Мальгин, прислушиваясь к реакции остальных врачей смены, выглядевших не менее удивленными. — И не они...

— Будем знакомы, — раздался тот же голос; теперь Клим сообразил, что «звучит» он прямо в голове, вызывая шипящий резонанс в нервных окончаниях. — Майкл Лондон, второй экзосенс. Прошу любить и жаловать.

За толстой плитой реанимакамеры ничего не изменилось, зеленоватое в облаке физиолога тело Лондона казалось неживым, лицо было спокойным и безжизненным, и тем не менее он заговорил с ними.

Заремба первым восстановил свое обычное отношение к необычным явлениям:

— Экзосенс — это аналогия с интрасенсом? Почему вы себя так называли?

Лондон не ответил, сосредоточив внимание на Мальгине, медлившем включить тревогу.

— Клим, не вздумайте применить что-либо вроде «василиска», как сделал это Ромашин. На любое насилие я отвечу адекватно. — Это был все тот же голос — очень четкая и направленная пси-передача.

— Я обязан вызвать ПР-группу и безопасность, — мысленно ответил Мальгин. — Вы должны понимать это.

— Понимаю и принимаю. Дайте мне еще сутки на завершение имаго, в этом положении мне трудно контактировать с вами, рещать проблемы сообща. Завтра я буду

готов к переговорам. Но обещайте не паниковать и не принимать оперативных мер с позиций силы.

— Хорошо, обещаю.

Голос стянулся в кости черепа, исчез, давление на виски пропало. Мальгину показалось, что Лондон подмигнул ему — у Майкла дернулось веко. Очнувшись, хирург понял, что за шум стоит кругом: переговаривались возбужденные врачи, Заремба громко звал кого-то, делясь впечатлениями, хрустальная чаша пси-вириала мигала огнями, издавая прерывистые сигналы.

— Тихо! — произнес Мальгин в два приема, и наступила тишина. Все, застыв, смотрели на него, смолкли даже мелодичные гудки медицинского комплекса, разговаривающего на своем языке с другими системами и компьютерами института.

— Продолжаем работу в режиме эм-синхро. Группе риска прибыть в институт немедленно, сменить персонал. Желающие могут контактировать с Гиппократом по ходу развития событий. Директору прибыть в...

— Я здесь. — Стобецкий ворвался в реанимационную, рухнул в соседнее кресло, тяжело дыша после бега. — Как чувствовал, что случится что-нибудь непредвиденное. Дал тревогу безопасникам?

— Нет, — сказал Мальгин.

— Ты с ума сошел! Подумай о последствиях, вы с Талановым уже однажды обожглись на этом, не стоит повторять ошибки.

— Безопасникам здесь делать пока нечего. Можно просто послать им формулу внимания.

Стобецкий потерял дар речи и некоторое время хватал воздух ртом, потом вытянул из пульта сетку эмкана, прилепнул на затылке и мысленно скомандовал:

— Сигнал тревоги всем службам!

— Есть сигнал тревоги, — отозвался Гиппократ.

До вечера Мальгин просидел в реанимационном боксе, постоянно поддерживая связь с компом медкомплекса, следящего за состоянием Лондона, отвечая на многочисленные вопросы гостей, пограничников, безопасников, членов СЭКОНа и работников комиссий Академии медицинских наук.

Ничего особенного по сути не происходило, шла обычная отработка комплекса мер по формуле «срам», но суета вокруг надоела, да и есть хотелось все сильнее, и

Мальгин отпросился у Стобецкого пообедать. А в столовой института к нему подсел Хан.

— Привет, мастер, приятного аппетита.

Мальгин, кивнул, продолжая жевать, подвинул безопаснику стакан с минеральной водой. Он почувствовал появление Джумы еще до того, как тот зашел в столовую, и успел разобраться в его настроении, несмотря на то что Джума был «застегнут на все пуговицы».

— Как самочувствие?

Клим поднял вверх большой палец, заказал еще один салат из камелии и березовый сок. Джума Хан с улыбкой смотрел, как он заканчивает трапезу.

— Пошли ко мне. — Мальгин промокнул губы и встал. — У меня есть пара минут.

В кабинете хирурга они сели напротив друг друга, и Клим включил передачу из реанимационной.

— Ого! — вполголоса заметил Хан. — У вас там целая обойма оперативников. Что они собираются делать?

— Не знаю. Я их не вызывал.

— Готард решил перестраховаться? Его можно понять.

Мальгин не ответил, рассматривая на «экране» пси-видения «призраков» Джумы: их было всего три, что говорило о цельности характера безопасника, а также и о некоторой его психоэмоциональной ограниченности.

Толпа в реанимационной поредела, но людей было еще слишком много, чтобы работать спокойно. Майкл Лондон по-прежнему не подавал признаков жизни, сердце его не билось и легкие не работали, за них это делали аппараты.

— Ты, наверное, догадываешься, зачем я нашел тебя? — Джума вопросительно смотрел на Мальгина.

— Знаю.

— Конечно, ты теперь свободно можешь читать в душах... извини, говорю без обиды. Не хочешь — не отвечай на мои вопросы. Карой сказала, что была... у тебя. — Последнее слово Джума выговорил с усилием. — Ну и что ты собираешься делать дальше?

— Не знаю, — угрюмо ответил Клим.

Хан невольно засмеялся, хотя в смехе этом явственно прозвучали горькие и гневные нотки.

— Знаю — не знаю... Ты стал неузнаваем, мастер, раньше ты был намного решительней... человек-да! Ты понимаешь, что так продолжаться не может? Нельзя останавливаться на полпути и перекладывать решения на другие плечи. Ты мучаешь Карой... себя... черт со мной, я не в

счет. Откуда колебания? Любишь ее, нет? Или просто играешь?

Мальгин медленно встал и на мгновение потерял ощущение реальности происходящего: в голове что-то взорвалось, бесшумно, бесцветно, обдало жаром, заложило уши и прошло. Шершавая боль стекла струйкой из головы в ноги. Клим очнулся.

Джума Хан стоял напротив, согнувшись, выставив вперед кулаки, бледный, как полотно, на лбу выступили капли пота, а в глазах застыл страх.

— Что?! — быстро спросил Мальгин, вдруг пугаясь сам до обжигающей горечи в животе. — Что произошло? Я... со мной... да говори же!

Джума проглотил слюну, облизал пересохшие губы, покачал головой, повернулся и, деревянно переставляя ноги, направился к двери. У порога оглянулся:

— Научись контролировать своего «тигра», Клим, иначе...

Вышел.

Мальгин ударил кулаком в ладонь с такой силой, что едва не содрал кожу. Боль заставила думать.

С минуту он размышлял, поглядывая на виом и вслушиваясь в приглушенный говор двух десятков людей, потом подсел к столу и соединился с отделом комплектации.

— Мне нужен нестандартный кокос, оборудованный персонкомпом¹ типа «Советчик».

Инк-распорядитель хозяйственной службы института не удивился запросу, но просьба была неординарной.

— На складах института таких нет, вы же знаете. И почему именно «Советчик»? Могу предложить персонком первого класса «Деловой».

— Мне нужен высший класс. Сколько понадобится времени на выполнение заказа?

— Если есть разрешение директора...

— Запросите.

— «Советчики» используются в основном погранслужбой и спасателями... — Инк задумался на секунду, успевая за это время связаться с компьютерами упомянутых служб и получить ответ. — Через два часа комплект будет в институте.

— Чудесно.

Мальгин выключил стол и некоторое время сидел неподвижно, вспоминая лицо Джумы. Скверно получилось!

¹ Персональный компьютер, инк с большим объемом памяти.

Что же, собственно, произошло? Спонтанное кратковременное расщепление личности, после которого «черный человек» вырвался на волю? В каком образе? В образе «тигра», как выразился Джума? Или «барса» по впечатлению Зарембы? Странно, у меня никогда не наблюдалось особой любви к хищникам из семейства кошачьих. Может быть, это их личные впечатления? А хищник, сидящий внутри меня, выглядит на самом деле иначе?

Мальгин внимательно взгляделся в свое отражение, включив в стене зеркало.

М-да, мастер, интрасенс из тебя пока что фиговый. Видимо, иногда возникают «короткие замыкания» нейросвязей и независимо от воли информация «черных кладов» просачивается наружу, вызывая неглубокий шок и одновременно неспецифические реакции парасимпатки и психики. Джума прав, это опасно. Нельзя надеяться на собственные силы и хороший тренинг, можно наломать таких дров, что и Шаламову не по силам!

Клим вдруг почувствовал слабость и облился потом, проговорил сквозь зубы:

— Мальчишка!..

В зале реанимационного бокса он появился через полчаса, приведя себя в порядок и вызвав Железовского. Нужен был человек, на которого он мог бы безоговорочно положиться и который не боялся бы никакой ответственности.

Глава 12

За развитием событий в отделении нейропроблем следили не только сотрудники других отделений института, но и работники других родственных учреждений: Академии наук, Всемирного координационного совета, СЭКОНа, Управления аварийно-спасательной службы, отдела безопасности и погранслужбы — всего около двух тысяч человек. Кроме того, все происходящее записывалось операторами информвидения и агентства новостей, чтобы в сжатом виде передать запись в эфир в своих программах.

Непосредственно в зоне гарантированного риска — в зале реанимационного бокса ждали финала всего четыре человека: Мальгин, Стобецкий, Заремба и Железовский, соединенные информполем «спрута» с системой эм-синхро Европы; в случае нужды им могли прийти на помощь все инки сети и ведущие ученые-медики и врачи, вклю-

ченные в контур эм-синхро. И все же ответственность за выбор тактики и стратегии, за последствия выхода Лондона из комы и его дальнейшие действия падала на этих четверых. Плюс пятый угол качества ответственности — председатель СЭКОНа Казимир Ландсберг, во избежание ненужного риска наблюдавший за превращениями «куколки» в «бабочку» из кабинета главврача.

Майкл Лондон открыл глаза в двенадцать минут десятого, и от этого простого движения все приборы, показывающие параметры жизнедеятельности, словно сошли с ума. Если верить им, у пациента артериальное давление внезапно увеличилось в десять раз, сердце заработало с быстротой аварийного насоса, температура тела подскочила до пятидесяти градусов по Цельсию, а мозговые процессы, фиксируемые по альфа-, бета-, тэта- и дельта-ритмам, наоборот, прекратились! Затем так же внезапно все пришло в норму, операционный инк отключил автосердце и легкие, подачу физиогаза, гасители колебаний, убрал поддерживающие манипуляторы, и Майкл Лондон, лоснящийся то ли от пота, то ли от слоя осевшего физиогаза, встал и помахал всем рукой.

— Привет, спасители! — раздался из скрытых динамиков его приятный голос. — Выпустите меня отсюда и предоставьте одежду, дабы достойно предстать пред светлыми очами комиссии. — Говорил Лондон серьезно, да и на лице его было выражение сосредоточенности и суровости, но в голосе слышались нотки сарказма, а может быть, и превосходства.

Мальгин выключил передачу из камеры и дал команду Гиппократу. Юркий кибер приволок пластиковый пакет — одежду Лондона, и замер у стены реанимакамеры. Стена разошлась лепестками диафрагмы, образовав овальное отверстие в рост человека, и в эту дыру шагнул нагой бывший начальник службы безопасности.

В боксе установилась такая тишина, что звуки собственного дыхания стали казаться людям оглушительными.

Некоторое время четверо (и с ними еще бригада официальных лиц) и переродившийся человек смотрели друг на друга внимательно и настороженно, однако немая сцена не могла длиться долго: Лондон взял из манипулятора кибера пакет, развернул и начал одеваться. Потом похлопал кибера по горбуку генератора, и тот, смешно поджав манипуляторы, кинулся из зала. Бывший начальник отдела безопасности подошел к сидящим в кокон-креслах, ог-

лядел каждого, мельком взглянул на порхающие у потолка «ромашки» видеокамер.

— Пресс-конференции не будет, коллеги. Я здоров и нахожусь в здравом уме и твердой памяти. Хотя, может быть, это определение и находится за пределами человеческой оценки, ибо я — второй экзосенс, если применять термин коллеги Железовского. То есть я — человек, получивший экстраспособности извне, как и Шаламов. Но в отличие от Даниила, у меня произошло не расщепление психики, а слияние двух психик, что существенно меняет дело.

Лондон снова посмотрел на видеокамеры, на скулах дернулись желваки, закаменели.

— Власта, обращаюсь к вам. Снимите оцепление и отмените императив «Аргус», а также «Цербер». Во-первых, я не опасен, ибо полностью контролирую сознание, а во-вторых, сам обращусь к вам попозже, потому что есть такая необходимость.

— Хорошо, — после некоторого молчания прошелестел в наушниках «спрута» голос комиссара безопасности.

Лондон удовлетворенно кивнул.

— До свидания, друзья. Мы еще увидимся... во всяком случае со многими из вас — непременно.

В голове Мальгина сам собой всплыл «бутончик» света, развернулся венчиком и превратился в подмигивающий глаз.

— Майкл, задержитесь на пару минут! — взмолился вдруг Заремба. — Я так долго и тщательно готовил свои вопросы!..

Лондон улыбнулся — губами, не холодно — равнодушно:

— В другой раз.

— Мы бы не хотели вас... — Стобецкий пожевал губами, находясь в замешательстве, — м-м... отпускать. Вы... м-м... пока еще не совсем... м-м... здоровы... понимаете?

Лондон кивнул и... исчез!

Лишь Мальгин да Железовский заметили его движение: Майкл обогнул кресла, пересек зал и вышел, и все это — за одну десятую долю секунды!

Четверо в зале — и тысячи вне его стен — оцепенело дивились на дверь реанимационной камеры, перед которой только что стоял Лондон. «Экзосенс». Потом что-то заухало глубоким басом — засмеялся Железовский. Вылез из кресла, похлопал Мальгина по рукаву:

— Пока, мастер. Похоже, все идет нормально. Понадоблюсь — звони.

Трое медиков остались наедине с тишиной опустевшей реанимационной, потрясенные простотой развязки.

Временами фигура в виоме начинала плыть и размазываться — видеокамеры не успевали переходить на ускоренную съемку и «хватали» рывок ведомого с запозданием. Силуэт мужчины мелькнул на фоне какого-то сооружения, заколебался и пропал. Столбов выключил проектор.

— Он ушел. Словно растворился возле Лос-Анджелесского метро. Сначала побывал дома — подробности неизвестны, потом у друзей, а на третий день, когда жена и дочь вдруг заявили к Мальгину с просьбой «вернуть им мужа и отца», он отправился в филиал Б Северной Америки и у метро... исчез. Вы видели.

— Вы уверены, что он не догадывается о наблюдении?

Инспектор кримрозыска ответил не сразу, колебался.

— Иногда у меня складывалось впечатление, что он знает о слежке, но темп его жизни настолько высок, что не позволяет ему отвлекаться на какие-то маневры. К тому же... — Столбов снова заколебался, формулируя ответ. — Мы ему пока не мешаем.

— Что вы этим хотите сказать?

— Как только мы затронем сферу его интересов, он найдет способ нейтрализовать любое наше действие.

Боянова бросила на собеседника скептический взгляд.

— Он способен нейтрализовать всю службу?

Инспектор остался невозмутим.

— Я имел честь разговаривать на эту тему с Мальгиным, и хирург на пальцах объяснил мне, что такое экзосенс вообще и экзосенс-Лондон в частности. Это страшный противник... если он, конечно, станет противником. И справиться с ним будет очень нелегко... если вообще возможно.

— Мальгин... — задумчиво проговорила комиссар отдела, пропуская мимо ушей последнюю фразу. — Вы верите тому, что он говорит? Он ведь сам — супер, если пользоваться терминологией падких на сенсации журналистов.

— По сообщениям инка, следящего за его состоянием, он интрасенс. — Столбов пошевелил плечами. — То есть человек, у которого заработал ген экстренного резерва и другие не менее экзотические «спящие» гены. Но, с другой

стороны, «черное знание», внедренное ему в мозг Шаламовым, есть внешнее воздействие, и он тоже экзосенс. Таким образом, он обладает конкурирующими структурами памяти, завис посередине между... — Инспектор в замешательстве пошевелил пальцами.

— Между сверхчеловеком и «черным человеком» — подсказала Боянова. — Так?

— Пожалуй. Измени он метаболизм, и родится третий «черный». И все же ему я почему-то верю.

— Вера — это всего лишь другая сторона знания, эмоциональная, духовная, и опираться на нее нам нельзя. Мы еще с интрасенсами не разобрались как следует, а уже приближается волна трансформации человечества под влиянием внешних факторов, а как должна реагировать на это служба безопасности?

Столбов снова пошевелил круглыми плечами, словно разминаясь.

— Интрасенсорика — закономерное явление. Как сказал Аристарх Железовский, интрасенсы — будущее человечества, хотим мы этого или не хотим. Десять тысяч лет назад человек остановился в развитии как индивид и развивался общественно, кооперативно, шло накопление знаний, количественный рост генных нарушений, болезней, экологических ошибок, если хотите, и, наконец, наступил черед экстрасенсов, началась фаза морфологических изменений человека.

— Вы хорошо овладели материалом, Димитр. Может быть, ваш Железовский и прав, интрасенсы — будущее человечества, тем более что их рождается все больше и больше.

— По данным Земстата — более десяти миллионов.

— Но вот вопрос: что останется на долю хомо вульгарис, человека обыкновенного, если интрасенсы вдруг решат изменить условия существования?

Столбов отвел взгляд от лица женщины.

— Они дети своего времени и дети своих родителей, не более того.

— Но как часто наши дети делают нам больно.

— Диалектика отношений отцов и детей... вечна.

Боянова улыбнулась.

— Вы хороший дипломат, Димирт, и молодость этому не помеха. Итак, что мы решаем?

— Отменить «Аргус», Лондон не станет предупреждать дважды, и реакция его вряд ли будет положительной, когда наши «глаза» станут ему надоедать.

— Что ж, соберем совет, обсудим. Но контакта с Мальгиным не теряйте, он — единственное звено, связывающее нас с Шаламовым и Лондоном.

Инспектор ушел.

— Второго, — коротко сказала Боянова, вызвав дежурного.

Заместитель комиссара по космосектору Алексей Шевчук объявился через минуту, он находился на лунной базе отдела.

— Тут я, Власта.

— Выяснил, что делал транспорт маатан в Системе? Умник глубокомысленно намекает на твой запрет на информацию.

— Запрета нет, есть проверка. А транспорт снимал «черных людей».

— И с Нептуна?

— С Нептуна тоже. Ромашин и Железовский обнаружили в Большом темном пятне — кратере водородного вулкана жизнь, что подтверждает гипотезу: маатане были высажены везде, где могла возникнуть разумная жизнь.

— Странный случай. Ученые двести лет изучают Нептун и ничего не обнаружили, кроме бактерий, а им повезло при первом же спуске.

— Следствие закона Мэрфи: чем больше ждешь результата, тем неохотней он получается. И наоборот: находит всегда тот, кому эта находка абсолютно не нужна. Ромашин искал орилоуна... и нашел его, кстати. «Скелет». Интенционал по этому вопросу есть в машине.

— Алекс, это правда, что ваши оперы видели «глазастого» фантома у «серой дыры»?

— Если верить Калине — а я ему верю, — видели. Кажется, это самый загадочный объект во всей истории с «дырой».

— О чем это говорит, по-твоему? Почему он не ушел в Горловину?

— Потому что где-то существует еще одна незаросшая «серая дыра».

— Но может быть и другая причина, например: фантом выполняет какое-то задание здесь, в Галактике. Предупредите службу наблюдения за пространством и СПАСы, может, им удастся засечь его, а нам потом — установить за ним наблюдение.

Шевчук с сомнением посмотрел на комиссара, но та уже, не нуждаясь в его советах, выключила связь. В задумчивости походила по кабинету и не успела снова сесть за

стол, как позвонил Ландсберг. В последнее время Власта начала замечать, что председатель СЭКОНа уделяет ей гораздо больше внимания, чем требуют деловые отношения, хотя это ее волновало мало.

— Добрый вечер, Власта. Я тут проштудировал кое-какую информацию по психологии групп, а также ознакомился с деятельностью неофициальных молодежных организаций типа дилайтменов, «Ордена беруших свое», «Братства зрячих» и других, и не понял главного: что ими руководит? Неудовлетворенные потребности в наш век, век изобилия? Нонсенс! Тогда что?

— К сожалению, общество изобилия породило и изобилие свободного времени, что усугубляет проблему. А ответ на ваш вопрос, Казимир, давно известен, только воплотить это знание в жизнь невероятно сложно и в наш интеллектуальный век. Всеми неформалами, объединяющимися в социально опасные группы, прежде всего руководит ощущение отсутствия смысла жизни. Стремление реализовать уникальный смысл своей жизни имеет далеко не каждый взрослый, а тут молодежь с неустоявшейся психикой, расшатанной ноогенными неврозами. Человек несет в себе бремя темперамента и агрессивности, которые когда-то были необходимы ему для утверждения вида на планете, но, к великому сожалению, эти качества сохранились и до сих пор. Неужели вы этого не знали, Казимир? Не верю.

Ландсберг налился кровью, подыскивая достойный ответ, и вдруг рассмеялся, махнув рукой:

— В общем-то да, знаю, как и любой другой Т-специалист, разве что не смог бы так точно сформулировать диагноз. Но лучшего хода, чтобы увидаться с вами, я не нашел. Хотя, с другой стороны, проблема досуга молодежи заинтересовала меня всерьез, хочу заняться ею плотнее.

— Хорошо, поговорим на эту тему завтра, не возражаете?

— Ради Бога.

Изображение Ландсберга, смущенного, разочарованного, превратилось в струйку света, пропало. Боянова мрачно смотрела перед собой, уже переключив внимание на интересующие ее дела. Чувства председателя СЭКОНа и колебания его любительских и профессиональных интересов ее занимали мало. Сосредоточившись, она включила мысленным усилием стол, надела эмкан и велела кибсекретарю вызвать Ромашина. Секретарь нашел эксперта в Институте пограничных физических проблем.

— На здраве, Игнат.

— Добрый вечер, комиссар.

— По моим сведениям, вы продолжаете заниматься делом Шаламова, хотя служба безопасности такого задания вам не давала. Это как-то сочетается с прямыми обязанностями официала?

Ромашин бросил на Боянову взгляд исподлобья, но тон его речи остался вежливым.

— Юридически я имею право вести любое частное расследование. Поиск Шаламова — мое личное дело, я уже говорил, что в долгу перед ним.

— Но ведь последствия вашего расследования никем не просчитаны, как вы можете рисковать?

— Ошибаетесь, просчитаны.

— Кем же?

— Специалистом своего дела, математиком Железовским. Если удастся отыскать Шаламова раньше, чем он появится на Земле, выигрывают все, в том числе и вы. А Мальгин берется вернуть ему личное «я». После изучения состояния Лондона его институтом накоплен богатый материал, что дает надежду на благополучный исход.

— Но этот материал не помог вылечить Лондона.

— А зачем его надо было лечить? От чего? Он — человек...

— Химера!

— Существо, имеющее две личности, и его появление — в принципе прецедент лишь для юридической науки. Законы, диктующие отношение к нему, не разработаны. Слава Богу, что мы сообразили дать ему право решать свою судьбу самому. Шаламов — другое дело, его сознание фрустрировано, спонтанно переключается с личности человека, больного неврозом кстати, на личность «черного человека», равнодушного ко всему человеческому, и вот тут-то нейрохирург и должен помочь ему овладеть собой.

— И все же вы рискуете, взявшись за это дело один.

— Почему же один? — Терпению Ромашина не было предела. — Со мной Железовский, Мальгин... вы.

Боянова с интересом посмотрела на эксперта.

— Лично? Или имеется в виду служба?

— Лично!

Комиссар засмеялась, покачав головой.

— Вокруг меня одни дипломаты, отрадно, что есть у кого поучиться. Что ж, если понадобится, позовите, но сделайте это вовремя, ошибки исправить труднее.

Ромашин поклонился, связь прервалась.

Вряд ли ему понравилась последняя фраза, подумала Власта, однако он уже дважды ошибался, и нелишне напомнить ему об этом. Значит, и здесь снова всплывает имя Железовского. Этот человек начинает мелькать перед глазами все чаще, что он из себя представляет?

— Собрать интенционал по Аристарху Железовскому, биоматематику ИВК, — приказала комиссар секретарю. — Вызвать Шевчука, Лютого и Маттера на семь утра. Оперативную сводку на стол, сопровождение пси. — И Боянова углубилась в работу, привычно готовя план действий на следующий день.

Через час секретарь выдал заказанную информацию. Комиссар прочитала сообщение и откинулась на спинку кресла, вытянув губы трубочкой. Повторила про себя: интрасенс... Аристарх — интрасенс! Ему-то зачем нужен Шаламов? И как удалось Ромашину привлечь его на свою сторону?

На столе замигали сразу три огонька: два голубых — личные вызовы, один желтый — «подтревожный».

— Кто — личные? — спросила Боянова.

— Дочь и сестра.

— Отвечу минут через пять, давай «мигалку».

Над столом возник объем передачи с фигурой Рене Борда, заместителя комиссара по внутрисоциальным проблемам.

— Вы еще в отделе? Как вы только выдерживаете, Власта?

Если к Шевчуку Боянова относилась как к другу, то к первому заму питала дочерние чувства, несмотря на разность в возрасте, и уже привыкла к его ворчливому тону. Борда имел громадный опыт работы с разными человеческими коллективами, знал статистику преступлений за три века, вел колоссальную работу по профилактике правонарушений и консультантом был незаменимым.

— Два сообщения, — продолжал старик, поняв мимику женщины. — Кто-то готовит выступление общественности, точнее — молодежных анархистских группировок против интрасенсов.

— Это серьезно?

— Очень серьезно. Используются два мотива. Первый: интрасенсы не люди и готовят «революцию», чтобы уничтожить человечество, которое мешает им решать свои нечеловеческие задачи. Второй мотив: будущее интрасенсов — превращение их в монстров типа Шаламова и Лондона, которые особо опасны для простых людей.

— Знакомые формулировки, вы не находите? Кстати, о том, что Лондон вышел из клиники, знают немногие, и если этот факт подается как лозунг, не имеем ли мы утечку информации?

— Вполне может быть, мои ребята уже работают в этом направлении.

— Я думала, негативных реакций на интрасенсов уже не будет, общество привыкло к их появлению как к неизбежному витку эволюции. Кто же стоит за «простыми людьми»?

— Пока неизвестно. Человек это умный, осторожный и хорошо информированный, и, судя по всему, одержим жадной власти, а искать его надо у нас.

— Что?! В отделе?

— И в отделе тоже, но я имел в виду тревожные службы, связанные с предельным психическим напряжением работников: УАСС, пограничников, общественные инспекции.

— Вы говорите страшные вещи, Рене!

Борда провел ладонью по морщинистому лицу, раздвинул губы в улыбке.

— Похоже, это первый раз, когда ты отреагировала как женщина, Власта.

Боянова слегка покраснела, нахмурилась.

— Это что, порицание, похвала?

— Ни то ни другое. Меня всегда поражал тот факт, что ты иногда больше мужчина, чем многие из нас. Не бойся оставаться женщиной, ведь это не умаляет твоих достоинств.

Комиссар справилась с собой, холодно взглянула на заместителя.

— Об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз и в иной обстановке. Второе сообщение?

— Жена Шаламова Купава попала в клинику «Скорой помощи» в Рязани.

— Что с ней?!

— Пси-отравление. По-видимому, она в последнее время увлеклась ви-нарко — музыка, клипы, эйдовнушение и не смогла самостоятельно выйти из транса. Кстати, мы только что узнали: она попала в сферу интересов социозэтической инспекции¹. Придется нам изучить ее окружение, здесь не все чисто.

¹ Специализируется на профилактике социозэтических отклонений в коллективах (фант.).

Боянова помолчала, переваривая сказанное.

— Вы знаете, что у нее ребенок?

— Да, дочь Дарья, от Мальгина. Дочь находится в приюте для «непонимашек»¹ и ни в чем, конечно, не нуждается, но сам факт..

— Дайте координаты клиники, завтра я увижусь с Купавой.

— Зачем?

Боянова озадаченно посмотрела на зама.

— То есть что значит зачем? Хочу поговорить с ней, выяснить причины ее увлечения... или вы не верите в мои психологические способности?

— Верю, но прошу с визитом повременить. Вы должны иметь всю информацию, прежде чем пойдете к ней, это лишь увеличит шанс помочь ей. — Борда умоляюще прижал руку к груди.

Комиссар, колеблясь, смотрела на него вопросительно, кивнула.

— Хорошо, пойду позже, когда вы... разрешите.

Заместитель вздохнул, сделав скорбное лицо: он понимал чувства женщины и на колючие выпады никогда не отвечал.

Разговор закончился.

Боянова вспомнила о личных вызовах, включила виом, и лицо ее при виде дочери разгладилось.

— Мамоочка, я так соскучилась по тебе! — раздался в кабинете звонкий веселый голосок.

Кокос выглядел как и все костюмы этого типа, в таких ходила половина взрослого населения земного шара, настолько удачной, удобной, приспособленной ко всем случаям жизни, красивой и даже элегантной оказалась разработка инженер-модельеров УАСС, специализирующихся на снаряжении и одежде для спасателей. Кокосы для широкого потребления выпускались, конечно, без спецоборудования и компьютерного оснащения, но этот костюм полностью отвечал заказу. Мальгин убедился в этом сразу, как только надел его и включилось сопровождение.

Персональный киб-интеллект кокоса, инк типа «Советчик», носил звучное имя Харитон и хранил в памяти

¹ Детское воспитательное учреждение для детей дошкольного возраста (*жаргон. разг.*).

гигабайтовый запас медицинской информации. Он сразу понял, что требуется другу-хозяину, и Малыгин вздохнул с облегчением: с помощью Харитона он надеялся быстрее овладеть бессознательными процессами просачивания знаний из «черных кладов» памяти, а главное, в моменты «выглядывания» из психики «черного человека» мог записать происходящее и в дальнейшем контролировать собственное поведение.

Кокос имел цвет морской волны, а кармашки, накладки и погончики были более темными, почти черными, пришлось заменить светлые кросс-туфли на черные.

— Неотразим, — проговорил на ухо Харитон; не на ухо, конечно, психосвязь осуществлялась непосредственно с мозгом, но мысли инка воспринимались как шепот.

Малыгин озадаченно повертел в руке тоненькую дужку эмкана, которую собирался надеть на голову, упрятав под волосы. Он услышал пси-передачу инка без антенны!

— Ты хорошо меня слышишь? — спросил он мысленно.

— Нормально, — ответил Харитон. Чему ты удивляешься, интрасенс? Ты теперь весь антенна, приемник и передатчик одновременно, так что привыкай. Кстати, не обладай ты экстрасенсными способностями, вряд ли смог бы подключиться к мозгу Шаламова без аппаратуры, как ты это сделал на Симушире.

— Ты и об этом знаешь?

— Класс обязывает.

Малыгин мысленно пожал руку Харитону, представляя его похожим на Железковского и отца одновременно. Дверь кабинета закрылась за ним.

Из института он отправился сначала домой, поужинал и позвонил отцу, чувствуя раскаяние: обещал звонить почаще, а получается раз в неделю.

— Привет, беглец, — проворчал старик, расчесывая грудь под халатом; он то ли встал недавно, то ли собирался ложиться спать. — Никак я тебе спонадобился?

— Замотался, — развел руками Малыгин, — прости. Что-нибудь случилось? Ты какой-то... смурной. Сердишься?

— Суров — не ладно, смирен — не гораздо, — ответил отец пословицей, не меняя неприветливого тона. — Лучше скажи, как ты относишься к Купаве.

У Малыгина испортилось настроение.

— Как?... Амбивалентно¹, пожалуй. А что?

¹ Амбивалентность — наличие нежных и враждебных чувств одновременно.

— Ты свою заумную медицинскую терминологию оставь! — разгневался старик. — Ты знаешь, где находится твоя дочь?

Клим озадаченно почесал переносицу.

— Она сказала — у мамы... ее мамы...

— Так вот, Дарья сейчас в приюте для «непонимашек»! Что происходит с Купавой? Я хотел с ней побеседовать, но ее нет дома.

— Ну... я выясню, — осторожно сказал Клим. — Не принимай так близко к сердцу, па. В наше время сдача детей в приют — далеко не трагедия, это же не детские дома двадцатого века.

Мальгин-старший налился кровью, хотел что-то сказать, но вместо этого выключил связь со своей стороны. Виом превратился в облако рыбьей чешуи.

Хирург некоторое время вглядывался в это облако, потом покачал головой и сказал вслух:

— А мне она ничего не сказала...

Подумал: придется нанести еще один визит. Он вспомнил самодовольную ухмылку Шумана, пренебрежительную складку губ Гзаронваля-Руцкого — нынешних приятелей Купавы, и настроение испортилось окончательно.

А ведь ее надо забирать, отрывать от этой компании занятых собой суперменов, иначе скатится в пропасть. Ведь начала же она увлекаться наркомусыкой? И Шаламова нет рядом. Ау, Дан, где ты? Лучше бы ты забрал ее с собой, как намеревался давеча, а то примчался, подарил финтифлюшек с загадочными свойствами — и только Митькой звали!..

Мальгину вдруг остро захотелось увидеть Купаву, дотронуться до ее руки, поцеловать волосы...

Стоп! — сказал он сам себе. Успокойся, мастер. Конечно, можно изредка «к колодцам глаз ее ходить на водопой», как говорил поэт, но и только, поцелуи канули в прошлое, осталось лишь лелеять образ печальной феи, страдать и плакать по вечерам...

— Страдание имеет смысл, если ты при этом становишься иным, — сказал кто-то внутри Мальгина.

— Это кто еще? — спросил мысленно Клим, вслушиваясь в тишину памяти. — Кто это сказал? Ты, Харитон?

— Вероятно, это второе или даже третье твое «я», — отозвался инк. — Сложный ты человек, Мальгин, странноприимный — был такой термин. Таким, как ты, обычно трудно жить. Примешь совет?

— Валяй, — хрипло сказал Клим.

— Не устраивай слишком часто тризну по любви, не цикливайся на надежде что-то вернуть, что-то исправить, это невозможно. Строй новый дом и новую жизнь.

— Contra spem spero!¹...

Харитон «вздыхнул» совсем по-человечески (так воспринимался его пси-импульс).

— Ох и тяжело мне придется с тобой, мастер!

Мальгин невольно засмеялся.

— Терпи, советчик. Успокаивать ты умеешь, но вылечить меня от самого себя — вред ли.

Тонкая игла боли вонзилась вдруг в глазное яблоко, проникла в голову, лопнула в ушах. Черная пелена застлала глаза, внутри Мальгина шевельнулся кто-то огромный, тяжелый, бесформенный, угрюмый, проговорил глубоким басом Железковского, так что завибрировали кости черепа:

— Трансформ... глубь... система связей трансформ да!

Перед глазами хирурга на черном фоне высветился сложный узор, напоминающий корневую систему дерева и что-то еще, живое, странно знакомое. Да это же нервная система человека, сразу не узнаешь без контуров тела, сообразил Клим, лихорадочно пытаюсь овладеть гаснущим сознанием.

— Трансформ вектор, — снова загремел голос, — здесь и здесь...

Красная светящаяся стрелка коснулась нервных узлов позвоночника, брюшной полости.

— Здесь да еще...

Стрелка уперлась в мозжечок.

Указанные участки нервной системы налились светом, зашевелились и стали изменяться, пуская отростки во все стороны.

— Нет! — надсадно крикнул Мальгин внутрь себя, напрягаясь до боли в сердце. Кровеносные сосуды превратились в трубопроводы доведенной до кипения крови, казалось, еще мгновение — и они лопнут! Волна боли затопила голову, хлынула через глаза, рот, уши, погасила слабый голос рассудка, и Мальгин провалился в небытие...

Пришел в себя от далекого зова:

— Кли-и-и-м!

Открыл глаза.

Он лежал лицом вниз на ворсистом ковре, поджав руки. Голова была пустой и звонкой как барабан, и бродили в ней странные звуки: шорохи, скрипы, свисточки

¹ Надеюсь вопреки надежде (лат.).

и звоночки — будто работали миниатюрные механические часы. Тело было ватным, рыхлым и необычно большим, словно распухло, увеличилось в объеме.

— Выплыл! — просочился в уши тихий шепот.

— Харитон, ты? — подумал Мальгин. — Что со мной!

— Очередной информационный выброс из «черного клада». До сих пор не понимаю, как ты с ним справился! Буквально запер на замок! Силен, мастер! В состоянии вызвать «скорую»?

— Не надо, я так оклемаюсь, только полежу немного. Все записал?

— Что услышал — записал, но не все понял.

— Потом разберемся, вовремя я тебя подключил.

Мальгина вдруг затрясло. Пришло ощущение полной беспомощности и безнадежности сопротивления. А ведь похоже, что я третий «черный», подумал он со страхом. Иду вслед за Шаламовым и Лондоном. Смогу ли в следующий раз удержаться на грани трансформации? Хватит ли сил? Груз, что во мне, оказывается, гораздо опасней, чем я предполагал, а бороться с ним долго на пределе выносливости я вряд ли смогу.

Цепляясь за диван, он с трудом встал, посмотрел на себя в зеркало.

Или смогу?

Никто не ответил...

Г61 Головачев В.В. Черный человек: Роман. В 2-х книгах. Кн. 1. — «Классическая библиотека приключений и научной фантастики». — М.: Центрполиграф, 1996. — 415 с.

ISBN 5-218-00019-1 (Кн. 1)

Дерзкая, необузданная фантазия автора романа «Черный человек», нашего современника, поистине безгранична, она приобщает читателя к стихии будущих открытий в области освоения и разгадки загадочных внеземных цивилизаций.

ББК 84.Р7

Литературно-художественное издание

Василий Васильевич

Головачев

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Роман

Книга первая

Редактор В.Ф. Турбина

Художественный редактор А.И. Моисеев

Технический редактор В.Ф. Нефедова

Корректор Т.С. Дмитриева

ЛР № 070243 от 21.11.91 г.

Подписано к печати с готовых диапозитивов 23.04.96.

Формат 84×108¹/₂. Бумага книжно-журнальная.

Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84

Уч.-изд. л. 23,4. Доп. тираж 15 000 экз. Заказ 2598.

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

ГМП «Первая Образцовая типография»
113054, Москва, Валуевская ул., 28

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

ЧЕРНЫЙ
ЧЕЛОВЕК

1

